

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

КИТАЙ В МИРОВОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Выпуск XXVI
Ежегодное издание

Москва
ИДВ РАН
2021

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)
К45

Рецензенты выпуска:
д.и.н. Н.Л. Мамаева, д.э.н. А.И. Салицкий

К45 Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI : ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. — М.: ИДВ РАН, 2021. — 464 с.

ISBN 978-5-8381-0397-0

ISSN 2618-6888

Журнал/сборник научных статей «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» издается Институтом Дальнего Востока РАН с 1996 г. Сборник состоит из трех разделов — «Международные отношения КНР. Российско-китайское стратегическое партнерство», «Внешнеэкономическая политика КНР», «История российско-китайских отношений и двусторонних экономических связей».

ХХVI выпуск журнала включает работы сотрудников основных научных центров ИДВ РАН, а также специалистов из иных исследовательских и образовательных учреждений. В этом году авторский коллектива пополнился новыми именами ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Новосибирска.

В книге рассматривается деятельность РФ и Китая в контексте формирования нового мирового порядка, в том числе по линии сотрудничества в ШОС, строительства Большого евразийского партнерства и противостояния угрозам безопасности в Евразии. Также прошло рассмотрение китайской инициативы «Пояс и путь» по различным ее направлениям. Даны характеристика текущей политики КНР в отношении целого ряда ее контрагентов — США, Индии, стран Латинской Америки, Турции и Пакистана, в том числе в условиях пандемии COVID-19.

Особенностью выпуска стал углубленный анализ диалога Пекина и Дели в свете китайско-индийского пограничного конфликта 2020 года, а также новейших, остро актуальных аспектов международного курса КНР, среди которых — цифровая дипломатия Китая и поддержание безопасности страны в условиях рисков, обусловленных внедрением искусственного интеллекта. В экономическом разделе ставится вопрос о применимости для Северной Кореи китайского опыта экономических реформ, что тоже явилось новым моментом в проблематике сборника, так же, как и тема борьбы с изменением климата — еще одной арены противоборства Китая и США.

В выпуске анализируется и новейшая зарубежная научная литература по проблемам внешней политики Китая и ряд аспектов истории российско-китайских отношений, среди которых — гуманитарная и народная дипломатия и культурное сотрудничество Китая с нашей страной.

Ключевые слова: Китай, Россия, Индия, COVID-19, новый мировой порядок, внешняя политика КНР, российско-китайское сотрудничество, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Большое евразийское партнерство, китайско-индийский пограничный конфликт, международная безопасность, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), внешнеэкономические связи, интеграционные проекты, история российско-китайских отношений, народная дипломатия, гуманитарные связи, «мозговые центры».

УДК [327+339.5](510)
ББК 66.5(5Кит)+66.59(5Кит)

© Сафронова Е.И., составление, 2021

© ИДВ РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

ISBN 978-5-8381-0397-0

Редакционная коллегия: д.н., проф. **Алка Ачарья** (Индия); д.ю.н., проф. **Ли Юнхуэй** (КНР); д.и.н., проф. РАН **А.В. Ломанов**; д.и.н., проф. **С.Г. Лузянин**, д.и.н., проф. **С.И. Лунев**; д.э.н., доц. **В.М. Мазырин**; академик РАН, д.э.н. **В.В. Михеев**; Арильд **Му**, к.э.н., проф. (Норвегия); д.полит.н. **В.Е. Петровский**; к.э.н. **Е.И. Сафонова** (отв. ред.-сост.); д.н., проф. **Шаида Уизарат** (Пакистан); к.и.н. **С.В. Уянаев**.

Ежегодное издание сборник научных статей (журнал) «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» выходит с середины 1990-х годов. Тематика журнала (ISSN: 2618-6888) охватывает целый ряд сфер, относящихся к исследованию международных отношений КНР, российско-китайского стратегического партнерства, внешнеэкономической политики Китая и истории его международных связей.

Отрасли науки (разделы рубрикатора ГРНТИ):

- 03.00.00 История. Исторические науки
- 06.51.00 Мировое хозяйство. Международные экономические отношения
- 11.25.40 Региональные проблемы
- 11.25.91 Теория и практика международных отношений, внешняя политика и дипломатия отдельных стран
- 23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

Статьи рецензируются, им присваивается DOI.

Входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Все статьи XXIV и XXV выпусков журнала (за 2019 и 2020 гг.) включены в базу данных Web of Science.

Тел.: +7 (499) 124 00 02
Адрес: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
E-mail: kitvmir@yandex.ru

Статьи отражают авторскую точку зрения, не обязательно совпадающую с мнением издателя. Ответственность за достоверность опубликованных сведений несут авторы.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Far Eastern Studies
(IFES RAS)

**CHINA
IN WORLD
AND REGIONAL
POLITICS**

**HISTORY
AND MODERNITY**

Issue XXVI

Moscow
IFES RAS
2021

China in World and Regional Politics (History and Modernity). Issue XXVI /
Exec. Editor — Elena I.SAFRONOVA. Moscow: Institute of Far Eastern
Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS), 2021.

The journal / collection of scientific articles “China in World and Regional Politics. History and Modernity” has been published by the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) since 1996. The book consists of three sections — “International relations of the PRC. Russian-Chinese Strategic Partnership”, “Foreign Economic Policy of the PRC”, “History of Russian-Chinese Relations and Bilateral Economic Ties”. The XXVI edition of the journal includes works of the staff of the IFES RAS main research centers, as well as specialists from other academic and educational institutions. This year, the team of authors is replenished with seven new names belonging to researchers from Moscow, St. Petersburg and Novosibirsk.

The book examines activities of the Russian Federation and China in the context of the new world order formation via their cooperation in the SCO, construction of the Greater Eurasian Partnership and countering security threats in Eurasia as well. The issue continues consideration of the Chinese Belt and Road Initiative (BRI) in its various directions. It also characterizes current policy of the PRC in relation to a number of its counterparts — the United States, Latin America, Turkey, India and Pakistan, in the context of the COVID-19 pandemic inclusively.

Special feature of the publication is an in-depth analysis of the Beijing — New-Delhi dialogue in the light of the Sino-Indian border conflict-2020, as well as the latest, pressing aspects of the PRC's international course, e.g. China's digital diplomacy and maintaining the country's security under risks posed by the artificial intelligence introduction. The book's economic section raises question of the applicability of China's experience of economic reforms to modern North Korea, what is also a new problem among those considered in the journal. The combating climate change as another arena of confrontation between China and the United States is also being studied. In addition, the issue analyzes the latest foreign scientific literature on China's foreign policy and a number of aspects of the history of Russian-Chinese relations, including humanitarian and people's diplomacy and cultural cooperation between China and our country.

Keywords: China, Russia, India, COVID-19, new world order, China's foreign policy, Russian-Chinese cooperation, Shanghai Cooperation Organization (SCO), Great Eurasian Partnership, Sino-Indian border conflict, international security, Belt and Road Initiative (BRI), foreign economic relations, integration projects, history of Russian-Chinese relations, people's diplomacy, humanitarian ties, “think tanks”.

China in World and Regional Politics. History and Modernity

Founder and Publisher: Institute of Far East Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

This periodical edition/journal (ISSN: 2618-6888) is a peer-reviewed analytical yearbook (collection of research articles) published by the Institute of Far East Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS) since 1996. It provides a solid platform for academics, public figures and practitioners to share their knowledge and assessments of China's international relations, foreign economic activities and diplomatic history.

All articles are assigned Digital Object Identifier (DOI).

The periodical is included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary” and Russian Science Citation Index: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=50496

It is also included in the Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”: [https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremenost](https://cyberleninka.ru/journal/n/kitay-v-mirovoy-i-regionalnoy-politike-istoriya-i-sovremennost)

All articles in XXIV and XXV issues (2019 and 2020) are included in the Web of Science database.

Editorial Board. Alexander V. LOMANOV — Professor of the RAS, Dr. Sc. (History); Alka ACHARYA (India) — Professor; Arild MOE (Norway) — Research Professor; Elena I. SAFRONOVA — Ph.D. (Economics) (Executive Editor, Compiler); Sergey G. LUZYANIN (LOUSIANIN) — Dr. Sc. (History) Professor; Sergey I. LOUNEV — Dr. Sc. (History), Professor; Sergey V. UYANAEV — Ph.D. (History); Shahida WIZARAT (Pakistan) — Dr., Professor; Vasily V. MIKHEEV — Academician of the RAS, Dr. Sc. (Economics); Vladimir M. MAZYRIN — Dr. of Science (Economics), Associate Professor; Vladimir Ye. PETROVSKY — Dr. Sc. (Political Science); Yonghui LI (LI Yonghui) (China) — Dr. Sc. (Law), Professor.

Branch of science (in the Russian Federation):

03.00.00 History. Historical Science

06.51.00 World Economy. International Economic Relations

11.25.40 Regional Problems

11.25.91 Theory and Practices of International Relations,
Foreign Policy and Diplomacy of Individual Countries

23.00.00 Comprehensive Study of Individual Countries and Regions

Contacts. Russian Federation, Moscow, 117997; 32, Nakhimovsky prospect.
Tel. +7 (499) 124-00-02; E-mail: kitvmir@yandex.ru

The authors' opinion may not coincide with the Publisher's point of view. Authors are responsible for the accuracy of their information.

*XX годовщине подписания Договора
о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве
между Российской Федерацией
и Китайской Народной Республикой
посвящается*

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Ломанов А.В.

Китайский взгляд на отношения с Россией и США
в изменяющемся мире 14

Клименко А.Ф.

Взаимодействие России и Китая и роль ШОС
в построении большого евразийского партнерства 31

Тимофеев О.А.

Китайско-американские отношения в 2021 г.:
сложная преемственность 48

Уянаев С.В.

Индийско-китайский пограничный спор:
возможен ли свет в конце тоннеля? 63

Лихачев К.А.

Изменение характера китайско-индийских отношений
на фоне обострения пограничных противоречий: взгляд из Нью-Дели 79

Гордиенко Д.В.

Система международных отношений в XXI веке:
взгляды китайского руководства 97

Васильев Л.Е.

Современные вызовы безопасности в Восточной Евразии
и политика Китая по их нейтрализации 113

Балакин В.И.

Российская государственность, Китай
и евразийская региональная интеграция 126

<i>Wizarat Shahida</i>	
Major Challenges to Belt and Road Initiative (BRI) in 2020—2021 (Уизарат Ш. Основные вызовы инициативе «Пояс и путь» (ИПП) в 2020—2021 гг.)	140
<i>Бевеликова Н.М., Петровский В.Е.</i>	
«Морской Шелковый путь XXI века»: замыслы и реальность	151
<i>Замараева Н.А.</i>	
Китайско-пакистанский экономический коридор: статус 2020—2021 гг.	164
<i>Сафонова Е.И.</i>	
Китайско-латиноамериканские отношения в контексте пандемии COVID-19	179
<i>Виноградов А.О., Муминова С.А.</i>	
Китайско-турецкие отношения: современный этап	200
<i>Асмолов К.В.</i>	
Южная Корея между США и КНР	227
<i>Кулинцев Ю.В.</i>	
Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения	242
<i>Лексютина Я.В.</i>	
Злонамеренное использование искусственного интеллекта: риски для информационно-психологической безопасности Китая	256
<i>Denisov I., Dagaev A., Sultanayev S.</i>	
Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language accounts (Денисов И.Е., Дагаев А.Р., Султанаев С.П. Китайская цифровая дипломатия в пандемический и постпандемический периоды: анализ аккаунтов на русском языке)	274
<i>Селезнева Н.В.</i>	
Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» Китая: проблемы и перспективы развития в новую эпоху	291
<i>Меркулов К.К.</i>	
Внешняя политика Китая в глазах старейшего итальянского «мозгового центра» (аналитический обзор за 2020 год)	306

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

Захарова Л.В.

О международном значении китайского опыта экономических реформ:
применимость для современной Северной Кореи 323

Матвеев В.А.

Борьба с изменением климата — новая арена противоборства
Китая и США 337

Александрова М.В.

Промышленный коридор Харбин—Дацин—Цицикар:
внутренние и внешнеторговые аспекты развития 352

Сазонов С.Л.

Морской транспорт Китая и новые контуры мировых
транзитных перевозок в условиях постпандемии 371

Ван Цзинвэй, Сазонов С.Л.

Особенности работы железнодорожного транспорта Китая
на евроазиатском транзитном пространстве в условиях COVID-19 387

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДВУСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Куликова Г.В.

Страницы истории: российско-китайские отношения
и народная дипломатия (1949—1989 гг.) 396

Верченко А.Л.

Из истории становления советско-китайского сотрудничества
в документальном кино 420

Саркисова Г.И.

К вопросу о проблемах в русско-китайских отношениях
в начале 60-х годов XVIII в. и планах российского правительства
по их урегулированию 433

Шаронова В.Г.

Вклад генерального консула Российской империи в Пекине
Н.Ф. Колесова в укрепление российско-китайских отношений
в конце XIX—начале XX вв. 449

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS OF THE PRC. RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP

Lomanov A.V.

- China's View on Relations with Russia and the United States
in a Changing World 14

Klimenko A.F.

- Interaction between Russia and China and the role of the SCO
in the construction of Greater Eurasian Partnership 31

Timofeev O.A.

- Sino-US Relations in 2021: Complex Continuity 48

Uyanayev S.V.

- China-India border dispute: light at the end of the tunnel? 63

Likhachev K.A.

- The changing nature of Sino-Indian relations against the rising
border tensions: view from New Delhi 79

Gordienko D.V.

- The system of international relations in the XXI century:
views of the Chinese leadership 97

Vasiliev L.Ye.

- Contemporary security challenges in Eastern Eurasia
and China's policy to neutralize them 113

Balakin V.I.

- Russia's statehood, China and Eurasian regional integration 126

Wizarat S.

- Major Challenges to Belt and Road Initiative (BRI) in 2020—2021 140

<i>Bevelikova N.M., Petrovsky V.Ye.</i>	
“Maritime Silk Road of the XXI Century”: Concepts and Reality	151
<i>Zamaraeva N.A.</i>	
China-Pakistan Economic Corridor: Status 2020—2021	164
<i>Safronova E.I.</i>	
Chinese-Latin American Relations in the Context of the COVID-19 Pandemic	179
<i>Vinogradov A.O., Muminova S.A.</i>	
Sino-Turkish relations: modern stage	200
<i>Asmolov K.V.</i>	
South Korea between China and the USA	227
<i>Kulintsev Yu.V.</i>	
“Dual circulation” strategy and its influence on Russian-Chinese relations . . .	242
<i>Leksyutina Ya.V.</i>	
Malicious use of artificial intelligence: risks to China's information and psychological security	256
<i>Denisov I., Dagaev A., Sultanayev S.</i>	
Chinese digital diplomacy in the pandemic and post-pandemic times: Analysis of the Russian-language accounts	274
<i>Selezneva N.V.</i>	
Confucius Institutes as a tool of China's «soft power»: Problems and Prospects of Development in a New Era	291
<i>Merkulov K.K.</i>	
The oldest Italian “think tank” on China's foreign policy: analytical survey for 2020	306

FOREIGN ECONOMIC POLICY OF THE PRC

<i>Zakharova L.V.</i>	
International Significance of the Chinese Experience of Economic Reforms: Applicability for Contemporary North Korea	323
<i>Matveev V.A.</i>	
Struggle against climate changes as a new arena of China-US confrontation	337

Alexandrova M.V.

- Harbin—Daqing—Qiqihar Industrial Corridor:
Domestic and Foreign-Trade Development Aspects 352

Sazonov S.L.

- China's maritime transport and new contours of global transit traffic
in post-pandemic conditions 371

Wang Jingwei, Sazonov S.L.

- Features of China's railway transport in the Eurasian transit
space in the context of COVID-19 387

HISTORY OF RUSSIAN-CHINESE RELATIONS AND MUTUAL ECONOMIC TIES

Kulikova G.V.

- Pages of History: Russian-Chinese Relations and People's
Diplomacy (1949—1989) 396

Verchenko A.L.

- From the history of Soviet-Chinese cooperation in documentary cinema 420

Sarkisova G.I.

- On the problems in Russian-Chinese relations in the early 60s
of the XVIII century and plans of the Russian government to resolve them 433

Sharonova V.G.

- The contribution of the Consul General of the Russian Empire
in Peking N.F. Kolesov to the strengthening of Russian-Chinese
relations in the late XIX — early XX centuries 449

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР. РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-14-30

А.В. Ломанов

КИТАЙСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОТНОШЕНИЯ С РОССИЕЙ И США В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Аннотация. В статье рассмотрены вышедшие в свет в 2020 г. публикации ведущих китайских ученых-международников по проблемам взаимодействия в «треугольнике» Россия—Китай—США. Китайские авторы полагают, что в мире произошел глобальный политический раскол и затяжное противостояние США с Китаем и Россией воспроизводит многие черты холодной войны. Использование Америкой идеологического противопоставления либерализма и авторитаризма для нападок на оппонентов, продвижение Индо-тихоокеанской стратегии, создание новых эксплюзивных многосторонних механизмов способствуют появлению новых барьеров. Вместе с тем, воссоздание «треугольника» в прежнем виде маловероятно. Отношения Китая и США включают в себя как соперничество, так и сотрудничество. Москва не пожертвует стабильными отношениями стратегического партнерства с КНР ради переменчивых отношений с США. Америка не собирается платить неподъемную цену за «объединение с Россией для сдерживания Китая», но будет всеми силами препятствовать развитию китайского военного потенциала и росту российской экономики. Смягчение американской

политики в отношении России способно повлиять на российско-китайские отношения. Однако преодоление тупика в российско-украинских отношениях и укрепление сотрудничества между РФ и ЕС отвечают интересам Китая. Основная тревога китайских экспертов связана с американской стратегией «размежевания Китая и России» путем наращивания издержек из-за продолжения китайско-российского сотрудничества либо путем увеличения выгод от отказа от него. Российско-китайское стратегическое партнерство столкнется с серьезным испытанием, если мощь Китая снизится, а экономические выгоды от сотрудничества между Россией и Китаем уменьшатся. Китайские эксперты подчеркивают, что соперничество КНР и США обостряется и в этой ситуации России придется сделать выбор, исходя из того, что в случае поражения Китая она неизбежно станет для США следующей мишенью. Понимание долгосрочного затяжного характера противостояния с США побуждает китайских ученых более внимательно и заинтересованно подходить к анализу перспектив сотрудничества с Россией. Вместе с тем, очевидны опасения того, что американской стороне удастся внести раскол в российско-китайские отношения, существенно ухудшив позиции Китая в мировой политике.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, США, стратегический «треугольник», экономическое сотрудничество, безопасность, комплексная мощь.

Автор: Ломанов Александр Владимирович, доктор исторических наук, профессор РАН, руководитель Центра Азиатско-тихоокеанских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН; главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: a_lomanov@hotmail.com

A.V. Lomanov

**China's View on Relations with Russia
and the United States in a Changing World**

Abstract. The article examines publications of leading Chinese international studies' scholars on problems of the Russia — China — US “triangle” that appeared in 2020. Chinese authors assume that global political split and protracted confrontation of the US with China and Russia reproduce many features of the Cold War. America's use of the ideological opposition to liberalism and authoritarianism in order to attack oppo-

nents, promotion of the Indo-Pacific strategy, creation of new exclusive multilateral mechanisms erect new barriers. At the same time, the resurrection of the “triangle” in its original form is unlikely. The relationship between China and the US combines rivalry with cooperation. Moscow has no motivation to sacrifice its stable strategic partnership with China for the sake of a volatile relationship with the US. America is not ready to pay an unbearable price for “uniting with Russia to contain China”, but will do its best to hinder the development of Chinese military capabilities and the growth of the Russian economy. Softening of American policy towards Russia could affect Russian-Chinese relations. However, strengthening cooperation between Russia and the EU, along with normalization of Russian ties with Ukraine, are in China's interests. Main concern of Chinese experts are related to the American strategy of “splitting China and Russia”. Russia-China strategic partnership will face a major test if China's power declines and the economic benefits of bilateral cooperation diminish. Chinese experts emphasize that the rivalry between China and the US is escalating, and in this situation Russia will have to make a choice based on the fact that if China is defeated, the RF will inevitably become the next target for the US. Understanding the long-term protracted nature of the confrontation with the US, prompts Chinese experts to take a more attentive and interested approach to the analysis of the prospects for cooperation with Russia. At the same time, obvious fears are growing that the American side will be able to split Russian-Chinese relations, thus significantly worsening China's stance on the international scene.

Keywords: Russian-Chinese relations, United States, strategic “triangle”, economic cooperation, security, comprehensive national power.

Author: Alexander V. LOMANOV, Dr. Sc. (History), Professor of the RAS, Head of the Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Рост напряженности в отношениях США с Россией и Китаем все чаще заставляет экспертов вспоминать о «треугольнике» эпохи холодной войны. Большое внимание привлекает тема перерастания российско-китайского партнерства в полноценный союз.

Российские исследователи относятся к перспективе военного союза РФ и КНР с опасением, хотя и не исключают его появления в

случае дальнейшего нарастания создаваемых Вашингтоном угроз безопасности для обеих стран. Предполагается, что Россия обеспокоена как военными, так политическими аспектами американской угрозы. Китай более уверен в устойчивости своей модели развития и в «собственной государственной самодостаточности», однако у него нет возможности вести с США равноправный диалог по проблемам разоружения. Это различие позволяет «подкреплять друг друга в разных направлениях давления на США: Россия — в плане контроля над вооружениями, Китай — в экономике и технологии» [Труш, с. 13].

Поставлен вопрос о том, в какой мере сближение России и Китая «является долгосрочным трендом в развитии международных отношений в сфере политики, экономики и в области военных отношений» [Взаимоотношения..., с. 11]. Обоснованно указано на одностороннее внимание исследователей к проблемам отношений РФ и США при недостатке комплексных работ, охватывающих российско-американо-китайские связи в динамике и целостности.

Восполнению этого пробела способствует изучение взглядов современных китайских экспертов. На этой основе можно более точно и адекватно прогнозировать развитие российско-китайских отношений, оценивать перспективы внешней политики КНР. В статье рассмотрены публикации ведущих китайских ученых-международников, вышедшие в свет в 2020 г.

Профессор Фуданьского университета Чжоу Хуашэн полагает, что отношения КНР, РФ и США определяют формирование международного порядка. По его мнению, Китай сумел вписаться в созданный Западом либеральный порядок и не является главным виновником его упадка. Россия выступает в защиту послевоенного миропорядка, но в Грузии и на Украине она жестко ответила на стратегическое наступление США, что привело к дальнейшему ослаблению международного порядка. Главную ответственность за разрушение либерального порядка ученый возложил на США, пре-небрегающие международным правом и вмешивающиеся в дела других стран. Стороны называют друг друга «разрушителями» международного порядка, политический раскол уже произошел: США выступают против КНР и РФ.

Исследователь подчеркнул, что взгляды Китая и России во многом совпадают, но между ними есть стилистические различия. Россия четче формулирует свои теоретические концепции, более последовательно критикует подходы США и Запада к международному порядку, вместе с тем, она демонстрирует признаки «дуалистического мышления». Китайские формулировки более расплывчаты, в них нет четкого разделения черного и белого, им присущи характеристики менталитета «золотой середины». В практических действиях Россия более радикальна и революционна, она следует пословице «С волками жить — по-волчьи выть» и может не связывать себя правилами, если их нарушает Запад. Китай относительно консервативен, он добивается постепенных улучшений, старается «преодолевать жесткое с помощью мягкого», «не делает другому того, чего не желает себе», придерживается правил. Однако ученый признал, что изменение глобальной ситуации усиливает в китайской дипломатии элементы открытой борьбы «острием против острия» [ЧжАО Хуашэн, с. 11].

Используя терминологию китайских экономических реформ, исследователь заявил, что к строительству международного порядка КНР подходит «со стороны предложения», создавая новые концепции и механизмы («Пояс и путь», Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и т. д.). У России «способность предлагать новые элементы относительно слаба и недостаточна для предоставления альтернативных общественных благ». Причина не в нехватке воображения и новых идей, а в ограниченности национальной мощи России, отсутствии достаточных ресурсов и привлекательности. Китайский взгляд на международный порядок проистекает из традиционного идеала «Великой гармонии», ему свойственны идеализм и позитивные ожидания. Воззрения России сформировались в противостоянии с США и потому содержат больше pragматических элементов [ЧжАО Хуашэн, с. 11].

Поскольку соперничество США с КНР и РФ не позволит установить единый международный порядок, то возможны три варианта развития событий.

1. **Фрагментация**, на деле означающая международный беспорядок, при котором крупные державы неспособны достичь компромисса и создать устойчивые многосторонние структуры. Ни одна из

трех держав не поддерживает этот сценарий и предпочитает упорядоченное состояние международного порядка.

2. Плюралистический международный порядок, обеспечивающий сосуществование многообразных компонентов. Этот подход соответствует устремлениям КНР и РФ, выступающих за инклюзивный миропорядок, мирное сосуществование, повышение глобального статуса растущих экономик. В этом случае незападные страны получат возможность обрести равенство с Западом и жить в гармонии с ним. Подход Китая отражен в идее «сообщества судьбы человечества», которая превосходит противоположность социализма и капитализма, различия Востока и Запада: «Россия не предложила сходной макро-абстрактной концепции, но ее мысли близки к китайским» [Чжоу Хуашэн, с. 16].

3. «Новая система Восток—Запад» возникает из затяжного противостояния США с КНР и РФ, она воспроизводит многие черты холодной войны. Ученый подчеркнул, что инициатором нового противостояния являются США. Китай и Россия противодействуют этому, но могут оказаться втянутыми в данную конфигурацию помимо своей воли. Использование Америкой идеологического противопоставления либерализма и авторитаризма для нападок на оппонентов, продвижение Индо-тихоокеанской стратегии, создание новых эксклюзивных многосторонних механизмов — все это усугубляет глобальный раскол и способствует появлению новых барьеров.

На фоне интенсификации противостояния идеологий и институциональных моделей важно, что Россия не является социалистическим государством. «Поэтому идеологический антагонизм между США и Россией легко ослабить, особенно в случае смены российского лидера или потепления отношений между США и Россией». По мнению китайского ученого, многие российские аналитики настроены поддержать Китай, но при этом надеются, что Россия сможет занять выгодное место обезьяны, «сидящей на горе и наблюдающей за схваткой тигров» [Чжоу Хуашэн, с. 23].

Исследователь обеспокоен попытками США проводить в отношении КНР и РФ политику «разделяй и властвуй», «объединиться с Россией для контроля над Китаем». Рост разрыва уровней нацио-

нальной мощи между Китаем и Россией способен привести к тому, что взгляды двух стран на международный порядок начнут расходиться, а это приведет к ослаблению их «единого фронта». Ныне важным общим интересом Китая и России является защита собственной политической безопасности от исходящих от США угроз. Если США станут более терпимыми к политической власти РФ, степень американской угрозы политической безопасности России снизится, а фундамент общих интересов Пекина и Москвы в этой сфере ослабнет. «Это также может повлиять на некоторые связанные с этим концепции двух стран по проблемам международного порядка и в свою очередь на определенные общие положения, которых придерживаются две страны, но это не означает поворота вспять китайско-российских отношений в целом» [ЧжАО Хуашэн, с. 24].

Профессор Школы истории Пекинского педагогического университета Ли Син уверен, что возвращение к «большому треугольнику» второй половины XX века невозможно, поскольку отношения КНР и США включают в себя как соперничество, так и сотрудничество. Москва не встанет на сторону Вашингтона, поскольку не захочет жертвовать стабильными отношениями стратегического сотрудничества с КНР ради переменчивых отношений с США. Да и Америка не собирается платить неподъемную цену за «объединение с Россией для сдерживания Китая». Пекин и Москва не хотят возвращаться к менталитету и тактике времен холодной войны, создавая альянс для совместного противостояния Америке. К появлению такого союза может привести лишь «серьезная стратегическая ошибка» США [Ли Син, с. 63].

По мнению исследователя, КНР и США не являются противниками, между ними сформировались рациональные отношения «соперничества-сотрудничества» крупных держав в новую эпоху. Он рекомендовал создавать «нормальные рациональные отношения нового типа между крупными державами», избавленные от опасных сюрпризов и крайностей, мешающих поиску компромиссов. Однако пределы для компромисса не безграничны, поскольку Китай не может отказаться от развития и превратиться в «лишенную сил и потенциала безвредную страну», а США не готовы добровольно лишиться глобальной гегемонии и мирового лидерства [Ли Син, с. 64].

КНР и РФ создали «квази-альянс» без формальных обязательств, обеспечивающий оптимальное сочетание стабильности и гибкости взаимодействия. Сближению способствуют постоянное разрешение противоречий между двумя странами, высокая степень сходства внешней среды и внешних стратегий. Различие в том, что когда дело доходит до защиты собственных политических интересов, Россия более охотно выбирает жесткие меры и проявляет инициативу, а Китай более осторожен. Две страны «поддерживают друг друга и в основном придерживаются одинаковых позиций по вопросам, касающимся их основных политических интересов, но редко помогают друг другу по существу» [Ли Син, У Сай, с. 32].

С китайской точки зрения, ограниченность «помощи по существу» соответствует отношениям «квази-альянса». По проблемам Тайваня и Южно-Китайского моря Россия «в основном поддерживает» Китай, «по крайней мере, не выступает против него». Китай непублично поддерживает Россию по вопросам Крыма и Украины. Дело ограничивается выражением отношения или моральной поддержки по отдельным вопросам, но с учетом мощи и международного влияния двух стран подобная поддержка имеет определенный политический вес [Ли Син, У Сай, с. 33]. «Квази-альянс» позволяет странам доверять друг другу по основным интересам безопасности, избегая вовлечения в сложные политические отношения в регионе и не допуская чрезмерного расходования сил и ресурсов.

По уровню национальной мощи отрыв Америки от Китая и России постепенно сокращается, что будет способствовать активизации соперничества в «треугольнике». КНР воспринимает непрестанное укрепление своей комплексной мощи как основу поддержания с США стабильных отношений, в максимальной степени соответствующих китайским интересам. «Стабилизатором китайско-американских отношений являются не торгово-экономические отношения, а мощь Китая. Лишь когда Китай накопит достаточную мощь, он сможет оказывать реальное влияние на американские интересы, только тогда появится возможность побудить США уважать международные интересы Китая» [Ли Син, У Сай, с. 35].

На этой основе эксперты предлагают Пекину продолжать укреплять стабильные отношения с Москвой, своевременно устранивая из

них «элементы дисгармонии». Одновременно следует держать под контролем разногласия и противоречия в отношениях с Вашингтоном, демонстрировать решимость в защите своих интересов, повышать издержки США при нанесении ущерба интересам Китая. В перспективе отношения Китая с Россией будут лучше, чем с Америкой. Причина в том, что проблемы между КНР и РФ в основном экономические, тогда как между КНР и США — политические. Эксперты полагают, что политические вопросы в международных отношениях решать сложнее, чем экономические.

Китай силен в экономике и слаб в военном деле. Россия обладает мощными вооруженными силами, но экономика является ее слабым местом. Американская сторона готова приложить все усилия, чтобы соперники оставались «хромоногими» державами, неспособными избавиться от недостатков. Для этого США будут препятствовать развитию китайского военного потенциала и росту российской экономики.

По мнению экспертов, национальный характер Китая мягок, внутри страны есть пространство для «проамериканских сил», китайская дипломатия успешна в стиле боевого искусства «тайцзи». Храбрость русского национального характера позволяет Москве использовать на международной сцене боксерские приемы. В долгосрочной перспективе у США меньше возможностей применять военную силу, чтобы задеть Россию, но больше шансов силой надавить на Китай. С другой стороны, у американцев больше возможностей использовать экономику, чтобы расколоть Россию, но не Китай. Страгетическое соперничество между Китаем и США неизбежно. В этих условиях Китаю необходимо использовать стратегическую координацию с Россией как ответ на стратегическое «соперничество-сотрудничество» с США. Страгетическое сотрудничество с Россией должно уравновешивать — но не противодействовать — стратегической конкуренции КНР с США. Эти усилия в сфере международного взаимодействия «касаются национальной судьбы Китая» [Ли Син, У Сай, с. 37].

Китайские аналитики внимательно наблюдают за динамикой отношений России со странами Запада. Ван Сяньцзюй (Центр исследований развития при Госсовете КНР) исходит из того, что эти отношения серьезно ухудшились после украинского кризиса, но в

2019 г. наступило потепление. Он высказал предположение, что с 2020 г. улучшение продолжится. Исследователь отметил, что корректировка американской политики в отношении России способна повлиять на российско-китайские отношения. Однако преодоление тупика в российско-украинских отношениях и укрепление сотрудничества между РФ и ЕС отвечают интересам Китая, который будет «с оптимизмом смотреть на их успех».

Эксперт исходил из того, что в 2019 г. администрация Трампа сосредоточила усилия на сдерживании Китая, при этом отношения США с Россией начали улучшаться. «Чтобы изолировать Китай, США начали перетягивать на свою сторону Россию» [Ван Сяньцзюй, с. 114]. Ограниченнное улучшение отношений России с США окажет определенное негативное влияние на связи РФ с КНР. Эксперт опасается, что на этом фоне в России и США активизируются недружественные по отношению к Китаю силы, готовые устраивать провокации в российско-китайских отношениях, подрывать российско-китайскую дружбу, использовать шанс для сдерживания развития Китая [Ван Сяньцзюй, с. 118].

Привлекает внимание обеспокоенность китайского автора рассуждениями российских исследователей о том, что изменения в стратегии и тактике США поставили Россию в более выгодное положение в игре великих держав, ее свобода действий и гибкость в международных делах увеличились. Вслед за смягчением отношений между РФ и США внутри России «некоторые контролируемые Западом СМИ, проамериканские ученые и эксперты снова оживились, стало больше сообщений и статей, принижающих Китай и бросающих тень на российско-китайские отношения» [Ван Сяньцзюй, с. 115].

Однако, с китайской точки зрения, США будет трудно перетянуть Россию на свою сторону, а отношения КНР и РФ не настолько хрупкие. Хотя «прозападная “интеллектуальная элита”» существовала в России всегда, она является меньшинством в российском обществе, большинство одобряет и поддерживает «большое евразийство» Путина, политику добрососедства, дружбы и сотрудничества с Китаем [Ван Сяньцзюй, с. 116].

Улучшение отношений между Россией и Европой соответствует интересам Китая, поскольку напряженность между ними выгодна

лишь США. ЕС уготовано стать одним из полюсов будущего много-полярного мира, поэтому необходимо укреплять сотрудничество между Россией и Европой, Китаем и Европой. Китайский эксперт уверен, что улучшение связей с ЕС не приведет к замедлению российского «поворота на Восток», в который были вложены большие усилия и который уже начал приносить результаты. Он сделал вывод о невозможности вернуться к тесным отношениям РФ—ЕС, какими они были полтора десятилетия назад.

На этом фоне Китай заинтересован в улучшении отношений РФ с Украиной, что позитивно скажется на китайско-украинских связях, которые, как напомнил китайский автор, неплохо развивались до украинского кризиса. После кризиса Китай дистанцировался от Украины ради сохранения и развития партнерства с Россией. «Хотя Киев выражал большой энтузиазм по поводу инициативы “Один пояс, один путь” и был готов сотрудничать в таких областях, как морские порты, транспорт, сельское хозяйство и т. д., китайская сторона приняла во внимание чувства российской стороны и отклонила многие предложения украинской стороны. Визиты на высшем уровне между двумя странами также были временно приостановлены» [Ван Сяньцзюй, с. 118]. В реальности причины ослабления сотрудничества между Пекином и Киевом намного сложнее: они включают в себя смену геополитической ориентации Украины и рост американского влияния на ее политику.

Наибольшая тревога китайских экспертов связана с американской стратегией «размежевания Китая и России». Жуань Цзяньгин (Уханьский университет) полагает, что стратегия создания раскола между союзниками выступает как альтернатива одновременному давлению США на КНР и РФ. Эта цель может быть достигнута как путем наращивания издержек из-за продолжения китайско-российского сотрудничества, так и путем увеличения выгод от отказа от него.

Попытки американцев «раз ударить, раз притянуть к себе», то есть использовать метод «кнута и пряника», китайские эксперты возводят к временам администрации Б. Обамы. Они полагают, что в условиях интенсификации соперничества внутри «треугольника», США вряд ли смогут достаточно быстро пойти на уступки, способные произвести впечатление на Россию. Эпоха «игры с нулевой сум-

мой» ушла в прошлое, и это снижает эффективность стратегии «размежевания», а успехи в развитии отношений РФ и США не обязательно обернутся отчуждением между РФ и КНР. «Даже если Россия не сможет одновременно принять во внимание чувства Китая и США, вероятнее всего, она будет извлекать выгоды с обеих сторон, но не повернется к Западу» [Гуань Цзяньпин, Линь Ичжай, с. 65].

Пока китайско-американское соперничество не переросло в открытую вражду, США не станут рисковать, поддерживая одного оппонента ради уравновешивания другого. Постоянно растущая экономическая зависимость между Китаем и Россией увеличивает цену потребных вложений США в «размежевание Китая и России». Позитивное взаимодействие РФ и КНР снижает количество конфликтов интересов, которые могут использовать США. Внутри России ширится понимание того, что Китай не посягает на российский Дальний Восток и является важным экономическим партнером [Гуань Цзяньпин, Линь Ичжай, с. 70].

По мнению китайских авторов, ныне российские власти и академические круги не поддерживают американскую идею сближения против Китая, их ожидания связаны с дальнейшим развитием стратегического сотрудничества с КНР. Однако в долгосрочной перспективе нужно быть бдительными в отношении скрытых помех, которые может породить американская стратегия «размежевания Китая и России». Если США удастся с помощью «экономической игры» ослабить привлекательность китайской экономики, это может снизить размер получаемых Россией от сотрудничества с КНР экономических выгод, и как следствие, подорвать интерес Москвы к стратегическому партнерству с Пекином. Другим стимулом укрепления сотрудничества РФ с КНР является давление на Россию в сфере безопасности со стороны США и НАТО, а также нанесенный после украинского кризиса ущерб политической репутации России. Если США смогут ослабить давление на безопасность РФ и приложат усилия для повышения ее международной репутации, мотивация к укреплению сотрудничества с Китаем также может ослабнуть.

«В истории не были редкостью конфликты на китайско-российской границе, исторические воспоминания и эмоции двух сторон не всегда положительные. В то же время Россия всегда была очень

близка к Вьетнаму и Индии, у которых с Китаем по Южно-Китайскому морю и Кашмиру стратегические расхождения. На уровне экономики экономическая мощь Китая и России неодинакова, а это означает, что Китай будет принимать на себя роль вносящего больший экономический вклад в стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией. Если под экономическим давлением Запада Россия увеличит свои запросы к Китаю, ему придется потратить еще больше ресурсов. Если развитие Китая будет тормозиться под экономическим давлением, это усилит ресурсное давление на собственное развитие. Исходя из исторического опыта предполагается, что США будут продолжать создавать и расширять размежевание интересов в сферах безопасности и экономики между Китаем и Россией» [Гуань Цзяньпин, Линь Ичжай, с. 70].

Эксперты рекомендуют Китаю укреплять свой потенциал и работать над сближением с Россией путем углубления экономического и технологического сотрудничества. Одновременно в международном экономическом сотрудничестве Пекину следует сохранять открытость в отношении США для уменьшения американской враждебности. Российско-китайское стратегическое партнерство столкнется с серьезным испытанием, если мощь Китая снизится, а выгоды от сотрудничества между Россией и Китаем уменьшатся. Поэтому первостепенное значение в обеспечении долгосрочного стратегического взаимного доверия между двумя странами принадлежит устойчивому развитию их экономического сотрудничества.

Ли Юнхуэй (Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН) подчеркивает, что при Трампе США вернулись к идеи соперничества между крупными державами, они рассматривают Китай и Россию как стратегических конкурентов и угрозу номер один. «Россия — стратегический партнер Китая в противодействии сдерживанию США. Траектория развития китайско-российских отношений показывает, что фактор США всегда играл роль в продвижении и торможении китайско-российских отношений. Из-за колоссального давления со стороны США китайско-российское стратегическое сотрудничество постоянно поднимается к новым высотам» [Ли Юнхуэй, с. 59].

По мнению ученого, следует искать более глубокие модели сотрудничества РФ и КНР в сферах региональной безопасности, противодействия сепаратизму, информационных и космических технологий, энергетики, сельского хозяйства. Соперничество КНР и США обостряется, и в этой ситуации России уже не приходится расчитывать на роль посредника между ними. Она также не сможет «сидеть на горе и смотреть на схватку тигров». Россия должна будет сделать выбор, четко осознавая, что если в китайско-американском соперничестве проиграет Китай, то следующей мишенью неизбежно станет Россия [Ли Юнхуэй, с. 60].

Преодолению опасений по поводу возможного «поворота от Востока» способствует изучение динамики внешней политики России. Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет) отметил, что за два десятилетия пребывания Путина у власти в этой сфере произошли большие изменения. На место стремления России в «Большую Европу» пришло строительство «Большой Евразии», развернулись поиски новых рамок для трехсторонних отношений РФ, КНР и США. И с этой позиции стремление России возвыситься над схваткой вполне объяснимо.

Ученый отметил, что начиная с 1980-х годов всякий раз, когда в России и США к власти приходил новый лидер, за этим следовали выражения стремления к добрым отношениям между двумя странами и попытки продвинуть реформирование России по западному образцу. Однако из-за идеологической и geopolитической конфронтации эти цели не были достигнуты. Российские элиты и народ накопили богатый опыт, который позволяет им более не повторять старые ошибки. По мнению китайского исследователя, выступления российских чиновников и экспертов свидетельствуют, что Москва не приемлет попытки США спровоцировать «новую холодную войну» и безосновательно подавлять Китай, она также не станет для США инструментом подавления Китая. Россия не хочет выбирать одну из сторон, но готова осуществлять координацию, аналогичной позиции придерживается большое количество «промежуточных стран». «На деле независимость, верховенство суверенитета, выбор сконцентрированного и сбалансированного подхода к сложным отношениям, поиск устойчивой превосходной позиции для обеспече-

ния стабильности обстановки могут стать важными факторами, позволяющими современному миру избежать конфронтации, избавиться от кризиса» [Фэн Шаолэй, с. 8].

Австралийский аналитик китайского происхождения Бобо Ло, некогда охарактеризовавший партнерство РФ и КНР как «ось по расчету» (axis of convenience), представил свой взгляд на роль двух стран в современном международном порядке. По его мнению, Китай является «системным игроком» и заинтересован в стабильном функционировании механизма, тогда как Россия якобы пытается «обойти систему» и стремится к созданию «контролируемой напряженности». Это различие не мешает сотрудничеству двух стран, но вместе с тем не позволяет им совместно построить «пост-американский мировой порядок» [Lo, p. 315].

Эксперт полагает, что партнерство Москвы и Пекина воплощает традиционные отношения крупных держав, основанные на геополитике и безопасности. Направленность против США лишает его привлекательности в глазах третьих стран. РФ и КНР могут попытаться убедить внешний мир в своих добрых намерениях, если совместно займутся решением позабытых Западом проблем климатических изменений и глобальной бедности. «Это потребует мышления за рамками конвенционального — и эгоцентричного — понимания национальных интересов, более щедрого взгляда на глобальные блага» [Lo, p. 322]. Очевидная проблема этой рекомендации в том, что сохранение наступательной «конвенциональной» и «эгоцентричной» политики США будет ограничивать возможности России и Китая в создании нового формата партнерства, нацеленного на служение интересам человечества.

Можно видеть, что китайское экспертное сообщество осознает глубину и масштаб происходящих в мире перемен, ищет пути адаптации политики КНР к новой реальности. Понимание долгосрочного затяжного характера противостояния с США побуждает еще более внимательно и заинтересованно подходить к анализу перспектив сотрудничества с Россией. Вместе с тем, очевидны опасения того, что американской стороне удастся внести раскол в российско-китайские отношения, существенно ухудшив позиции Китая в мировой политике.

Библиографический список

Взаимоотношения России—Китая—США в рамках стратегического треугольника / отв. ред. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2020. 288 с.

Труш С.М. Россия—США—Китай: резоны и риски российско-китайского военного сближения // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 3. С. 5—24. DOI:10.31857/S268667300008591-0.

Ван Сяньцзюй. Элосы юй Мэй Оу гуаньси бяньхуа цзи дуй Чжунго дэ инсян : [Изменения в отношениях России с США и Европой и их влияние на Китай] // Элосы сюэкань. 2020. № 2. С. 105—120. (На кит. яз.).

Жуань Цзяньпин, Линь Ичжай. Мэйго фэнхуа Чжун Э юй Чжунго дэ юин сыкао : [Размышления об американском размежевании Китая и России и предельной реакции Китая] // Бяньцзе юй хайян яньцю. 2020. № 2. С. 59—72. (На кит. яз.).

Ли Син. Шэнъкэ лицзе даго чжи цзянь дэ цзинчжэн юй хэцзо : [Глубоко понимать соперничество и сотрудничество между крупными государствами] // Жэнъминь лунътанси Сюэшу цяньянь. 2020. № 7. С. 58—65. (На кит. яз.).

Ли Син, У Сай. Ши си «и дай и лу» куанцзя ся дэ Чжун Мэй Э саньцзяо гуаньси : [Анализ отношений в треугольнике Китай—США—Россия в рамках «Одного пояса, одного пути】 // Жэньвэнь цзачжи. 2020. № 6. С. 26—37. (На кит. яз.).

Ли Юнхуэй. Сян хоу Пуцзин шидай году шици дэ Чжун Э гуаньси цзи Мэйго иньсу : [Китайско-российские отношения и фактор США в переходный период к эпохе после Путина] // Дунбэй Я сюэкань . 2020. № 2. С. 52—61. (На кит. яз.).

Фэн Шаолэй. Пуцзин чжичжэн 20 нянь юй Элосы дуйвай чжанлью синь дунсян : [20 лет правления Путина и новые направления внешней стратегии России] // Даньдай шицзе. 2020. № 9. С. 4—10. (На кит. яз.).

Чжоу Хуашэн. Чжун Э Мэй гуаньси юй гоцзи чжисио : [Отношения Китай—Россия—США и международный порядок] // Элосы Дун Оу Чжун Я яньцю. 2020. № 3. С. 1—21. (На кит. яз.).

Lo Bobo. The Sino-Russian partnership and global order // China International Strategy Review. 2020. № 2. Р. 306—324. DOI: 10.1007/s42533-020-00063-7.

References

Feng Shaolei (2020). Pujing zhizheng 20 nian yu Eluosi duiwai zhanlue xin dongxiang [Putin's 20 Years in Power and New Trends in Russia's Foreign Strategy], Dangdai shijie [Contemporary World], no 9: 4—10 (In Chinese).

Li Xing (2020). Shenke lijie daguo zhi jian de jingzheng yu hezuo [Deeply Understand the Competition and Cooperation between Major Countries], Renmin luntan Xueshu qianyan [Frontiers], no 7: 58—65 (In Chinese).

Li Xing, Wu Sai (2020). Shi xi“yidai yilu” kuangjia xia de Zhong Mei E sanjiao guanxi [An Analysis of the China — US — Russia Triangular Relations under the Framework of “One Belt One Road”], Renwen zazhi [The Journal of Humanities], no 6: 26—37 (In Chinese).

Li Yonghui (2020). Xiang hou Pujing shidai guodu shiqi de Zhong E guanxi ji Meiguo yinsu [Sino-Russian Relations and American Factors in the Transition Period to the Post-Putin Era], Dongbei Ya xuekan [Journal of Northeast Asia Studies], no 2: 52—61 (In Chinese).

Lo Bobo (2020). The Sino-Russian Partnership and Global Order, China International Strategy Review, no 2: 306—324. DOI: 10.1007/s42533-020-00063-7

Ruan Jianping, Lin Yizhai (2020). Meiguo fenhua Zhong E yu Zhongguo de yuying sikao [Probe into America's Alienation of Russia and China and the Right Response of China in Advance], Bianjie yu haiyang yanjiu [Journal of Boundary and Ocean Studies], no 2: 59—72 (In Chinese).

Trush, S.M. (2020). Rossiya — SShA — Kitay: rezony i riski rossiysko-kitayskogo voyennogo sblizheniya [Russia — US — China: motives and risks of Russian — Chinese military cohesion], SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura [USA & Canada: Economics, Politics, Culture], no 3: 5—24 (In Russian). DOI:10.31857/S26866730008591-0

Vzaimootnosheniya Rossii — Kitaya — SShA v ramkakh strategicheskogo treugol'nika [Russia — China — US Relations in the Framework of the Strategic Triangle] (2020), ed. by Morozov Yu.V. Moscow: RAS IFES, 288 p. (In Russian).

Wang Xianju (2020). Eluosi yu Mei Ou guanxi bianhua ji dui Zhongguo de yingxiang [Impacts of Changes in Relations between Russia and the United States and the EU on China], Eluosi xuekan [Academic Journal of Russian Studies], no 2: 105—120 (In Chinese).

Zhao Huasheng (2020). Zhong E Mei guanxi yu guoji zhixu [China — Russia — US Relations and International Order], Eluosi Dong Ou Zhong Ya yanjiu [Russian, East European & Central Asian Studies], no 3: 1—24 (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-31-47

А.Ф. Клименко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ И РОЛЬ ШОС В ПОСТРОЕНИИ БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПАРТНЕРСТВА

Аннотация. В статье анализируется ситуация на пространстве Большой Евразии, констатируется усиление геополитического противоборства и его влияние на реализацию выдвинутых Россией и Китаем проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и построения на их базе Большого евразийского партнерства (БЕП), в том числе при непосредственном участии ШОС.

Автором выделяются две группы рисков для участников Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), связанных с обострением отношений России и Китая со странами Запада и с усиливающейся нестабильностью ситуации как в ряде стран — участниц ШОС, так и в прилежащих к ней регионах. Ситуация усугубляется стремлением некоторых участников ШОС следовать в фарватере политики их западных партнеров, а также наличием неразрешенных территориальных противоречий между членами организации, периодические споры из-за которых нередко приводят к приграничным военным конфликтам.

По мнению автора, США и их основные партнеры по НАТО бьут стремиться не только к ослаблению международных позиций

России и Китая, но и к разрушению самой структуры ШОС как консолидирующей базы для плодотворного сотрудничества на евразийском пространстве.

В этих условиях развитие экономического и гуманитарного сотрудничества, а также обеспечение безопасности и стабильности на пространстве Большой Евразии приобретают новые акценты. Противоречие, с одной стороны, между стоящими задачами ускорения экономического развития стран — участниц ШОС в процессе реализации выдвинутых Россией и Китаем проектов, а с другой — провоцируемыми объединенным Западом кризисными явлениями чрезвычайно затрудняют решение этих задач. Не способствуют этому и внутренние противоречия между самими государствами — участниками ШОС. Поэтому вопрос о роли и задачах ШОС в меняющемся мире остается чрезвычайно актуальным.

В целом положительно оценивая роль и место Шанхайской организации сотрудничества в обеспечении безопасных и стабильных условий для решения стоящих перед ней задач экономического развития при реализации упомянутых проектов, автор обосновывает необходимость повышения потенциала ШОС в этом направлении, в том числе за счет разрешения внутренних противоречий и консолидации государств-участников, а также укрепления ее взаимодействия с другими акторами, в первую очередь с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Ключевые слова: Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, Евразийский экономический союз, Экономический пояс Шелкового пути, Шанхайская организация сотрудничества, консолидация, безопасность.

Автор: Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru

A.F. Klimenko

Interaction between Russia and China and the role of the SCO in the construction of Greater Eurasian Partnership

Abstract. The article analyzes the situation in the “Greater Eurasia” space, reveals the strengthening of the geopolitical confrontation and its impact on the implementation of the projects of the Eurasian Economic Union (EAEU) and the Silk Road Economic Belt (SREB) put forward

by Russia and China and the construction of the Greater Eurasian Partnership (BEP) on their basis and with the participation of the Shanghai Cooperation Organization (SCO).

The author identifies two groups of risks for the SCO members associated with the aggravation of relations of Russia and China with the Western countries, and with the increasing instability of the situation in a number of the SCO member states and in the adjacent regions as well. The situation is aggravated by the intention of some SCO members to follow in the wake of the policies of their Western partners, and by the presence of unresolved territorial contradictions between some members of the organization, periodic disputes over which often lead to border military conflicts.

According to the author, the United States and its main NATO partners will strive not only to weaken international positions of Russia and China, but also to destroy the SCO structure as such as a consolidating base for fruitful cooperation in the Eurasian space.

In these conditions, the development of economic and humanitarian cooperation, as well as ensuring security and stability in the Greater Eurasia area, are gaining new emphasis. The contradiction, on the one hand, between the tasks of accelerating the economic development of the SCO member states in the process of implementing the projects proposed by Russia and China, and, on the other, the crisis phenomena provoked by the united West make it extremely difficult to solve these tasks. The internal contradictions between the SCO member states themselves do not contribute to this. Therefore, the issue of the role and tasks of the SCO in a changing world remains extremely acute.

In general, the author positively assesses the role and place of the Shanghai Cooperation Organization in ensuring safe and stable conditions for solving the tasks of economic development of the participating countries in the implementation of the above-mentioned projects, justifies the need to increase the SCO's potential in this direction, e.g. by resolving internal contradictions and consolidating the participating states, as well as strengthening its interaction with other actors, primarily with the Collective Security Treaty Organization

Keywords: Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, Eurasian Economic Union, Silk Road Economic Belt, Shanghai Cooperation Organization, consolidation, security.

Author: Anatoly F. KLIMENKO, Ph.D. (Military Sc.), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: klimenko46@ifes-ras.ru.

Российско-китайские геоэкономические проекты на евразийском пространстве ШОС

Под евразийским пространством ШОС условимся понимать территорию государств, входящих в Организацию со статусом постоянных членов, а также наблюдателей и партнеров по диалогу (слайд 1).

Содержание этого слайда наглядно демонстрирует, что ШОС к своему 20-летнему юбилею нарастила потенциал, распространив

Шанхайская организация сотрудничества

Члены организации

- Страны-участники ШОС
- Индия
 - Казахстан
 - Киргизия
 - ЮНР
 - Пакистан
 - Россия
 - Таджикистан
 - Узбекистан

Государства-наблюдатели

- Афганистан
 - Белоруссия
 - Иран
 - Монголия
- Страны, подавшие заявку на участие в ШОС в качестве Государства-наблюдателя
- Бангладеш
 - Сирия
 - Египет

Партнёры по диалогу

- Азербайджан
- Армения
- Камбоджа
- Непал
- Турция
- Шри-Ланка

Получавшие приглашение на саммиты глав государств ШОС

- Туркмения
- СНГ
- АСЕАН
- ООН
- ЕврАзЭС
- США

Слайд 1. Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?text=слайд%20шанхайская%20организация%20сотрудничества&stype=image&lr=10761&source=wiz&p=17&pos=518&rpt=simage&img_url=https%3A%2F%2Fs15.stc.all.kpcdn.net%2Fshare%2Fi%2F4%2F972406%2Fwx1080.jpg

сферу влияния на большую часть Евразии. В каких же условиях ей приходится реализовывать этот потенциал?

Как известно, в мае 2015 г. в Москве лидерами России и Китая было подписано российско-китайское Заявление о сопряжении проектов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) — сухопутной части более масштабного китайского проекта — «Инициатива «Пояс и путь» (ИПП). Для нас интерес представляет то, что этот документ автоматически определяет российскую территорию от Урала до западных границ в качестве основной зоны транзита, промышленной кооперации и, соответственно, инвестиций.

Важно отметить, что пространство Шанхайской организации сотрудничества охватывает почти все страны — члены ЕАЭС. А все участники ШОС являются экономическими субъектами, которые расположены вдоль ЭПШП в рамках ряда экономических коридоров, зафиксированных в документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [Посольство КНР в РФ] (слайд 2).

Поэтому в реализации сопряжения ЭПШП и ЕАЭС Шанхайская организация должна сыграть роль важнейшей платформы или даже координационного центра по решению этой задачи. Это отмечено и на международном дискуссионном форуме «Валдай», который видит ШОС важнейшим институтом международного сотрудничества на евразийском пространстве и «базой построения сообщества Большого Евразийского партнерства» [Ли Синь].

В этом плане мы не можем не отметить еще одно событие, важное и для развития названных выше проектов, и для Шанхайской организации сотрудничества. 10 февраля 2021 г. после российско-иранских переговоров, состоявшихся в Москве, о своем намерении вступить в Евразийский экономический союз заявил Иран. Это событие откроет для участников ЕАЭС серьезные перспективы.

Иран с его гигантскими запасами углеводородов может стать настоящим драйвером дальнейшего развития ЕАЭС. На слайде 2 на глядно показано, что экономические границы объединения раздвинутся от Северного Ледовитого до Индийского океанов и Персид-

Слайд 2. Источник: URL: <https://yandex.ru/images/Стратегия%20развития%20ШОС%20и%20ЕАЭС%20в%20ближайшем%20будущем%20картина&lr=10761&rpt=simage&source=wiz> (дата доступа: 06.05.2021)

ского залива. Евразийский союз выйдет за пределы постсоветского пространства. Его совокупный рынок вырастет до 280 млн человек. И это может быть только началом. Если пример Тегерана окажется успешным, ему могут последовать другие страны.

Сам Тегеран также получит ряд серьезных преференций.

Во-первых, интеграция с ЕАЭС для него станет серьезным козырем в переговорах с Вашингтоном.

Во-вторых, Иран получит доступ к новым рынкам сбыта своей продукции, поскольку восстановление мира в Нагорном Карабахе позволило заключить между Россией, Арменией и Азербайджаном соглашение об открытии транспортных коридоров по всему Закавказью. И не только.

Показанный на слайде 3 международный транспортный коридор Север–Юг (МТКСЮ), который, как известно, инициировали три государства — Россия, Индия и Иран, позволит соединить Ин-

дийский океан и Персидский залив с Каспийским морем через Иран и обеспечит маршрут в страны Северной Европы через территорию России. В дальнейшем к проекту МТКСЮ присоединились почти все участники ШОС и ряд стран Ближнего Востока.

Сегодня идущие в Европу грузы из Индии доставляются морем в Санкт-Петербург за 40 дней. Новый транспортный маршрут из Индии в Россию через Иран и Азербайджан будет в два раза быстрее. При этом стоимость перевозки должна сократиться почти на 30 %.

Наконец, в-третьих: для находящейся под западными санкциями Исламской Республики Иран вступление в Евразийский экономически союз и тесное экономическое сотрудничество с его участниками также будет нeliшним.

Индия тоже заинтересована в развитии коридора «Север—Юг» через Иран в страны Центральной Азии для расширения своего стратегического присутствия в регионе и готова финансировать строительство транспортной инфраструктуры в Иране и управлять построенными на его территории объектами. [Белов П.] Для Индии это интересно и потому, что опора на Россию через Иран будет служить определенной альтернативой Китаю, и США.

России в свою очередь выгодно вступление Ирана в ЕАЭС, поскольку это вдохнет в предложенный ею интеграционный проект новую жизнь. Через Иран у России откроется прямой выход к Индийскому океану и упростится сообщение с Индией по торговому коридору «Север—Юг». Экономика России получит дополнительный рынок сбыта в лице 80 млн потребителей в Иране, а это приведет к увеличению ВВП нашей страны. Также есть большая вероятность, что иранская нефть будет продаваться на европейский рынок через наши транспортные мощности, что может принести России существенные прибыли. Наконец, для нашей авиации упростится процесс перелетов в Сирию через территорию Ирана.

Почему мы уделяем реализации названных выше российско-китайских проектов столько внимания? Дело в том, что важная их особенность состоит в том, что они означают начало переформатирования межгосударственных экономических и интеграционных связей в системе развития евразийского пространства без участия США и их союзников. В условиях антироссийских санкций объединенного

Слайд 3. Международный транспортный коридор «Север—Юг» расширенной ЕАЭС. Источник: URL: <https://cont.ws/uploads/pic/2018/9/kaspisk-01.png> <https://cont.ws/uploads/pic/2018/9/kaspisk-01.png> (дата доступа: 07.05.2021)

Запада и попыток изоляции России от остальных стран мира сопряжение ЕАЭС и ЭПШП и пополнение их новыми членами объектививно «торпедирует» американскую евроатлантическую стратегию.

Все это может вызвать новые обострения международно-политической обстановки в Евразии. Поэтому грандиозные задачи по построению сообщества Большого евразийского партнерства нуждаются в обеспечении условий безопасности и стабильности на евразийском пространстве, которое совпадает с ареалом ШОС.

Неслучайно *Стратегия развития ШОС до 2025 года*, определяя направления дальнейшей эволюции Организации, наряду с вопросами политического, торгово-экономического и культурно-гуманитарного взаимодействия, самое серьезное внимание уделила

сотрудничеству государств-участников в области безопасности. Следовательно, обеспечение безопасности и стабильности международно-политического положения в процессе реализации экономических проектов на пространстве ШОС также является предметом деятельности Организации. А решать эту задачу ШОС придется в непростой обстановке.

Международно-политическая обстановка и ее влияние на реализацию проектов России и Китая в Большой Евразии

По мнению многих экспертов, в настоящее время наибольшую опасность для евразийской стабильности и безопасности, а следовательно, и для проектов участников ШОС на евразийском пространстве, представляют действия США и Великобритании, которые стремятся во что бы то ни стало изменить геополитическую расстановку государственно-политических сил и установить контроль над континентальными ресурсами, коммуникациями и ключевыми государствами Евразии [Небренчин А.]. Уже добившись определенных результатов на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе, США и Великобритания стремятся и дальше наращивать свой успех. Продолжается движение НАТО на Восток. Усиливается американское военное присутствие в Европе [Лузянин С.Г., Клименко А.Ф.]. На фоне конфронтации России и США **на европейском направлении** для нас особый интерес представляет политика Вашингтона по отношению к ситуации в союзной нам Белоруссии, являющейся наблюдателем при ШОС и активным членом ОДКБ. В Конгрессе США проводятся конференции на тему воспитания в правильном ключе белорусской молодежи, которую пытаются склонить к выбору западных ценностей. Политически неопытным юношам и девушкам подробно рассказывают об угрозе, которую представляет Россия для суверенитета их страны. А аналитический центр *RAND* публикует доклады, в которых рассматривается возможность предоставления международных гарантий безопасности Белоруссии, которая якобы после «смены режима» захочет

выйти из ОДКБ и попадет под угрозу российской интервенции. При содействии России ситуация в этом государстве стабилизировалась, но проблема до конца не решена.

На Ближнем Востоке жесткое геополитическое противоборство развернулось вокруг Сирии, которая, кстати, подала заявку на участие в ШОС в качестве государства-наблюдателя. По сообщению Минобороны России, там в последнее время резко усилилась активность незаконных бандформирований. Террористы активизировались на юге страны, где имеется возможность «отсидеться» на территории зоны Эт-Танф под прикрытием военной базы США. Район, расположенный в непосредственной близости от базы, контролируется американскими беспилотниками, в нем организована система ПВО. От наземных атак объект также надежно прикрыт.

В конце февраля 2021 г. по решению президента Дж. Байдена, Америка нанесла авиаудар по объектам проиранских группировок на востоке Сирии, что может привести к эскалации ситуации в регионе. Следующей целью геоатлантической экспансии может стать сам Иран, который будучи страной-наблюдателем при ШОС, активно добивается статуса ее постоянного члена.

Хотя ВКС России оказывают Сирии непосредственную поддержку с целью нейтрализации угрозы, пока сложно говорить о полной победе над терроризмом на Ближнем Востоке. Отмечается, что боевики готовят новые провокации против Дамаска, причем имеется информация, что планирующиеся теракты будут связаны с применением отравляющих химических веществ [Говерлов Н.].

Постоянно дестабилизируется обстановка в Кавказском регионе, где Грузия и Азербайджан втянуты в продвижение интересов США и их союзников по НАТО. Война в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном, который активно поддерживала Турция, при посредничестве России закончилась. Ереван согласился на радикальные уступки, и Россия развернула в Нагорном Карабахе миротворческую миссию. Вполне очевидно, что размещение миротворцев в Карабахе — это фактически создание аналога военной базы на территории Азербайджана. Нельзя не отметить, что все три государства — и Армения, и Азербайджан, и Турция являются участ-

никами ШОС в статусе партнеров по диалогу, а Армения — еще и союзником России по ОДКБ и членом ЕАЭС.

Вопрос о том, кто победил в этой войне из непосредственных участников конфликта — понятен, но кто больше выиграл — Россия или Турция, для многих экспертов остается не столь однозначным.

С одной стороны, считают некоторые военные эксперты, Турция, усилив свое влияние в Закавказье и в «турецком мире», показав себя ответственным союзником. Этим Р. Эрдоган сделал шаг к реализации вынашиваемой им идеи строительства «Великого Турана» с участием не только Азербайджана, но и ряда центральноазиатских государств — участников ШОС с тюркским населением. Несмотря на всю сомнительность такой затеи, это не может не беспокоить Россию.

С другой стороны, Москва будет вести миротворческую операцию самостоятельно, без турецких миротворцев. А карабахская проблема решается без участия Франции и США — сопредседателей бывшего мирного процесса в Карабахе, хотя обе страны выступали против единоличного участия России в «примирении» враждующих сторон.

Еще одно мнение политологов существенно противоречит аргументам в пользу «победы» Анкары или Москвы, хотя продолжение соперничества между ними в карабахском конфликте имеет место, поскольку обе страны здесь, как и в ряде конфликтных ситуаций на Ближнем Востоке, были по разные стороны фронта. Но даже там, а теперь и в Закавказье, наиболее эффективно Москва и Анкара — партнеры по диалогу в ШОС, действуют тогда, когда договариваются о разделе сфер влияния, «выдавливая» из региона всех остальных игроков, в первую очередь США и Евросоюз. [Асалыоглу А.] По сути, между Россией и Турцией сформировалась схема «сотрудничества при конфликте и конкуренции», при которой они, даже при наличии серьезных разногласий, pragmatically справляются с ними [Тарасов С.].

В отношении Центральной Азии атлантические планы подразумевают полную переориентировку на США бывших республик СССР, в первую очередь Казахстана и Узбекистана. Не секрет, что эти государства имеют довольно тесные отношения с США, в том числе в

военно-политической и военно-технической сферах. В военно-учебных заведениях США и Турции проходят соответствующую подготовку военнослужащие этих стран. Если вышеназванная переориентировка некоторых стран региона, что является центральной задачей центральноазиатской стратегии США, случится, то с учетом американского контроля над Афганистаном, кольцо вокруг Ирана сомкнется, а самые уязвимые тыловые районы России и Китая также окажутся под угрозой.

С приходом к власти администрации Дж. Байдена актуализируется и афганское направление. Планы Д. Трампа по скорейшему выводу американских войск из Исламской Республики Афганистан (ИРА) сняты с повестки. По мнению экспертов, конфликт там может продолжиться ради торга за условия вывода оттуда части военного контингента США. Вашингтон удовлетворило бы интегрирование Талибана в существующие властные структуры в Кабуле, и его активизация в борьбе с группировками, присягнувшими запрещенной на территории РФ организации Исламского Государства.

Нельзя исключать и вариант продолжения гражданской войны между различными внутриафганскими группировками, что создаст дополнительные риски для центральноазиатских участников ШОС и ОДКБ. И, если экспансия талибов за пределы страны маловероятна, то, по мнению ряда экспертов, этого нельзя сказать о других радикальных исламистских группировках, которые могут активизировать свою деятельность на фоне хаоса в Афганистане или искать для продолжения своей деятельности нестабильные государства Центральной Азии, если они будут «выдавлены» из ИРА.

Не исключены и проявления нестабильности в некоторых центральноазиатских государствах, как это неоднократно бывало в Киргизии, что может стать благодатной почвой для гражданских или даже межгосударственных конфликтов. Поэтому основным полем деятельности и для ШОС, и для ОДКБ (где большинство государств являются одновременно участниками обоих объединений) продолжает оставаться центральноазиатское направление. Эти организации в тесном взаимодействии должны быть готовы оперативно отреагировать на неблагоприятный ход развития событий в регионе, что требует их подготовки к решению данной задачи.

Есть еще одно следствие смены администрации в Вашингтоне — появление так называемого геополитического ромба «Пекин—Москва—Вашингтон—Дели». Принимая во внимание индийское происхождение вице-президента США Камалы Харрис и ее особое расположение к индийской стороне, можно предположить дальнейшее усиление связки между США и Индией в деле сдерживания Китая в Азии [ИАЦ МГУ]. Не секрет, что это планируется и в качестве альтернативы китайскому присутствию в Центральной Азии. Но для нас этот вывод более важен в другом плане.

Как известно, Индия — постоянный член ШОС и не является секретом, что ее политический вес, дополненный внушительным экономическим и военным потенциалом, представляет большой интерес для Организации в плане активизации конкуренции, если не сказать большего, с коллективным Западом. Но ее отношения с Китаем и Пакистаном оставляют желать лучшего. Попытки сгладить остроту враждебности нивелируются вспышками новых конфликтов в «треугольнике» Индия—Китай—Пакистан. Вашингтон использует это обстоятельство для втягивания Индии в антикитайский альянс, который он пытается сформировать, опираясь на свою «Индо-Тихоокеанскую стратегию». Эта стратегия становится важным фактором стратегического планирования с целью силового противодействия политике Китая, блокирующего доступ Америке во внутренние моря, и оказания давления на Россию и других региональных акторов, стремящихся противостоять доминированию США в АТР.

В рамках этой стратегии своими основными союзниками в Индо-Тихоокеанском регионе Вашингтон считает Таиланд, Южную Корею, Японию, Филиппины, Австралию и Новую Зеландию. В число американских «партнеров» входят, наряду с Индией, Шри-Ланка, Индонезия, Малайзия, Бруней и ряд других стран. Если обратиться к карте, то не трудно заметить, что Соединенные Штаты, увеличивая взаимодействие в военной сфере с ними, постепенно затягивают «петлю» вокруг России и Китая.

Как известно, Индия, равно как и Китай с Россией, настороженно рассматривает возможность создания с кем-либо новых альянсов или вхождения в уже существующие, о чем убедительно гово-

рит А. Давыдов — ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН [Давыдов А.С.].

В Дели сохраняются настроения неприсоединения. В одном из своих посланий к Диалогу Шангри-Ла¹ премьер-министр Индии акцентировал внимание на том, что индийское видение «Индо-Пасифики» «инклузивно и не включает в себя какую-либо группировку, нацеленную на доминирование. И что этот проект никоим образом нельзя считать направленным против какой-либо страны» (приводится по [Живор Л.И.]).

И России, и Китаю необходимо активнее использовать это политическое «раздвоение» Индии для сглаживания противоречий между постоянными членами ШОС и их консолидации перед растущими вызовами региональной безопасности и стабильности в целях повышения дееспособности Организации в условиях мира, изменяющегося в малопредсказуемую сторону.

Возможная война Китая и Индии наверняка не обрадует никого: победителей в ней не будет, особенно если начнет применяться ядерное оружие. Именно поэтому Россия выступила с инициативой провести 22 июня 2021 г. видеоконференцию руководителей МИД РФ, Индии и КНР, чтобы наметить пути разрешения исторически сложившихся конфликтных китайско-индийских противоречий и тем самым сделать очередной шаг к консолидации Шанхайской организации сотрудничества.

В заключение следует заметить, что действенным фактором в деле предотвращения углубления конфронтации и санкционного давления в отношении России и Китая — государств обладающих внушительным совокупным экономическим и военным потенциалом, может стать открытая демонстрация их готовности к дальнейшему углублению союзнических отношений в преддверии предстоящей пролонгации подписанного между нашими государствами в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, о чём

¹ Азиатский саммит по безопасности «Диалог Шангри-Ла» — ежегодный межправительственный форум безопасности, проводимый независимым аналитическим центром «Международный институт стратегических исследований» (ПСС), в котором принимают участие министры обороны, постоянные руководители министерств и другие военные руководители 28 государств АТР.

мы более подробно говорили в XXV выпуске ежегодного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» [Клименко А.Ф.].

Библиографический список

Асалыоглу А. С-400 в уравнении Москва — Анкара — Вашингтон. URL: <https://russiancouncil.ru/Analytics-and-Comments/Analytics/s-400-v-uravnenii-moskva-ankara-vashington/> (дата обращения: 14.03.2021).

Белов П. Россия и Индия соединяют континенты. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4653230?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com&utm_campaign=dbr/ (дата обращения: 12.03.21.2021).

Говорлов Н.В. Сирии началась совсем «другая война». URL: https://infosmi.net/politic/206837-v-sirii-nachalas-sovsem-drugaya-voyna/?utm_source=uxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 15.02.2021).

Давыдов А.С. Россия и Китай в миропорядке XXI века. Рационален ли союз? // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 103—115.

Живора Л.И. Индо-Тихоокеанские концепции. URL: https://new.dipacademy.ru/documents/35/i-t_consept.pdf (дата обращения: 4.03.2021).

ИАЦ МГУ. Новый президент — новый курс США: планы Байдена на Центральную Азию. URL: <https://zen.yandex.ru/media/iacentrru/novyi-prezident--novyi-kurs-ssha-plany-baidena-na-centralnuiu-aziiu-5fa8c4a61aeb58326c16d82b/> (дата обращения: 04.03.2021).

Клименко А.Ф. Некоторые вопросы развития российско-китайского партнерства в сфере безопасности в современных условиях // Китай в мировой и региональной политике. Выпуск 25: ежегодное издание/ сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 51—65.

Ли Синь. Китайский взгляд на создание евразийского экономического пространства. URL: <http://ru.valdaclub.com/files/13898/> (дата обращения: 28.01.2021).

Лузянин С.Г., Клименко А.Ф. «Большая Евразия» и ШОС: миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом // Обозреватель — Observer. 2018. № 8. С. 5—22.

Небренчин А. Геополитическое противоборство на материке Евразия. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/geopoliticheskoe-protivoborstvo-na-materike-evraziya-3740/> (дата обращения: 18.01.21.2021).

Посольство КНР в РФ: Видение и действие, направленные на продвижение совместного строительства «Экономического пояса Шелкового пути» и «Мор-

ского Шелкового пути 21-го века». URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm/> (дата обращения: 18.01.2021).

Тарасов С. Под «личную дипломатию» Путина и Эрдогана подводится фундамент. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3212980.html/> (дата обращения: 23.02.2021).

References

- Asalyoglu A. (2019). S-400 v uravnenii Moskva—Ankara—Vashington [S-400 in the Moscow — Ankara — Washingtonian equation]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytic-and-comments/analytic/s-400-v-uravnenii-moskva-ankara-vashington/> (accessed: 14 March, 2021). (In Russian).
- Belov, P. (2021). Rossiya i Indiya soyedinyayut kontinenty [Russia and India connect Continents]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4653230?utm_referrer=https://zen.yandex.com (accessed: 15 February, 2021). (In Russian).
- Davydov, A.S. (2020). Rossiya i Kitay v mirovopryadke KhKhI veka. Ratsionalen li soyuz? [Russia and China in the world order of the XXI Century. Is the union rational?], *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], no 6: 103—115.
- Goverlov, N. (2021). V Sirii nachalas' sovsem «drugaya voyna» [In Syria has started a completely “different war”]. URL: https://infosmi.net/politic/206837-v-sirii-nachalas-sovsem-drugaya-voyna/?utm_source=yxnews (accessed: 15 February, 2021). (In Russian).
- Zhivora, L.I. (2020). Indo-Tikhookeanskiye kontseptsii [Indo-Pacific concepts]. URL: https://new.dipacademy.ru/documents/35/i-t_concept.pdf/ (accessed: 25 February, 2021). (In Russian).
- IATs MGU (2021). Novyy prezident — novyy kurs SShA: plany Baydena na Tsentral'nyu Aziyu [IAC MSU. The new President — the new course of the United States: Biden's plans for Central Asia]. URL: <https://zen.yandex.ru/media/iacentrru/novyi-prezident--novyi-kurs-ssha-plany-baidena-na-centralnuiu-aziiu-5fa8c4a61aeb58326c16d82b/> (accessed: 17 February, 2021). (In Russian).
- Klimenko, A.F. (2020). Nekotoryye voprosy razvitiya Rossiysko-kitayskogo partnerstva v sfere bezopasnosti v sovremennykh usloviyakh [Some issues of the development of Russian-Chinese partnership in the field of security under modern conditions], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike* [China in World and Regional Politics]. M., Vypusk XXV [Issue XXV]: 51—65.
- Li Sin (2016). Kitayskiy vzglyad na sozdaniye evraziyskogo ekonomiceskogo prostranstva [Chinese view on the creation of the Eurasian Economic Space]. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/13898> (accessed: 28 January, 2021). (In Russian).

- Luzyanin, S.G., Klimenko, A.F. (2018). “Bol'shaya Evraziya” i ShOS: miro-poryadok, bezopasnost' i bor'ba s terrorizmom [Greater Eurasia and the SCO: world order, security and the fight against terrorism], *Obozrevatel' [Observer]*, no. 8: 5–22 (In Russian).
- Nebrenchin, A. (2012). Geopoliticheskoye protivoborstvo na materike Evraziya. [Geopolitical confrontation on the continent of Eurasia]. URL: <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/geopoliticheskoe-protivoborstvo-na-materike-evraziya-3740/> (accessed: 18 January, 2021). (In Russian).
- Posol'stvo KNR v RF (2015). Videniye i deystviye, napravленные на продвижение совместного строительства “Экономического пояса Шелкового пути” и “Морского Шелкового пути 21-го века” [Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation: Vision and action aimed at promoting the joint construction of the “Silk Road Economic Belt” and the “Maritime Silk Road of the 21st century”]. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1257296.htm/> (accessed: 18 January, 2021). (In Russian).
- Tarasov, S. (2021). Pod «lichnuyu diplomatiyu» Putina i Erdogan'a podvoditsya fundament [Under the “personal diplomacy” of Putin and Erdogan, the foundation is being laid]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3212980.html/> (accessed: 23 February, 2021). (In Russian).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-48-62

О.А. Тимофеев

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2021 Г.: СЛОЖНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена состоянию и ближайшим перспективам китайско-американских отношений. Смена администрации США привела к еще большему их усложнению, что наряду с теми негативными факторами, которые привнесло в двустороннюю повестку окружение Д. Трампа, способно привести к длительному кризису в отношениях между Пекином и Вашингтоном. Взаимные трения отчасти вызваны и личностным фактором, связанным с неготовностью части политической элиты вести с Китаем равноправный и содержательный диалог, что отчетливо проявилось в ходе недавнего диалога высокого уровня в Анкоридже. За несколько месяцев контактов сторонам пока не удалось сформировать действенные механизмы взаимного сотрудничества, прежде всего в области торговли и безопасности. Основной сферой взаимного противостояния, скорее всего, станет сфера информационных и высокотехнологичных производств, что может привести к дальнейшему росту взаимной напряженности в долгосрочной перспективе. Администрация Дж. Байдена не спешит отменять односторонние торговые ограничения и усиливает санкционное давление на Китай. Кроме того, декларируемый Вашингтоном в последние месяцы многосторонний подход пока предстает лишь как дополнительное средство сдерживания Китая. Более жесткий подход в отстаивании своих ин-

тересов демонстрирует и китайская сторона, настаивающая на недопустимости вмешательства в ее внутренние дела, бесперспективности санкционного давления и выступающая против монополизации Вашингтоном «лексического права» в международных отношениях. Анализ объективных факторов также говорит о том, что Китай становится все более сложным партнером в переговорах с США. При этом китайско-американские отношения слишком важны для обеих сторон, связанных сложной сетью взаимозависимости в различных сферах: экономической, стратегической, глобального управления и других. В ближайшей перспективе улучшение двусторонних отношений, скорее всего, может произойти в сферах защиты окружающей среды, совершенствовании правил взаимной торговли и реформировании многосторонних международных организаций и институтов.

Ключевые слова: Китай, США, преемственность, сотрудничество, сдерживание, многосторонний подход, диалог высокого уровня, лексическое право.

Автор: Тимофеев Олег Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Российского университета дружбы народов.

ORCID: 0000-0002-6658-0007, E-mail: timooa@mail.ru

O.A. Timofeev

Sino-US Relations in 2021: Complex Continuity

Abstract. The article is devoted to the current state and short-term prospects of Sino-US relations. On a par with major negative factors brought into agenda of Sino-US relations by previous Trump administration, the US government transition can by far lead to a long-term crisis in the relations between Beijing and Washington. Mutual frictions are partly caused by a personal factor associated with the unpreparedness of some members of the US political elite to conduct an equal and essential dialogue with China, what was demonstrated clearly during recent senior dialogue held in Anchorage. During several months of contacts, the two parties have not yet succeeded in forming effective mechanisms of mutual cooperation, primarily in the field of trade and security. Most likely, cyber security and high-tech could become the main area of mutual confrontation, which may lead to a further increase in mutual tension in the long term. The Biden administration seems in no rush to lift trade tariffs imposed by Donald Trump and increases sanctions' pressure on China.

Moreover, new multilateral approach declared by Washington in recent months appears so far to be merely an additional tool of containment of China. China as well demonstrates a tougher approach in defending its interests, insisting on the inadmissibility of interference in its internal affairs, the futility of sanctions pressure and opposing monopolization of “lexical right” by the USA in international relations. Objective factors analysis also suggests that China is becoming an increasingly difficult partner in negotiations with the United States. However, Sino-US relations are too important for both sides, which are connected by a complex web of interdependence in various spheres: economic, strategic, global governance, and others. In the short term, improvement in bilateral relations is likely to occur in the areas of environmental protection, mutual trade bilateral rules improvement, and reforming multilateral international organizations and institutions.

Keywords: China, USA, continuity, cooperation, containment, multilateralism, senior dialogue, lexical right.

Author: Oleg A. TIMOFEEV, Ph.D. (History), Associate Professor, the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University).

ORCID: 0000-0002-6658-0007, E-mail: timooa@mail.ru

Преемственность в международных отношениях, особенно в отношениях между ведущими державами мира, является важнейшим структурным, порядкообразующим фактором современной мировой политики, обеспечивающим стабильность и одновременно — позитивный динамизм действующей международной системы. Нет сомнений в том, что наиболее фундаментальное влияние на политические, экономические, дипломатические, гуманитарные, в значительной степени военные и иные аспекты современной глобальной системы международных отношений оказывают прежде всего Китай и США.

Одним из важнейших элементов преемственности стали контакты между руководителями государств, которые они устанавливали в первые же месяцы пребывания на своем посту. При этом важен был не только сам факт двусторонней встречи (формальная преемственность), но и достигнутые результаты, позволившие оптимизировать постоянно действующий двусторонний диалог (институциональная преемственность). Так, на лондонском саммите 2009 г. было приня-

то решение о создании постоянно действующего китайско-американского Стратегического и экономического диалога, а в 2017 г. — четырех диалоговых площадок: в сфере дипломатии и безопасности, экономических отношений, кибербезопасности и правоохранительной деятельности, а также гуманитарных контактов.

Вместе с тем, к началу 2021 г. все диалоговые механизмы в китайско-американских отношениях были фактически свернуты из-за обострения торговых споров, а также санкционной войны, развернутой Вашингтоном против Китая. В 2020 г. впервые за несколько десятилетий американской администрацией были введены санкции, касающиеся суверенитета и самой политической системы КНР. В ответ на принятый в КНР Закон о защите национальной безопасности в Гонконге США ввели персональные санкции против ряда действующих руководителей КНР и САР Сянган, в том числе главы его администрации Кэрри Лам. Впоследствии политические санкции были расширены в связи с ситуацией в Синьцзяне. Обосновывая вводимые санкции, бывший госсекретарь М. Помпео обвинил власти Китая в сохранении «марксистско-ленинского режима» и «тоталитарной идеологии» [Ротрео].

После президентских выборов китайские политики и эксперты выразили осторожный оптимизм по поводу будущего развития отношений с США. В конце ноября 2020 г. Си Цзиньпин направил официальные поздравления Дж. Байдену [Си Цзиньпин чжи дянь...]. Уход таких синофобов, как М. Помпео, П. Наварро и М. Поттингджер в Пекине был воспринят с удовлетворением.

По мнению китайского политолога Синь Цяна, в будущем на нормализацию двусторонних отношений будут влиять 3 фактора:

1. Байден намерен усилить координацию с другими странами Запада с тем, чтобы создать более четкие и прозрачные глобальные правила в сфере торговли, производства и окружающей среды, а это в целом выгодно Пекину.

2. США намерены более активно сотрудничать с Китаем в таких сферах, как экология, нераспространение ОМУ и борьба с эпидемиями.

3. В то же время администрация Байдена будет стремиться не допустить лидерства Китая в области высоких технологий. Один из

самых авторитетных китайских экспертов Янь Сюэтун также полагает, что основной сферой новой «холодной войны» между Китаем и США уже становятся высокие технологии, а не военно-политический контроль [Yan Xuetong].

Примечательно, что новый Старший директор по Китаю в Совете национальной безопасности Р. Доши в последние месяцы опубликовал ряд работ по политике КНР в сфере информационной безопасности [Doshi et al; Doshi and McGuiness].

Еще одной участнице команды экспертов по Китаю в Белом доме М. Харт предстоит оптимизировать политику противодействия китайской компании *Huawei* по внедрению в мире собственных стандартов мобильной связи пятого поколения. Харт ранее работала старшим научным сотрудником Центра американского прогресса и в октябре 2020 г. стала соавтором фундаментального доклада, посвященного политике властей США в отношении китайской корпорации [Hart and Link].

Среди возможных позитивных изменений в китайско-американских отношениях Синь Цян называет восстановление стратегического и экономического диалога, работа которого была свернута Д. Трампом [Байдэн цзюцзин...].

Большое внимание китайские эксперты уделяют взглядам на Китай со стороны ключевых фигур в новой администрации США. В частности, Чэнь Чжэн из Пекинского университета иностранных языков отмечает, что новый госсекретарь Э. Блинкен является сторонником создания так называемой демократической коалиции в противовес ЭПШП, но при этом выступает за строгое следование международно-признанным правилам торговли [Чэнь Чжэн].

В Китае полагают, что координировать политику в отношении Китая будет советник президента по национальной безопасности Дж. Салливан, возможно, в координации с наиболее влиятельным в Демократической партии экспертом по китайской проблематике К. Кэмпбеллом (влияние созданного им в 2007 г. Центра новой американской безопасности на политику Вашингтона в АТР мы уже отмечали более десятилетия назад [Тимофеев, с.16—18]). Кэмпбелл и Салливан считают, что политика вовлечения уже исчерпала себя, однако в отношениях с Китаем нельзя использовать и модель «хо-

лодной войны», недопустима конфронтации ради конфронтации [Campbell, Sullivan].

С другой стороны, китайские дипломаты в преддверии прихода к власти администрации Дж. Байдена активизировали аргументацию об уникальности китайско-американского диалога. В частности, посол КНР в США Щуй Тянькай 3 декабря 2020 г. в своем выступлении в Китайско-американском исследовательском центре заявил, что без здоровых и стабильных китайско-американских отношений постковидный мир также не будет стабильным [Щуй Тянькай, 2020].

Крайне неудачным был первый контакт между высшими дипломатами двух стран, состоявшийся в Анкоридже в марте 2021 г. Попытка нового госсекретаря прочитать нотации членам китайской делегации о необходимости соблюдения прав человека в ходе открытой части дискуссии вызвала закономерную реакцию со стороны таких опытных дипломатов, как Ян Цзечи и Ван И, которые не только в неторопливой и методичной манере отвергли все обвинения американской стороны, но и выступили с аргументированными контрпретациями в адрес США [Secretary Antony J. Blinken...]. Выдвигается несколько версий отсутствия прорыва на переговорах в Анкоридже.

Во-первых, по мнению издания «Хуаньцю», в новых условиях, имея статус страны, наиболее успешно решившей проблему эпидемии COVID-19, Китай стремится вернуть себе так называемое лекическое право (*хуаюйцюань*), предполагающее более активный дискурс в диалоге с США, а также решительное сопротивление любым попыткам США вмешиваться во внутренние дела Китая [Чжунго гэй Мэйго-дэ...]. Разумеется, факты вмешательства США во внутренние дела КНР в Гонконге, Тибете и СУАР и далее будут дополнительным раздражителем в двусторонних отношениях, однако любые санкции со стороны Вашингтона способны вызвать в Пекине лишь ответные резкие действия и заявления. При этом жесткий тон в отношении США в Анкоридже не был абсолютно новым явлением. До прихода Байдена китайские власти в рамках двустороннего диалога также активно эксплуатировали не только национальную (недопустимость вмешательства во внутренние дела), но и глобальную повестку. В частности, в заявлении китайского МИД по результатам встречи Ян Цзечи с М. Помпео в июне 2020 г. Вашингтон был прямо

обвинен в распространении практики двойных стандартов в борьбе с международным терроризмом [Yang Jiechi's Meeting...].

Во-вторых, свою роль сыграло и отсутствие у Блинкена опыта в проведении переговоров с представителями китайской стороны. Единственным консенсусом переговоров в Анкоридже стала готовность обеих сторон восстановить прерванный экологический диалог (развернутый еще в 2008 г. при Дж. Буше-мл. 10-летний план двустороннего сотрудничества в сфере энергетики и экологии при Д. Трампе так и не был пролонгирован). В апреле 2021 г. в Китай был направлен спецпредставитель президента США по вопросам климата Дж. Керри, который добился гораздо более ощутимых результатов.

В китайских СМИ и экспертном сообществе доминирует мнение, что сложными по форме теперь будут все будущие переговоры между двумя странами. Профессор Народного университета Цзинь Цаньжун объясняет это тем, что КНР и США вступили в длительную стадию конкуренции [Чжун-мэй гуаньси...]. На долгосрочный характер противостояния указывает и тот факт, что США стремятся укрепить широкую антикитайскую коалицию в Индо-Тихоокеанском регионе, придавая этой инициативе даже законодательную платформу. О последнем наглядно свидетельствует внесенный в Сенат законопроект Менендеса-Риша, ставший самой масштабной антикитайской законодательной инициативой за весь период двусторонних отношений [Menendes, Risch].

В свою очередь, президент Китайской Академии современных международных отношений (КАСМО) Юань Пэн считает, что отношения между Китаем и США станут более стабильными. Стороны будут прежде всего продвигать диалог в сфере стратегической безопасности, военные контакты, диалог в сфере экономики, торговли и изменения климата [Юань Пэн]. Экологическая проблематика сейчас рассматривается в двух странах как один из основных «драйверов» двусторонних отношений в ближайший период. Как известно, Си Цзиньпин по приглашению Байдена в конце апреля принял участие в инициированном Вашингтоном саммите «День Земли».

Другим перспективным направлением китайско-американского сотрудничества может стать сфера торговли и экономики. Правительство США пока взяло паузу в вопросе пролонгации экономиче-

ских санкций, введенных администрацией Д. Трампа. В Пекине в свою очередь весьма позитивно восприняли отказ министра финансов США Дж. Йеллен объявлять КНР валютным манипулятором, тем более, что, к примеру, Тайвань в этом году попал в данную категорию экономик [Treasury Secretary Janet Yellen...].

Меры, предпринятые Трампом, не привели ни к ликвидации дисбаланса двусторонней торговли, ни к значительному увеличению объемов американского экспорта в Китай. Так, в 2020 г. Китай импортировал американских товаров лишь на 100 млрд долл., хотя подписанное в январе 2020 г. соглашение о первой фазе торговой сделки предполагало достижение уровня в 173,1 млрд [Chinese purchases of US exports...]. Все более насущной становится задача выработки новых правил двусторонней торговли. Именно поэтому торговый представитель США К. Тан, выступая 5 мая 2021 г. на форуме Global Boardroom, заявила о планах провести в ближайшее время новый раунд переговоров с вице-премьером Госсовета КНР Лю Хэ [Top US trade envoy...].

В целом, в Пекине проявляют значительную заинтересованность в нормализации отношений с США, о чем, например, свидетельствует большой размах юбилейных мероприятий, посвященных 50-летию так называемой пинг-понговой дипломатии. В МИД КНР была опубликована большая речь посла КНР в США Цуй Тянькая, в которой основными перспективными направлениями двустороннего сотрудничества он назвал борьбу с пандемией, решение экологических проблем и восстановление глобальной экономики [Цуй Тянькай, 2021]. О намерениях Пекина нормализовать отношения с США говорит и тот факт, что Пекин в целом игнорирует решение администрации Байдена продолжить курс Трампа по активизации связей с Тайванем, в том числе и на официальном уровне. В китайских СМИ и аналитических публикациях незамеченными оказались такие факты, как либерализация режима контактов американских дипломатов с представителями Тайваня [New Guidelines...], так и сохранение должности зам.помощника госсекретаря по Тихому океану за С. Оудкирк, одной из наиболее активных сторонниц всемерной дипломатической поддержки Тайваня.

Декларируемая приверженности новой администрации к многостороннему подходу в отношениях с КНР также пока не приводит к

улучшению двусторонних отношений. По мнению китайских экспертов, политика Байдена будет даже опаснее курса предыдущей администрации, так как стремление США к гегемонии обретет более завуалированный характер.

Термин «многосторонний подход» (*добяньчжсуи*) активно используется в политическом языке руководителей КНР начиная с 2003 г. С тех пор многосторонние организации и формы диалога неизменно определяются в качестве «важной площадки» (*чжун'яо утай*) внешней политики страны. На словах приверженность так называемому мультилатерализму выражали и ведущие представители администраций Б. Обамы и Дж. Байдена, однако многие из последних действий США могут говорить лишь о переходе к многостороннему подходу в стратегии сдерживания Китая, основы которой остаются неизменными.

К. Хэ, Х. Фэн, С. Чан и В. Ху считают, что США переходят к «институциональному соперничеству» как одной из форм так называемого мягкого (институционального) ревизионизма¹. Целью такой стратегии является подрыв уровня международной легитимности существующих международных институтов и даже замена их новыми, в которые не будут допущены страны, демонстрирующие альтернативную модель развития [He et al., p. 14]. США и их союзники, вне сомнений, будут уделять значительное внимание таким новым и обновленным многосторонним структурам в сфере безопасности, как *Quad*, *D-10*², «Пять глаз» и др., имеющим явную антикитайскую направленность. Примечательно, что в ходе состоявшегося 7 мая

¹ Термин «ревизионизм» в международных отношениях с 1990-х годов стал применяться в отношении Китая как политологами, прежде всего представителями наступательного реализма (Дж. Миршаймер, Ф. Закария), так и высокопоставленными политиками США (К. Райс, П. Булфовиц). В соответствии с данной концепцией, в мире происходит противостояние между «странами статус-кво», поддерживающими существующий международный порядок, и «ревизионистскими державами», выступающими за его изменение.

² Неформальный клуб так называемых Десяти демократий, включающий страны «Большой семерки», а также Индию, Южную Корею и Австралию. Начало данной инициативы было положено на саммите глав МИД в Лондоне в начале мая 2021 г., а ее развития предполагается достичь в ходе встречи глав государств и правительств «семерки» в июне 2021 г.

2021 г. заседания министров иностранных дел Совбеза ООН как Ван И, так и Э. Блинкен сделали многосторонние международные институты основной темой своих выступлений, однако обвинили друг друга в стремлении подорвать демократических характер существующего миропорядка. По мнению госсекретаря США, многосторонний подход должен стать императивом современных международных отношений [Blinken]. Ван И в свою очередь призвал отказаться от практик гегемонизма и буллинга (балин), уважать разнообразие и воздерживаться от стремления к превосходству. Одновременно он выразил поддержку планам США отказаться от односторонних международных действий, характерных для президентства Д. Трампа [Ван И чжучи...].

Таким образом, несмотря на тот факт, что новая внешнеполитическая стратегия Вашингтона пока не сформировалась, первые шаги администрации США свидетельствуют о ее достаточно гибком и прагматичном курсе в отношении КНР. Данный прагматизм обусловлен главным образом той степенью угрозы, которую, по мнению властей США, Китай представляет для их глобальных интересов, что не закрывает путей возможного сотрудничества в будущем. Со своей стороны Китай также демонстрирует более жесткий подход в отстаивании своих ключевых национальных интересов, которые касаются прежде всего таких сфер, как суверенитет и возможность развивать взаимовыгодное международное сотрудничество в целях обеспечения дальнейшего подъема страны.

Библиографический список

Тимофеев О.А. США: поиски новой стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 3. С.16—27.

Байдэн цзюцзин жухэ дүйдай Чжунго? : [Как Байден относится к Китаю?] // Феникс ТВ. 12.11.2020. URL: <https://view.inews.qq.com/a/20201112A039CV00> (accessed: 01.05.2021). (На кит. яз.).

Ван И чжучи Ляньхэго Аньлихуэй гао цзибе хуэйи : [Ван И провел заседание Совбеза ООН] // МИД КНР. 07.05.2021. URL: <http://new.fmprc.gov.cn/web/wjbzh/d/t1874190.shtml> (accessed: 14.05.2021). (На кит. яз.).

Си Цзиньпин чжи дянь чжухэ Байдэн дансюоань Мэйго цзунтун [Си Цзиньпин направил Байдену поздравления в связи с избранием президентом США] // КПК. 26.11.2020. URL: <http://cpc.people.com.cn/shipin/n1/2020/1127/c243247-31947374.html> (accessed: 04.05.2021). (На кит. яз.).

Цуй Тянькай. Мэйю цзянькан вэньдин-дэ Чжун-мэй гуаньси «хоу-ицин шицзе» бу хуэй вэньдин : [Без здоровых и стабильных китайско-американских отношений постковидный мир не будет стабильным] // Госсовет КНР. 04.12.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-12/04/content_5567015.htm (accessed: 10.05.2021). (На кит. яз.).

Цуй Тянькай. Чжун-мэй пинпан вайцзяо 50 чжоунянь силе ходун каймуши шан-дэ чжицы : [Приветственное слово на открытии празднования 50-летия китайско-американской пинг-понговой дипломатии] // Посольство КНР в США. 11.04.2021. URL: <http://www.china-embassy.org/chn/zmgx/zxxx/t1868144.htm> (accessed: 14.05.2021). (На кит. яз.).

Чжунго гэй Мэйго-дэ синьси — вомэн сяньцзай ши пиндэн-дэ : [Китай информирует США — сейчас мы равноправны] // Хуаньцю. 14.04.2021. URL: <https://oversea.huangqiu.com/article/42i9LjmVUfG> (accessed: 12.05.2021). (На кит. яз.).

Чжун-мэй гуаньси цзай инь жэй? : [Новый спор в китайско-американских отношениях?] // Easin Overseas. 15.03.2021. URL: http://www.easinvisa.com/page165?article_id=375 (accessed: 11.05.2021). (На кит. яз.).

Чэн Чжэн. Байдэн бэйхуо-дэ шэньми Чжунго чжинантуань : [Тайная китайская команда за спиной Байдена] // Ван'и. 10.11.2020. URL: <https://dy.163.com/article/FR1V4Q3L0516JCVA.html> (accessed: 04.05.2021). (На кит. яз.).

Юань Пэн. Чжун-мэй гунтундянь юй фэнцидянь цзай гаоцэн дуйхуа цицзянь и таньту : [Диалог высокого уровня выявил точки соприкосновения и разногласий в китайско-американских отношениях] // Синьлан. 24.03.2021. URL: <https://finance.sina.com.cn/world/gicj/2021-03-24/doc-ikkntiam7274452.shtml> (accessed: 10.05.2021). (На кит. яз.).

Blinken A. Virtual Remarks at the UN Security Council Open Debate on Multilateralism // US Department of State. 07.05.2021. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-virtual-remarks-at-the-un-security-council-open-debate-on-multilateralism> (accessed: 03.05.2021).

Campbell K. and Sullivan J. (2019). Competition Without Catastrophe: How America Can Both Challenge and Coexist with China // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98. No 5. P. 96–110.

Chinese purchases of US exports fall far behind trade deal pledge // Financial Times. 22.01.2021. URL: <https://www.ft.com/content/0ecb870e-e7bb-49a4-90d6-9935c9fbce7c> (accessed: 08.05.2021).

Doshi R. and McGuiness K. Great Powers and Communications Risks, 1840-2021. Washington: Brookings Institution, 2021. 30 p.

Doshi R. et al. China as a “Cyber Great Power”. Washington: Brookings Institution, 2021. 31 p.

Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Remarks on Yang Jiechi's Meeting with US Secretary of State Michael R. Pompeo / Foreign Ministry of the PRC. 18.06.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1789798.shtml (accessed: 05.05.2021).

Hart M. and Link J. There Is a Solution to the Huawei Challenge / Center of American Progress. 14.10.2020. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2020/10/14/491476/solution-huawei-challenge> (accessed: 05.05.2021).

He K. et al. Rethinking Revisionism in World Politics // Chinese Journal of International Politics. 2021. P. 1—28.

Menendes R. and Risch J. A Bill to Address Issues Involving the PRC // US Senate. 21.04.2021. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/DAV21598%20-%20Strategic%20Competition%20Act%20of%202021.pdf> (accessed: 12.05.2021).

New Guidelines for U.S. Government Interactions with Taiwan Counterparts // US Department of State. 09.04.2021 URL: <https://www.state.gov/new-guidelines-for-u-s-government-interactions-with-taiwan-counterparts> (accessed: 04.05.2021).

Pompeo M. Communist China and the Free World's Future. Remarks at the Richard Nixon Presidential Library // US Department of State. 23.07.2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/index.html> (accessed: 13.05.2021).

Secretary Antony J. Blinken, National Security Advisor Jake Sullivan, Director Yang and State Councilor Wang Remarks at the Top of Their Meeting // US Department of State. 18.03.2021. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-national-security-advisor-jake-sullivan-chinese-director-of-the-office-of-the-central-commission-for-foreign-affairs-yang-jiechi-and-chinese-state-councilor-wang-yi-t-th> (accessed: 09.05.2021).

Top US trade envoy signals intention to meet Chinese counterpart soon // Financial Times. 05.05.2021. URL: <https://www.ft.com/content/93eaf975-ff0c-44dc-a-ce6-8d4e46f6ed57> (accessed: 02.05.2021).

Treasury Secretary Janet Yellen plans to spare China from currency manipulator label // South China Morning Post. 13.04.2021. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3129290/us-china-relations-treasury-secretary-janet-yellen-plans> (accessed: 10.05.2021).

Yan Xuetong. China and US to Fight for Tech Primacy, Not War // Nikkei. 08.05.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Caixin/China-and-US-to-fight-for-tech-primacy-not-war-Tsinghua-expert> (accessed: 09.05.2021).

References

- Baideng jiujing ruhe duidai Zhongguo? [How does Biden feel about China?]. 12.11.2020. URL: <https://view.inews.qq.com/a/20201112A039CV00> (accessed: 1 May, 2021). (In Chinese).
- Blinken, A. (2021). Virtual Remarks at the UN Security Council Open Debate on Multilateralism // US Department of State. 07.05.2021. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-virtual-remarks-at-the-un-security-council-open-debate-on-multilateralism> (accessed: 3 May, 2021).
- Campbell, K. and Sullivan, J. (2019). Competition Without Catastrophe: How America Can Both Challenge and Coexist with China, *Foreign Affairs*, vol. 98(5): 96–110.
- Chen Zheng (2020). Baideng beihou-de shenmi Zhongguo zhinanngtuan [The secret Chinese team behind Biden]. 10.11.2020. URL: <https://dy.163.com/article/FR1V4Q3L0516JCVA.html> (accessed: 4 May, 2021). (In Chinese).
- Chinese purchases of US exports fall far behind trade deal pledge, *Financial Times*, 22.01.2021. URL: <https://www.ft.com/content/0ecb870e-e7bb-49a4-90d6-9935c9fbce7c> (accessed: 8 May, 2021).
- Cui Tiankai (2020). Meiyou jiankang wending-de Zhong-mei guanxi “hou yiqing shijie” bu hui wending [Without a healthy and stable Sino-American relationship, the post-Covid world will not be stable], 04.12.2020. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-12/04/content_5567015.htm (accessed: 10 May, 2021). (In Chinese).
- Cui Tiankai (2021). Zhong-mei pingpong waijiao 50 zhounian xilie huodong kaimushi shang-de zhici [Welcome speech at the opening of the 50th Anniversary Celebration of Sino-American Ping-Pong Diplomacy]. 11.04.2021. URL: <http://www.china-embassy.org/chn/zmgx/zxxx/t1868144.htm> (accessed: 14 May, 2021). (In Chinese).
- Doshi, R. and McGuiness, K. (2021). Great Powers and Communications Risks, 1840–2021. *Washington: Brookings Institution*, 30 p.
- Doshi, R. et al. (2021). China as a “Cyber Great Power”, *Washington: Brookings Institution*, 31 p.
- Foreign Ministry Spokesperson Zhao Lijian's Remarks on Yang Jiechi's Meeting with US Secretary of State Michael R. Pompeo, *Foreign Ministry of the PRC*, 18.06.2020. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/t1789798.shtml (accessed: 5 May, 2021).
- Hart, M. and Link, J. (2020). There Is a Solution to the Huawei Challenge, *Center of American Progress*, 14.10.2020. URL: <https://www.americanprogress.org/issues/security/reports/2020/10/14/491476/solution-huawei-challenge> (accessed: 5 May, 2021).
- He, K. et al. (2021). Rethinking Revisionism in World Politics, *Chinese Journal of International Politics* :1–28.

Menendez, R. and Risch, J. (2021). A Bill to Address Issues Involving the PRC, *US Senate*, 21.04.2021. URL: <https://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/DAV21598%20-%20Strategic%20Competition%20Act%20of%202021.pdf> (accessed: 12 May, 2021).

New Guidelines for U.S. Government Interactions with Taiwan Counterparts, *US Department of State*, 09.04.2021 URL: <https://www.state.gov/new-guidelines-for-u-s-government-interactions-with-taiwan-counterparts> (accessed: 4 May, 2021).

Pompeo, M. (2020). Communist China and the Free World's Future. Remarks at the Richard Nixon Presidential Library, *US Department of State*. 23.07.2020. URL: <https://2017-2021.state.gov/communist-china-and-the-free-worlds-future-2/index.html> (accessed: 13 May, 2021).

Secretary Antony J. Blinken, National Security Advisor Jake Sullivan, Director Yang and State Councilor Wang Remarks at the Top of Their Meeting, *US Department of State*, 18.03.2021. URL: <https://www.state.gov/secretary-antony-j-blinken-national-security-advisor-jake-sullivan-chinese-director-of-the-office-of-the-central-commission-for-foreign-affairs-yang-jiechi-and-chinese-state-councilor-wang-yi-at-th> (accessed: 9 May, 2021).

Timofeev, O.A. (2009). SShA: poiski novoi strategii v Asiatsko-Tiookeanskem regione [USA in search of a new strategy in Asia-Pacific], *Far Eastern Affairs*, no. 3: 16—27. (In Russian).

Top US trade envoy signals intention to meet Chinese counterpart soon, *Financial Times*, 05.05.2021. URL: <https://www.ft.com/content/93eaf975-ff0c-44dc-ace6-8d4e46ff6ed57> (accessed: 2 May, 2021).

Treasury Secretary Janet Yellen plans to spare China from currency manipulator label, *South China Morning Post*, 13.04.2021. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3129290/us-china-relations-treasury-secretary-janet-yellen-plans> (accessed: 10 May, 2021).

Wang Yi zhuchi Lianheguo Anlihui gao jibie huiyi [Wang Yi chaired a meeting of the UN Security Council], 07.05.2021. URL: <http://new.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1874190.shtml> (accessed: 14 May, 2021). (In Chinese).

Xi Jinping zhi dian zhuhe Baideng danxuan Meiguo zongtong [Си Цзиньпин sent congratulations to Biden on his election as President of the United States], 26.11.2020. URL: <http://cpc.people.com.cn/shipin/n1/2020/1127/c243247-31947374.html> (accessed: 4 May, 2021). (In Chinese).

Yan Xuetong (2020). China and US to Fight for Tech Primacy, Not War, *Nikkei*, 08.05.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Caixin/China-and-US-to-fight-for-tech-primacy-not-war-Tsinghua-expert> (accessed: 9 May, 2021).

Yuan Peng (2021). Zhong-mei gongtongdian yu fenqidian zai gaoceng duihua qijian yi tanlu [Senior Dialogue Reveals Areas of Similarities and Differences in

Sino-US Relations], 24.03.2021. URL: <https://finance.sina.com.cn/world/gjcj/2021-03-24/doc-ikkntiam7274452.shtml> (accessed: 10 May, 2021). (In Chinese).

Zhongguo gei Meiguo-de xinxi — women xianzai shi pingdeng-de [China informs the US — now we are equal], 14.04.2021. URL: <https://oversea.huanqiu.com/article/4219LjmVUfG> (accessed: 12 May, 2021). (In Chinese).

Zhong-mei guanxi zai yin reyi? [New dispute in Sino-American relations?], 15.03.2021. URL: http://www.easinvisa.com/page165?article_id=375 (accessed: 11 May, 2021). (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-63-78

С.В. Уянаев

ИНДИЙСКО-КИТАЙСКИЙ ПОГРАНИЧНЫЙ СПОР: ВОЗМОЖЕН ЛИ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?

Аннотация. Тревожные события в западном секторе границы между Китаем и Индией в мае—июне 2020 г. стали серьезным поводом к очередному всплеску внимания к длящемуся уже как минимум полвека территориальному спору между двумя крупнейшими государствами Азии.

Пограничная проблема коренится в сложных хитросплетениях истории. В свое время британские власти колониальной Индии предпринимали различные шаги по территориальному разграничению в Тибете («линии Макмагона, Джонсона» и т. д.), однако в общепринятом для мировой практики смысле линия границы никогда, а тем более в полном объеме, не оформлялась. После обретения Индией независимости и провозглашения Китайской Народной Республики (1949 г.) данный вопрос впервые резко актуализировался, что в конечном итоге привело в 1962 г. к пограничной войне между двумя странами. По ее завершении роль границы стала выполнять так называемая Линия фактического контроля (ЛФК).

В обоснование своей позиции по территориальной проблеме Дели много лет апеллирует к ряду документов, включая Соглаше-

ние о восточном секторе границы, заключенное на конференции, которая в 1913—1914 гг. проходила в северо-индийском городе Симла (Шимла). Пекин категорически не признает это соглашение, указывая на то, что оно заключалось без участия китайских официальных лиц.

Территориальная проблема в отношениях КНР и Индии постоянно давала и дает о себе знать, то затухая, то вновь обостряясь. Под знаком такого очередного обострения прошел практически весь 2020 год.

В данной статье рассматриваются причины и последствия произошедших в 2020 г. пограничных событий, характеризуются шаги, предпринятые сторонами по выходу из кризиса, анализируется степень вероятности полного и окончательного решения двусторонней территориальной проблемы.

Ключевые слова: Китай, Индия, граница, спор, столкновения, соглашения, сделка, урегулирование, перспективы.

Автор: Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН. E-mail: svuyav@yahoo.com

S.V. Uyanaev

India-China border dispute: light at the end of the tunnel?

Abstract. The alarming events in the Western sector of the China-Indian border in May-June 2020 has become a serious reason for another surge of attention to the territorial dispute between the two largest states of Asia, which continues during at least half a century.

The borderline problem is rooted in the intricacies of history. At one time, the British authorities of colonial India took various steps to territorial delimitation in Tibet (“McMahon’s, Johnson’s lines”, etc.), however, in the generally accepted sense for world practice, the border line has not been ascertained, especially in full. Since India gained independence and the People’s Republic of China was proclaimed (1949), this issue was sharply actualized and ultimately led in 1962 to a border war between the two countries. Upon its completion, the so-called Line of Actual Control (LFC) began to play the role of the border. To substantiate its position on the territorial problem, Delhi has been appealing for many years to a number of documents, including the Agreement on the Eastern Sector of the Border, concluded at the conference held in the north Indian city of

Simla (Shimla) in 1913—1914. Beijing categorically rejects the Agreement, pointing out that it was concluded without the participation of Chinese officials [Lamb A., p.142—147].

The territorial problem in relations between the PRC and India has constantly made itself felt, now dying out, now aggravating again. 2020 was also marked by such another aggravation.

This article examines causes and consequences of the border events that occurred in 2020, describes steps taken by the parties to overcome the crisis, analyzes the degree of probability of a complete and final solution to the bilateral territorial problem.

Keywords: China, India, border, dispute, clashes, agreements, deal, settlement, prospects.

Author: Sergey V. UYANAEV, Ph.D. (History), Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: svuyav@yahoo.com

Объект китайско-индийского территориального спора в его нынешнем виде — это порядка 135 тыс. кв. км территории на западном, центральном и восточном участках общей границы. Ровно две трети этой площади приходится на восточный сектор. Здесь на контролируемой Индией территории расположен штат Аруначал-Прадеш, но Китай считает индийское присутствие там незаконным и называет этот район не иначе как «Южный Тибет».

Спорные участки на западном, кашмирском участке (контролируемый Китаем район Аксайчин и управляемый Индией Ладакх, получивший в 2019 г. статус «Союзной территории») по площади — вдвое меньше. Относительно небольшие по площади спорные территории (порядка 2 тыс. кв. км) расположены в центральном секторе.

Даже в сравнительно спокойные периоды на границе часто фиксируются такие явления, как «вторжения» отдельных пограничных патрулей на территорию сопредельной стороны, о чем, в частности, регулярно говорят в Индии, насчитывая до 100—150 таких случаев в год. Но с известной регулярностью происходят и более масштабные инциденты, участившиеся в последние годы, в том числе на западном участке.

Тучи над Ладакхом

Непосредственной причиной резкой актуализации темы пограничного спора послужила небывалая серьезность инцидентов, вспыхнувших в 2020 г. в Ладакхе (май-июнь) — в районах озера Пангонг-Цо и долины реки Галван. Острая фаза противостояния с участием сотен военных с обеих сторон длилась не менее полутора месяцев и в ночь с 15 на 16 июня повлекла за собой первые за последние 45 лет человеческие жертвы [Строкань С. Индия...]. Дели заявил о 20 погибших и 76 раненых индийских военных, Пекин долгое время не оглашал число жертв с китайской стороны и обнародовал свою версию лишь спустя год: «пять человек, включая офицера в звании капитана» [Ши пин: чжун гуо...]. При этом трагизм ситуации нес и элемент явной фантасмагории: столкнувшиеся пограничники, не имея, согласно уже давно принятым взаимным договоренностям, огнестрельного оружия, погибли от камней и дубинок. И это формально сохранило за границей статус района, где, как не раз подчеркивали эксперты и политики, «уже около полувека (с 1975 г.) не раздается ни единого выстрела» [Shankar S.].

Однако, какими бы трагичными ни были бы сами по себе факты людских потерь, они стали триггером масштабных последствий и политического свойства. Под угрозу был поставлен весь комплекс двусторонних отношений, здание которого возводилось ценой немалых усилий последние 30—35 лет.

Ситуация еще более осложнилась в связи с эпидемией коронавируса. В результате стороны серьезно свернули контакты во многих областях — от торговли до политических, инвестиционных и гуманитарных обменов. Последовали взаимные обвинения в системных попытках сдержать, затормозить общее развитие противоположной стороны. Особенно на этапе прямых пограничных столкновений, сопровождавшихся стягиванием с обеих сторон границы усиленных воинских контингентов, наблюдатели стали поговаривать о риске крупного конфликта по сценарию пограничной войны 1962 г.

Как это не раз бывало в предыдущие годы (в случаях 72-дневного противостояния пограничников в 2017 г. на плато Доклам в Сик-

киме, столкновения в 2013 г. в районе Депсан в западном секторе, более ранних инцидентов в районе Самдуронг Чу в восточном секторе ЛФК), с определенностью говорить о зачинщиках и «виновниках», спровоцировавших кровопролитие, практически невозможно. Каждая из сторон выдвигала свою версию событий, настаивая на том, что именно «другая сторона первой незаконно» установила свои пограничные палатки на оспариваемом участке.

Одной из общих версий обострения, которая обсуждалась, в частности, китайской стороной и некоторыми внешними экспертами, был сюжет, связанный с «обеспокоенностью Китая индийским приграничным дорожным строительством». В частности, речь шла о дороге, связывающей столицу Ладакха город Лех с находящимся вблизи перевала Каракорум местечком Даулат Бег Олди, где Индия располагает одной из «самых высокогорных взлетно-посадочных полос в мире». Дорога, сократившая время в пути с двух суток до 6 часов, ныне находится в стадии полного завершения строительства, ее протяженный 250-километровый участок проходит близ районов, где произошли майские и июньские инциденты [Nirupama Subramanian...].

Индийская сторона полностью отвергала право Китая на вмешательство по подобным поводам в свои «внутренние дела», особо настаивая на том, что строительство ведется на ее абсолютной, суверенной территории. Настаивая на исключительном праве самостоятельно определять свои интересы и приоритеты, Индия в ответ указывала на аналогичные факты, но имевшие место уже «с китайской стороны», например, на дорожное строительство силами китайских военных на спорных участках в районе Сиккима [The Facts and China's Position...].

Попытки примирения

Если в этих печальных событиях искать некие позитивные проявления, то ими могут считаться переговорные механизмы, созданные сторонами в предыдущие годы в попытках урегулировать обстановку на границе. Один из них — «Рабочий механизм консультаций

и координации по пограничным вопросам», стартовал еще в 2012 г. по линии министерств иностранных дел обеих стран [India-China Agreement...], имея задачей копирование вспыхивающих конфликтов. Другой — «Соглашение о сотрудничестве в охране границы» изначально был ориентирован в том числе на разноуровневое взаимодействие непосредственно пограничных служб [Agreement between the Government...], а также содержал положение о взаимном непрерывном патрулировании пограничными патрулями друг друга в районах со сложной обстановкой.

Именно по линии этих механизмов последовали, в дополнение к встречам глав дипломатических ведомств, шаги в попытках разрядить и умиротворить ситуацию.

В отличие от предыдущих лет приложенные усилия потребовали длительной и трудной работы. Так, переговорный процесс, запущенный по «мидовской» и непосредственно военно-пограничной дорожках, изначально сопровождался сообщениями о новых фактах пограничных обострений, пусть и менее драматичного характера.

Напомним, что практически сразу после трагических событий 15–16 июня, когда в долине реки Галван случились первые жертвы, в прямой телефонный диалог вступили главы внешнеполитических ведомств Ван И и С. Джайшанкар. Еще ранее, на фоне майских столкновений у озера Пангонг-Цо, диалог по «последним событиям» инициировали специальные представители правительства, ведущие с 2003 г. общие системные переговоры по пограничному урегулированию. 6 июня первый раунд переговоров провели командиры расквартированных по противоположным сторонам границы пограничных корпусов. Наконец в то же время состоялись очередные встречи «межмидовской» группы в рамках упомянутого Рабочего механизма консультаций и координации по пограничным вопросам.

Но одновременно происходило и наращивание сил по обе стороны границы в Ладакхе [Строкань С. Кашмирный...]. Источники сообщали о появлении здесь 17-тысячной дополнительной группировки НОАК, ведущей учебные артиллерийские стрельбы, и новых бригад индийских танков Т-90, призванных противостоять ей, и даже о случаях предупредительной стрельбы, имевших место 7 сен-

тября в районе озера Пангонг-Цо, которые фактически положили конец рассуждениям об ЛФК как о границе «без выстрелов». СМИ писали также о применении Китаем «микроволнового оружия», позволившего «вернуть» занятые индийскими пограничниками высоты, о сооружении Индией важных в военно-тактическом отношении мостов на приграничных реках.

Как бы то ни было, параллельно и непрерывно велся переговорный процесс. Сторонам, в частности, удалось добиться размежевания сил в долине реки Галван, после чего ход урегулирования вновь застопорился, в том числе из-за непримиримых позиций сторон в отношении района озера Пангонг-Цо. Центральное место в попытках добиться прогресса заняла редкая для периода пандемии очная встреча министров иностранных дел Китая и Индии, прошедшая на полях ежегодного мероприятия глав внешнеполитических ведомств стран ШОС в Москве 11 сентября 2020 г.. В принятом Совместном заявлении Ван И и Субраманиям Джайшанкар подчеркнули, что нынешняя ситуация в приграничных районах не отвечает интересам обеих сторон и что пограничные силы двух стран должны продолжать диалог. Стороны выразили намерение «как можно скорее отойти от линии соприкосновения и соблюдать необходимую дистанцию, сохранять мир и спокойствие в приграничных районах и избегать любых действий, которые могут обострить ситуацию» [Joint Press Statement....].

Незадолго до этого здесь же в Москве на полях аналогичных мероприятий ШОС, но уже по линии министров обороны, состоялась двухчасовая встреча глав военных ведомств КНР и Индии. По сообщениям СМИ, «ни Раджнатх Сингх, ни Вэй Фэнхэ не согласились уступить ни пяди земли; но есть признаки того, что подразделения обеих стран возвращаются на позиции, которые они занимали до столкновений, произошедших в июне» (приводится по [Скосырев В.]). После этих встреч с трудом и не сразу, но все же сдвинулась ситуация и на переговорах, которые с июня велись в формате встреч командиров приграничных соединений и, по крайней мере, до ноября находились в фактическом тупике.

Но в феврале 2021 г. стали поступать обнадеживающие сообщения, что стороны начали отвод тяжелой военной техники от Пан-

гонг-Цо. Пресс-релиз 10-го раунда переговоров высших пограничных командиров, прошедших 20 февраля, констатировал «плавное завершение отвода передовых подразделений в районе озера Пан-гонг-Цо», который «обеспечил хорошую основу для решения оставшихся вопросов, касающихся линии фактического контроля в западном секторе» [Китай и Индия начали...]

В конце марта известный китайский информационный портал *Net Ease* выступил с комментарием о том, что продвижение по линии компромисса между пограничниками положительно сказалось и на других сферах двусторонних отношений. В частности, был спрогнозирован скорый возврат на индийский рынок подвергнувшихся в минувшем году ограничениям китайских телекоммуникационных гигантов *Huawei* и *ZTE*. Но главным признаком улучшения китайские наблюдатели сочли объявленную Индией готовность участвовать (вместе с Китаем) в совместных маневрах ШОС-2021 (в 2020 г. Дели оказался от таких учений, что политики прямо связали с обострением отношений с Пекином) [Чжун ин ба яньси...].

Актуальна ли пакетная сделка?

Хрупкие признаки двустороннего урегулирования нуждаются в серьезном подкреплении. Поэтому сама ситуация спада всего китайско-индийского диалога, спровоцированная обострением положения в Ладакхе, вновь актуализировала общий вопрос о том, в чем, собственно, корень проблемы: почему ведущиеся без малого 40 лет переговоры по системному решению погранично-территориального вопроса в различных двусторонних форматах никак не увенчиваются успехом? Ответов, думается, несколько.

Прежде всего, как и в других подобных случаях территориальных споров, между КНР и Индией действует принцип «ни пяди земли». Этот принцип трудно осуждать, поскольку речь идет об универсальной категории прямых национальных интересов, причем о наиболее чувствительных их сторонах.

Конечно, территориальный спор — это, как правило, сугубо двусторонняя проблема, где вряд ли уместны прямые советы «со стороны» и возможны лишь общие ассоциации с международным опытом. А он подсказывает, что сколько-нибудь действенным способом разрешения является лишь путь взаимных уступок. И именно по этому пути (при всем разнообразии оценок), например, пошли СССР/Россия и КНР, которые в результате тех же 40 лет переговоров декларировали в итоге, что между ними «окончательно урегулирована пограничная проблема» [Совместное заявление...].

Заявляя о поиске «взаимоприемлемого» решения, Индия и Китай, казалось бы, намереваются следовать такому же подходу. Более того, время от времени в контексте двусторонних переговоров не раз звучала тема так называемого «пакетного соглашения», которое предусматривало бы некий вариант «обмена» спорными территориями и в конце концов де-факто признавало бы границей существующую ныне Линию фактического контроля.

Согласно источникам с обеих сторон, такая идея озвучивалась китайским руководством в 1962, 1979 и 1988 гг. [см., например, Guruswamy M.]. В очередной раз о такой возможности говорили в середине «нулевых» годов текущего века, но затем вопрос о «пакетном» решении стих. Ряд наблюдателей видят причиной произошедшую тогда смену индийского кабинета и состоявшееся вслед за этим ужесточение позиции Индии [Примаковские чтения...].

Как бы то ни было, резоны еще раз проанализировать «пакетный» вариант у сторон, похоже, существуют. Если говорить об Индии, то напомним, что, согласно базовому пакетному подходу, она должна отказаться от претензий в западном секторе ЛФК (38 тыс. кв. км в контролируемом сегодня Китаем районе Аксачин) в обмен на такой же отказ КНР от претензий в восточном секторе — на 90 тыс. км в нынешнем индийском штате Аруначал-Прадеш. При этом в неофициальных китайских источниках есть упоминания о 125 тыс. кв. км на восточном участке, «незаконно занимаемых Индией» [Чжун ин таньпань...]. Но вопрос для Дели осложняется тем, что в западном секторе Индия давно претендует не только на Аксачин, но также и на район долины Шаксгам (Shaksgam Valley, 5,2 тыс. кв. км), который, в соответствии с Соглашением от марта 1963 г., был пере-

дан Китаю Пакистаном из состава контролируемой Карачи с конца 1940-х годов северной части Кашмира¹. Логика Индии здесь проста: всю территорию Кашмира она считает своей, поэтому категорически не признает пакистано-китайское соглашение и отрицает термин «китайско-пакистанская граница» в принципе. Но при этом вполне понятно, что применительно к Шаксгаму речь идет, скорее, о другом территориальном споре — об индийско-пакистанском [Шикин В.]. И тогда, согласно той же формальной логике, территориальный «подарок», преподнесенный в 1963 г. Китаю Пакистаном, фактически «выпадает» из упомянутой «пакетной сделки» — теоретически возможного соглашения, который мыслится непосредственно между Индией и КНР («Аксайчин в обмен на Аруначал-Прадеш»). Ставить здесь вопрос о Шаксгаме — значит прямо связывать такую потенциальную «сделку» с практически тупиковым «кашмирским вопросом», а значит, делать ее такой же бесперспективной.

Даже если предположить невероятное — отказ Пекина от долины Шаксгама, то она могла бы «вернуться» только в ту часть Кашмира, которую контролирует Пакистан, ибо иное было бы расценено как «вмешательство» КНР в кашмирскую проблему, причем на индийской стороне. А такой сценарий, похоже, сегодня вряд ли возможен даже теоретически.

Готова ли Индия на дополнительную уступку — «забыть» о китайско-пакистанском пограничном соглашении почти 60-летней давности? Ответ может зависеть от отношения не только Дели, но и Пекина к «пакетной сделке» как таковой. Если стороны обоюдно все же признают ее некоей основой для комплексного и полноформатного урегулирования, то, возможно, есть смысл хорошо подумать, стоит ли вовлекать в него «кашмиро-пакистанскую тему». И в случае, если соглашение 1963 г. будет все же «забыто», достойным шагом, способным помочь Дели «сохранить лицо», вполне могли бы

¹ Академик РАН В.С. Мясников и д.и.н. Е.Д. Степанов указывают, что Индия заявляет здесь о своих правах на 6990 кв. км [Границы Китая..., с. 325]. Скорее всего имеется в виду площадь не только Шаксгама (этую долину называют еще долиной Кырчынбулака), но и вся территория Транср-Каракорумского тракта (Trans-Karakorum Tract). В то же время во многих источниках «Шаксгам» и «Транс-Каракорумский тракт» преподносятся как взаимозаменяемые или тождественные понятия.

стать, например, встречные шаги Пекина по отзыву или пересмотру сравнительно недавно возобновленных претензий на район Таванг в восточном секторе ЛФК или некоторые китайские уступки при разделе спорных участков (2 тыс. км) в центральном секторе.

Альтернативы невелики

Повторим, что решение подобных сугубо двусторонних вопросов — дело непосредственно вовлеченных сторон, и приведенные выше рассуждения «со стороны» носят сугубо экспертный характер. Не случайно, на официальном уровне Россия воздерживается от роли не только советчика, но и некоего посредника. Деликатность этого вопроса проявляется хотя бы в том, что реакция на упоминание того же китайско-советского/российского опыта зачастую обретает форму откровенного сомнения. В частности, в Индии говорят, что он вряд ли может быть перенесен на китайско-индийские отношения, хотя положительную роль этого опыта вряд ли можно отрицать. Примером его учета служат упомянутые выше китайско-индийские встречи, прошедшие в 2020 г. на полях мероприятий ШОС. Организованные в Москве, они включили также состоявшуюся 11 сентября трехстороннюю встречу глав внешнеполитических ведомств в формате Россия—Индия—Китай.

Ясно, что любые сколько-нибудь эффективные шаги по решительному урегулированию возможны лишь при истинном настрое обеих стран на достижение результата, при проявлении действительной политической воли и доверия. А здесь пока не все гладко. Об этом, например, красноречиво говорят заявления ряда индийских экспертов и политиков. По мнению некоторых из них, «Китай не стремится к урегулированию, рассматривая пограничный вопрос как средство давления на Индию» [Sharma R.]. Другие созвучным голосом настаивают на том, что «эффективное решение» вопроса предполагает «готовность КНР пойти на асимметричные или односторонние уступки Индии» [Rao Nirupama].

Понятно, что такие подходы вряд ли способны вызвать энтузиазм в Пекине, где на протяжении многих лет высказываются «зер-

кальным» образом, но уже обвиняя «неуступчивую» и «агрессивную Индию» [India's unwise...].

В любом случае неоспорим тот факт, что сторонам рано или поздно придется искать системное, фундаментальное и реалистичное решение пограничной проблемы. Печальной альтернативой могут быть лишь события, подобные схваткам на берегах Пангонг-Цо и Галвана. Задача минимум — выйти на докризисный алгоритм двусторонней повестки, наращивать сотрудничество и поэтапно крепить доверие, параллельно изыскивая сугубо диалоговые развязки пограничной и иных проблем. Обнадеживает то, что декларации, свидетельствующие об осознании данной задачи, звучат и из Пекина, и из Дели.

Библиографический список

Границы Китая. История формирования / под общ. ред. В.С. Мясникова и Е.Д. Степанова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 470 с.

Индия и Китай договорились о деэскалации конфликта на границе. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4485296?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> (дата обращения: 22.04.2021).

Китай и Индия начали отводить войска от совместной границы. URL: <https://iz.ru/1123013/2021-02-10/kitai-i-indiya-nachali-otvodit-voiska-ot-sovmestnoi-granitcy> (дата обращения: 22.04.2021).

Примаковские чтения: Индия в фокусе интересов. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712861> (дата обращения: 22.04.2021).

Скосырев В. Россия помогла Китаю и Индии избежать войны. URL: https://www.ng.ru/world/2020-09-06/6_7956_india.html (дата обращения: 22.04.2021).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 25 июня 2016 года. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (дата обращения: 22.04.2021).

Строкань С. Индия и Китай недосчитались многих. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4485296?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> (дата обращения: 22.04.2021).

Строкань С. Кашмирный год Индии: до-пакистанский конфликт прирастает Китаем // Коммерсантъ. 22.08.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4459966> (дата обращения: 22.04.2021).

Шикин В. Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война. URL: <https://russiangouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-i-kitay-vzryuopora-snuy-mir-ili-kholodnaya-voyna/> (дата обращения 20.04.2020).

Чжун ин ба яньси иннфа же и! Инду дуйхуа тайду 180 да фань чжуань. Си-фан цошоу буцзи. 2021-03-28. Ван и шоу е : [Учения «Китай-Индия-Пакистан» вызвали бурную дискуссию! Отношение Индии к Китаю изменилось на 180°, и Запад застигнут врасплох // Информ портал Netease Home. 28.03.2021. URL: <https://www.163.com/dy/article/G65NJG090543OQHD.html> (дата обращения: 16.04.2021). (На кит. яз.).

Чжун ин таньпань: вэйхэ во цзюнь хоучэ 2 гунли, инцзюнь цай хоучэ 1 гунли? : [Китай и Индия ведут переговоры, почему наша армия отступила на 2 км, индийская армия отступила на 1 км?]. URL: <https://cj.sina.com.cn/articles/view/5395803974/v1419d6f4601900zfse> (дата обращения: 16.04.2021). (На кит. яз.).

Ши пин: чжун гуо циши гунбу инсюн шицзы еу уда ии : [Редакционный комментарий. Китай объявил о значении героического подвига: пять главных пунктов]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1692135990111404357&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 22.04.2021). (На кит. яз.).

Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Border Defense Cooperation URL: <https://www.meaindia.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22366/agreement+between+the+governmen+of+the+republic+of+india+and+the+government+of+the+peoples+republic+of+china+on+border+defence+cooperation> (accessed: 17.04.2021).

Guruswamy Mohan. Sino-Indian border dispute: New package deal floated by former Chinese negotiator is no deal at all. URL: <http://scroll.in/article/830978/sino-indian-border-dispute-new-package-deal-floated-by-former-chinese-negotiator-is-no-deal-at-all> (accessed: 17.04.2021).

India's unwise military moves // Global Times, June 11, 2009. URL: <https://defense.pk/pdf/threads/indiass-unwise-military-moves-global-times-editorial.28132> (accessed: 17.04.2021).

India-China Agreement on the Establishment of a Working Mechanism for Consultation and Coordination on India-China Border Affairs. URL: https://www.meaindia.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/17963/IndiaChina_Agreement_on_the_Establishment_of_a_Working_Mechanism_for_Consultation_and_Coordination_on_IndiaChina_Border_Affairs (accessed: 17.04.2021).

Joint Press Statement — Meeting of External Affairs Minister and the Foreign Minister of China (September 10, 2020) URL: <https://meaindia.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?32961/Joint+Press+Statement++Meeting+of+External+Affairs+Minister+and+the+Foreign+Minister+of+China+September+10+2020> (accessed: 21.04.2021).

Lamb Alastair. China—India Border. The origins of disputed boundaries. — London—New—York—Toronto: Oxford University Press ,1964. 192 p.

Nirupama Subramanian Explained: The strategic road to DBO. URL: <https://indi-anexpress.com/article/explained/lac-stand-off-india-china-darbuk-shyok-daulat-beg-oldie-dsdbo-road-6452997/> (accessed: 17.04.2021).

Rao Nirupama. Dealing with the bigger neighbour, China. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/dealing-with-the-bigger-neighbour-china/article33907364.ece> (accessed: 17.04.2021).

Shankar Siddharth V. Not Even a Single Gunshot Has Been Fired at the Disputed Sino — Indian Border Since 1975. June 26.2020. URL: <https://hubpages.com/politics/Not-even-a-single-gun-shot-has-been-fired-at-the-disputed-Sino-Indian-border-since-1975> (accessed: 17.04.2021).

Sharma Rohit. Why has China and India not able to solve border issues? URL: <https://www.quora.com/profile/Rohit-Sharma-4917> (accessed: 17.04.2021).

The Facts and China’s Position Concerning the Indian Border Troops’ Crossing of the China-India Boundary in the Sikkim Sector into the Chinese Territory. URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2017/prc-border-2017-08-02.htm> (accessed: 17.04.2021).

References

Agreement between the Government of the Republic of India and the Government of the People’s Republic of China on Border Defense Cooperation. URL: <https://www.meia.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/22366/agreement+between+the+governments+of+the+republic+of+india+and+the+government+of+the+peoples+republic+of+china+on+border+defence+cooperation> (accessed: 17 April, 2021).

Granicy Kitaya. Iстория формирования (2001) / Под.обшч.ред. V.S.Myasnikova и E.D.Stepanova [Borders of China. History of formation, ed. V.S.Myasnikov and E.D.Stepanov], M.: *Pamyatniki istoricheskoy mysli* [Monuments of historical thought PH], 470 p. (In Russian).

Guruswamy, Mohan (2017). Sino-Indian border dispute: New package deal floated by former Chinese negotiator is no deal at all. URL: <http://scroll.in/article/830978/sino-indian-border-dispute-new-package-deal-floated-by-former-chinese-negotiator-is-no-deal-at-all> (accessed: 17 April, 2021).

India’s unwise military moves, *Global Times*, June 11, 2009. URL: <https://defence.pk/pdf/threads/indiass-unwise-military-moves-global-times-editorial.28132/> (accessed: 17 April, 2021).

India-China Agreement on the Establishment of a Working Mechanism for Consultation and Coordination on India-China Border Affairs. URL: https://www.meaindia.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/17963/IndiaChina_Agreement_on_the_Establishment_of_a_Working_Mechanism_for_Consultation_and_Coordination_on_IndiaChina_Border_Affairs (accessed: 17 April, 2021).

Indiya i Kitaj dogovorilis' o deeskalacii konflikta na granice [India and China agree to de-escalate border conflict]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4485296?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

Joint Press Statement — Meeting of External Affairs Minister and the Foreign Minister of China (September 10, 2020) URL: <https://meaindia.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?32961/Joint+Press+Statement++Meeting+of+External+Affairs+Minister+and+the+Foreign+Minister+of+China+September+10+2020> (accessed: 21 April, 2021).

Kitaj i Indiya nachali otvredit' vojska ot sovmestnoj granicy [China and India began to withdraw troops from the joint border]. URL: <https://iz.ru/1123013/2021-02-10/kitai-i-indiya-nachali-otvredit'-voiska-ot-sovmestnoi-granitcy> (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

Lamb, Alastair (1964). China-India Border. The origins of disputed boundaries. *London-New-York-Toronto, Oxford University Press*, 192 p.

Nirupama Subramanian Explained: The strategic road to DBO (2020). URL: <https://indianexpress.com/article/explained/lac-stand-off-india-china-darbuk-shyok-daulat-beg-oldie-dsdbo-road-6452997/> (accessed: 17 April, 2021).

Primakovskie chteniya: Indiya v fokuse interesov [Primakov readings: India in the focus of interests]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/712861> (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

Rao, Nirupama (2021). Dealing with the bigger neighbour, China. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/dealing-with-the-bigger-neighbour-china/article33907364.ece> (accessed: 17 April, 2021).

Shankar, Siddharth V (2020). Not Even a Single Gunshot Has Been Fired at the Disputed Sino — Indian Border Since 1975. URL: <https://hubpages.com/politics/Not-even-a-single-gun-shot-has-been-fired-at-the-disputed-Sino-Indian-border-since-1975> (accessed: 17 April, 2021).

Sharma, Rohit (2020). Why has China and India not able to solve border issues? URL: <https://www.quora.com/profile/Rohit-Sharma-4917> (accessed: 17 April, 2021).

Shi ping zhong guo qishi gongbu in xiong shi ji you wu da yi yi [Editorial comment. China has announced the significance of a heroic feat: five main points]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1692135990111404357&wfr=spider&for=pc> (accessed: 22 April, 2021). (In Chinese).

Shikin, V. (2014). Indiya i Kitaj: vzryvoopasnyj mir ili holodnaya vojna [India and China: an explosive Peace or a Cold War]. URL: <https://russiangroup.ru/analytic-an>

d-comments/analytics/indiya-i-kitay-vzryvoopasnyy-mir-ili-kholodnaya-voyna (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

Skosyrev, Vladimir. Rossiya pomogla Kitayu i Indii izbehat' vojny [Russia helped China and India avoid war]. URL: https://www.ng.ru/world/2020-09-06/6_7956_in dia.html (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

Sovmestnoe zayavlenie Rossiskoj Federacii i Kitajskoj Narodnoj Respubliki 25 iyunya 2016 goda [Joint statement of the Russian Federation and the People's Republic of China. June 25, 2016]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100> (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

Strokan', Sergey (2020). Kashmirnyj god Indii. indo-pakistanskij konflikt prirastaet Kitajem [A nightmare year for India. Indo-Pakistan conflict grows with China], *Kommersant*, 22.08.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4459966> (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

Strokan', Sergey (2020). Indiya i Kitaj nedoschitalis' mnogih [India and China missed many]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4485296?query=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9> (accessed: 22 April, 2021). (In Russian).

The Facts and China's Position Concerning the Indian Border Troops' Crossing of the China-India Boundary in the Sikkim Sector into the Chinese Territory (2017). URL: <https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2017/prc-border-2017-08-02.htm> (accessed: 17 April, 2021).

Zhōng yìn bā yanxí" yinfā rè yì! Yindù duì huá taidù 180°da fan zhuan, xifāng cuòshōùbují. 2021-03-28. Wangyi shou ye [“China-India-Pakistan exercise” sparked heated debate! India's attitude towards China shifted 180° and the West is taken by unaware. 2021-03-28], *NetEase Home Information Portal*. URL: <https://www.163.com/dy/article/G65NJD090543OQHD.html> (accessed: 16 April, 2021). (In Chinese).

Zhōng yin tanpan: weihe wo jun houche 2 gongli, by jun houche 1 gongli ? [China and India are negotiating: why our army retreated 2 km, the Indian army retreated 1 km?]. URL: <https://cj.sina.com.cn/articles/view/5395803974/v1419d6f4601900zfse> (accessed: 16 April, 2021). (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-79-96

К.А. Лихачев

ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ФОНЕ ОБОСТРЕНИЯ ПОГРАНИЧНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ НЬЮ-ДЕЛИ

Аннотация. В данной статье предпринимается попытка ответить на вопрос, каким образом видоизменились отношения между Китаем и Индией в последнее десятилетие, и какую роль в этом процессе занимают существующие территориальные противоречия между странами. Рассмотрена индийская трактовка стратегии КНР в регионе Южной Азии и роли китайско-пакистанских связей в выстраивании регионального баланса сил. Автор затрагивает тему влияния «трансграничного терроризма», поддерживаемого с территории Пакистана, на характер китайско-индийских отношений. Акцент статьи сделан на итогах противостояния Китая и Индии вдоль Линии фактического контроля (ЛФК) на плато Доклам в 2017 г. и реорганизации штата Джамму и Кашмир в 2019 г., спровоцировавшей новые пограничные столкновения в Ладакхе в 2020 г. В статье делается вывод о том, что инцидент в долине реки Галван в июне 2020 г. определил ужесточение курса политики правительства Н. Моди в отношении КНР. В результате сохранение существующего статус-кво в Ладакхе больше не является обоядным приоритетом. Вследствие принципиальных противоречий в трактовке ЛФК

именно пограничные споры становятся ключевым фактором для выстраивания китайско-индийских отношений. В то же время существующий механизм по предупреждению столкновений в районах ЛФК до сих пор позволяет избегать эскалации пограничных инцидентов. Более того, существенная торгово-экономическая зависимость Индии от Китая в настоящее время предохраняет Нью-Дели от выбора силового варианта в решении спорных пограничных вопросов. При этом автор предполагает, что в условиях развития конфронтации с Китаем Индия может видоизменить внешнеполитические принципы «стратегической автономии» в пользу стратегии «мягкого балансирования» для сдерживания КНР. Об этом может свидетельствовать сближение с США и активизация индийского участия в формате *Quad*¹, имеющем скрытый антикитайский характер, а также развитие индийской концепции «Индо-Тихоокеанского региона». В любом случае вопрос территориальных противоречий будет иметь определяющий характер в выборе стратегии Нью-Дели в отношении КНР на ближайшие годы.

Ключевые слова: Индия, КНР, Пакистан, линия фактического контроля, территориальные споры, внешняя политика, трансграничный терроризм, Джамму и Кашмир, Ладакх.

Автор: Лихачев Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: likhachev.kirill@gmail.com

K.A. Likhachev

The changing nature of Sino-Indian relations against the rising border tensions: view from New Delhi

Abstract. This article pretends to answer how Sino-Indian bilateral relations have been changing during the last decade and what role the existing border disputes play within this process. Attention is given to India's perception of Chinese strategy in the South Asia region and the influence of Chinese-Pakistani ties on the shifts in regional balance of power. The author touches upon the subject of 'cross-border terrorism', promoted from the Pakistan soil against India, and its implications to the Sino-Indian relations. A stress is put on the significance of the Doklam

¹ Четырехсторонний диалог по безопасности в составе США, Японии, Индии и Австралии.

Plateau standoff between India and China in 2017 and the reorganization of the Jammu and Kashmir state in 2019 which in turn led to new border skirmishes in Ladakh in 2020. It is concluded, that the incident in Galwan Valley in June 2020 was a turning point for the Modi's government to choose tough foreign policy towards China. As a result, preserving the current status-quo in Ladakh is not anymore a mutual priority for the both countries. The boundary dispute seems to become principal defining factor in Sino-Indian bilateral relations, because of fundamental contradictions about the Line of actual control (LAC). At the same time, the existing confidence-building measures which are meant to facilitate cooperation along the LAC still preserve the sides from escalating border clashes. Moreover, substantial trade-economic dependence from China implies that New Delhi would prefer to avoid the use of force in resolving border disputes at the time. However, India could shift its traditional 'strategic autonomy' principles towards 'soft balancing' strategy in order to contain Beijing in the context of deepening contradictions with China. This could be partially confirmed by India's growing rapprochement with the US and evolution of India's participation in the Quad dialogue format, which has implicit anti-Chinese goals, or India's promotion of the Indo-Pacific concept. Anyway, the issue of territorial contradictions will be crucial for New Delhi's strategy towards the PRC in the short — and midterm.

Keywords: India, PRC, Pakistan, Line of actual control (LAC), territorial disputes, foreign policy, cross-border terrorism, Jammu and Kashmir, Ladakh.

Author: Kirill A. LIKHACHEV, Ph.D. (History), Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Saint-Petersburg State University. E-mail: likhachev.kirill@gmail.com

Обострение территориальных споров между Индией и Китаем можно воспринимать в качестве индикатора, свидетельствующего о происходящих изменениях в региональном балансе сил, которые в значительной степени обусловлены столкновением глобальных амбиций двух крупнейших держав Азии на фоне развивающейся американо-китайской конфронтации. В 2010-х годов усиление роли КНР в мировой экономике и политике сопровождалось торгово-экономическим проникновением Китая в «домашний» для Индии регион, что подрывало индийские позиции в отношениях с со-

седними странами [Likhachev K.]. Закрепив за собой позицию крупнейшего торгового партнера Индии, Пекин вовлекал Нью-Дели во все большую торгово-экономическую зависимость. Параллельно укрепление «всепогодного союза» КНР с Пакистаном ставило Нью-Дели во все более сложное положение. Приход к власти Бхаратия Джаната Парти (БДП) в 2014 г. обозначил новый этап во внешней политике Индии. Амбиции нового политического руководства во главе с Н. Моди были направлены на вывод Индии в статус глобальной державы. В контексте растущего китайско-индийского соперничества за влияние на страны Юго-Восточной Азии и Африки и расширения военно-морского присутствия Китая в акватории Индийского океана вопрос об оптимальной стратегии в отношении Пекина приобретал первостепенное значение. В Нью-Дели сделали ставку на параллельное развитие различных форматов сотрудничества в рамках политики «стратегической автономии». Поддержка приемлемого баланса сил в региональной политике в условиях растущей мощи КНР происходила в том числе и посредством укрепления отношений с зачастую соперничающими акторами (США и РФ, Ираном и Израилем, в рамках БРИКС и *Quad*). Однако накопление противоречий с Китаем при сохранении конфликтогенного потенциала территориальных споров все больше предопределяло вероятность деструктивных тенденций в отношениях Пекина и Нью-Дели.

«Политика сдерживания» и фактор Пакистана в индийско-китайских отношениях

Характер китайско-индийских отношений, традиционно рассматриваемый в «нулевых» годах текущего века в рамках модели «партнерство-соперничество», начал меняться с приходом «пятого поколения лидеров» КНР в 2012 г. К 2016 г. индийская сторона восприняла некоторые решения Пекина по принципиальным для Нью-Дели вопросам как свидетельство проводимой в отношении Индии «политики сдерживания». Во-первых, КНР в Совете Безопасности ООН последовательно накладывала вето на включение Масуда

Азхара, лидера террористической группировки Джайш-е-Мухаммад (ДжМ) (запрещена в РФ), в черный список международных террористов. Базирующаяся в Пакистане ДжМ несла ответственность за целый ряд крупных терактов на территории Индии. В Нью-Дели всегда делали акцент на «трансграничности» террористической угрозы, исходящей из Пакистана. Включение Азхара в черный список ООН значительно подкрепило бы позиции Индии в отношении неудовлетворительной роли Пакистана в борьбе с международным терроризмом на собственной территории. Складывалось впечатление, что КНР преследовала цель предотвращать те международные инициативы, которые могли способствовать признанию Пакистана на международной арене как государства, поддерживающего терроризм. Это могло бы нанести урон престижу самого Китая в качестве главного союзника Пакистана в регионе. Во-вторых, Китай во главе ряда стран заблокировал индийскую заявку о присоединении к Группе ядерных поставщиков (ГЯП), мотивируя это неприсоединением Индии к режиму ядерного нераспространения в рамках ДНЯО. Членство в ГЯП позволило бы Индии значительно ослабить зависимость экономики от импорта энергоресурсов. Присоединение к ГЯП в обход ДНЯО было центральным звеном в «ядерной сделке» Индии и США, которые оказывали всестороннюю поддержку индийской заявке в переговорах с остальными участниками данного объединения. Сближение Индии с США также вызывало озабоченность у руководства КНР.

На этом фоне в мае 2017 г. Индия торпедировала китайскую инициативу «Пояс и путь» (ИПП), объясняя свое нежелание участвовать в крупнейшем инфраструктурном и торговом предприятии тем, что проект Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) планируется к реализации на спорных территориях в Кашмире. Несмотря на то, что Индия являлась вторым главным акционером управляемого КНР Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), общий характер индийских опасений был связан с тем, что ИПП находится под полным контролем Китая, а значит «присоединение страны к «Поясу и путям» будет равнозначно признанию неизбежности превосходства Китая в Азии, превращения Индии на длительную перспективу в азиатскую державу «второго

класса»» [Лексютина Я.В.]. Этот демарш бросил тень на развитие ИПП, так как именно выход через Пакистан в акваторию индийского океана делал на тот момент КПЭК флагманом китайского мегапроекта. Противостояние на плато Доклам на границе Индии, Бутана и Китая (лето 2017 г.), напомнило Индии о китайской трактовке границ вдоль Тибета и в определенной степени явилось ответом Пекина на индийскую позицию в отношении КПЭК. С этого времени обострение ряда пограничных споров, долгие годы остающихся замороженными, поставило под вопрос стабильность всей конструкции двусторонних отношений между Китаем и Индией.

Фактор пограничных споров и роль регулирующих механизмов взаимодействия

Споры относительно тех границ, которые были навязаны Китаю британцами в 1914 г. в Симле, обусловили сохранение территориальных противоречий между Китаем и Индией вдоль всей границы с Тибетом. С момента своего образования КНР не признавала линию МакМагона в качестве границы. Принципы «панчашилы» помогали сглаживать острые углы между странами в 1950-е годы, однако вопрос о политическом убежище для Далай-ламы XIV в 1959 г. вбил клин между Китаем и Индией. В 1960 г. Джавахарлал Неру отверг предложение Чжоу Эньляя об «обмене» территории Аруначал-Прадеш на Ладакх, что во многом предопределило дальнейшее сползание к войне. Провальными для Индии итоги китайско-индийской войны 1962 г. зафиксировали существенные изменения: территория Аксайчина в Ладакхе перешла под контроль КНР, а линия фактического контроля (ЛФК) стала играть роль неофициальной границы между двумя государствами. Индия была вынуждена согласиться с новым статус-кво, хотя неизменно считала территории Аксайчина своими. Большая часть ЛФК оставалась не демаркированной.

Нормализация китайско-индийских отношений в 1990-х сопровождалась подписанием двух соглашений по укреплению мер доверия в зоне ЛФК в 1993 и 1996 гг., согласно которым решение споров должно было осуществляться только в русле мирного диалога.

При этом Статья 6 (1) Соглашения 1996 г. предусматривала запрет на применение огнестрельного оружия или взрывчатки в случае столкновения военных двух стран на ЛФК [Agreement Between the Government...]. В первое десятилетие XXI в. на фоне широкого взаимодействия как на двусторонней, так и на многосторонней основе налаживание механизма по предотвращению пограничных столкновений соотносилось со стратегическими интересами обеих стран.

В начале 2010-х годов Индия стала обращать внимание на проведение Китаем дорожной инфраструктуры на Тибетском плато и в зонах ЛФК рядом с индийским Ладакхом. Появление китайских войск в «индийских» зонах ответственности ЛФК вызвали опасения в индийских политических кругах. Для нивелирования возможных проблем в 2012 и 2013 гг. Индия и Китай подписали новые соглашения по приграничному взаимодействию, усиливающему совместные механизмы по контролю и координации в зонах ЛФК. На этом фоне масштабная реформа НОАК в 2015 г. сопровождалась значительной перегруппировкой сил и увеличением присутствия войск КНР вдоль ЛФК. При этом в практику китайских пограничников вошли перемещения из «китайской зоны» ЛФК на спорные территории, контролируемые Индией. Согласно официальным индийским данным, в период 2016—2018 гг. китайскими пограничниками было совершено 1025 пересечений ЛФК, причем была заметна тенденция к ежегодному увеличению количества подобных случаев [1025 Chinese Transgressions...].

В этом ряду особняком стоит инцидент на плато Доклам в 2017 г. Индия продемонстрировала готовность защищать оспариваемую Китаем территорию Бутана в районе восточного сектора ЛФК в рамках Договора о дружбе от 2007 г. Защита бутанской территории увязывалась в Нью-Дели с поддержанием обороноспособности расположенного рядом стратегически важного штата Сикким, который является связующим звеном между северо-восточными штатами и основной территорией Индии. Очевидно, что ни одна из сторон не стремилась к дальнейшей эскалации, поэтому инцидент перерос в 73-дневное противостояние, завершившееся взаимным отводом войск. В политических и экспертных кругах Индии противостояние

в Докламе было воспринято в качестве проверки Китаем индийской реакции на попытку изменения статус-кво вдоль фактической границы.

Несмотря на провоцирующий характер изменений в пограничной политике КНР, в Нью-Дели воздержались от открытой критики действий Пекина и старались не подогревать общественные настроения, связанные с участвовавшими случаями появления китайских солдат на индийской части фактической границы. Администрация Н. Моди стремилась не допускать негативного влияния пограничных споров на общий характер взаимовыгодного сотрудничества с Китаем. Окончательное урегулирование сложившейся ситуации потребовало проведения неофициальной встречи на высшем уровне в апреле 2018 г. в Ухани. В то же время растущая активность Китая вдоль ЛФК, и особенно возле Ладакха, не могла не беспокоить руководство Индии.

Изменение статуса Джамму и Кашмира как обостряющий фактор

Переломным моментом в отношениях Индии и Китая стала отмена широкой автономии штата Джамму и Кашмир (ДиК) в августе 2019 г. Важную роль играют предшествующие этому события, а также понимание того, что фактор терроризма был и остается для Индии наиболее сильным триггером в определении региональной политики. Крупный теракт группировки Джайш-е-Мухаммад в ДиК 14 февраля 2019 г. спровоцировал широкий общественный резонанс в Индии, подтолкнув Н. Моди на проведение жестких ответных мер. Впервые за всю историю страны премьер-министр Индии санкционировал военно-воздушную операцию в глубине пакистанской территории с целью уничтожения лагеря ДеМ по подготовке террористов. Важно подчеркнуть, что жесткая линия в отношении Пакистана укрепила популярность премьер-министра Моди и внесла значительный вклад в триумфальное переизбрание БДП на парламентских выборах в мае 2019 г. Выраженный националистический вектор БДП получил широкое одобрение среди индуистского боль-

шинства страны. Поэтому новое правительство Н. Моди предприняло попытку по-своему разрешить многолетний тлеющий конфликт в штате Джамму и Кашмир, невзирая на позицию мусульманского большинства этого штата и нерешенность вопроса о кашмирских границах с Пакистаном и Китаем.

В стремлении снизить уровень террористической активности, поддерживаемой из Пакистана, а также ослабить оппозиционный потенциал индийских мусульман в ДиК, Нью-Дели отменил особый статус Джамму и Кашмира 5 августа 2019 г. Понижение существующего статуса ДиК до уровня союзной территории подразумевало распуск местного правительства, отмену собственной конституции штата и введение прямого управления из столицы. Принципиальное значение имело то, что Ладакх исключили из состава Джамму и Кашмира, сформировав из него отдельную союзную территорию. В восприятии Пекина изменение статуса ДиК и Ладакха нарушило статус-кво в «кашмирском вопросе». Пекин увязывал отзыв широкой автономии и изменение административных границ ДиК с проблемой нерешенности спора о границах между странами. Китайская сторона трактовала произошедшие односторонние изменения как «неприемлемые» и противоречащие двусторонним соглашениям 1993 и 1996 гг. Индия в свою очередь позиционировала реформирование Джамму и Кашмира как внутригосударственный вопрос, не требующий никаких согласований извне. В подтверждение этой позиции с ноября 2019 г. на официальных картах Индии Аксайчин, находящийся под управлением КНР, изображался в качестве неотъемлемой части индийской союзной территории Ладакх [Maps of newly formed...]. При этом важно подчеркнуть, что реформированию Джамму и Кашмира предшествовало строительство дороги к высокогорной индийской военной базе Даулат-Бег-Олди, позволяющей полноценно использовать восстановленную индийскую взлетно-посадочную полосу в нескольких километрах от ЛФК в Ладакхе. Получение Индией такого стратегического преимущества в районе Восточного Ладакха вкупе с изменением статуса всей территории ДиК было воспринято в Пекине как отход Нью-Дели от сохранения статус-кво в западном секторе ЛФК.

Новый инцидент в Ладакхе и его последствия

В результате усиления активности обеих сторон значительно повысился риск столкновений в «серых зонах» ЛФК, не имеющих четкой демаркации. Инцидент в долине реки Галван в Ладакхе 15—16 июня 2020 г. принес большое количество погибших, нехарактерное для рукопашной схватки без применения оружия. Согласно индийским данным, в ходе столкновения, произошедшего в индийской части долины Галван, погибло 20 солдат с индийской стороны и 43 с китайской [China suffered 43...]. Столь многочисленные жертвы были вызваны сложным рельефом местности (высокий обрыв, бурная горная река) и условиями плохой видимости. Дальнейшую эскалацию удалось предотвратить благодаря существующим механизмам взаимодействия и переговоров. В то же время крайне негативное общественное мнение, созвучное широкой антикитайской риторике индийских СМИ, настраивало правительство Индии в пользу кардинального пересмотра традиционной «китайской политики». По всей видимости, инциденты в Ладакхе (в долине реки Галван и у озера Пангонг-Цо) привели политическое руководство Индии к пониманию того, что прежняя индийская стратегия в спорных районах ЛФК не может предотвращать дальнейшую эрозию в китайско-индийских отношениях. Переброска дополнительных подразделений и систем ПВО, а также неожиданный визит премьер-министра Моди в Ладакх в июле 2020 г. должны были продемонстрировать выбор Нью-Дели жесткого курса в отношении Китая.

На этом фоне в сентябре 2020 г. КНР прояснила свою позицию, указав, что определяет «китайскую» и «индийскую» зоны ЛФК в Ладакхе согласно китайской трактовке линии от 7 ноября 1959 г. [Patranobis Sutirtho]. С данной трактовкой Индия никогда не соглашалась и оговаривала это при заключении договора о пограничном взаимодействии 1993 г., где был впервые официально использован термин «Линия фактического контроля». Теперь в свою очередь в Нью-Дели восприняли данную «максималистскую позицию» Пекина как отказ Китая от сохранения статус-кво в Ладакхе. Принципиальная разность трактовок ЛФК значительно усугубила положение дел и предопределила невозможность быстрого разрешения ситуа-

ции. Многорундовые переговоры военных представителей сторон привели к обоюдному отводу войск вдоль ЛФК в Ладакхе только в феврале 2021 г. Однако разъединение войск вдоль наиболее проблемных зон в Ладакхе не привело к окончательной дезактивации, так как воинские части были лишь немного отодвинуты от спорных границ. И хотя ни Китай, ни Индия не заинтересованы в прямом военном столкновении даже на локальном уровне, деструктивные тенденции в китайско-индийских отношениях стали очевидны.

Торгово-экономическая зависимость в условиях пандемии COVID-19

Реакция индийского руководства на события в долине реки Галван в экономическом плане была весьма сдержанной. Летом 2020 г. был введен ряд ограничительных мер в отношении инвестиций из «границающихся с Индией стран». Общественная кампания по бойкоту товаров, произведенных в КНР, сопровождалась запретом на использование десятков мобильных приложений, разработанных в Китае. Однако политизированные меры экономического противодействия в данном случае слабо соотносились с экономическими реалиями. Китай продолжает оставаться для Индии крупнейшим торговым партнером, хотя существующий серьезный дисбаланс в торговле давно вызывает недовольство индийских общественно-политических кругов. По итогам 2020 г., дисбаланс удалось сократить за счет увеличения индийского экспорта, но при общем уровне двусторонней торговли в 77,7 млрд долл. импорт из КНР составил 58,7 млрд долл. [Sundaram Karthikeyan]. Общий характер торговли с КНР пока что не предусматривает возможность серьезных изменений без ущерба для индийской экономики.

На этом фоне тяжелый удар пандемии COVID-19 по национальной экономике Индии привел к резкому спаду ее ВВП на 7 % в 2020—21 финансовом году¹. В то же время позитивные прогнозы ведущих мировых рейтинговых агентств о быстром подъеме индийско-

¹ Финансовый год в Индии начинается 1 апреля.

го ВВП на 11 % в 2021—22 финансовом году [Брагина Е.А.] могут быть пересмотрены вследствие захлестнувшего Индию в апреле-мае 2021 г. «коронавирусного шторма». Повторное введение строгого карантина способно обрушить основные экономические показатели индийской экономики. В таких стрессовых условиях крайне сложно поддерживать проецирование территориального конфликта на сферу торгово-экономического взаимодействия. В настоящее время разность экономических потенциалов Китая и Индии и существенная экономическая зависимость от торговли с КНР заметно снижают риск того, что Нью-Дели сделает выбор в пользу даже ограниченного военного конфликта в случае обострения территориальных споров вдоль ЛФК. С другой стороны, в условиях развития конфронтации с КНР сохранение существующего торгово-экономического уровня взаимодействия не сможет долго цементировать китайско-индийские отношения при отсутствии политической воли к нахождению компромисса.

Трансформация «стратегической автономии» Индии?

Дальнейшее усиление конфронтации с Пекином предопределяет необходимость смены стратегических приоритетов в Нью-Дели. Одним из возможных вариантов стратегии Нью-Дели на фоне укрепления индийского оборонно-промышленного потенциала может стать концепция «мягкого балансирования», базирующаяся на теориях неореализма и конструктивизма. В этом случае традиционные принципы «стратегической автономии» во внешней политике Индии, не стесненные союзническими обязательствами, могут варьироваться в рамках системы «полуофициальных» союзов (стратегических партнерств), расширения военно-технического сотрудничества с отдельными странами, а также проведения военно-морских учений и диверсификации экономических связей с целью «невоенного» сдерживания КНР. Особо важную роль в данном случае играют США, которые с одной стороны провоцируют развитие американо-китайского антагонизма, а с другой — уже давно втягивают Индию в орбиту своего влияния в противовес Китаю. Несмотря на развитие таких

двусторонних форматов, как «2+2» (встречи министров обороны и министров иностранных дел США и Индии) и значительного укрепления американо-индийского военно-технического сотрудничества, прагматичные каноны индийской внешней политики не предполагают согласие Нью-Дели на подчиненную роль в отношениях с Вашингтоном ни в политических, ни в экономических вопросах.

Однако инциденты в Ладакхе очевидно отразились на стратегическом видении индийских политических элит. В марте 2021 г. наметился крен Индии в пользу «антикитайской» коалиции стран «Четырехстороннего диалога по безопасности», чаще сокращаемого до Quad (США, Япония, Индия, Австралия). Перезапуск Вашингтоном формата Quad в 2017 г. рассматривается многими экспертами как одна из инициатив, направленных на скрытое сдерживание КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Важно подчеркнуть, что впервые премьер-министр Индии принял участие в этом диалоговом формате. Приветственная речь Н. Моди сигнализирует о том, что Индия готова пересматривать традиционные направления своей внешней политики в пользу очень тесного сотрудничества со странами участницами Quad в акватории Индийского океана [PM's opening remarks]. В связи с этим хотелось бы выделить мнение А. Куприянова о том, что «продолжение конфронтации на китайско-индийской границе провоцирует дальнейшее ухудшение ситуации: чем больше китайцы давят на индийцев, тем активнее те сближаются с антикитайски настроенными странами, что, в свою очередь, воспринимается в Пекине как повод усилить давление» [Куприянов А.].

Продвижение концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) также зачастую трактуется в русле развития антикитайского сотрудничества США и Индии, хотя позиционирование самой концепции ИТР в обеих странах значительно отличается. Индия подчеркивает культурно-экономическую основу для взаимодействия, в то время как США по сути делают акцент на стратегическом антикитайском формате сотрудничества. В связи с этим примечательна российская трактовка ИТР, во многом обусловленная усилением российско-американской конфронтации. В частности, министр иностранных дел РФ С. Лавров заявил: «Индия является сейчас предметом настойчивой, агрессивной, изощренной политики западных стран,

пытавшихся втянуть ее в антикитайские игры, продвигая индо-тихоокеанские стратегии (так называемый *Quad*), и заодно резко ослабить наши теснейшие партнерские, привилегированные отношения с индийцами» [Выступление Министра...]. На фоне слов президента РФ В. Путина о возможности военно-политического союза России и Китая [Путин не исключил...] в индийских общественно-политических кругах стало распространяться мнение о том, что Москва «дрейфует» в сторону Пекина. Действительно, в последние годы особо заметно китайско-российское сближение, ключевую роль в котором играет усиливающаяся конфронтация обеих стран с США. При этом было очевидно стремление России дистанцироваться от выбора стороны в пограничных спорах между Китаем и Индией. Но именно Москва стала площадкой для развития двустороннего диалога, в результате которого в сентябре 2020 г. министры обороны Индии и Китая смогли заключить соглашение о необходимости деэскалации ситуации в Ладакхе.

В итоге можно резюмировать, что вопрос территориальных противоречий в Ладакхе будет иметь определяющий характер в выборе стратегии Нью-Дели в отношении КНР на ближайшие годы. Для индийского руководства этот вопрос насыпался на проблему геоэкономической экспансии КНР в Южной Азии, «политику сдерживания» Индии на международной арене и «всепогодный союз» Китая с принципиальным региональным соперником Индии — Пакистаном. Тем не менее, возникновение даже локального военного конфликта Китая и Индии на сегодняшний день маловероятно: обострение территориальных противоречий в условиях пандемии вряд ли сможет перевесить важность торгово-экономической составляющей в китайско-индийских отношениях. Поэтому изменение внешнеполитических приоритетов Нью-Дели может стать одним из очевидных последствий усиления противоречий с Пекином в среднесрочной перспективе. Дальнейшее сближение в рамках *Quad* и укрепление совместной обороноспособности стран-участниц данного объединения посредством более тесного военно-морского, военно-технического и торгово-экономического взаимодействия представляется наиболее ожидаемым вариантом политики Индии в ближайшие 3—5 лет. В связи с этим процесс закрепления за Индией ведущей роли в

Индийско-Тихоокеанском регионе в культурно-историческом, торгово-экономическом и стратегическом отношении будет приоритетным направлением для политico-дипломатического истеблишмента и экспертно-аналитических кругов Индии. В рамках иных механизмов, условно относящихся к «мягкому балансированию», можно предположить, что Нью-Дели решит поддержать те международные инициативы, которые будут ограничивать рост экономического влияния Китая как в отдельных странах и регионах мира, так и в рамках различных торгово-экономических форматов взаимодействия. Поэтому противодействие реализации КПЭК и ИПП в целом может обозначить новые постоянные тенденции в индийской внешней политике. Последнее с большей вероятностью будет осуществимо в том случае, если США предложат Индии более выгодные условия торгово-экономического и военно-технического сотрудничества. В то же время присоединение Нью-Дели к прямым антикитайским санкциям Вашингтона или трансформация *Quad* в военно-политический союз во главе с США маловероятны и гипотетически возможны только в случае масштабных военных действий на китайско-индийской границе, начатых по инициативе китайской стороны. Представляется, что серьезное обострение возможно в случае, если Пакистан в ответ на реформирование штата Джамму и Кашмир признает спорные кашмирские территории Гилгит-Балтистана своей провинцией, а КНР признает эти новые границы с целью реализации проекта КПЭК. Индия не сможет остаться в стороне, ведь любой «компромиссный» пересмотр границ вдоль ЛФК вызовет широкую критику со стороны националистических кругов самой Индии, составляющих базу электората БДП.

Библиографический список

Брагина Е.А. Индия: основные экономические итоги 2020 года / ИМЭМО РАН, РАН, 01.02.2021. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comment/s/text/indiya-osnovnie-ekonomicheskie-itogi-2020-goda> (дата обращения: 20.04.2021).

Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на Общем собрании Российского совета по международным делам, 8 декабря

ря 2020 г. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/4470074 (дата обращения: 20.04.2021).

Куприянов А. Заколдованный треугольник: постоянно поддерживая Китай, Россия рискует потерять Индию // Профиль. 12.01.2021. URL: <https://pro file.ru/abroad/zakoldovannyj-treugolnik-postoyanno-podderzhivaya-kitaj-rossiya-riskuet-poterjat-indiyu-584411/> (дата обращения: 28.04.2021)

Лексютина Я.В. Китайские инициативы «Пояс и путь» и АБИИ: подходы Японии и Индии // Китай в мировой и региональной политике (История и современность) / сост., отв. ред. Е.И. Сафонова. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 145—157.

Путин не исключил возможности военного союза России и Китая // ТАСС, 22 октября 2020 г. URL: https://tass.ru/politika/9793177?utm_source=vk.com (дата обращения: 20.04.2021).

1025 Chinese transgressions reported from 2016 to 2018: Government data // The Economic Times, November 28, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/1025-chinese-transgressions-reported-from-2016-to-2018-government-data/articleshow/72262114.cms?from=mdr> (accessed: 14.04.2021).

Agreement Between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Confidence-Building Measures in the Military Field Along the Line of Actual Control in the India-China Border Areas, November 29, 1996. Article 6 (1). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CN%20IN_961129_Agreement%20between%20China%20and%20India.pdf (accessed: 25.04.2021).

China suffered 43 casualties during face-off with India in Ladakh: Report // India Today, June 16, 2020. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-face-off-ladakh-lac-chinese-casualties-pla-1689714-2020-06-16> (accessed: 30.04.2021).

Likhachev Kirill. The Key Features of Relations between Russia and India in the Context of a Shifting Balance of Power in Asia // Stosunki Miedzynarodowe. International Relations. 2018. Vol. 54. Issue 2. P. 51—78.

Maps of newly formed Union Territories of Jammu Kashmir and Ladakh, with the map of India, November 02, 2019 / Press Information Buro, Government of India. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1590112> (accessed: 23.04.2021).

Patranobis Sutirtho. China takes 1959 line on perception of LAC // Hindustan Times, September 29, 2020. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/china-takes-1959-line-on-perception-of-lac/story-ciMDJjOeTLuvyvsNy7gJXI.html> (accessed: 19.04.2021).

PM's opening remarks at the first Quadrilateral Leaders' Virtual Summit / Prime Minister of India official website, 12 March 2021. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-opening-remarks-at-the-first-quadrilateral-leaders-virtual-summit/ (accessed: 19.04.2021).

Sundaram Karthikeyan, Chaudhary Archana. China Back as Top India Trade Partner Even as Relations Sour / Bloomberg, 23 February 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/china-returns-as-top-india-trade-partner-even-as-relations-sour> (accessed: 25.04.2021).

References

1025 Chinese transgressions reported from 2016 to 2018: Government data, *The Economic Times*, November 28, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/1025-chinese-transgressions-reported-from-2016-to-2018-government-data/articleshow/72262114.cms?from=mdr> (accessed: 14 April, 2021).

Agreement Between the Government of the Republic of India and the Government of the People's Republic of China on Confidence-Building Measures in the Military Field Along the Line of Actual Control in the India-China Border Areas, November 29, 1996, Article 6 (1). URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/CN%20IN_961129_Agreement%20between%20China%20and%20India.pdf (accessed: 25 April, 2021).

Bragina, Elena (2021). Indiya: osnovniye ekonomicheskie itogi 2020 goda, [India: Main Economic Results of 2020], *IMEMO RAS*. URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/indiya-osnovnie-ekonomicheskie-itogi-2020-goda> (accessed: 20 April, 2021). (In Russian).

China suffered 43 casualties during face-off with India in Ladakh: Report, *India Today*, June 16, 2020. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/india-china-face-off-ladakh-lac-chinese-casualties-pla-1689714-2020-06-16> (accessed: 30 April, 2021).

Kupriyanov, Alexey (2021). Zakoldovannyi treugol'nik: postoyanno podderzhivaya Kitay, Rossiya riskuet poteryat' Indiyu [Russia is taking risk to lose India through persistent support of China], *Profil' [Profile]*. 12.01.2021. URL: <https://profile.ru/abroad/zakoldovannyi-treugolnik-postoyanno-podderzhivaya-kitaj-rossiya-riskuet-poteryat-indiyu-584411/> (accessed: 28 April, 2021). (In Russian).

Leksyutina, Yana (2019). Kitaiskiye initsiativy ‘Poyas i Put’’ i ABII: podhody Yaponii i Indii, *Kitai v mirovoi i regionalnoi politike (istoriya i sovremennost')* [Chinese ‘Road and Belt’ Initiative and AIIB: approaches of Japan and India], Exec. Editor — Elena I.Safronova. Moscow: *Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (IFES RAS)*: P.145—157. (In Russian).

Likhachev, Kirill (2018). The Key Features of Relations between Russia and India in the Context of a Shifting Balance of Power in Asia, *Stosunki Miedzynarodowe. International Relations* vol. 54: 2: 51—78.

Maps of newly formed Union Territories of Jammu Kashmir and Ladakh, with the map of India, November 02, 2019 / Press Information Buro, Government of India. URL: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1590112> (accessed: 23 April, 2021).

Patranobis, Sutirtho (2020). China takes 1959 line on perception of LAC, *Hindustan Times*, September, 29. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/china-takes-1959-line-on-perception-of-lac/story-ciMDJjOeTLuvyvsNy7gJXI.html> (accessed: 19 April, 2021).

PM's opening remarks at the first Quadrilateral Leaders' Virtual Summit (2021), March 12. URL: https://www.pmindia.gov.in/en/news_updates/pms-opening-remarks-at-the-first-quadrilateral-leaders-virtual-summit/ (accessed: 19 April, 2021).

Putin ne isklyuchil vozmozhnosti voennogo soyuza Rossii i Kitaya (2020) [Putin has not excluded possibility of the Russia-China military alliance], *TASS*, October 22. URL: https://tass.ru/politika/9793177?utm_source=vk.com (accessed: 20 April, 2021). (In Russian).

Sundaram, Karthikeyan; Chaudhary, Archana (2021). China Back as Top India Trade Partner Even as Relations Sour, *Bloomberg*, February, 23. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-02-22/china-returns-as-top-india-trade-partner-even-as-relations-sour> (accessed: 25 April, 2021).

Vystuplenie Ministra inostrannyh del Rossiyskoi Federatzii na obshem sobranii Rossiyskogo soveta po mezhdunarodnym delam (2020) [Russian Foreign Minister Sergey Lavrov's speech at the general meeting of Russia's foreign affairs council]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/-/asset_publisher/7OvQR5KJWVmR/content/id/4470074 (accessed: 20 April, 2021). (In Russian).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-97-112

Д.В. Гордиенко

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ: ВЗГЛЯДЫ КИТАЙСКОГО РУКОВОДСТВА¹

Аннотация. Предмет/тема. Взгляды Китая на систему международных отношений в XXI в. претерпевают значительные изменения в силу того, что КНР близка к вступлению в этап трансформации в сверхдержаву. Концепция Сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) знаменует собой «новый» подход Китая к международным отношениям, который вносит нюансы в прежнюю модель. Свод внешнеполитических задач китайского государства, согласно концептуальным документам КНР и КПК, подразумевает достижение Китаем доминирующих геополитических позиций, прежде всего на Евразийском континенте. **Цели/задачи.** Оценить возможные последствия реализации концепции Сообщества единой судьбы человечества на систему международных отношений в XXI в. **Методология.** В работе предложена оценка влияния перспектив реализации указанной концепции на процессы обеспечения национальной безопасности КНР, США и Российской Федерации. **Результаты.** В современных условиях международная активность Китая, благодаря быстрому росту экономического могущества страны, стала одним из важнейших факторов современного миропорядка. Проводя

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-014-00009.

мирную экономическую «экспансию», КНР добилась лидирующих позиций в Азиатско-Тихоокеанском и Центрально-Азиатском регионах и стала важнейшим партнером России. При этом двусторонние российско-китайские отношения сталкиваются с рядом потенциальных вызовов. Особенно остро стоит проблема степени политического, экономического, а главное — военного сближения между Российской Федерацией и КНР. **Обсуждение/применение.** Предложенный подход к оценке влияния возможных последствий реализации концепции СЕСЧ на систему международных отношений в XXI в. позволяет выявить приоритеты политики Китая, США и России в различных регионах мира. **Выводы/значимость.** Результаты указанной оценки могут быть использованы при формулировании соответствующих рекомендаций в адрес заинтересованных военно-политических ведомств нашей страны.

Ключевые слова: международная политика, экономическая политика, военная политика, концепция Сообщества единой судьбы человечества, Китай, США, Россия.

Автор: Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

D.V. Gordienko

The system of international relations in the XXI century: views of the Chinese leadership¹

Abstract. Subject/topic. China's views on the system of international relations in the 21st century are undergoing significant changes, because the PRC is close to entering the stage of becoming a superpower. The concept of the Community of the Common Destiny of Mankind describes China's "new" approach to international relations, which ascertains the former one. According to the conceptual documents of the PRC and the CPC, the task set of China's foreign policy provides for the achievement by the PRC of dominant geopolitical positions, primarily, on the Eurasian continent. **Goals/objectives.** To assess probable consequences of the implementation of the concept of a Community of the Common Destiny of Mankind on the system of international relations in the 21st

¹ The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the research project No. 19-014-00009.

century. **Methodology.** The paper offers the assessment of probable consequences of the abovementioned concept, which may influence national security of the PRC, the USA and the Russian Federation. **Results.** In modern conditions, China's foreign policy activities, thanks to the rapid growth of the country's economic power, has become one of the most important factors of the modern world order. Through peaceful economic "expansion", the PRC has achieved leading positions in the Asia-Pacific and Central Asian regions and has become the most important geopolitical and economic partner of Russia. At the same time, bilateral Russian-Chinese relations face a number of potential challenges. The problem of the degree of political, economic, and, most importantly, military rapprochement between the Russian Federation and the PRC is especially acute. **Discussion/application.** The proposed approach to assessing the impact of the possible consequences of the implementation of the aforementioned concept makes it possible to identify political priorities of China, the United States and Russia in various regions of the world. **Conclusions/relevance.** Conclusions of the article may be used to substantiate recommendations addressed to relevant Russian military-political institutions.

Keywords: international politics, economic policy, military policy, the concept of the Community of the Common Destiny of Mankind, China, USA, Russia.

Author: Dmitry V. GORDIENKO, Doctor of Military Sciences, Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: gordienko@ifes-ras.ru.

Китайская Народная Республика стремится к достижению статуса сверхдержавы — государства не только регионального, но и глобального масштаба. Стратегия действий военно-политического руководства этой страны носит целеустремленный, но одновременно и гибкий характер. Она опирается на высокие темпы модернизации и наращивания военной и экономической мощи государства.

Стратегический выигрыш от превращения страны в сверхдержаву китайское руководство планирует получить в том числе за счет воссоздания «Большого Китая» в составе материкового Китая, Сянгана (Гонконга), Аомэня (Макао), Сингапура и Тайваня. Их объединение в одном государстве-цивилизации представляет собой ключевую геополитическую задачу современного китайского государства.

В этом контексте одной из стратегических задач лидеров китайского государства и Коммунистической партии Китая (КПК) является противодействие Соединенным Штатам Америки в их стремлении реализовать планы установления единого миропорядка, управляемого сугубо США. По мнению государственных и партийных руководителей КНР, именно «Срединное государство» (*Чжун Го*) должно инициировать и встать во главе процесса обустройства *нового мирового порядка, свободного от американского диктата*. При этом новый миропорядок должен быть создан на принципах многополярности, однако в новой системе международных отношений (СМО) Китай должен играть ведущую роль.

Сообщество единой судьбы человечества

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) впервые на международном уровне представил концепцию «*международных отношений нового типа*», парадигмой которой явилось формирование Сообщества единой судьбы человечества (СЕСЧ) (*жэньэлэй минъюнь гунтунти*)¹.

В своем докладе Си Цзиньпин, выступил с инициативой совместного построения СЕСЧ, призывая все страны объединить усилия для создания чистого и прекрасного, открытого и толерантного мира, обеспечивающего повсеместную безопасность и всеобщее процветание. Новый тип международных отношений при этом должен быть основан на равенстве и справедливости, взаимовыгодном сотрудничестве и взаимном уважении.

Концепция СЕСЧ, по словам Си Цзиньпина, отражает общие ценности всего человечества, вобрав в себя такой идеал культуры Китая, как «гармоничное сосуществование и единство всего мира». Реализация этой концепции, по мнению председателя КНР, поможет Китаю и другим странам вырваться из «оков» старых моделей и

¹ Ранее, в ноябре 2012 г., основы концепции СЕСЧ были представлены генеральным секретарем ЦК КПК Си Цзиньпином на XVIII Всекитайском съезде КПК. См.: URL: <http://russian.people.com.cn/31857/206269/index.html>

представлений о международных отношениях. И тогда страны и нации общими усилиями смогут сформировать единое целое на основе общих интересов и ответственности, обеспечив тем самым совместное построение *светлого будущего всего человечества*.

Китай, как подчеркнул Си Цзиньпин, готов совместно с международным сообществом совершенствовать систему глобального управления, содействовать процветанию, миру и стабильности, обеспечивая тем самым формирование международных и межстранных отношений нового типа, чтобы воплотить в жизнь прекрасное видение СЕСЧ ([Цуй Шаочунь]).

Внешняя политика Китая

В 2015 г. китайский руководитель партии и государства в своем докладе на сессии Генассамблеи ООН сделал заявление о «новой» внешней политике КНР. Си Цзиньпин подчеркнул, что «политика крупного государства с китайской спецификой» направлена на обеспечение многополярности в отношениях между народами и государствами». Одновременно в своем обращении к лидерам иностранных государств и правительств китайский руководитель озвучил призыв строить международные отношения «нового типа, ядром которых могли бы стать сотрудничество и взаимный выигрыш» [приводится по Кокарев К.].

Тем самым Китай отверг принцип «однополярности» структуры СМО и подтвердил свою безоговорочную поддержку *многополярности*, основой которой в связях с партнерами должен стать так называемый двусторонний, многосторонний и общий выигрыш.

Китайская инициатива по своей сути подразумевает вовлечение всех народов и государств мира в обустройство на Земле такой международной среды, которая бы отвечала чаяниям и интересам устойчивого развития и благополучия всех стран. Председатель КНР также особо отметил, что «сегодня не существует страны, которая могла бы в одиночку обеспечить свою полную безопасность или гарантировать собственную стабильность за счет нестабильности другого государства» [Кокарев К.].

По сути одним из начальных шагов в деле реализации концепции СЕСЧ Си Цзиньпин, выступая на сессии Генассамблеи ООН, объявил увеличение китайских инвестиций в инфраструктурные и образовательные проекты в наименее развитых странах, а также формирование фонда помощи наиболее бедным и развивающимся странам мира — *Фонда поддержки Юг—Юг* [Вэй Зуйлэй, с. 7].

Важной концептуальной основой модернизации внешнеполитического курса КНР была провозглашена также и идея возрождения комплексной мощи китайского государства. Суть и основное содержание этой идеи состоят в следующем: в современных условиях сила государства и его влияние на международную среду определяются не столько *войской мощью* (масштабом реализации военного потенциала), сколько *уровнем экономического, культурного, научно-технического и общественного развития* страны, а также искусствостью проводимой внешней политики [подробнее см.: Гордиенко Д.В., 2019, с. 71—90].

Комплексная мощь китайского государства

Концептуальные и методические основы комплексной мощи китайского государства в СМО нашли свое отражение в ряде официальных документов Госсовета КНР по проблемам национальной обороны. Одним из документов, определяющих направления военного строительства КНР и оборонную стратегию этого государства, стала Белая книга «*Национальная оборона Китая в новую эру*», обнародованная в 2019 г.¹ Согласно Белой книге, военная политика стра-

¹ 24 июля 2019 г. в Китае Канцелярией по делам печати Госсовета КНР была обнародована официальная Белая книга по национальной обороне КНР, именуемая «Национальная оборона Китая в новую эру» — *China's National Defense in the New Era*. The State Council Information Office of the People's Republic of China. July 2019, которая является уже десятой аналогичной публикацией с 1998 г. (URL: <https://btmpd.live/journal.com/3717962.html>). См. также: Всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие в современную эпоху. Российско-китайское военное сотрудничество выходит на новый исторический уровень // Независимое военное обозрение. 18—24 октября 2019 г. № 38 (1066). URL: http://nvo.ng.ru/realty/2019-10-18/14_1066_china.html; Войны не хотим, но к защите готовы // Независимое военное обозрение. № 27 (1055), 2—8.8.2019. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2019-08-02/2_1055_protection.html).

ны наряду с модернизацией Народно-освободительной армии Китая (НОАК), включает расширение военных контактов различного уровня с другими странами на основе дружбы и бесконфликтного сосуществования.

В Белой книге сделан акцент на ряде положений, среди которых:

Первое: анализ нынешнего уровня глобальной и региональной безопасности.

Второе: системная характеристика оборонной политики КНР в новую эпоху.

Третье: определение миссии и задач Вооруженных сил Китая на современном этапе. В Книге подчеркивается, что наращивание и применение военной силы возможно для (1) защиты суверенитета и морских интересов страны, (2) поддержания постоянной боеготовности, (3) оперативной и боевой подготовки соединений и частей, (4) защиты китайского народа и государства во всех сферах безопасности, (5) борьбы с терроризмом и осуществление антитеррористических операций; проведения мероприятий по поддержанию устойчивости государственного и военного управления, (6) оказания помощи населению и участия в ликвидации последствий стихийных бедствий или аварий, (7) защиты зарубежных интересов китайского государства [China's National Defense in the New Era...].

Четвертое: представлена развернутая характеристика достижений китайского государства в ходе широкой реформы национальной обороны, модернизации и трансформации вооруженных сил.

Пятое: комплексно раскрывается масштаб и основные статьи расходов КНР на оборону, показывается прозрачность и открытость военных расходов страны.

Шестое: отмечается, что строительство единой судьбы человечества отражает общее ожидание стран и народов мира: «(1) защита основной цели и принципов Устава ООН; (2) продвижение строительства отношений партнерства по безопасности нового типа; (3) продвижение строительства структуры сотрудничества по региональной безопасности; (4) урегулирование территориальных проблем и споров о делимитации морских пространств; (5) активное предоставление продукции по международной общественной безопасности и т. д.» [China's National Defense in the New Era...].

В Белой книге подчеркивается, что в настоящее время военные расходы Китая не соответствуют требованиям его военной безопасности и суверенитета, а также защиты интересов социально-экономического развития страны. В связи с этим в среднесрочной перспективе ожидается стабильный умеренный рост оборонных расходов КНР [Всеобъемлющее партнерство...].

России и США в Белой книге также уделяется значительное внимание. Авторы обвиняют Соединенные Штаты в «подрыве глобальной стратегической безопасности». Российская Федерация наоборот рассматривается как «важный партнер КНР по построению региональной и глобальной архитектуры безопасности» [China's National Defense in the New Era...].

Реализация внешнеполитической модели Китая

Внешнеполитическая модель китайского государства, согласно концептуальным документам КНР и КПК, предусматривает достижение Китаем доминирующих геополитических позиций, прежде всего на Евразийском континенте. Достижение этой цели предусматривает сосредоточение усилий на ряде главных направлений.

Во-первых, это формирование под своей эгидой структур *Общеевразийской системы безопасности*. Китай для решения этой геополитической задачи будет пытаться объединить ряд ведущих и экономически развитых/динамично развивающихся государств Евразии вокруг КНР. Китайское руководство будет стремиться создать стратегическое политическое и экономическое партнерство, включающее Российскую Федерацию, Исламскую Республику Иран, Республику Казахстан, Исламскую Республику Пакистан и, возможно, при определенных обстоятельствах, Японию [Гордиенко Д.В. Европейский компонент..., с. 145—146].

Во-вторых, использование потенциала международной региональной организации — Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В рамках ШОС Китай занял одну из ведущих позиций, позволяющую ему влиять на политику ряда государств Центральной Азии. Такое положение обеспечивает КНР возможность достижения

доминирующего положения на Евразийском континенте. Кроме того, это позволяет Китаю для обеспечения собственной экономической и военной безопасности наряду с использованием имеющихся ресурсов и войск (сил) активно задействовать соответствующие структуры и возможности ШОС [Гордиенко Д.В. Геополитический компонент..., с. 128—129].

В-третьих, усиление влияния Китая в Африке путем расширения его экономического, военного, политического и культурного присутствия в этой части мира.

В-четвертых, укрепление позиций Китая в Латинской Америке и наращивание его геополитического и геоэкономического присутствия на этом континенте.

Геополитическая программа Китая

Руководство Коммунистической партии Китая и Китайской Народной Республики для того, чтобы реализовать свои стратегические устремления и планы, разработало и реализует *геополитическую программу* тактического значения. Тактика действий по формированию новой СМО предусматривает активные действия на ряде ключевых направлений в различных регионах мира.

На направлении *Восточной и Юго-Восточной Азии* — это формирование под эгидой китайского государства так называемого *Восточноазиатского сообщества* — экономического и политического объединения вокруг КНР стран этого региона.

На *тайваньском* направлении — создание для администрации и населения Тайваня (Республики Китай) таких условий, которые позволили бы вернуть «мятежную провинцию» в лоно материкового Китая (Китайской Народной Республики).

На *российском* направлении — это «экспансия» Китая на восточных приграничных территориях нашей страны, усиление его хозяйственного присутствия на территории сибирских и дальневосточных регионов Российской Федерации.

На направлении *Большого Ближнего Востока и Центральной Азии* — защита долговременных региональных экономических инте-

ресурсов. При этом главной задачей экономической «экспансии» Китая выступает расширение его доступа к энергетическим ресурсам этих регионов [Гордиенко Д.В. Ближневосточный компонент..., с. 143—144].

На *африканском* направлении — расширение инфраструктуры (в том числе транспортной и военной), а также обеспечение непрерывных и бесперебойных поставок необходимых энергетических ресурсов и сырьевых материалов для китайской экономики [Гордиенко Д.В. Африканский компонент..., с. 18].

В *Латинской Америке* — обеспечение Китая новых геоэкономических и geopolитических плацдармов (Куба, Венесуэла, Боливия и др.).

Таким образом, достижение лидерства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, реализация собственных интересов в Центральной Азии и налаживание тесного сотрудничества с Россией являются для Китая серьезное «подспорье» в его превращении в мировой «центр силы», а также в распространении geopolитического влияния КНР по всему миру.

США во внешней политике КНР

Китай расширяет «зоны соприкосновения» с крупными державами и целенаправленно преодолевает разногласия с ними. При этом развитие отношений с США на протяжении почти 30 лет позволяет констатировать следующее.

Во-первых, наблюдаемый в настоящее время перелом в китайско-американских отношениях в пользу КНР во многом объясняется политической самодостаточностью и независимостью Китая, повышением его статуса и значимости на международной арене, бурным экономическим развитием и модернизацией НОАК, а также укреплением стратегической роли Китая в отношениях между странами.

Во-вторых, в наступившем столетии урегулирование «тайваньского вопроса» становится важнейшим ключом для улучшения и

развития отношений между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами.

И, наконец, только мирное разрешение споров и преодоление разногласий, обеспечивающее общий результат и взаимное уважение, являются необходимым условием развития отношений между Китаем и США.

Эти выводы косвенно подтверждают итоги состоявшихся в 2015—2021 гг. в США китайско-американских переговоров. 10 февраля 2021 г. 46-й президент США Дж. Байден и председатель КНР Си Цзиньпин провели первые телефонные переговоры. Китайский лидер призвал Вашингтон к сотрудничеству, отметив, что конфликт США и КНР будет иметь последствия для всего мира. Президент США выразил озабоченность действиями Пекина в Гонконге, Синьцзяне и на Тайване, а также назвал «нечестной» экономическую политику КНР.

«Сотрудничество — единственно правильный выбор для двух народов. Сотрудничество может помочь нашим двум странам и всему миру достичь больших результатов, в то время как конфронтация определенно станет катастрофой», — сказал Си Цзиньпин. Он отметил, что у Вашингтона и Пекина есть много неразрешенных до настоящего времени вопросов, но «сторонам следует сохранять уважительное отношение друг к другу и пытаться найти компромисс» [Си Цзиньпин назвал...].

В тоже время следует отметить, что отношения Китая и США в настоящее время уже вышли за рамки двусторонних. Взаимовыгодное сотрудничество этих двух стран позволит добиться многостороннего и совместного выигрыша для всего мира.

Российско-китайские отношения в начале XXI века

Китай и Россия соблюдают принципы взаимовыгодного сотрудничества, добрососедства и долгосрочной стабильности. В своих взаимоотношениях обе страны реализуют принципы бесконфликтности (уважение суверенитета и территориальной целостности, не-нападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равен-

ство и взаимная выгода) и мирного сосуществования (включая не-вступление в какой-либо альянс, направленный против третьей стороны), в целом добиваясь генеральной цели — стать «хорошими соседями».

При этом и Российская Федерация, и Китайская Народная Республика оставляют за собой право на «простор для маневра» и самостоятельность выбора действий на всех других направлениях их внешней политики в интересах народов своих стран.

КНР является важнейшим стратегическим партнером для России. Благодаря конструктивному партнерству с Китаем, РФ может успешнее включиться в интеграционные, инфраструктурные и инвестиционные проекты в Восточной Евразии и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Развитие российско-китайского стратегического диалога предоставляет РФ новые возможности по диверсификации ее внешнеполитического и внешнеэкономического курса и поддержку Москве в ее противостоянии с «коллективным Западом» по вопросам будущей системы международных отношений.

На успешность политического сотрудничества Российской Федерации и КНР влияет ряд факторов. Как представляется, основными из них, прямо влияющими на развитие российско-китайских отношений, являются: *исторический, геополитический, экономический, энергетический, цивилизационный, личностный, внешнеполитический, демографический*, а также *территориальный*.

У России и Китая имеется широкий спектр взаимных интересов в сфере обеспечения военной безопасности. Обе стороны могут согласованно мобилизовать оборонный потенциал для борьбы против распространения оружия массового уничтожения и защиты от него, для противодействия международному экстремизму и терроризму и незаконному трансферу легкого и стрелкового оружия, а также для поддержания мирных инициатив других государств.

Выводы

1. КНР близка к вступлению в этап превращения в сверхдержаву. В современных условиях внешнеполитическая активность Ки-

тая, благодаря быстрому росту экономического могущества страны, стала одним из важнейших слагателей современного миропорядка.

2. В настоящее время реализация концепции СЕСЧ сталкивается со многими серьезными вызовами, такими как нехватка ресурсов и продовольствия, загрязнение окружающей среды и климатические изменения, международная преступность и экстремизм, которые не могут быть разрешены одной страной, группой стран или даже большинством мирового сообщества. Разрешение данных проблем обусловливает необходимость сотрудничества всех государств планеты.

3. Концепция СЕСЧ описывает «новый» подход Китая к отношениям между государствами. Эта концепция подразумевает выстраивание новой системы международных отношений на базе широкого взаимовыгодного сотрудничества.

4. Проводя мирную экономическую «экспансию», КНР добилась лидирующих позиций в Азиатско-Тихоокеанском и Центрально-Азиатском регионах и стала важнейшим geopolитическим и экономическим партнером России.

5. Двухсторонние российско-китайские отношения сталкиваются с рядом потенциальных вызовов. Так, особенно остро стоит проблема степени политического, экономического, а главное — военного сближения между Российской Федерацией и КНР. С *одной стороны*, стратегическое партнерство двух стран может перерости в их очень перспективный и мощный экономический и оборонно-политический союз. Но, с *другой*, — формирование такого союза сопряжено с особыми рисками, поскольку оно способно породить новые, специфические проблемы политического, экономического и военного характера.

Библиографический список

Всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие в современную эпоху. Российско-китайское военное сотрудничество выходит на новый исторический уровень // Независимое военное обозрение. 18—24 октября 2019 г. № 38 (1066). URL: http://nvo.ng.ru/realty/2019-10-18/14_1066_china.html (дата обращения: 10.05.2021).

Гордиенко Д.В. Африканский компонент политики США, КНР и Российской Федерации. Ч. 2 // Экономика и управление: проблемы и решения. 2021. № 1. Т. 2 (109). С.4—20. DOI: 10.36871/ek.up.r.g.2021.01.02.001.

Гордиенко Д.В. Ближневосточный компонент политики США, КНР и Российской Федерации: политика Китайской Народной Республики (часть 2) // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. № 12. Т. 5 (108). С. 133—146. DOI: 10.36871/ek.up.r.g.2020.12.05.016.

Гордиенко Д.В. Военный компонент политики Китайской Народной Республики в «стратегическом треугольнике» Россия — Китай — США: руководящие и доктринальные документы // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 12. Т. 4 (96). С. 71—90.

Гордиенко Д.В. Геополитический компонент политики КНР в «стратегическом треугольнике» Россия — Китай — США / Взаимоотношения России — Китая — США в рамках стратегического треугольника. Монография / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; отв. ред.-сост. Ю.В. Морозов. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 124—137.

Гордиенко Д.В. Европейский компонент политики США, КНР и Российской Федерации. Ч. 2 // Экономика и управление: проблемы и решения. 2020. № 12. Т. 2 (110). С. 135—150. DOI: 10.36871/ek.up.r.g.2020.12.02.2020.

Кокарев К. «Новая» внешняя политика Китая. URL: <https://riss.ru/article/4599/> (дата обращения: 10.05.2021).

Си Цзиньпин назвал мировой катастрофой конфронтацию между США и КНР. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/02/2021/6024b46c9a79479ae0a35bcb> (дата обращения: 10.05.2021).

Вэй Зуйлэй. Чонцу юй “синь чжаньчжэн” гайниань сугуань ди мейджунь бушу: [Перестройка дислокации американских войск в связи с концепцией «новой войны»] // Сяньдай гоцзи гуаньси. 2015. № 9. С. 6—19. (На кит.яз.).

Цуй Шаочунь. Создание международных отношений нового типа в духе концепции Сообщества единой судьбы человечества. URL: <https://www.obergazeta.ru/politics/world/113633/> (дата обращения: 10.05.2021). (На русс.яз.).

China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. July, 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/specials/whitepaperonnationaldefenseinnewera.pdf> (accessed: 12.05.2021).

References

China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. July, 2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/specials/whitepaperonnationaldefenseinnewera.pdf> (accessed: 12 May, 2021).

Cui Shaochun (2020). Sozdaniye mezhdunarodnykh otnosheniy novogo tipa v dukhe kontseptsii Soobshchestva yedinoy sud'by chelovechestva [Creation of international relations of a new type in the spirit of the concept of the Community of the common destiny of humanity]. URL: <https://www.oblgazeta.ru/politics/world/113633/> (accessed: 10 May, 2021). (In Russian).

Gordienko, D.V. (2019). Voyennyy komponent politiki Kitayskoy Narodnoy Respubliki v «strategicheskem treugol'nikе» Rossiya — Kitay — SSHA: rukovodlyashchiye i doktrinal'nyye dokumenty [The military component of the policy of the People's Republic of China in the “strategic triangle” Russia — China — USA: guidelines and doctrinal documents], *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya* [Economics and Management: Problems and Solutions], no. 12: (96): 71—90. (In Russian).

Gordienko, D.V. (2020). Blizhnevostochnyy komponent politiki SSHA, KNR i Rossiyskoy Federatsii: politika Kitayskoy Narodnoy Respubliki (chast' 2) [The Middle East component of the policy of the United States, China and the Russian Federation: the policy of the People's Republic of China (part 2)], *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya* [Economics and Management: Problems and Solutions], no. 12: 5(108): 133—146. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2020.12.05.016. (In Russian).

Gordienko, D.V. (2020). Geopoliticheskiy komponent politiki KNR v «strategicheskem treugol'nikе» Rossiya — Kitay — SSHA [The geopolitical component of the PRC's policy in the “strategic triangle” Russia—China—USA], *Vzaimootnosheniya Rossii — Kitaya — SSHA v ramkakh strategicheskogo treugol'nika* [Relations between Russia-China-USA within the strategic triangle], Monograph / IFES RAS; ed.-comp. Yu.V. Morozov, Moscow: IFES RAS: 124—137. (In Russian).

Gordienko, D.V. (2020). Yevropeyskiy komponent politiki SSHA, KNR i Rossiyskoy Federatsii. Chast' 2 [The European component of the policy of the United States, China and the Russian Federation. Part 2], *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya* [Economics and Management: Problems and Solutions], 12: 2(110): 135—150. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2020.12.02.020. (In Russian).

Gordienko, D.V. (2021). Afrikanskiy komponent politiki SSHA, KNR i Rossiyskoy Federatsii. Chast' 2 [African component of the policy of the United States, China and the Russian Federation. Part 2], *Ekonomika i upravlenie: problemy i resheniya* [Economics and Management: Problems and Solutions], no. 1: 2(109): 4—20. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2021.01.02.001. (In Russian).

Kokarev, K. (2015). «Novaya» vneshnyaya politika Kitaya [“New” foreign policy of China]. URL: <https://riss.ru/article/4599/> (accessed: 10 May, 2021). (In Russian).

Vseob'yemlyushcheye partnerstvo i strategicheskoye vzaimodeystviye v sovremenennuyu epokhu. Rossiysko-kitayskoye voyennoye sotrudничество vykhodit na novyy istoricheskiy uroven' (2019) [Comprehensive partnership and strategic engagement in the modern era Russian-Chinese military cooperation is reaching a new historical level], *Nezavisimoye voyennoye obozreniye* [Independent Military Review]. October 18—24, No.

38 (1066). URL: http://nvo.ng.ru/realty/2019-10-18/14_1066_china.html (accessed: 10 May, 2021). (In Russian).

Wei Zuilei (2015). Chóngzu yu “xīn zhànzhēng” gǎiniàn youguān dì meijūn bùshu [Reorganization of the deployment of American troops in connection with the concept of “new war”], *Xiandai guoji guanxi* [Contemporary International Relations], no. 9: 6–19. (In Chinese).

Si Czin'pin nazval mirovoj katastrofoj konfrontaciyu mezhdju SShA i KNR [Xi Jinping calls confrontation between the United States and China a world catastrophe]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/02/2021/6024b46c9a79479ae0a35bcb> (accessed: 10 May, 2021). (In Russian).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-113-125

Л.Е. Васильев

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРАЗИИ И ПОЛИТИКА КИТАЯ ПО ИХ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрены основные направления политики Китая в сфере обеспечения безопасности в Восточной Евразии. Подчеркивается, что КНР является не только экономическим лидером региона, но и прилагает немалые усилия для углубления и расширения своего влияния в нем не только в экономической сфере, но и в военно-политическом отношении.

В статье приводится вывод о том, что в настоящее время наибольшие угрозы для КНР исходят от Соединенных Штатов Америки, которые проводят внешнеполитический курс с акцентом на жесткое соперничество и сдерживание Китая во всех сферах экономики и политики.

Автор выделяет то обстоятельство, что Запад во главе с США серьезно опасается дальнейшей «экспансии» Китая в Восточной Евразии, его постепенного, но решительного проникновения в экономику государств Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии. При этом США стремятся как можно более эффективно проводить свою новую Индо-Тихоокеанскую стратегию, конечной целью которой, хотя это официально не объявлено, является создание в регионе военного блока, противостоящего Китаю, в который вошла

бы и Индия. Тем самым суть новой стратегии — это столкнуть две крупные страны мира и убрать серьезных конкурентов в борьбе за мировую гегемонию.

С точки зрения разрешения проблемы Южно-китайского моря, в чем, помимо Китая, заинтересованы несколько других стран Юго-Восточной Азии (в основном это страны АСЕАН), КНР, по мнению автора, пытается не только защитить свои государственные интересы и обеспечить себе лидерство в акватории, но и сохранить при этом хорошие добрососедские отношения со странами АСЕАН.

В статье рассмотрены также основные внутренние угрозы безопасности Китая. В основном они связаны с проявлениями сепаратизма и сопутствующего ему терроризма. Ключевой проблемой в плане противостояния сепаратизму и терроризму внутри самого Китая является положение в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

Ключевые слова: Китай, Индия, США, региональная безопасность, geopolитика, сепаратизм.

Автор: Васильев Леонид Евгеньевич, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail:levdvina@mail.ru

L.E. Vasiliev

Contemporary security challenges in Eastern Eurasia and China's policy to neutralize them

Abstract: The article is devoted to the analysis of China's policy main directions in the area of security in Eastern Eurasia. The article acknowledges that modern China not only holds a leading position in this region, but is also making considerable efforts to deepen and broaden their influence in it now not only in the economic field, but in the military and political spheres as well.

The author concludes that today the most serious foreign-policy threat for the PRC is connected to the declaration by the United States administration of the course aimed at strong rivalry with China in the international arena.

The article acknowledges, that the basis for intentional countering from Western States towards China is their concern about China's serious competitive capabilities and continually increasing potential of the PRC. Washington, at the same time, unequivocally reminds Beijing of a possible blockage of China's geopolitical interests' realization both in the So-

uth-west (the Indian Ocean) and in the South-east (the South and East China Seas).

The article also concludes that one of main threats and challenges to China's stability and security is the existence in almost all States of South and Central Asia of significant populations groups following ideas of separatism, Islamic extremism and using terrorist methods to achieve their aims. In China itself, a key issue to counter separatism and extremism is the situation in Xinjiang Uyghur Autonomous Region of the PRC.

Considering solution of the South China Sea problem, the author concludes, that Beijing is now solving the main twin challenge of its policy regarding the South China Sea as follows: to protect Chinese interests on the one hand, and to preserve leadership and favorable relations with the ASEAN States — on the other.

In summary, the article states that general direction of addressing security concerns in the region is determined by the leadership of the PRC in three initiatives: increase of opportunities and facilities to manage crises and intergovernmental control over emerging conflicts; strengthening of the strategic partnership and mutual confidence among countries in the region; implementation of the “Community of common destiny” concept.

Keywords: China, India, United States, regional security, geopolitics, separatism.

Author: Leonid Ye. VASILIEV, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: levdvina@mail.ru

Современная обстановка в Восточной Евразии и основные векторы ее развития

К Восточной Евразии принято относить государства Центральной, Южной и Восточной Азии. В данном субрегионе присутствуют две из трех крупнейших экономик мира — Китай и Япония и шесть самых быстрорастущих экономик — Индия, Камбоджа, Лаос, Бирма, Непал и Филиппины. Значение Восточной Евразии для мирового сообщества сейчас трудно переоценить. Более того, значение Восточной Евразии в обозримом будущем, ее место и роль в мировой политической и экономической сферах будут только возрастать.

Проводя анализ развития ситуации в Восточной Евразии, можно выделить два основных фактора, которые в ближайшей перспективе окажут ключевое влияние на развитие обстановки.

Первое: упорное стремление США к сохранению своей гегемонии, несмотря на серьезное ослабление их позиций в регионе. Вашингтон по-прежнему активно проводит политику собственной исключительности, агрессивно отстаивает право быть «верховным судьей» при решении любых мировых проблем, навязывать свой образ жизни всему человечеству. Однако американские внутриполитические события последних лет, бесцеремонное игнорирование и нарушение международных норм внешнеполитической деятельности, принятых всем мировым сообществом после Второй мировой войны, вызывает растущее отторжение и недовольство в среде не только восточноазиатских государств, но даже союзников США.

Второе: становление КНР как государства глобального значения. Китай уже стал второй по экономическому могуществу мировой державой, имеет самую большую по численности армию в мире, создал современную военную промышленность и политически «созрел» для принятия статуса мировой державы № 1.

Таким образом, приведенные выше факторы, скорее всего, и будут определять развитие ситуации в Восточной Евразии. Они уже обусловили создание двух «полюсов» силы в регионе, которые в дальнейшем будут стремиться призвать «под свои знамена» как можно больше союзников.

Вполне очевидно, что Вашингтон предпримет все возможные усилия для сохранения своей гегемонии в регионе. Так, в июне 2019 г. американским военным ведомством был представлен доклад «Стратегия США в Индо-Тихоокеанской зоне», в котором сделан акцент на создании в регионе некоего подобия военно-политического союза в составе США, Австралии, Южной Кореи и Японии. Доклад предполагает также формирование всех условий для вхождения в состав союза также и Индии. Более того, Индия, согласно докладу, становится важным экономическим и стратегическим актором в акваториях двух из четырех мировых океанов. Другими словами, налицо явная попытка противопоставить два крупнейших государ-

ства региона — Китай и Индию друг другу, получив при этом Индию в свои союзники в вопросе сдерживания КНР.

Однако следует учитывать, что отношения США и Китая в настоящее время имеют сложный и многоплановый характер. Их ежегодный торговый оборот составляет около 600 млрд долл., а объем инвестиций американских компаний в китайскую экономику достигает почти 100 млрд долл. [Мэннинг]. Более того, с приходом к власти новой администрации США во главе с Дж. Байденом, скорее всего, следует ожидать роста этих цифр.

Более того, немаловажен и тот факт, что Китай является крупнейшим торговым партнером таких стран региона, как Япония, Республики Корея, государства АСЕАН, Индия и Австралия. Поэтому мало кто из руководителей государств Восточной Евразии видит какую-либо иную альтернативу необходимости договариваться с Пекином.

Борьба с проявлениями сепаратизма в СУАР

Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР (далее — СУАР) имеет большое геостратегическое значение для Китая как в политическом, так и в экономическом плане. В случае эскалации его конфликтного потенциала и возникновения в нем прямого вооруженного конфликта будет нанесен удар не только по экономике, но и по развивающимся отношениям Китая с исламским миром, в том числе с такими государствами, как Пакистан, Иран, Афганистан, арабские государства и страны Центральной Азии.

На территории СУАР в настоящее время проживает целый ряд тюркоязычных и ираноязычных народов, исповедующих ислам. Крупнейший среди них — уйгуры, которые представляют 46,5 % населения автономии (более 10 млн человек) и исповедуют ислам суннитского толка. 39 % населения СУАР составляют китайцы (ханьцы).

В конце 1996 г. в Стамбуле прошел Всемирный уйгурский курултай, который провозгласил вооруженную борьбу основным путем

достижения независимости и образования исламского уйгурского государства «Восточный Туркестан».

К основным крупным (численностью несколько тысяч боевиков) экстремистским исламским организациям, действующим на территории СУАР, можно отнести: «Исламское движение Туркестана» (далее — ИДТ), «Исламское движение Узбекистана» (далее — ИДУ) и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» (все эти организации запрещены в РФ).

Основными целями этих организаций являются:

- объединение мусульман Китая в так называемом Туркестане;
- создание на его территории самостоятельного исламского государства, живущего по законам шариата;
- широкое распространение радикальных течений ислама, таких, как ваххабизм и салафизм.

Уместно подчеркнуть следующий факт: уйгурский сепаратизм, также как и выступления в Гонконге, в настоящее время стал одним из рычагов давления США на Китай. Вашингтон активно спонсирует деятельность «Всемирного уйгурского конгресса» и «Американскую ассоциацию уйголов» (запрещены в РФ). Так, 6 ноября 2020 г. Госдепартамент США отменил террористический статус ИДТ, тем самым превратив организацию, признанную мировым сообществом террористической, в легальную международную структуру, обеспечив ей материальную и финансовую помощь.

Немаловажен и такой факт, как появление в Восточной Евразии ячеек и групп новой экстремистской силы в лице «Исламского государства» (далее — ИГ, запрещена в РФ). Оно создает дополнительные риски для внутренней безопасности Китая. После разгрома в Сирии и Ираке, данная организация стремится развить активную деятельность своих ячеек в Афганистане и в соседнем с ним Пакистане. СУАР граничит и с тем, и с другим государством, и это обстоятельство в принципе не может не вызывать у ИГ серьезный интерес [Полонский].

Здесь следует подчеркнуть, что большинство соседей Китая поддерживают его борьбу с проявлениями сепаратизма и экстремизма в Синьцзяне. Так, Пакистан, постоянно заявляя о своей непричастности к деятельности ИДТ и ИДУ, оказывает содействие спецслужбам

Китая в розыске и поимке уйгурских сепаратистов. Государства Юго-Восточной Азии выдают КНР лиц уйгурской национальности, подозреваемых в причастности к террористическому подполью и находящихся на территории государств АСЕАН.

Если оценивать эффективность политики противостояния экстремизму и сепаратизму в СУАР, проводимую китайским руководством, то уверенно можно заявить, что эта политика дает значительные положительные результаты. Во-первых, экономика Синьцзяна выросла в разы. По данным агентства «Синьхуа», с 1978 по 2020 г. подушевой доход уйгуров вырос в 100 раз, а средняя продолжительность их жизни — с 30 лет в 1949 г. до 72,3 года сегодня [Бобров].

Во-вторых, практически все мусульманские государства мира либо не критикуют, либо открыто поддерживают Китай в его политике противостояния исламским экстремистам. В 2018—2020 гг. возникло «недопонимание» в отношениях Китая и Турции. Однако подписание ряда инвестиционных соглашений с Пекином на общую сумму около 50 млрд долл. заставило и Р. Эрдогана поступиться «мужественным образом защитника мусульман» всего мира [Бобров].

Но главный аргумент в пользу эффективности политики КНР заключается в отсутствии на территории СУАР терактов на протяжении последних четырех лет. Критики Китая, как правило, игнорируют накопившиеся проблемы, терзавшие Синьцзян десятилетиями. Стремление разрешить ситуацию привело к тому, что китайское руководство приняло меры, направленные на снижение экстремистских, националистических и сепаратистских настроений, и эти меры доказали свою продуктивность.

Разрешение территориальных проблем Китая

Проблемы Южно-Китайского моря

Южно-Китайское море (далее — ЮКМ) имеет для КНР жизненно важное значение. Через него происходят основные пути поставок нефти с Ближнего Востока в Китай, а также транспортировка в различные регионы мира произведенных в Китае товаров.

В акватории ЮКМ расположены острова Спратли/Наньша, на которые претендуют кроме Китая еще пять стран и территорий — Бруней, Вьетнам, Малайзия, Филиппины и Тайвань. Проблема состоит в том, что, по мнению экспертов, в акваториях ЮКМ и Восточно-Китайского морей (ВКМ) находятся значительные запасы энергоресурсов.

Кроме того, акватория Южно-Китайского моря весьма важна с военной точки зрения. Через нее проходят морские пути, соединяющие Индийский и Тихий океаны. Военно-морское лидерство какой-либо державы в этом регионе будет иметь глобальные последствия не только для региона, но для всей Юго-Восточной Азии. Поэтому Китай пытается не просто защитить свои национальные интересы в данном регионе и обеспечить себе лидерство в акватории ЮКМ, но и сохранить при этом хорошие добрососедские отношения со странами АСЕАН.

Пекин уже обеспечил себе контроль за более чем 20 небольшими островами и рифами в ЮКМ. На шести из них размещены военные гарнизоны численностью до 1 тыс. человек. Здесь постоянно патрулируют от 3 до 20 боевых кораблей и катеров ВМС КНР. Протесты прибрежных государств игнорируются, а соответствующие решения международных юридических инстанций — не признаются.

Реализуя свои задачи в плане противостояния и сдерживания Китая, как уже было сказано выше, США разработали свою новую политику США в Индо-Тихоокеанском регионе. Суть этой новой политики США состоит в следующем:

- не допустить гегемонии Китая в регионе;
- контролировать обстановку в Южно-Китайском море и быстро принимать необходимые меры в случае ее обострения;
- в случае обострения отношений стран АСЕАН с Китаем оказывать прямое военное содействие этим государствам;
- максимально обеспечить переориентирование стран АСЕАН на Соединенные Штаты.

Тем не менее, несмотря на жесткую направленность новой американской политики в ИТР достаточно очевидно, что Китай будет и в дальнейшем решительно отстаивать свое право на всю акваторию ЮКМ. В подтверждение этого следует привести слова Си

Циньпина, который, выступая на XIX съезде КПК в 2017 г., заявил: «Китай никому не позволит отделить любую часть китайской территории от Китая — когда-либо и где-либо» [Морской Шелковый путь...].

Конфликты на китайско-индийской границе

Сложная ситуация на китайско-индийской границе объясняется тем, что в течение многих столетий территория, по которой она проходит, служила своего рода буферной зоной между государствами. В настоящее время яблоком раздора стали две территории. Первая — Аксайчин в западном секторе границы. Вторая — Аруначал-Прадеш в восточном секторе границы. Западный участок находится под фактическим управлением Китая, однако Индия оспаривает такое положение. Восточный участок, наоборот, управляется Индией, но на него претендует Китай. Причем для Китая Аксайчин чрезвычайно важен с военной точки зрения: по нему проходит шоссе, связывающее Синьцзян-Уйгурский автономный район с Тибетом [Шикин].

Несмотря на договоренности, по «линии фактического контроля» вооруженные столкновения на границе продолжаются. Последние из них произошли в мае и сентябре 2020 г. и в январе 2021 г.

Если говорить о позиции Китая в вопросе выстраивания его отношений с Индией, то с полной уверенностью можно утверждать, что несмотря на его жесткую линию по некоторым проблемам и способам их разрешения, Пекин не пойдет на открытое военное противостояние с Нью-Дели, кроме ситуации, когда его к этому принудят какие-либо внешние силы. Во-первых, открытое противостояние Китая и Индии кардинально меняет ситуацию в АТР и дестабилизирует обстановку в нем, что сразу же оказывается на реализации задуманных Китаем проектов. Во-вторых, такая конфронтация несет значительный экономический ущерб не только Индии, но и Китаю. В-третьих, военно-политическое положение КНР резко ухудшится, так как он окажется между двух огней: с одной стороны — США и их союзники в лице Японии, Южной Кореи и Австралии, а с другой, — вторая по величине держава мира Индия.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что руководство и КНР, и Индии прекрасно понимают всю серьезность ситуации и свою ответственность за принятие тех или иных решений. Не напрасно в октябре 2019 г. на неформальном саммите на высшем уровне было официально заявлено: «При всех сложностях и неизбежных тактических потерях, консолидация Индии и Китая, несомненно, отвечала бы долгосрочным интересам обеих стран. Объединение усилий способствовало бы стабилизации geopolитической обстановки на всем огромном евразийском пространстве, открыла бы принципиально новые возможности для трансконтинентального сотрудничества в самых разных сферах. Выгоды от стратегического сближения Пекина и Нью-Дели многочисленны и слишком очевидны, чтобы не стать предметом размышлений стратегов по обе стороны Гималаев» [Кадомцев].

Взгляды руководства КНР на решение проблем безопасности в Восточной Евразии

Если говорить внешнеполитической стратегии Китая в целом, то основная ее цель состоит в обеспечении благоприятной обстановки для экономического роста страны. Поэтому, приступив к реализации нового экономического проекта «Пояс и путь», руководство Китая уделяет серьезное внимание созданию безопасной обстановки для его реализации.

Пекин сделал первый шаг на пути создания региональной системы безопасности и обозначил свое видение решения этих проблем в Восточной Азии еще в 2015 г. Тогда, выступая на специальной сессии Генеральной ассамблеи ООН, председатель КНР Си Цзиньпин заявил: «Мы должны подтвердить нашу приверженность целям и принципам Устава ООН, установить новый тип международных отношений, основа которых — взаимовыгодная коммуникация, и создать сообщество с единой судьбой для всего человечества. Мы должны создать систему глобального партнерства на международном и региональном уровнях, реализовать новый подход к межгосударст-

венным отношениям, основой которых станет диалог, а не конфронтация. Диалог этот должен исходить из идеи взаимодействия, а не противостояния союзов государств» [Материалы агентства «Синьхуа»...].

В контексте решения проблем безопасности следует привести высказывание министра обороны КНР, генерал-полковника Чан Ваньцюаня, который в 2015 г. выдвинул три инициативы по поддержанию безопасности в Восточной Евразии: расширение возможностей и средств по урегулированию кризисов и межгосударственный контроль над всеми возникающими конфликтами и спорными вопросами; укрепление стратегического партнерства и взаимного доверия между странами АТР; реализация концепции «сообщества единой судьбы» [Чварков].

Однако, как считают некоторые аналитики, все же нельзя исключать, что в проектах, в которых задействованы огромные деньги, вопросы морали и справедливости стоят далеко не на первых местах, а зачастую просто игнорируются или решаются старым способом — «по праву сильного». Поэтому, на наш взгляд, учитывая исторический опыт Китая, следует особо задуматься над словами Си Цзиньпина, произнесенными им в завершение его речи на Генассамблее ООН: «Китайский народ, численность которого превышает 1,3 миллиарда человек, стремится реализовать китайскую мечту о великом национальном возрождении. Эта мечта китайского народа тесно связана с мечтами других народов мира» [Выступление главы КНР...].

Библиографический список

Бобров М. Раздавленные прогрессом. Как китайское государство пытается сделать из уйгуров идеальных граждан // Новая газета. 23.11.2020 г.

Выступление главы КНР Си Цзиньпина на Генеральной Ассамблее ООН. URL: <http://inosmi.ru/> от 01.10.2015 г. (дата обращения: 21.01.2021).

Кадомцев А. Индия и Китай: скора или охлаждение? // Международная жизнь. 11.06.2020.

Материалы Агентства «Синьхуа», октябрь 2015 г. URL: <http://russian.news.cn/> (дата обращения: 21.01.2021).

Морской Шелковый путь как часть стратегии Китая. URL: <http://invoen.ru/analitika/> (дата обращения: 21.01.2021).

Мэннинг Р. Индо-Тихоокеанская стратегия США // Россия в глобальной политике. 21.09.2018.

Полонский И. Китай, «синацзянский вопрос» и «Исламское государство» // Военное обозрение. 30.10.2015.

Синьцзян-Уйгурский автономный район. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 27.05.2020).

Чварков С. Азиатское сообщество общей судьбы // Независимое военное обозрение. 30.01.2015.

Шикин В. Индия и Китай: взрывоопасный мир или холодная война? URL: <http://russiancouncil.ru/> (дата обращения: 21.01.2021).

References

Bobrov, M. (2020). Razdavlennye progressom. Kak kitajskoe gosudarstvo pytaetsya sdelat' iz ujgurov ideal'nyh grazhdan [Smashed by progress. How Chinese state is trying to make the Uighurs perfect citizens], *Novaya gazeta* [New gazette], 23.11.2020 (accessed: 21 January, 2021). (In Russian).

Chvarkov, S. (2015). Aziatskoe soobshchestvo obshchej sud'by [The Asia Society of common destiny], *Nezavisimoe voennoe obozrenie* [Independent military review], 30.01.2015 (accessed: 21 January, 2021). (In Russian).

Kadomtsev, A. (2020). Indiya i Kitaj: ssora ili ohlazhdenie? [India and China: dispute or cooling?], *Mezhdunarodnaya zhizn'* [International life]. 11.06.2020 (accessed: 21 January, 2021). (In Russian).

Manning, R. (2018). Indo-Tihookeanskaya strategiya SSHA [Indo-Pacific strategy of the U.S.], *Rossiya v global'noj politike* [Russia in global politics]. 21.09.2018 (accessed: 21 January, 2021). (In Russian).

Materialy Agentstva «Sin'hua», oktyabr' 2015 g. [The data from Xinhua agency, October 2015]. URL: <http://russian.news.cn/> (accessed: 11 January, 2021).

Morskoy SHelkovoyj put' kak chast' strategii Kitaya [Maritime Silk Road as a part of China's strategy]. URL: <http://invoen.ru/analitika/> (accessed: 21 January, 2021). (In Russian).

-
- Polonskiy, I. (2015). Kitaj, «sin'czyanskij vopros» i «Islamskoe gosudarstvo» [China, “Xinjiang issue” and “the Islamic State”], *Voennoe obozrenie* [Military review], 30.10.2015 (accessed: 15 May, 2020). (In Russian).
- Shikin ,V. (2014). Indiya i Kitaj: vzryvoopasnyj mir ili holodnaya vojna? [India and China: volatile peace or cold war?]. URL: <http://russiancouncil.ru/> 11.09.2014 (accessed: 21 January, 2021). (In Russian).
- Sin'czyan-Ujgurskij avtonomnyj rajon [Xinjiang Uyghur Autonomous Region]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (accessed: 27 May, 2020). (In Russian).
- Vystuplenie glavy KNR Si Czin'pina na General'noj Assamblee OON [The Speech of the PRC's President Xi Jinping at the UN General Assembly]. URL:<http://inosmi.ru/> (accessed: 21 January, 2021). (In Russian).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-126-139

В.И. Балакин

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ, КИТАЙ И ЕВРАЗИЙСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Аннотация. Российская государственность представляет собой стержневой элемент системы региональной безопасности, когда ме-няется весь комплекс международных отношений, складывавшийся на протяжении нескольких десятилетий. В создавшихся условиях на фоне углубляющегося кризиса коллективного Запада объективно становится еще более рельефной роль российской цивилизации, в утверждении которой особое место занимает российское государство, вбравшее в себя опыт западного и восточного мира. Одной из главных особенностей российской цивилизации является способность сохранять единство российского государства-континента с его специфической срединной евроазиатской культурой.

В основе российской государственности лежит идея достижения цивилизационного геополитического единства Евразии на пути синтеза национальной идентичности каждого из евроазиатских на-родов и превращения континента в своеобразную полигэтническую нацию. Национальная идентичность Евразии переполнена па-рadoxами, обусловленными спецификой многовековых экономиче-ских, культурных и социальных связей. России в связи с этим следу-ет прикладывать значительные усилия для демонстрации реальной независимости своего геополитического курса, а с учетом богатого культурного наследия — продвигаться в перспективном направле-нии укрепления национальной государственности. С точки зрения

региональной безопасности в Евразии, Россия выступает как ее единственный гарант, особенно для стран, которые имеют серьезные противоречия с США и стремятся сохранить стабильность на своей территории. Ускоряющаяся перекройка региональной политической архитектуры обостряет международную конкуренцию, стимулирует евроазиатскую интеграцию, способствует укреплению принципа государственного суверенитета. Крупные цивилизационные приоритеты на огромном евроазиатском континенте в своей основе сводятся к национальным целям устойчивого развития практически каждого расположенного здесь государства, стремящегося продемонстрировать непрерывную историческую преемственность в реализации общих геополитических задач прошлого, настоящего и будущего. Россия нацелена на поддержание и даже целенаправленное выстраивание того образа мироздания, который не основан на некой искусственной идентичности, а ориентирован на развитие мира как всечеловеческой солидарной общности в ее разнообразных и неповторимых вариантах.

Ключевые слова: Россия, государственность, Запад, Евразия, geopolитика, интеграция.

Автор: Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент ВАК, ведущий научный сотрудник Центра исследований проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru; prof_bvi@mail.ru

V.I. Balakin

Russia's statehood, China and Eurasian regional integration

Abstract. Russian statehood is a pivotal element of the regional security system, when the entire complex of international relations, which has evolved over several decades, is changing. Under these conditions, against the background of the deepening crisis of the collective West, the role of Russian civilization is objectively becoming even more pronounced, in the establishment of which the Russian state occupies a special place, which has absorbed the experience of the Western and Eastern world. One of the main features of Russian civilization is the ability to preserve the unity of the Russian continent state with its specific middle Eurasian culture. At the heart of Russian statehood is the idea of achieving the civilizational geopolitical unity of Eurasia within the framework of the synthesis of the national identity of each of the Eurasian peoples and the transformation of the continent into a kind of multinational nation. The national

identity of Eurasia is replete with paradoxes caused by centuries of economic, cultural and social ties. In this regard, Russia should make significant efforts to demonstrate the real independence of its geopolitical course, and, taking into account its rich cultural heritage, move in the promising direction of strengthening its national statehood. From the point of view of regional security in Eurasia, Russia acts as its only guarantor, especially for countries that have serious contradictions with the United States and seek to maintain stability on their territory. The accelerating reshaping of the regional political architecture exacerbates international competition, stimulates Eurasian integration, and helps to strengthen the principle of state sovereignty. Major civilizational priorities on the huge Eurasian continent are basically reduced to the national goals of sustainable development of practically every state located here, striving to demonstrate continuous historical continuity in the implementation of geopolitical tasks of the past, present and future. Russia seeks to support and even purposefully build that image of the universe, which is not based on some kind of artificial identity, but is focused on the development of the world as a comprehensive solidary community in its various but unique versions.

Keywords: Russia, statehood, West, Eurasia, geopolitics.

Author: Vyacheslav I. BALAKIN, Ph.D. (Law), Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru; prof_bvi@mail.ru

Интеграционные процессы на континенте Евразия

Евроазиатская интеграция имеет серьезное геополитическое значение, поскольку Евразия является средоточием наиболее древних цивилизаций мира, а проживает здесь более двух третей населения планеты (около 4,8 млрд человек), производящих практически половину мирового ВВП (порядка 40 трлн долл.). Актуальнейшей темой современной Евразии является континентальная интеграция, направленная на глубокое взаимопроникновение и взаимопереплетение ранее обособленных регионов Восточной, Южной, Центральной Азии, постсоветского пространства, Центральной и Западной Европы [Libman, p. 16]. Следует подчеркнуть, что реально продолжающиеся процессы интеграции между государствами в отдельных макрорегионах Евразии все более стимулируются общеконтинен-

тальной интеграцией, которая в основном связана с так называемой интеграцией снизу. Сегодня большинство экспертов сходится во мнении, что реальную всеобъемлющую интеграционную структуру на евроазиатском континенте вряд ли удастся увидеть в обозримой перспективе, ибо для ее появления нет объективных оснований, а главное — в этой структуре отсутствует хоть какая-то реальная необходимость. Как правило, интеграционные процессы подобного масштаба всегда выстраиваются в силу стремления крупнейших континентальных держав, таких как Россия, Китай, Индия, Германия, Франция, сформировать общую инфраструктуру, которая состояла бы из региональных проектов, представляющих собой не абсолютно взаимоисключающий, а скорее взаимодополняющий характер.

Современные глобальные вызовы обостряют конкурентную борьбу за ресурсы, транспортные коридоры, рынки сбыта товаров, однако все это происходит на фоне нарастания природных социальных и техногенных катализмов, а особое жесткое геополитическое противоборство разворачивается именно вокруг материка Евразия. Геополитическая экспансия Запада на евроазиатском континенте преследует цель создать устойчивые плацдармы с тем, чтобы США смогли внедрить свои подконтрольные элиты в конкретные евроазиатские государства для подрыва в этих странах реальной стабильности и безопасности путем расширения обширной сети внешнего влияния на развитие политических событий и в различных регионах евроазиатского континента [Luks, p. 73]. Фактически предпринимаются целенаправленные попытки переформатировать геополитическое пространство от Тихого до Атлантического океана, наращиваются усилия по нейтрализации национальных потенциалов ведущих государств континента, прежде всего России, Китая и Индии. Что касается Российского государства, то ему по «американским лекалам» предписаны планы изменения этно-социального состава населения страны в пользу выходцев из южных республик СНГ, ориентируясь на перекройку российских границ, создание новых военно-политических союзов антироссийской направленности. Отдельные международные эксперты подчеркивают, что, например, в Москве, численность русского населения последовательно сокращается, а уровень нелегальной миграции кратно

превышает число зарегистрированных мигрантов и это явно исторически напоминает миграционные процессы, когда произошла реальная трансформация христианской Византии в мусульманскую Османскую империю.

Российское государство в настоящее время должно в полной мере осознавать, что на континенте Евразия сложилось множество разнообразных многосторонних и двусторонних форматов политического сотрудничества, которые в повседневной реальности объективно формируют серьезные очаги международной напряженности. Российская Федерация старается проводить на европейском континенте взвешенный геополитический курс сбалансированного сотрудничества со всеми государствами, ориентирующими на равноправное инвестиционное сотрудничество и не стремящимися выставлять какие-либо особые политические условия. Фундаментальным аргументом для России повышать свою стратегическую значимость на евроазиатском пространстве служит соблюдение жизненно важных национальных интересов, а также сохранение цивилизационной идентичности русского мира. Российское руководство отдает себе полный отчет относительно неизбежности коренного изменения в ближайшем десятилетии сложившегося мирового порядка, который усугубляет продолжающийся финансово-экономический кризис, стимулирует достаточно мощный технологический сдвиг, подтаскивает эффективность многих национальных и международных институтов и в первую очередь — в рамках Организации Объединенных Наций. В складывающихся условиях вряд ли можно надеяться на реальную перспективу формирования единой Евразии, поскольку ее составляют явно и откровенно противостоящие друг другу давно сложившиеся традиционалистские цивилизации, целенаправленно возрождающие собственную историческую идентичность [Kozaki, p. 14].

В России считают, что ухудшение отношений с коллективным Западом представляет собой долгосрочный тренд, однако данное явление позволит российскому государству сформулировать такую экономическую стратегию, которая безусловно фундирует претензии Москвы на роль одного из главных центров политического влияния на евроазиатском континенте. Российское государство стремится реализовать на просторах континента Евразия идею парт-

нерства цивилизаций с перспективой многоуровневой интеграционной модели. Здесь постепенно начинает формироваться некое ядро новой мировой цивилизации и нового мирового порядка, предполагающих становление региональной экономической модели, основанной на усилении геополитического влияния Китая и повышении значения российско-китайского взаимодействия на евроазиатском континенте. Нынешнее сближение между Россией и Китаем представляется весьма убедительным аргументом в пользу того, что руководство обеих стран все более убеждается в высоком уровне способности РФ и КНР противостоять давлению коллективного Запада при полном понимании невозможности для двух государств в одиночку конкурировать с формируемыми США агрессивными военно-политическими альянсами [Graham, p. 18]. Это в значительной степени реально меняет геополитическую ситуацию в Евразии, поскольку объективно запускается процесс стратегического сближения двух цивилизационных сущностей, претендующих на реальную финансовую самодостаточность при заметном росте недоверия к долларовой системе взаимных расчетов и инвестиционных ресурсов.

Россия внимательно отслеживает геополитические процессы, развивающиеся на евроазиатском пространстве, поскольку присутствуют серьезные риски в контексте китаяцентричной логистической инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Кроме того, российские стратегические интересы напрямую затрагивают возникновение и последовательное укрепление так называемого западного вектора китайской экспансии, проявляющейся, в частности, в расширении инвестиционной активности КНР в странах Восточной Европы. Как представляется, для Москвы принципиально важно блокировать попытки Запада стратегически закрепиться в регионе Центральная Азия, для чего необходимо предотвращать приход к власти в бывших среднеазиатских республиках прозападных элит. На этом направлении присутствуют реальные возможности взаимопонимания с Пекином [Xu, p. 101]. Важнейшие геополитические интересы Российской Федерации объективно диктуют обязательность максимального использования выгод от ее трансконтинентального расположения, чтобы реально и эффективно контролировать многие транспортные коммуникации, связывающие Азию и Европу.

Геополитическая стратегия России в Евразии

Чрезмерная активизация интеграционных процессов в Евразии представляется в обозримой перспективе маловероятной, и поэтому Российская Федерация должна выстраивать собственную геополитическую стратегию, в полной мере учитывая долгосрочные российские национальные интересы. Долгосрочные национальные интересы России в формирующемся новой Евразии вполне очевидны в свете выстраивания логистических цепочек, включая последовательное ускорение работ по обустройству транспортного коридора Север—Юг, соединяющего российскую территорию с Ираном и далее выдвигающегося в Индию. Но у России есть и долгосрочная цель, суть которой не консолидировать Евразию, что абсолютно бессмысленно даже в рамках той ее части, как, например, Евразийский экономический союз, а постепенно налаживать интеграционные связи с каждой конкретной евроазиатской страной. В этом смысле помочь в укреплении суверенитета государств Евразии последовательно становится для Российской Федерации основной геополитической задачей, ибо именно такой подход позволяет Москве не допускать стратегических уступок коллективному Западу в его откровенном стремлении активно противодействовать наращиванию совокупной военно-политической мощи России и Китая [Mattis, p. 4]. Абсолютно понятно, что приверженность КНР геополитическому взаимодействию с РФ зависит от военно-политической состоятельности Москвы, которая зиждется прежде всего на российском превосходстве в новейших видах вооружений, являющихся сегодня главным аргументом в борьбе за региональное лидерство в «Большой Евразии».

Особенности геополитического фона российско-китайских отношений сегодня стимулируют стремление США доказать свое глобальное лидерство, прежде всего в военной сфере, а это теперь не всегда получается, поскольку в Вашингтоне крайне неадекватно оценивают своих главных стратегических оппонентов. США последовательно стремятся противодействовать вызревающему неформальному альянсу Москвы и Пекина, исходя прежде всего не из рациональных причин, а скорее в силу переполняющих США геопо-

литических амбиций. Абсолютно понятно, что Российской Федерации и КНР объединяет такая же общая психологическая антипатия к Вашингтону, причины которой, тем не менее, во многом разнятся, но в основе своей имеют принципиальное неприятие «исторических выскочек» и стремление последовательно выступать против американской гегемонии и диктата на международной арене [Resch, p. 11]. В Евразии Россия обладает ключевыми конкурентными преимуществами, состоящими в возможности контролировать кратчайший путь из Азии в Европу на новом витке развития. Вместе с тем, Российская Федерация последовательно ищет дополнительные надежные геополитические позиции в разных частях евроазиатского континента с учетом ее долгосрочных целей, ориентированных на преодоление санкционных мер со стороны коллективного Запада с помощью как «мягкой силы», так и традиционной «твёрдой» военной силы.

Древняя китайская мудрость гласит: «если хотите победить врага малой кровью, воспитывайте его детей», то есть современное российское государство должно бросить все имеющиеся силы и возможности на эффективное противодействие попыткам коллективного Запада разложить наше молодое поколение. Сейчас для России наступил тот самый момент истины, когда жизненно важно переломить сложившуюся ситуацию и отказаться от графоманского написания формальных документов по поводу некой «новой» комплексной стратегии развития российского государства и последовательно приступить к реализации конкретных шагов в направлении воспитания устойчивого большинства в российском народе, для которого национальные интересы страны не являются отвлеченным понятием. Что касается Евразии, то следует жестко придерживаться аксиомы, суть которой в следующем: «где когда-нибудь в прошедшей истории поднимался российский флаг, там зона наших геополитических интересов остается навсегда». Для России в настоящее время геополитическая ситуация остается исключительно острой, поскольку коллективный Запад пытается вытеснить нашу страну из ключевых экономических сфер, разжигая на периферии Евразии долговременные управляемые конфликты [Kosaka, p. 54]. США повсеместно навязывают российскому государству жесткую борьбу за важнейшие логистические

коридоры, прежде всего вокруг евроазиатского континента, а это неизбежно приведет к снижению российского влияния при формировании новых центров хозяйственного роста. Вместе с тем, сегодня у России имеются значительные возможности для геополитического маневрирования в Евразии, где востребованность Москвы в качестве серьезнейшего независимого стратегического игрока последовательно возрастает. Однако для устойчивости данной тенденции необходимо достижение внутриполитического общественного консенсуса в самой России.

Российская государственность в современных условиях вряд ли способна развиваться без восстановления ее естественных исторических границ, обусловленных естественным природным ландшафтом. Именно, исходя из данной объективной стратегемы, становится вполне объяснимым внешнеполитический курс Российской Федерации, направленный на интеграцию или союзнические отношения в рамках «Большой Евразии». По многим имеющимся формальным признакам Россия вступает в период нарастающих негативных геополитических ожиданий, постоянно подкрепляемых усугублением асимметрии развития страны, что будет, похоже, носить труднопреодолимый характер [Ferrari, p. 15]. С проблемой целостности российского государства как многоэтнической сущности окружающему миру приходится иметь дело достаточно давно, что постоянно приводило к попыткам добиться от населения России согласия на единую европейскую идентичность. Развитие традиционных ценностей всегда связано с политикой как одной из производных культуры, являющейся отражением нравственного и религиозного опыта народа, а не объектом действия социальных сил, и в данной связи российское государство выступает как средоточие всех индивидуальных устремлений на общей евроазиатской территории.

Традиционные ценности в России представляют собой систему правил и образцов поведения, которыми руководствуется весьма многочисленная и достаточно стабильная группа населения, передающая эти правила из поколения в поколение. Сегодня идея формирования Россией на евроазиатском пространстве некого неформального объединения государств, ориентирующегося на согласование политических, экономических, военных, гуманитарных и

культурных связей, становится все более востребованной, поскольку в той же Евразии традиционные ценности за редким исключением не подвергаются сомнению и, как правило, всегда закрепляются на государственном уровне [Chen, p. 121]. Во многом этому активно способствует акцент российских традиционных ценностей на приоритете духовного над материальным, и этот приоритет носит базовый, фундаментальный, системообразующий характер, когда цитата из Дж.Р. Киплинга: «*Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись*» в России опровергается самой историей нашего государства — мы уже давно сошлись. Россия благодаря ядерному паритету с США полностью обеспечила себе, а также соседним евроазиатским государствам, сохранение реального суверенитета, что абсолютно исключает возникновение по периферии континента любого конфликта.

В обозримой перспективе важнейшим представляется так называемый «украинский вопрос», который для России выглядит как наиболее опасное направление сложной евроазиатской геополитики, поскольку невоюющая с Москвой Украина Вашингтону попросту не нужна, а значит, России в первую очередь необходимо выстроить вокруг беспокойной территории «незалежной» плотную систему комплексной безопасности, когда весьма «горячий киевский борщ» будет вариться исключительно внутри, постепенно распадаясь на отдельные более мелкие компоненты, становящие полностью готовыми к самоопределению.

Новая роль российского государства в Евразии

Борьба за контроль над евроазиатским континентом предопределяет будущую геополитическую ситуацию в мире. Главная цель российского государства в XXI в. — стать лидером на пространстве Евразии, синтезировав разные культуры и системы ценностей, чтобы тем самым попытаться избежать противостояния Востока и Запада на новом витке развития. В России всегда была важна восточная ойкумена, поскольку только такой мировоззренческий подход определяет российскую государственность не как замкнуто националь-

ную, но в качестве глобально ориентированной модели развития с целью воссоединения человечества. Российская государственность объективно представляет собой результат создания некой соединяющей среды». Великий русский философ И.А. Ильин утверждал: «*Россия не могла и не должна никогда становиться путевой, торговой или культурной баррикадой, так как ее мировое призвание остается, прежде всего, связанным с творческим посредничеством между народами и культурами, а не с замыканием или препятствованием данному процессу*» [Ильин, с. 140]. Слово России должно примирять Восток и Запад, а это задача космического масштаба, влекущая за собой попытку восстановления гармоничного единства мира, уже тысячелетия расколотого на две половины, но все еще нуждающегося в создании нового человеческого типа, опирающегося на лучшие черты Востока и Запада [Meister, p.4].

Российская государственность нескольких последних десятилетий представляет собой настойчивую попытку направить экстенсивное хозяйственное развитие по пути интенсивной производительной экономики, позволяющей многонациональному населению страны сложиться в единый народ. Государственность в России представляет собой более широкое понятие, чем собственно государство, поскольку речь идет о принципах и идеологии властования, то есть государственность следует рассматривать как отношения между верховной властью и народом, как набор способов решения государством проблем, исторически вызревающих в процессе развития российского общества. Коренные черты российской государственности предопределяют реальную необходимость полностью учитывать специфику следующих взаимосвязанных феноменов: государство, общество, гражданин. И это ставит в повестку дня вопрос о том, каким образом связаны государство (организация политической власти в обществе) и государственность (целостная система идей и взглядов, используемых в организации и деятельности самого государства). По сути дела, Россия представляет собой военную империю, формировавшуюся на континенте Евразия в течение пяти веков, имевшую весьма эффективную идеологию, преемственно вырабатывавшуюся русским государством, что позволило России навсегда избавиться от попыток внешнего завоевания и устойчиво контролировать самую большую и

самую богатую территорию мира [Hakamada, p. 17]. Исходя из данного постулата, русская государственность и в обозримой перспективе должна служить делу становления и последующего развития многоэтнической и многоконфессиональной цивилизации Российской Федерации как основы сохранения евроазиатского пространства.

Идеология российского государства на континенте Евразия объективно должна преследовать в качестве основной цели нахождение некой золотой середины между традиционными ценностями и достижениями технологического прогресса, что предопределяет дальнейший путь развития нашей страны в направлении евроазиатской интеграции на базе конструктивного альянса цивилизационных приоритетов и незыблемых традиционных духовных принципов. Цивилизационные приоритеты на евроазиатском континенте в своей основе сводятся к национальным целям устойчивого развития практически каждого расположенного здесь государства, стремящегося продемонстрировать историческую преемственность в реализации общих геополитических задач прошлого, настоящего и будущего [Pizzolo, p. 335]. Следует подчеркнуть, что Российская Федерация в настоящее время формируется в качестве цивилизационного сообщества, отвечающего интересам глобального пробуждения идентичности народов, которое становится ключевым императивом международных отношений и служит созданию реальных полноформатных механизмов стратегического взаимодействия между странами. Безусловно, Россия стремится поддерживать и даже целенаправленно выстраивать определенный образ мироздания, но основанного не на некой искусственной идентичности, а ориентированного на содействие развитию мира как всечеловеческого солидарного космоса в его разнообразных и неповторимых вариантах.

Библиографический список

Ильин И.А. Путь духовного обновления. Книга 43. «Русская Библиотека». Белград, 1937 г. 248 с.

Кодзаки Акиёси. Юрасия рэнго косо но тэнбо то кадай : [Перспективы и задачи проекта Евразийского союза] // Кэйдзай ронсю (Токио) : [Экономические дискуссии (Токио)]. 2019. Т.12. С.13—29. (На яп. яз.).

Косака Хироюки. Юрасия кэйдзайкэн : [Евроазиатский экономический район] / Сого сэйсаку кэнкюсё, Хитоцубаси дайгаку : [НИИ общей политики. Университет Хитоцубаси]. Токио, 2019. С. 45—61. (На яп. яз.).

Сюй Хунфэн. Чжунэ хэцзо : [Китайско-российское сотрудничество] // Оя цзинцзи (Бэйцзин) : [Экономика Евразии (Пекин)], 2017. С. 88—103. (На кит. яз.).

Хакамада Сигэдзю. Росиа-ни окэру дайкокусюги но фуккацу : [Оживление в России национализма крупной державы] / Нихон андзэн хосё бозки гаккай. — Ниигата: Ниигатакэн дайгаку. «Экусупэрото» : [Японский центр по проблемам обеспечения безопасности внешней торговли. Университет Ниигата. Издание «Эксперт»]. 2014. No 13. С. 14—22. (На яп. яз.).

Чэн Цзин. «И дай, и лу» шиий ся : [«Один пояс, один путь» с региональной точки зрения] // Оя цзинцзи (Бэйцзин) : [Экономика Евразии (Пекин)]. 2019. No 6. С. 116—12. (На кит. яз.).

Ferrari Aldo. Russia and China: anatomy of a partnership. — Milano-Italy: Ledizioni Publishing, 2019. 141 p.

Graham Thomas. U.S. Policy toward Eurasia. The Aspen Institute Congressional Program. Prague, 2019. 85 p.

Libman Alexander. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. Personal RePEc Archive. Paper No.61639. Munhen, 2015. 29 p.

Luks Leonid. Eurasien aus neototalitärer Sicht. Totalitarismus und Demokratie, No. 1. Universität Köln, 2020. S. 63—76.

Mattis Jim. National Defense Strategy of the United States of America. Department of Defense. Washington DC, 2018. 11 p.

Meister Stefan. Russlands neue Außen- und Sicherheitspolitik. Deutschen Gesellschafts für Auswärtige Politik. Berlin, 2018. No. 12. 7 s.

Pizzolo Paolo. Eurasianism: An ideology for the multipolar world. — Milano: Libera universita' internazionale degli studi sociali publishing, 2017. 543 p.

Resch Rene. Handelskrieg: China mit Gegenmaßnahmen gegen USA // Die Welt (Berlin). 2020.

References

Chen Jiyong (2019). “Yi dai, yi lu” shiyu xia [“One belt, one way” from regional point of view], *Ouya jingji* [Eurasian economy], no.6: 116—122. (In Chinese).

Ferrari, Aldo (2019). Russia and China: anatomy of a partnership, *Milano-Italy: Ledizioni Publishing*, 141 p.

- Graham, Thomas (2019). U.S. Policy toward Eurasia, *Prague: The Aspen Institute Congressional Program*, 85 p.
- Hakamada, Shigeju (2014). Rosia-ni okeru daikokushugi no fukkatsu [The revival of big power nationalism in Russia], *Nihon anzen hoso boeki gakkai. Niigataken daigaku. "Ekusuperuto" [Japanese center of international trade security. University of Niigata. "Expert publishers"]*, no.13: 14—22 p. (In Japanese).
- Ilyin, I.A. (1937). Put' duhovnogo obnovleniya. Kniga 43 [The path of spiritual renewal. Book 43], *Belgrade: «Russkaya Biblioteka»* ["Russian Library"], 248 p.
- Kosaka, Hiroyuki (2019). Yurasia keizaiken [Eurasian economic area], *Sogo seisaku kenkyusyo, Hitotsubashi daigaku* [The Institute of general policy, University of Hitotsubashi] : 45—61. (In Japanese).
- Kozaki, Akiyosh (2019). Yurashia rengo koso no tenbo to kadai [Perspectives and Tasks of the Eurasian Union Project], *Keizai ronsyu* [Economic discussions], vol. 12: 13—29. (In Japanese).
- Libman, Alexander (2015). Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism, *Munich Personal RePEc Archive*, Paper No. 61639, 29 p.
- Luks, Leonid (2020). Eurasien aus neototalitärer Sicht. Totalitarismus und Demokratie, *Universität Köln*, no 1: 63—76. (In German)
- Mattis, Jim (2018). National Defense Strategy of the United States of America, *Department of Defense*, 11 p.
- Meister, Stefan (2018). Rußlands neue Außen- und Sicherheitspolitik, *Deutschen Gesellschafts für Auswärtige Politik*, no12, 7 s.
- Pizzolo, Paolo (2017). Eurasianism: An ideology for the multipolar world, Libera universita' internazionale degli studi sociali publishing, 543 p.
- Resch, Rene. Handelskrieg (2020). China mit Gegenmaßnahmen gegen USA, Die Welt: 11.
- Xu Hongfeng. Zhonge hezuo [China-Russia cooperation], *Oya jingji* [Eurasian economy], no 1: 88—103. (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-140-150

Wizarat Shahida

MAJOR CHALLENGES TO BELT AND ROAD INITIATIVE (BRI) IN 2020—2021

Abstract. There are three major challenges to the Belt and Road Initiative (BRI). One, comparing the Belt and Road Initiative (BRI) with the present International Economic Order, which entails decline in economic activity in the rich countries as a result of the capitalist crisis, causing conflicts to start brewing up in the developing world. The result is increased purchases of arms and ammunition, causing increase in the gross domestic product of armament producing countries. Changing this world order with the BRI, which simultaneously promotes growth in both the rich and the poor countries will alter the balance of economic power to the benefit of Third World countries, and is being perceived as such by the rich countries, thus posing a serious threat to the BRI. Second, the industrialization threat from Third World countries in the 1960s and beyond was met by academic and intellectual response from western countries. Although the intellectual response was very intense, and resulted in the ushering in of the Counter Revolution, with far reaching consequences on the economies of Third World countries and the global economy. But with the BRI what started off as an academic and intellectual opposition, is fast changing into a belligerent response from western countries. Third, a major challenge to the BRI is that while the strategic interests of countries in Asia, Africa, Middle East, etc., lie with regional countries, their governments appointed by western countries, are pulling them to-

wards the colonial order that officially ended in the aftermath of World War II. This colonial order facilitated western countries to build their artificially high standards of living on the economic surplus which continues to flow out to them from developing countries. This is a real dilemma and a formidable challenge to the BRI for it is pulling these countries in opposite directions — towards the pre 1945 colonial order by their governments, while their own economic and strategic interests are pulling them towards regional countries. What role China and Russia can play in freeing developing countries from the shackles of colonialism and integrating them to the region where they belong?

Keywords: China; Belt and Road Initiative (BRI); China Pakistan Economic Corridor (CPEC); colonialism; challenges.

Author: Shahida WIZARAT, Ph.D. (Economics), Dean of the College of Economics and Social Development (CESD), Institute of Business Management (Karachi, Pakistan).

E-mail: Shahida.wizarat@iobm.edu.pk

III. Узарал

Основные вызовы инициативе «Пояс и путь» (ИПП) в 2020—2021 гг.

Аннотация. Перед инициативой «Пояс и путь» (ИПП) ныне стоят три основных вызова. Во-первых, это сочетаемость инициативы «Пояс и путь» (BRI) с существующим международным экономическим порядком, который в силу кризиса капитализма порождает снижение экономической активности в богатых государствах, что приводит к возникновению конфликтов в развивающихся странах. В результате растет торговля оружием и боеприпасами, и это приводит к увеличению ВВП стран-производителей вооружений. Изменение такого мирового порядка благодаря ИПП, которая одновременно способствует прогрессу как в богатых, так и в бедных странах, изменит баланс экономических сил в пользу стран Третьего мира. Богатые страны именно так и воспринимают эффект ИПП, что создает серьезную угрозу для Инициативы. Во-вторых, угроза индустриализации со стороны стран Третьего мира в 1960-е и последующие годы получила отклик в научных и интеллектуальных кругах западных стран. Интеллектуальная реакция была очень серьезной и привела к началу «контрреволюции» с далеко идущими последствиями для экономики стран Третьего мира и для мировой экономики. Но с появлением ИПП то, что начиналось как академическое и

интеллектуальное неприятие, быстро превращается в воинственный ответ со стороны западных стран. В-третьих, главный вызов для ИПП заключается в том, что, хотя стратегическим интересам стран Азии, Африки, Ближнего Востока и т. д. отвечает сотрудничество со странами соответствующих регионов, их правящие режимы, наследственные западными государствами, затягивают их обратно в колониальный порядок, которому официально был положен конец после Второй мировой войны. Этот колониальный порядок способствовал достижению западными странами искусственно высокого уровня жизни за счет экономических ресурсов, которые продолжают поступать к ним из развивающихся стран. Это реальная дилемма и серьезный вызов для БРИ, поскольку Запад тянет эти страны в противоположном направлении — к колониальному порядку, существовавшему до 1945 г. и созданному правящими режимами этих стран, в то время как их истинные экономические и стратегические интересы лежат в сфере сотрудничества внутри регионов. Какую роль Китай и Россия могут сыграть в освобождении развивающихся стран от оков колониализма и их интеграции в регионы, к которому они принадлежат?

Ключевые слова: Китай, инициатива «Пояс и путь» (ИПП); Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК); колониализм; вызовы.

Автор: Шаида Уизарат, доктор философии (экономика) (Ph.D. (Ec.)), декан Колледжа экономики и социального развития Института управления бизнесом (Карачи, Пакистан).
E-mail: Shahida.wizarat@iobm.edu.pk

1. Introduction

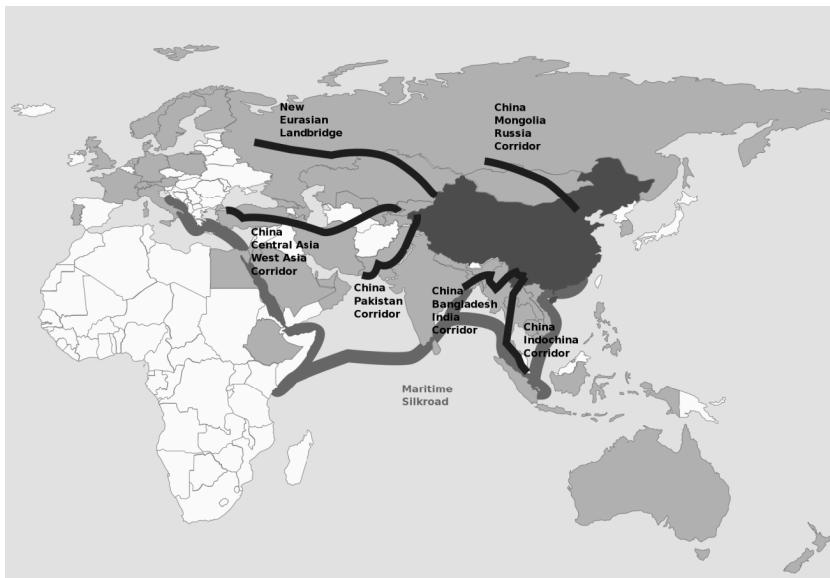
Belt and Road initiative (BRI) was inaugurated by President Xi Jinping in 2013 during state visits to Kazakhstan and Indonesia. The BRI is one of the largest infrastructure and investment projects, involving more than 68 countries, containing 65 % of global population and 40 % of the global gross domestic product (GDP) in 2017, accounting for almost 40 % of total world trade [Belt and Road Initiative, Wikipedia]. The major objectives behind the BRI are: “to construct a unified large market and make full use of both international and domestic markets, through cultural exchange and integration, to enhance mutual understanding and trust of

member nations, resulting in an innovative pattern of capital inflows, talent pools, and technology databases.” [The Belt and Road initiative, Uniview].

The project tries to fill the “infrastructure gap” for increasing economic growth in Asia, Africa, Central and Eastern Europe and Asia-Pacific. The BRI builds on old trade routes that connected China to the west, Marco Polo and Ibn Battuta routes in the north, Ming Dynasty and Zheng He routes. At present the BRI includes the entire geographical area of the historic Silk Road trade routes.

The six corridors of BRI can be seen in the map, but the one corridor that has received most attention is the China Pakistan Economic Corridor (CPEC). The United States, United Kingdom and India have not just opposed it verbally, but they have tried to sabotage it through action as well. This is despite the fact that China is building the China, Bangladesh, India Corridor (CBIC) as well. So while India, US and U.K. are quite comfortable with the CBIC, they have gone to great lengths to sabotage the CPEC. Previous US Defense Secretary James Mattis informed the Senate Armed Services Committee that “One Belt One Road passes through disputed territory.....” And that “US opposed One Belt One Road policy in principle because in a globalized world there are many belts and many roads, and no one nation should put itself in a position of dictating One Belt One Road.” Opposition to One Belt One Road has hardened over the years, with the Pentagon terming China and Russia “bigger threats than terrorism.” Pentagon’s defense strategy document states that “China’s new military buildup in the South China Sea, its moves to expand its political and economic influence around the globe, and what has long been described as Beijing’s systemic campaign of cyber attacks and data theft from government agencies and private US Corporations.” The document also underscores “Russia’s aggressive military moves, including the invasion of Ukraine and involvement in the Syria war, as well as meddling in the 2016 elections” (quotes from [Dawn, 20.01.2018]).

What are the reasons for these western countries and their strategic partner India to go to such lengths to oppose the BRI, especially CPEC tooth and nail is the major focus of this paper. After the brief introduction in Section 1, I go on to study the major challenges to the BRI and to study

Belt and Road Initiative Corridors. *Source:* The Belt and Road initiative, Wikipedia.

the intellectual arguments giving rise to such passion against the BRI in Section 2. While Section 3 concludes the paper.

2. Major Challenges to BRI

The colonial world order that started from the 16th to the mid 19th centuries when vast areas in Asia, Latin America, Middle East, Caribbean and Africa were colonized by Britain, France, Germany, Spain, Portugal, Belgium, Holland and Italy. These powers formulated policies for occupied areas and implemented these policies through their own nationals appointed as viceroys. The colonial powers used the colonies very ruthlessly, extracting their natural resources, using the population as slave labor, leading to unprecedented demographic changes in the colonies. According to estimates there were massive colonial transfers from the colonies to the colonial masters. One such estimate by U.Patnaik put colonial transfers from

undivided India to Britain amounting to 45 tln USD during the period 1765 to 1938 [How much money...; Agrarian and Other Histories...].

The moves towards decolonization in the aftermath of World War II resulted in the birth of several new born countries in Asia, Africa, Middle East, the Caribbean, etc. While some of these countries actually acquired a sovereign status, but to a vast majority sovereignty is still elusive. In terms of the more substantive characteristics they are still in the colonial mode. Their policies are made abroad, and selectees comprising of foreign nationals, dual nationals and those on the payroll of big powers implement these policies. Massive outflows of capital continue, both on account of very liberal foreign exchange regimes and corruption by government officials, technocrats, bureaucrats, etc., have led to massive outflows of capital to safe heavens in the U.K., U.S., Switzerland, Dubai, which have become the major beneficiaries of capital outflow from developing countries.

Some former colonial powers like France accepted the formal Declaration of Independence by 14 African countries, “a pact for the continuation of colonization” [Koutonin] which required them to accept the French Colonial Currency in Africa (FCFA), maintain French schools and military systems and accept French as the official language. France also controls all the foreign exchange reserves of these 14 countries. They are also required to deposit 85 percent of their foreign exchange reserves at the Banque de France in Paris. Discovery of new natural resources in these countries requires French approval. And many years after colonialism formally ended, these countries are still paying for the “benefits” of past colonial rule, huge amount of 440 bn euro per year to France.

Almost 75 years after independence this imperial order is still intact, maintained and reinforced by western governments. And several attempts by developing countries to bring development to their countries for the last several decades have not been successful, they now have the opportunity to develop their economies through the BRI. So while the strategic interests of countries in Asia, Africa, Middle East, etc., lie with regional countries, their governments appointed by western countries, mainly their agencies, are pulling them towards the colonial order that officially ended in the aftermath of World War II. This is because western countries have built their artificially high standards of living based on the economic surplus which

continues to flow out to them from developing countries. And this is a real dilemma and a formidable challenge to the BRI!

Western countries perceive the BRI as a very big threat to the order they gave to the world post World War II. Comparing the Belt and Road Initiative (BRI) with the present International Economic Order, which entails decline in economic activity in rich countries as a result of the capitalist crisis, causing conflicts to start brewing up in the developing world. The result is increased purchases of arms and ammunition, causing increase in the gross domestic product of armament producing countries. This lends support to the Marxist theory that death and destruction in poor countries brings prosperity to the rich countries. And this order has been given to the world by those who believe in God and the hereafter. And the Chinese who don't believe in God and the hereafter, have given an international order which is so much more ethical, peaceful and development oriented. It doesn't inflict casualties in the poor countries in order to bring prosperity to rich countries, that is why it is called a win-win model. Changing the present world order which inflicts a heavy cost on poor countries in order to bring prosperity to rich countries with the BRI, which simultaneously promotes growth in both the rich and the poor countries. This will alter the balance of economic power to the benefit of Third World countries, and is being perceived as such by the rich countries, thus posing a serious threat to the BRI.

And the provision of infrastructure made available in the first phase of the project, followed by the second phase entailing industrial and agricultural development will change the balance of economic power in the world. In the past industrialization of Third World countries led to uneasiness in western countries, leading to very strong critiques of the Structuralist model, that promoted rapid industrialization in the new born states in the late 1950s, and continuing in the 1960s and onwards. Major critiques by Bauer; Deepak Lal; Little, Scitovsky and Scott; Ann Kruger; etc., culminating in the ushering in of the Counter Revolution or neo liberalism [Wizarat]. Although these right wing economists were attacking different aspects of the Structuralist view, e.g. Ann Kruger's focus was on rent seeking in Third World countries [Krueger A.], Little, Scitovsky, Scott were studying the failure of State Owned Enterprises in developing countries [Little, Scitovsky and Scott], Deepak Lal emphasized trade and market,

instead of government intervention as the solution to poverty alleviation in Third World countries [Lal], while Bauer attacked aid to developing countries [Bauer]. But the common theme in their analyses was the uneasiness with regard to industrialization of Third World countries, which in the view of many western economists caused de industrialization in the advanced countries.

The strong reaction of rich countries to a perceived industrialization threat from the Third World countries, ushered the Counter Revolution and gave it the status of main stream economics, using it to draw up conditionalities by the international financial institutions in their lending programs. Comparing the reaction of western countries to the industrialization of Third World countries, with their opposition to the BRI reflects the following: first, it is action replay of the Counter Revolution almost four decades earlier by the influential writings of right wing economists, writing in right wing newspapers at a time when there were right wing governments in Washington and London. The prospect of Third World countries industrialization and development through BRI is causing a great deal of discomfort in the west. Second, the industrialization threat from Third World countries in the 1960s, 70s and 80s was met by academic and intellectual response from western countries. Although the intellectual response was very intense, and resulted in the ushering in of the Counter Revolution, with far reaching consequences on the economies of Third World countries and the global economy [Mosley, Harrigan and Toye; Ghai; Wizarat and several others]. But I am unaware of any move to translate this intellectual response into a strategic response. But with the BRI, what started off as an academic and intellectual opposition, is fast changing into a belligerent response, as can be seen from the statements emanating from the Pentagon, UK, US and Indian governments and their intellectuals against CPEC and the BRI.

3. Conclusion

Wars of independence in the colonies during the inter war years culminated in moves towards decolonization. During the decolonization process US became an ardent supporter of the right of self determination and

bringing an end to colonial powers control over colonies, as it bestowed advantages on them which the US did not enjoy. The birth of several new born states in Asia, Middle East, the Caribbean and Africa as sovereign countries was a short lived phenomenon. As the years went by, what was gained in the aftermath of World War II was gradually lost. How will these countries take important decisions on greater interaction with China, Russia and other regional countries when their governments comprise of US and U.K. nationals and selectees of their agencies? How will they make investments in their infrastructure with massive outflows of capital still going to western countries? Can China and Russia play the same role that the US played during the decolonization era of championing the freedom struggles of the colonies? Certainly it will not be in Russian and Chinese interest to have poverty stricken allies, whose colonial transfers don't allow them to contribute their shares in infrastructural development, to bring it at par with the state of the art infrastructure in China and Russia. How far will China and Russia go to liberate the Third World countries to enable them to develop and integrate themselves to the region.

Библиографический список

Agrarian and Other Histories: Essays for Binay Bhushan Chaudhuri: Shubhra Chakrabarti and Utsa Patnaik (eds). New Delhi: Tulika Books, 2017. 392 p.

Bauer P.T. Dissent on development: studies and debates in development economics, *Harvard University Press*, 1972. 550 p.

Belt and Road Initiative // Uniview. URL: http://en.uniview.com/News/News/201809/804999_169683_0.htm (accessed: 16.05.2021).

Belt and Road Initiative, // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Belt_and_Road_Initiative (accessed: 16.05.2021).

Dawn (Karachi). Herald Publications. 20-01-2018.

How much money did Britain take away from India? About \$45 trillion in 173 years, says top economist (2018), *BusinessToday.In*, November 19, 2018. URL: <https://www.businesstoday.in/current/economy-politics/this-economist-says-britain-took-away-usd-45-trillion-from-india-in-173-years/story/292352.html> (accessed: 16.05.2021).

Koutonin Mawuna Remarque. 14 African Countries Forced by France to Pay Colonial Tax for the Benefit of Slavery and Colonization // SiliconAfrica. URL: <https://siliconafrica.com/2014/01/28/france-colonial-tax> (accessed: 16.05.2021).

Krueger A.O. The Political Economy of the Rent-Seeking Society // *American Economic Review*. 1974. Vol. 64(3). P. 291—303.

Lal D. Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism in the Twenty-first Century. Princeton: Princeton University Press, 2006. 334 p.

Little I., Scitovsky T. and Scott M. Industry and Trade in Some Developing Countries. A Comparative Study. Published for the Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development. Paris. London, New York, Oxford University Press, 1970. XXII p., 512 p.

Mosley P.; Harrigan J. and Toye J. Aid and Power: The World Bank and Policy-Based Lending. London, Routledge, 1991. 2 volumes Vol.1: 317 p. Vol. 2: 443 p.

The IMF and the South: the social impact of crisis and adjustment / ed. by Dharam Ghai. London and New Jersey; Zed Books, 1991. xii + 273 p.

Wizarat, S. Fighting Imperialism Liberating Pakistan, The Development Policy Debate. — Karachi: Centre for Research & Statistics, 2011. 360 p.

References

Agrarian and Other Histories: Essays for Binay Bhushan Chaudhuri: Shubhra Chakrabarti and Utsa Patnaik (eds) (2017), *New Delhi: Tulika Books*, 392 p.

Bauer, P.T. (1972). Dissent on Development: Studies and Debates in Development Economics, *Harvard University Press*, 550 p.

Belt and Road Initiative, *Uniview*. URL: http://en.uniview.com/News/News/201809/804999_169683_0.htm (accessed: 16 May, 2021).

Belt and Road Initiative, *Wikipedia*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Belt_and_Road_Initiative (accessed: 16 May, 2021).

Dawn (Karachi), Herald Publications, 20-01-2018.

Ghai D. (ed.). The IMF and the South: the Social Impact of Crisis and Adjustment (1991), *Zed Books, London and New Jersey*, xii + 273 p.

How much money did Britain take away from India? About \$45 trillion in 173 years, says top economist (2018), *BusinessToday.In*, November 19, 2018. URL: <https://www.businesstoday.in/current/economy-politics/this-economist-says-britain-took-away-usd-45-trillion-from-india-in-173-years/story/292352.html> (accessed: 16 May, 2021).

Koutonin, Mawuna Remarque (2014). 14 African Countries Forced by France to Pay Colonial Tax for the Benefit of Slavery and Colonization, *SiliconAfrica*. URL: <https://siliconafrica.com/2014/01/28/france-colonial-tax> (accessed: 16 May, 2021).

Krueger, Anne O. (1974). The Political Economy of the Rent-Seeking Society, *American Economic Review*, *American Economic Association*, vol. 64(3): 291—303.

Lal, Deepak (2006). Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism in the Twenty-first Century, *Princeton: Princeton University Press*, 334 p.

Little Ian; Scitovsky, Tibor; Scott, Maurice (1970). Industry and Trade in Some Developing Countries. A Comparative Study. Published for the Development Centre of the Organization for Economic Co-operation and Development, *Paris. London, New York, Oxford University Press*, XXII p., 512 p.

Mosley, Paul; Harrigan, Jane and Toye, John (1991). Aid and power: The World bank and policy-based lending, London, Routledge, 2 volumes: Vol.1: 317 p. Vol. 2, 443 p.

Wizarat, Shahida (2011). Fighting Imperialism Liberating Pakistan, *The Development Policy Debate, Centre for Research & Statistics (Karachi)*, 360 p.

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-151-163

Н.М. Бевеликова, В.Е. Петровский

«МОРСКОЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ XXI ВЕКА»: ЗАМЫСЛЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. Статья посвящена политическому и правовому анализу перспектив развития проекта «Морской Шелковый путь XXI века» (МШП), одного из двух составляющих китайской инициативы «Пояс и путь» (ИПП). По мнению авторов, при реализации ИПП выявились несбалансированность двух ее компонентов — Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века, занимающих особое место в структуре мировой экономики.

Суть морского вектора развития Китая определяется тезисом «стратегическое управление на море», подразумевающее не только обеспечение морских интересов страны и охрану морских торговых путей, но и обеспечение контроля над доступом к добыче морских ресурсов ввиду постоянно растущих возможностей промышленности Китая. Однако модель «госпредприятия плюс инфраструктура» делает ИПП менее устойчивой с экономической точки зрения, поскольку возрастают кредитные и иные риски.

Что касается проектов строительства новых портов в рамках МШП, то можно выделить три экономических критерия для оценки выполнимости этих проектов: близость к основным линиям морских коммуникаций, близость к уже существующим портам и сте-

пень экономической взаимосвязанности с сухопутными проектами. При этом следует учитывать, что неравномерное пространственное распределение морских путей сообщения на региональном и межрегиональном уровнях порождает существенные различия для морского сообщения и экономической совместимости регионов вдоль МШП.

Наращивание китайского военно-морского присутствия в акваториях пролегания МШП выглядит логично, поскольку обусловлено необходимостью обеспечить безопасность соответствующих морских торговых путей. Можно согласиться с мнением о том, что китайские проекты в рамках МШП не являются ни чисто военными, ни чисто коммерческими, хотя они тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Сравнивая цели и позиции отдельных государств относительно МШП, авторы характеризуют его преимущества, способствующие экономическому развитию стран-участниц. Также в работе рассматриваются тенденции формирования общего правового пространства в рамках МШП.

Ключевые слова: Инициатива «Пояс и путь» (ИПП), Морской Шелковый путь XXI века (МШП), инфраструктурные проекты, транспортные коридоры, кредитные риски, правовое пространство.

Авторы: Бевеликова Нелли Михайловна, генеральный директор Центра научно-технического сотрудничества и обмена специалистами, доцент кафедры международного и морского права ИМТМ ГУМРФ им. адмирала Макарова, кандидат юридических наук. E-mail: bevnelli@yandex.ru

Петровский Владимир Евгеньевич, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН, доктор политических наук. E-mail: petrovsk4@gmail.com

N.M. Bevelikova, V.Ye. Petrovsky

**“Maritime Silk Road of the XXI Century”:
Concepts and Reality**

Abstract. The article is devoted to the political and legal analysis of the development prospects of the Maritime Silk Road (MSR) project of the 21st century, one of the two components of the Chinese Belt and Road Initiative (BRI). According to the authors, its implementation revealed the imbalance of its two components — the Silk Road Economic

Belt (SREB) and the Maritime Silk Road of the 21st century, which occupy a special place in the structure of the world economy.

The essence of the maritime vector of China's development is determined by the thesis "strategic management at sea", which envisages not only ensuring the country's maritime interests and protecting relevant sea trade routes, but also ensuring control over access to the extraction of marine resources due to constantly expanding capabilities of China's industry. However, the "state owned enterprises + infrastructure" model makes the BRI less economically sustainable, because credit and other risks increase.

As for projects of the construction of new ports within the MSR framework, there are three economic criteria for assessing their feasibility: proximity to the main lines of sea communications, proximity to existing ports, and the degree of economic interconnection with onshore projects. It should be borne in mind that the uneven spatial distribution of sea routes at the regional and interregional levels gives rise to significant differences in the importance for sea traffic and economic compatibility of regions along the MSR.

The increase in the Chinese naval presence in the waters of the MSR looks logical, since it is due to the need to ensure the safety of the sea trade routes that run there. One can agree with the opinion that the Chinese projects within the framework of the MSR are neither purely military nor purely commercial, although they are closely interrelated and interdependent.

By identifying the goals and positions of individual states in the comparative dimension with regards the MSR, the authors identify its advantages, which contribute to the economic development of participating countries. The work focuses on trends in the formation of a common legal space within the framework of the MSR.

Keywords: Belt and Road Initiative, Silk Road Economic belt, Maritime Silk Road of the XXI century, infrastructure projects, transport corridors, credit risks, legal space.

Authors: Nelli M. BEVELIKOVA, Ph.D. (Law), Director General, Center of science and technical cooperation and exchange; Dean, Chair of international and maritime law, State University of maritime and inland shipping. E-mail: bevnelli@yandex.ru

Vladimir Ye. PETROVSKY, Dr.Sc. (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: petrovsk4@gmail.com

Морской Шелковый Путь XXI века является наиболее важной и амбициозной составляющей китайской Инициативы «Пояс и путь» (ИПП). Вместе с тем, последние годы внимание отечественных исследователей было в основном приковано к сухопутной составляющей ИПП — Экономическому поясу Шелкового пути (ЭПШП), а также к процессу сопряжения евразийской интеграции и ИПП именно через ее сухопутный компонент. Однако ход реализации ИПП показал, что не все ожидания, связанные с ЭПШП, оправдались, в то время как проекты Морского Шелкового пути XXI века (МШП) развивались масштабно и более быстрыми темпами. В связи с этим в ходе выполнения проектов ИПП выявились несбалансированность распределения ресурсов среди ее двух слагающих — ЭПШП и МШП.

По мнению экспертов, это привело к тому, что изначальный план реализации ИПП утерял свою изначальную географическую значимость, а также спровоцировал избыточное международное давление на КНР, связанное с тем, что Китай, традиционная сухопутная держава, развивает МШП в попытке интегрироваться в систему «морских» государств. Несмотря на сопротивление страны последовательно продвигается к цели, превращаясь в ведущую морскую державу. Происходит это ввиду четкого понимания руководством КПК непреходящего значения управления морским пространством.

География МШП, как части ИПП, охватывает пространство от Китая до Малаккского пролива через Малайзию, пересекает весь Индийский океан, включая Индию и Шри-Ланку; пролегает через Красное море, Джибути и Суэцкий канал МШП, простирается к Средиземному морю до Греции и Италии. Вдоль соответствующих маршрутов предусматривается строительство гражданской и военной инфраструктуры, доходящей до Африки, а через Красное море и Ближний Восток — в Европу. В целях постепенного формирования целостной базовой инфраструктуры в данное территориальное пространство Китай планирует включить Южную Америку и проход через Арктику.

Анализ законодательного регулирования реализации стратегических интересов КНР должен исходить из того, что основные направления Морского Шелкового пути XXI века были изначально

определенены в стратегическом документе «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века», подготовленном Госкомитетом по делам развития и реформ, Министерством иностранных дел и Министерством коммерции КНР. Согласно ему, маршруты МШП должны были проходить «из морских портов Китая через Южно-Китайское море до Индийского океана и дальше до Европы, а также из китайских портов через Южно-Китайское море в южную акваторию Тихого океана. На море будут создаваться безопасные, бесперебойные и высокоеффективные транспортные маршруты с узловыми точками в важнейших портах». При создании МШП также предполагалось «расширить сферы взаимных инвестиций, активно содействовать сотрудничеству в сферах аквакультуры, океанического рыболовства, переработки морепродуктов, опреснения воды, морской биофармацевтики, океанографии, охраны окружающей среды и индустрии морского туризма [Прекрасные перспективы и практические действия...].

Суть морского вектора развития Китая определяется тезисом «стратегическое управление на море», предусматривающим не только обеспечение морских интересов страны и охрану морских торговых путей, но и обеспечение контроля доступа к добыче морских ресурсов ввиду постоянно расширяющихся возможностей промышленности Китая. Однако модель «госпредприятия плюс инфраструктура» делает ИПП менее устойчивой с экономической точки зрения. Так, по данным ОЭСР, во втором квартале 2018 г. стоимость нерабочих активов ИПП достигла 101,8 млрд долл. [How China's Belt and Road...].

Показателен пример с проектом порта Хамбантота на Шри Ланке, который нельзя назвать экономически успешным. К концу 2016 г. совокупные убытки проекта достигали 340 млн долл. и стало ясно, что превратить проект из убыточного в прибыльный в краткосрочной перспективе не получится, особенно учитывая имеющийся ограниченный потенциал порта Коломбо и планы его увеличения. Будучи не в состоянии вернуть кредит, в декабре 2017 г. Шри-Ланка передала Китаю контрольный пакет акций и право на 99-летнюю аренду порта Хамбантота.

Следует учитывать и то, что Китай сокращает выдачу кредитов в целом. Это означает вероятность сокращения финансирования проектов ИПП в других странах. Один из главных уроков прошлого заключается в том, что избыточное финансирование без необходимой коммерческой отдачи неизбежно порождает риск невозврата кредитов [China's Belt and Road Initiative..., р. 21–22].

С учетом этого операторы МШП в настоящее время предпочитают модернизировать именно китайские порты и обновлять связанную с ними экономическую политику. Для понимания правового режима портов важен пример острова Хайнань. Министерство коммерции КНР и 19 других правительственные ведомства разработали циркуляр, содержащий 28 мер по упрощению и либерализации торговли и услуг в зоне свободного порта Хайнань. В рамках торговли товарами предусмотрены 13 мер, включая разрешение определенным регионам в качестве эксперимента ослабить контроль над импортом и экспортом сырьевых ресурсов, таких как сырая и очищенная нефть. Также предусмотрена отмена тарифного квотирования на импорт сахара в свободном порту Хайнань [China rolls out 28 policies...].

Что же касается проектов строительства новых портов в рамках МШП, то можно выделить три экономических критерия для оценки их выполнимости: близость к основным линиям морских коммуникаций, близость к существующим портам и степень экономической взаимосвязанности с сухопутными проектами. При этом следует учитывать, что неравномерное пространственное распределение морских путей сообщения на региональном и межрегиональном уровнях порождает существенные различия для морского сообщения и экономической совместимости регионов вдоль МШП. Западная, Южная и Северо-Восточная Азия имеют наибольшую судоходную совместимость с другими регионами, поскольку пространственное распределение потенциала морского судоходства формируется по принципу «центр — периферия». Следовательно, Юго-Восточная, Северо-Восточная, Западная Азия и Европа являются доминирующими регионами МШП [Traffic Inequality and Relations..., р. 20].

В настоящее время строятся семь портов и контейнерных терминалов: два в Малайзии, по одному на Мьянме и в Бангладеш (Читта-

гонг), два на Шри-Ланке (Хамбантота и Коломбо) и один на Мальдивах (остров Ган). Кроме того, Китай строит четыре порта и контейнерных терминалы в Красном море и еще шесть, в дополнение к Джибути, на восточном побережье Африки — от Кении и Танзании до Мозамбика и Мадагаскара. В общей сложности Китай участвует в строительстве 18 портов и железнодорожных линий в районе Индийского океана [What Lies Behind China's...]. В связи с этим видятся логичными обсуждаемые в специальной юридической литературе мнения о том, что государства — участники МШП обязаны будут не только осуществлять стыковку строительства портовой инфраструктуры на своих территориях, но и создать систему унифицированных технических регламентов и стандартов в рамках МШП.

С продвижением МШП тесно связаны экономические коридоры Китай—Пакистан и Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма. Китайские государственные корпорации подписали соглашение с Мьянмой о выделении ей 7,3 млн долл. на строительство глубоководного порта и 2,7 млн долл. на создание индустриального парка в специальной экономической зоне Кьяукпью на побережье Бенгальского залива. К этому стратегически расположенному населенному пункту выходят нефтепровод и газопровод из г. Кунминя в южнокитайской провинции Юннань, строительство которых обошлось в 1,5 млрд долл. [China's Maritime Silk Road Strategic..., р. 4].

В последнее время стали очевидными риски данного проекта, поскольку трубопроводы проходят через провинцию Ракхайн. После того, как повстанцы проживающей там народности рохинджа в августе 2017 г. совершили ряд нападений на полицейские посты, армия Мьянмы начала военную операцию, которая сопровождалась массовым насилием и привела к гуманитарному кризису.

Вместе с тем, целью данного проекта является ориентирование транспортных потоков в обход уязвимого Малаккского пролива и содействие развитию юго-западных регионов Китая. По мнению некоторых западных экспертов, «существуют обоснованные опасения по поводу того, что Мьянма попадет в опасную экономическую зависимость от Китая», особенно если правительство страны будет вынуждено прибегнуть к китайским кредитам для своего участия в строительстве порта и специальной экономической зоны, которые в

совокупности могут достигнуть 5 % ВВП Мьянмы [China's Maritime Silk Road Strategic..., p. 4].

Развитие порта Гвадар — ключевой элемент создания Китайско-Пакистанского экономического коридора. Учитывая наличие двух других крупных портов в Пакистане (возможности для расширения потенциала которых уже исчерпаны), проект в Гвадаре призван обеспечить доставку и перевалку до 1 млн тонн грузов в год, а также создание важной промышленной и транспортной инфраструктуры. Однако реализации указанного проекта сопутствуют риски, касающиеся безопасности китайских рабочих, националистических волнений в провинции Белуджистан и потенциального невозврата кредитов Китаю. США и другие участники четырехстороннего диалога по безопасности (Quad) обеспокоены перспективой базирования в Гвадаре ВМС Китая, что, по их мнению, приведет к усилению военного присутствия КНР в Индо-Тихоокеанском регионе [China's Maritime Silk Road Strategic..., p. 11].

Опасения подобного рода ведут к тому, что страны Quad, например, Австралия предпочитают не участвовать в проектах МШП или сворачивать уже начатые. В мае 2021 г. Государственный комитет по развитию и реформам КНР заявил о приостановке участия китайской стороны в стратегическом экономическом диалоге с Австралией на неопределенный срок. Главной причиной считается аннулирование Канберрой меморандума австралийского штата Виктория об его участии в ИПП в силу «несоответствия внешнеполитическим интересам». Австралийское правительство также обратилось в Министерство обороны с просьбой рассмотреть вопрос об отмене 99-летней аренды порта Дарвин китайской компанией *Landbridge Group* «по соображениям национальной безопасности» [Гарин].

По мере реализации проектов МШП Китай наращивает там свое военно-морское присутствие. В 2013 г. китайская атомная подводная лодка впервые вышла в Индийский океан. Тогда же Китай арендовал участок земли в Джибути для создания пункта материально-технического снабжения с целью активизации антипиратских операций своего флота в Аравийском море. Объект в Джибути был построен в рекордные сроки, и с тех пор туда до 10 раз в год заходят китайские военно-морские суда. А с 2018 г. китайские под-

лодки несколько раз заходили в порты на Шри-Ланке и в пакистанский Гвадар.

Наращивание китайского военно-морского присутствия в акваториях МШП вполне логично, поскольку оно обусловлено необходимостью обеспечить безопасность пролегающих там морских торговых путей. На шестых по счету регулярных китайско-пакистанских учениях «Морские стражи» в январе 2020 г. впервые отрабатывались совместные поисково-спасательные операции с участием подводного флота. Учения начались в пакистанском порту Карачи и прошли в Аравийском море. Их цель заключалась в отработке кооперации в деле обеспечения морской безопасности и противодействия морскому терроризму и преступности. [China, Pakistan joint...].

В феврале 2021 г. Пакистан пригласил флоты 45 стран, включая Китай, США и Россию, для участия в совместных военно-морских учениях в Аравийском море. В них впервые за последние 10 лет одновременно участвовали военно-морские суда РФ и стран НАТО. По официальным заявлениям, цель учений *Aman* (мир) — укрепление международного сотрудничества в противодействии пиратству, терроризму и другим угрозам морской безопасности и стабильности. Командующий пакистанским флотом адмирал Н. Ашраф отметил в связи с этим, что финансово-техническое участие Китая в строительстве инфраструктурных объектов и поддержании безопасности морских торговых путей имеет «исключительно большое значение» для обеспечения национальной безопасности, стабильности и безопасности на морях. В первую очередь речь идет о ключевом для ИПП многомиллионном проекте Китайско-Пакистанского экономического коридора [Pakistan to Host Russia...].

Можно согласиться с мнением экспертов о том, что китайские проекты в рамках МШП не являются ни чисто военными, ни чисто коммерческими, хотя эти их аспекты тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Анализируя не только экономические и военные стороны строительства МШП, но и его правовые перспективы, следует отметить, что проект призван более интенсивно развивать правовое сопровождение кооперации стран-участниц в области финансов и информационно-коммуникационных сферах. Создание правовых ос-

нов развития электроэнергетики, туризма, научно-технического сотрудничества логически может вносить вклад в общее юридическое обеспечение процессов, касающихся реализации как геостратегических, так и экономических интересов КНР. В части реализации последних МШП призван связать китайские порты с рынками Европы, Индии, Персии и Аравийского полуострова, простираясь вдоль берегов Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Таиланда, Индии, Шри-Ланки, Пакистана, а также стран Персидского залива и др.

Кроме того, КНР перенаправляет потоки экспорта товаров и капиталов из Китая в ряд африканских и азиатских стран, которые до сих пор не стали активными участниками мировой торговли. Подобные связующие процессы при лидерстве Китая имеют интересную особенность, значительно отличающую их от интеграционных процессов, например, в Западной Европе. Так, в своей правовой основе МШП — это намечающийся альянс экономически и финансово более слабых и малочисленных в сравнении с Китаем стран-участниц, с которыми КНР заключает двусторонние экономические соглашения (хотя в Африке был избран иной алгоритм — Китай согласовал с Африканским союзом и начал реализовывать план развития региональных коммуникаций, призванных связать все 54 африканские страны). Участники же западноевропейской интеграции — это чаще всего страны, сопоставимые по своему демографическому и экономическому потенциалу.

Особенность *институциональной* модели взаимодействия в рамках МШП заключается не в формировании наднациональных управлеченческих структур, а в «точечном» использовании полезного для КНР экономического опыта каждой страны-участницы и их территорий. Благоприятность же правовых перспектив общего интеграционного объединения зависит от профессионализма унификации соответствующего законодательства стран МШП. Опыт правового строительства стран-участниц, по идее, должен быть использован при разработке будущей правовой модели нового интеграционного типа с учетом особенностей сотрудничества с 10-ю странами Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Таиланд, Бруней, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма) в рамках реализованной инициативы «АСЕАН + 1». При таком подходе динами-

ка экономического и правового сближения всегда определяется политическим руководством государств.

Итак, МШП, позиционируясь как трансконтинентальный экономический коридор с сетью соответствующих китайских инфраструктур (с объемом производства до 21 трлн долл. при населении, превышающем 4,4 млрд человек), даст импульс созданию обширного правового пространства, находящегося под политическим влиянием КНР. Отметим, что, контуры региональной интеграции в рамках МШП выстраиваются Китаем с учетом необходимости разрешить имеющиеся территориальные морские споры между КНР и сопредельными странами, в том числе в Южно-Китайском море. Данное обстоятельство, а также активизация мер по созданию специализированных международных морских судов в городах Шэнчжэнь и Сиань должны привести к улучшению правовой атмосферы и внешнеполитического климата в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Указанные специализированные суды будут призваны разрешать связанные с МШП правовые проблемы, приглашая к участию в соответствующих процессах зарубежных юристов — специалистов в сфере международного морского права. Следует отметить, что эти суды могут быть созданы (даже организационно находясь под государственным контролем КНР) по образцу Международного коммерческого суда в Сингапуре или иных специализированных судов, арбитражей, международного трибунала по разрешению морских споров.

Таким образом, Китай предстает перед мировым сообществом в качестве активного актора, вносящего свой вклад в решение международных морских проблем. Первым нормативным актом КНР по регулированию юридических вопросов, связанных с функционированием морских судоходных трасс, стала Белая книга Китая по арктической политике — Положение Китая в Арктике, опубликованная пресс-канцелярией Госсовета Китая 28 января 2018 г. [Куан Цзенцзюнь, Оу Кайфэй, с. 84—91]. Будет ли опубликован нормативный документ правительства Китая по вопросам правовой реализации МШП по аналогии с Белой книгой по арктической политике КНР? Вопрос представляется особо актуальным ввиду того, что арктическая повестка Китая в рамках «Ледового Шелкового пути» логически увязывается Пекином с его стратегическими походами к МШП.

Библиографический список

Гарин Артем. Очередная «низшая точка» в отношениях Австралии и Китая?. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30048> (дата обращения: 11.05.2021).

Куан Цзенцзюнь, Оу Кайфэй. Новая политика Китая по Арктике (О Белой Книге «Политика Китая в Арктике») // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том. 63. № 17. С. 84—91.

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Business and Financial Outlook. 2018. Р. 21—22.

China rolls out 28 policies liberalizing trade in Hainan. URL: <https://en.imsilkroad.com/p/321180.html> (accessed: 11.05.2021).

China, Pakistan joint naval exercise first in a series. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1176034.shtml> (accessed: 11.05.2021).

China’s Maritime Silk Road Strategic and Economic Implications for the Indo-Pacific Region / Editor Nicholas Szczepenyi. Center for Strategic and International Studies. March 2018.

How China’s Belt and Road Initiative Went Astray. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/how-chinas-belt-and-road-initiative-went-astray/> (accessed: 08.05.2020).

Pakistan to Host Russia, NATO Members for Joint Naval Drill. URL: <https://www.voanews.com/south-central-asia/pakistan-host-russia-nato-members-joint-naval-drill> (accessed: 11.05.2021)

Traffic Inequality and Relations in Maritime Silk Road: A Network Flow Analysis // International Journal of Geo-Information. January. 2021.

What Lies Behind China’s Belt and Road Initiative? URL: <https://thewire.in/world/china-belt-and-road-initiative-trade> (accessed: 11.05.2021).

References

China rolls out 28 policies liberalizing trade in Hainan. URL: <https://en.imsilkroad.com/p/321180.html> (accessed: 11 May, 2021).

China, Pakistan joint naval exercise first in a series. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1176034.shtml> (accessed: 11 May, 2021).

China’s Belt and Road Initiative in the global trade, investment and finance landscape, *OECD Business and Financial Outlook*, 2018: 21—22.

China's Maritime Silk Road Strategic and Economic Implications for the Indo-Pacific Region / editor Nicholas Szechenyi. *Center for Strategic and International Studies. March 2018.*

Garin, Artyom (2021). Ocherednaya 'nizshaya tochka' v Otnoshenyakh Avstralii I Kitaya? [Another "low point" in relations between Australia and China?]. URL: <https://www.interaffairs.ru/news/show/30048> (accessed: 11 May, 2021). (In Russian)

How China's Belt and Road Initiative Went Astray. URL: <https://thediplomat.com/2020/05/how-chinas-belt-and-road-initiative-went-astray/> (accessed: 11 May, 2021).

Kuang Jenjun, Ou Kaifei (2019). Novaya politika Kitaya po Arktike (o Beloi Knige "Politika Kitaya v Arktike") [China's New Arctic Policy (about the White Paper "China's Arctic Policy")], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya [World Economy and International Relations]*, vol.: 63:17: 84—91 (In Russian).

Pakistan to Host Russia, NATO Members for Joint Naval Drill. URL: <https://www.voanews.com/south-central-asia/pakistan-host-russia-nato-members-joint-naval-drill> (accessed: 11 May, 2021).

Traffic Inequality and Relations in Maritime Silk Road: A Network Flow Analysis, *International Journal of Geo-Information, January 2021.*

Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249618.shtml (accessed: 11 May, 2021).

What Lies Behind China's Belt and Road Initiative?. URL: <https://thewire.in/world/china-belt-and-road-initiative-trade> (accessed: 11 May, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-164-178

Н.А. Замараева

КИТАЙСКО-ПАКИСТАНСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР: СТАТУС 2020—2021 гг.

Аннотация. Комплекс проблем, связанных с продвижением в 2020—2021 гг. проекта Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК), ныне являющегося ключевой частью инициативы «Пояс и путь» (ИПП), сталкивается с вызовами нескольких уровней, а именно: глобальные и региональные вызовы с их влиянием на ИПП; трудности реализации второго этапа КПЭК.

Представленный анализ охватывает короткий период времени — 2020—2021 гг., который, однако, насыщен судьбоносными событиями в мире и регионе, оказавшими влияние на китайские проекты в рамках «Пояса и пути». Их следует отнести к двум блокам вызовов: геополитические/геоэкономические и собственно сооружение КПЭК.

Геополитические/геоэкономические вызовы ИПП: мировые экономические кризисы; усиление торгово-экономического и политического противостояния США и Китая; военно-политическая турбулентность в Афганистане после заключения Соглашения между США и Талибаном (запрещен в РФ) в феврале 2020 г. о выводе войск США/НАТО из Афганистана. Но в отсутствие по состоянию на середину 2021 г. подписанного внутриафганского соглашения (между официальными властями в Кабуле и движением Талибан (запрещен в России)) обостряются риски развертывания нового

витка нестабильности и в Афганистане, и в регионе в целом. Иными словами, нестабильность вновь угрожает западному и северо-западному участкам границы Пакистана, причем в непосредственной близости от западного маршрута КПЭК. Соглашение о всеобъемлющем стратегическом партнерстве Китая и Ирана (заключено в марте 2021 г.) знаменует собой принципиально новый этап ИПП. Оно подтверждает продвижение Инициативы на Запад; то есть свидетельствует о том, что Пекин уже задействовал транспортные магистрали Пакистана, введенные в эксплуатацию в рамках первой фазы строительства КПЭК.

Соглашение о Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве, подписанное 15 ноября 2020 г. 15-ю странами — 10-ю членами АСЕАН, а также Австралией, Китаем, Новой Зеландией, Южной Кореей и Японией, в определенной степени можно считать вызовом для экономики Пакистана.

Вызовы для проекта КПЭК — замедление темпов его реализации. Это вызывает особое беспокойство Исламабада. В последние годы власти корректировали парадигму безопасности Пакистана под влиянием глобальных и региональных перемен, придавая особое внимание не только борьбе с террором, но и стимулированию внутрирегиональной торговли. Пакистан планирует распространить КПЭК на Центральную и Западную Азию в качестве энергетического и торгового коридора.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, стратегическое партнерство, торгово-экономические отношения, Договор о свободной торговле, Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК).

Автор: Замараева Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН.

E-mail: olunja@mail.ru .

N.A. Zamaraeva

China-Pakistan Economic Corridor: Status 2020—2021

Abstract. The complex of challenges associated with the promotion of the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) of the “Belt and Road” Initiative (BRI) in 2020—2021 reflects several levels of challenges, such as global and regional challenges and their impact on BRI; implementation of the second stage of CPEC — the flagship project of the BRI.

The presented analysis covers a short period of 2020—2021, which, however, is full of fateful events both in the world and the region that have influenced Chinese Belt and Road projects. They should be attributed to two blocks of challenges: geopolitical/ geo-economic and the CPEC itself.

Geopolitical / geo-economic challenges of the BRI: global economic crisis; strengthening of the trade, economic and political confrontation between the United States and China; military and political turbulence in Afghanistan after the signing of the US-Taliban Agreement (Taliban is banned in Russia) in February 2020 on the withdrawal of US/NATO troops. But in the absence of a signed intra-Afghan agreement in 2021, the emergence of a new round of instability in both Afghanistan and the region is worrying. In other words, the destabilization is returning to the western and northwestern sections of the Pakistan border in the immediate vicinity of the western route of the CPEC.

The Comprehensive Strategic Partnership Agreement between China and Iran in March 2021 is a fundamentally new stage of the “Belt and Road” Initiative. It confirms the progress of the BRI to the West; that is, Beijing has already used the transport highways of Pakistan, put into operation as part of the first phase of the construction of the CPEC/

The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement, signed in November 2020 by 15 countries — 10 members of ASEAN, as well as by Australia, China, New Zealand, South Korea and Japan. November 15, 2020 can be considered as a challenge to the economy of Pakistan to a certain extent.

CPEC challenges: slowing down the implementation of CPEC projects. This is of a particular concern to Islamabad. In recent years, the authorities have adjusted the security paradigm of Pakistan under the influence of global and regional changes, i.e. special attention is paid not only to the fight against terror, but also to the promotion of intraregional trade is the most important and clearly defined route of the CPEC from North to South. Pakistan plans to extend the CPEC to Central and West Asia as an energy and trade corridor.

Keywords: China, Pakistan, strategic partnership, trade and economic relations, Free Trade Agreement, China-Pakistan Economic Corridor (CPEC).

Author: Natalia A. ZAMARAEVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: olunja@mail.ru

Задолго до первоначально запланированной даты подписания в 2014 г. пакета документов по КПЭК мир столкнулся с глобальным кризисом 2008—2009 гг., который выявил уязвимость той китайской модели экономического развития, которая ориентировалась на экспорт. Программа продвижения экспортных потоков из Китая была заложена в основу и ИПП, и будущего КПЭК. Китай к тому времени разработал (и в настоящее время реализует по всему миру) полный цикл производственных и логистических цепочек, а также цепочек поставок.

Несмотря на необходимость переориентирования финансовых средств в пакистанские проекты (53 млрд долл. — такова стоимость проектов КПЭК) экономические вызовы уже в те годы убедили руководство КНР разработать программу по стимулированию внутреннего спроса, и приоритетной стала задача увеличения доходов и стимулирования потребления домашних хозяйств во внутренних провинциях страны. Руководство КПК взяло курс на расширение среднего класса и класса управляемцев. Около 60 % из 1,4 млрд населения Китая проживает в городах. Его быстро растущий средний класс, который является опорой программ реформирования, составляет в настоящее время более 400 млн человек, производящих продукцию и на экспорт, и на внутренний рынок. Иными словами, подписывая с Исламабадом в 2015 г. документы по КПЭК, Пекин уже не придавал приоритетное значение экспорту как базовому элементу внешней кооперационной парадигмы Китая.

Напряженность в отношениях с США, начавшаяся в годы администрации Д. Трампа (2017—2021 гг.), выявила очередную уязвимость экономики Китая в плане его высокой зависимости от американской высокотехнологичной продукции, такой как полупроводники. Это убедило Пекин стимулировать местные инновации для обеспечения безопасности внутренних цепочек поставок.

Торговая война между США и Китаем, стартовавшая в августе 2018 г. и прошедшая через три этапа повышения ввозных пошлин на сотни наименований китайских товаров (в итоге — до 25 %), побудила Китай вновь произвести оценку линии США как доминирующего глобального актора, обладающего наибольшим потенциалом для поддержки или срыва развития Китая.

Очередным вызовом для Китая и, соответственно — Пакистана, стало формирование Вашингтоном нового блока государств в Индо-тихоокеанском регионе в составе Австралии, Индии, США и Японии. Китайская торговля, в частности — импорт энергоносителей в настоящее время зависит от морских путей, которые проходят через Малаккский пролив. В условиях продолжающейся напряженности в Южно-Китайском море альянс под руководством США имеет необходимую инфраструктуру для блокирования прохода китайских сухогрузов и нефтеналивных танкеров через Малаккский пролив [From partnership to alliance]. В случае морских инцидентов доступ к теплым водам с материковой части Китая возможен только через весь маршрут КПЭК с включением Ваханского коридора (проходит от Афганистана на северо-восток до границы с Китаем, к северу выходит в Таджикистан, к югу — в Пакистан). Этот трек может использоваться Китаем в течение всего года, предоставляя ему беспрепятственный доступ к мировым рынкам через пакистанские порты Карачи (Индийский океан) и Гвадар (Ормузский пролив). Это объясняет, почему успех афганского переговорного процесса в 2020—2021 гг. так важен не только для США, но и для Китая и Пакистана. [Пакистан и вызовы внутриафганского урегулирования...].

На фоне усиления экономической и политической напряженности с Вашингтоном, в разгар пандемии COVID-19, оказавшей влияние на мировую экономику, в ответ на коронавирусный кризис председатель КНР Си Цзиньпин в мае 2020 г. обнародовал стратегию «двойной циркуляции». Ее цель — сокращение зависимости экономики КНР от зарубежных рынков и технологий в долгосрочном развитии.

Соглашение о стратегическом партнерстве между Китаем и Ираном, подписанное в марте 2021 г. с заявленной суммой инвестиций свыше 400 млрд долл., срок действия которого 25 лет, следует рассматривать как этап дальнейшего развития транспортно-логистической цепи ИПП. Документ предусматривает направление китайских капиталовложений в различные проекты — от атомной энергетики, строительства портов, железных дорог и другой инфраструктуры до инвестирования в военные технологии и в нефтегазовую промышленность Ирана.

«Это сотрудничество является основой для участия Китая и Ирана в крупных проектах и развитии инфраструктуры, включая пекинскую инициативу «Пояс и путь», — заявил президент Ирана Хасан Роухани [US-China contest for influence...]. Документ был подписан в первые месяцы правления новой администрации США, возглавляемой президентом Дж. Байденом. Пекин, несмотря на антикитайские действия Вашингтона — в частности, санкции против китайских военных кампаний, одобренные им 30 апреля 2021 г., расширяет свое влияние на азиатском континенте.

Исламабад воспринял давно ожидаемое соглашение между Китаем и Ираном двояко: с одной стороны, он на практике столкнулся с тем, что он уже не является единственным «любимым» детищем и адресатом ИПП; но с другой стороны — он увидел свой выигрыш, причем значительный. По мере развития китайско-иранских экономических отношений и в первую очередь — в энергетической сфере, их дальнейшая диверсификация станет еще одним стимулом для двухсторонней торговли. Транспортные потоки пойдут по инфраструктуре КПЭК, и пакистанский бизнес воспользуется этим для укрепления торговых связей с обоими государствами.

Картина партнерства меняется не только в Западной Азии. Китай расширяет горизонты и торгового сотрудничества, и географии ИПП; он ведет переговоры о статусе наблюдателя в Организации экономического сотрудничества (ОЭС), которая в 1992 г. значительно расширила членство, включив в свой состав Республику Азербайджан и ряд государств Центральной и Западной Азии: Исламскую Республику Афганистан, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику, Республику Таджикистан, Туркменистан и Республику Узбекистан. Китай поддерживает стабильные экономические отношения почти со всеми странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, и присутствие в Ормузском проливе китайских ВМС, выполняющих, в частности, функции охранения торговых судов, создает новые реалии. И если Пекин масштабно продвигает транспортную инфраструктуру, то Исламабад, опираясь на армию, входящую в десятку лучших в мире, вносит свой вклад в обеспечение ее безопасности.

2021 г. — юбилейный в отношениях Китая и Пакистана. Отмечая 70-летие установления китайско-пакистанских дипломатических отношений, КНР устами своих дипломатов выразила уверенность в их стабильности в долгосрочной стратегической перспективе. Пекин продолжает рассматривать Исламабад как важного стратегического партнера и привержен делу углубления китайско-пакистанской дружбы с тем, чтобы сделать китайско-пакистанские отношения моделью для построения сообщества с общим будущим.... В то время, как США настаивали, чтобы каждая страна следовала их модели, Китай предпочел стать партнером Пакистана [Ambassador Yao Jing: China-Pakistan relationship...].

Председатель Си Цзиньпин отметил, что китайско-пакистанские отношения должны стать образцом добрососедской дружбы, опорой регионального мира и стабильности и ориентиром для международного сотрудничества в рамках программы ИПП. Это означает, что модель добрососедских китайско-пакистанских отношений служит примером отношений для других стран, например, Афганистана и республик Центральной Азии.

Опираясь на опыт реализации первой фазы КПЭК, учитывая новые геополитические реалии и геоэкономические вызовы ИПП, Китай в 2020—2021 гг. конкретизировал место и роль Пакистана в своей внешней политике. Страны переживают новый этап отношений, переход от партнерства Китай—Пакистан к **Китайско-пакистанскому альянсу**. Важнейшим аспектом этого альянса является то, что, в случае «если один из его членов подвергнется нападению, другой обязательно станет частью этой войны». Пекин видит в этом основное условие создания будущего «сообщества общей судьбы». Для достижения этой цели страны должны работать вместе, чтобы строить открытую мировую экономику, а открытое сотрудничество, по мнению китайской стороны, ведет к «глобальному управлению» [Building Community of Shared Future for Mankind].

Обе стороны продолжают сотрудничество в борьбе с COVID-19, включая кооперацию в области вакцинации во имя создания сообщества единого здорового человечества.

Пекин по-прежнему видит тесное сотрудничество с Исламабадом в качестве основы регионального мира; а экономический кори-

дор КПЭК — как показательный пример успеха ИПП для стран континента.

Подписание документов по КПЭК в 2015 г. внушило Исламабаду надежду, что китайские инвестиции и сама реализация проекта откроют новую эру производственного сотрудничества между Пакистаном и Китаем. Особые экономические зоны (ОЭЗ) предоставлят всю требуемую современную промышленную инфраструктуру с нормативной базой мирового уровня, перспективами передачи технологий и модернизации промышленности.

Проект КПЭК прошел через разные фазы реализации, каждая из которых сталкивалась со своими внутренними вызовами.

В период с 2015—2020 гг. Китай и Пакистан реализовали *первый этап КПЭК*, один из сложнейших, с точки зрения совместной выработки технических процедур, правил финансового регулирования, координации сотрудничества и т. д. Несмотря на тщательную многолетнюю подготовку, страны столкнулись с рядом вызовов, в первую очередь — в вопросах безопасности. За прошедшие годы несколько китайских дипломатов и технических специалистов стали жертвами террористических нападений боевиков.

22 проекта, называемых китайской стороной проектами «раннего сбора урожая», в рамках КПЭК были завершены или находились на конец 2018 г. в стадии реализации. Совокупный объем инвестиций составил 18,9 млрд долл. В первую очередь, к этому числу относились энергетические проекты и проекты транспортной инфраструктуры. Все энергетические проекты КПЭК носят инвестиционный характер.

Несмотря на успехи китайской инициативы, страны — участники ИПП высказывали и критику, заявляя, что Китай создавал «долговые ловушки» странам, у которых не было средств для выплаты процентов по долгам.

Учитывая ряд громких претензий, правительство Китая в 2018 г. заявило, что оно предоставило правительству Пакистана льготные кредиты в размере 5,874 млрд долл. с совокупной процентной ставкой около 2 % и сроком погашения в 20—25 лет. В ответ кабинет министров в Исламабаде обещал суверенную гарантию на вышеуказанные кредиты и сроком погашения с 2021 г. В свою очередь китай-

ские компании и их партнеры также инвестировали 12,8 млрд долл. в энергетические проекты Пакистана. [Statement from Chinese Embassy...]. Из указанной суммы 3 млрд долл. — собственный капитал китайских фирм; остальные 9,8 млрд долл. были выделены коммерческими банками с процентной ставкой около 5 % со сроком возврата в 12—18 лет. Компании несут ответственность за прибыль и убытки, а также погашение кредитов.

Правительство Китая предоставило беспроцентные кредиты для строительства скоростной автомагистрали в Гвадаре и грант на ряд социальных проектов.

Кабинет министров, возглавляемый в 2013—2017 гг. премьер-министром Н. Шарифом, выделил скромное финансирование на разработку технико-экономического обоснования модернизации железнодорожного полотна ML-1. Таким образом, Пакистан взял обязательства вернуть Китаю только 6,017 млрд долл.

Несмотря на прогресс в строительстве объектов первой фазы КПЭК, власти Исламабада столкнулись с рядом вызовов. Один из них — срочный незапланированный возврат финансового кредита Саудовской Аравии в 2019 г. (Пакистан и Саудовская Аравия нормализовали отношения в мае 2021 г. И как результат Исламабад получил обещанное Эр-Риядом финансирование на завершение ряда проектов второго этапа КПЭК). Финансирование, предоставленное Пакистану КСА, а также и ОАЭ осенью 2018 — весной 2019 г., помогло Пакистану выиграть время для переговоров по сделке с Международным валютным фондом (МВФ). Пакистан вернул требуемый саудовский кредит, и в этом ему помог Пекин, который выделил 1 млрд долл. в качестве льготного кредита, кредитно-своповую кредитную линию в размере 1,5 млрд долл. и коммерческий кредит от Промышленно-коммерческого банка Китая в размере 500 млн долл. Поддержка Китая помогла Государственному банку Пакистана сохранить валютные резервы в размере около 13 млрд долл.

Исламабад неоднократно подчеркивал, что «китайско-пакистанские отношения являются краеугольным камнем внешней политики Пакистана. Обе страны придерживаются пяти принципов мирного сосуществования в развитии двусторонних отношений: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности,

взаимное ненападение, невмешательство во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода, а также мирное сосуществование. Одновременно страны отстаивают международную и региональную справедливость [Ambassador Yao Jing: China-Pakistan relationship...].

Правительство Пакистана, возглавляемое с августа 2018 г. премьер-министром И. Ханом, связывает экономическое будущее страны с завершением проектов КПЭК. Три визита главы кабинета министров в Китай и четыре личные встречи с президентом КНР Си Цзиньпином еще больше укрепили политическое доверие между двумя странами. Обмены и кооперация развиваются в таких областях, как энергетика, строительство дорог, торговля и инвестиции, наука и технологии, культура и образование, оборонное сотрудничество, в первую очередь в сфере торговли военной техникой.

Еще в период предвыборной кампании в 2018 г. И. Хан высказывал в СМИ похвалы в адрес китайского руководства, его опыту, умению, настойчивости при достижении экономических результатов. Лидер Пакистана выдвинул инициативу «Ная Пакистан» («Новый Пакистан» — программа поддержки малообеспеченных слоев населения страны). В общих чертах она очень напоминает социальный раздел ИПП.

Дальнейшая экономическая интеграция двух стран предполагает сопряжение «Ная Пакистан» и китайской ИПП. Это подтверждено материалами Пятой пленарной сессии XIX съезда ЦК КПК в октябре 2020 г.

При этом Китай и Пакистан столкнулись и с двусторонними вызовами. Они касались ряда пунктов Договора о свободной торговле (ДСТ-І), первый Протокол которого был подписан еще в 2006 г. Вскоре Исламабад усомнился в несовершенстве документа. Разногласия сохранялись до 2015 г., когда стороны договорились о механизме снижения налогов для торговли товарами и дальнейшего продвижения торговли в сфере услуг. В 2017 г. Пекин согласился с настоятельными просьбами Исламабада и расширил доступ для ряда пакистанских товаров на китайский рынок. И только в апреле 2019 г. стороны подписали очередной Протокол о внесении изменений в

Договор о свободной торговле-І между правительством Китайской Народной Республики и Исламской Республикой Пакистан [Protocol To Amend...].

Планировалось, что второй Протокол Договора о свободной торговле предоставит Пакистану столь необходимый преференциальный доступ на крупнейший в мире потребительский рынок. Пакистанские СМИ запестрели заголовками об успехах реализации Протокола II; о том, что новый масштабный экономический рывок приведет и Китай, и Пакистан к новым горизонтам сотрудничества, а также заложит прочную материальную основу для модернизации сфер кооперации двух стран.

Несмотря на спад экономики, вызванный кризисом платежного баланса в Пакистане в 2018—2020 гг. и отчасти — короновирусной инфекцией в 2020—2021 гг., пакистанский экспорт в Китай увеличился на 459 млн долл. (на 31 %), то есть до 1,951 млрд долл. в период с июля 2020 по апрель 2021 г. Это подтверждает, что второй этап Договора о свободной торговле наполняется конкретным содержанием. Власти призвали экспортёров активно использовать тарифные преференции в рамках ДСВ II.

Вспышку COVID-19 Пекин характеризовал как «временную эпидемию и трудности, которые не будут мешать двустороннему сотрудничеству». Пакистан высоко оценил поддержку КНР в решении проблем, связанных с COVID-19, а также ее вклад в международную борьбу с эпидемией [Ambassador Yao Jing: Epidemic won't Hinder China-Pakistan Cooperation...].

В 2020—2021 гг. стороны, несмотря на экономические вызовы и пандемию COVID-19, приступили к реализации *второго этапа КПЭК*, который предусматривал перемещение промышленных мощностей из Китая, передачу технологий и новые инвестиции в сельское хозяйство Пакистана, и все это с целью повышения производительности экономики ИРП.

Китай инвестировал в Пакистан около 30 млрд долл. в период с 2015—2021 гг. [Biden's initiatives in the South Asian...]. Портфель проектов КПЭК вырос до 53 млрд долл., включая завершенные, текущие и находящиеся на рассмотрении схемы. Сумма финансирования проектов, которые находятся на стадии разработки, составляет

более половины, то есть, около 28 млрд долл. По состоянию на февраль 2021 г. завершено 17 проектов на сумму 13 млрд долл., еще 21 проект стоимостью 12 млрд долл. находится в стадии реализации [Ministries seek time to...].

Хотя КПЭК и является знаковым проектом китайско-пакистанского сотрудничества, однако в 2019—2021 гг. власти ИРП констатировали отсутствие прогресса в реализации КПЭК. Пакистанские СМИ обвиняют в этом местную бюрократию, пандемию и экономический кризис. Министр иностранных дел Шах Мехмуд Куреши назвал торможение проектов противоречащим «национальным интересам», поскольку «федеральная и провинциальная администрации не оправдывают ожиданий политического руководства». Это касается реализации второй фазы свободной зоны Гвадар, скоростной автомагистрали Истбей, магистральных железных дорог, автомагистрали Мултан-Суккур; энергетических проектов Thar block-I.

Особое беспокойство вызывает застой в продвижении трех проектов свободных экономических зон (СЭЗ), которые уже несколько лет находятся в стадии разработки.

Запланированный масштабный перенос промышленных объектов из Китая в Пакистан тоже отложен.

Но есть и хорошие новости. Потепление пакистано-саудовских отношений вновь финансово «спасает» ряд объектов КПЭК. Визиты в Эр-Рияд начальника штаба сухопутных войск ИРП генерала К. Баджвы 4—8 мая 2021 г. и 7—9 мая 2021 г. способствовали этому. Важнейшим среди многочисленных подписанных с КСА двусторонних соглашений/меморандумов о взаимопонимании был «Рамочный меморандум о взаимопонимании» по финансированию проектов на сумму до 500 млн долл. в области энергетики, гидроэнергетики, инфраструктуры, транспорта/связи и развития водных ресурсов [Pak-Saudi ties: indispensability...].

Премьер-министр Пакистана И. Хан не скрывает, что особые чувства вызывает заявление председателя КНР Си Цзиньпина о том, что Китай одержал победу над абсолютной бедностью. Известно, что правительство Китая проделало большую работу по преодолению коррупции и бедности. 98,99 млн сельских жителей были выведены из состояния недостаточности. В период с 2012 по 2021 гг. Ки-

тай инвестировал в борьбу с бедностью порядка 1,6 трлн юаней (около 246 млрд долл.).

В целом же можно констатировать, что на настоящий момент внутренние и региональные вызовы «остудили» эйфорию первых лет инвестиционного потока в Пакистан. Дифирамбы в адрес проектов Китайско-пакистанского экономического коридора постепенно стихают; руководство КНР спустило выполнение проектов на уровень рядовых практических организаций.

Представляется, что на начальном этапе КПЭК Исламабад переоценил намерения Пекина. Он полагал, что Китай выступает крупным инвестором и одновременно оказывает помощь в технической реализации проектов. Но оказалось, что завышенные эмоциональные ожидания от сотрудничества с Поднебесной по КПЭК не дают ответов на все экономические вызовы, стоящие перед Пакистаном.

Кроме того, Исламабад столкнулся с необходимостью проведения масштабных строительных работ, к объему которых он не был подготовлен в должной степени. Бюрократические проволочки, пандемия, экономический кризис, отсутствие требуемого финансирования тормозили реализацию КПЭК в 2020–2021 гг. [Pakistan, RCEP...].

Библиографический список

Ambassador Yao Jing: China-Pakistan relationship is a model of State-State relations. URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1781473.htm> (accessed: 21.05.2020).

Ambassador Yao Jing: Epidemic won't Hinder China-Pakistan Cooperation on Belt and Road Initiative. URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1748068.htm> (accessed: 04.02.2020).

Biden's initiatives in the South Asian region. URL: <https://nation.com.pk/20-Apr-2021/biden-s-initiatives-in-the-south-asian-region> (accessed: 20.04.2021).

Building Community of Shared Future for Mankind. URL: <https://nation.com.pk/09-Jul-2020/building-community-of-shared-future-for-mankind> (accessed: 09.07.2020).

Building Community of Shared Future for Mankind. URL: <https://nation.com.pk/09-Jul-2020/building-community-of-shared-future-for-mankind> (accessed: 09.07.2020).

From partnership to alliance. URL: <https://nation.com.pk/16-Oct-2020/from-partnership-to-an-alliance> (accessed: 10.16.2020).

Ministries seek time to remove hurdles in CPEC. URL: <https://tribune.com.pk/story/2282545/ministries-seek-time-to-remove-hurdles-in-cpec> (accessed: 04.02.2021).

Pakistan, RCEP and an integrating Asia. URL: <https://tribune.com.pk/story/2296815/pakistan-rcep-and-an-integrating-asia> (accessed: 27.04.2021).

Pak-Saudi ties: indispensability, interdependence and pragmatism. URL: <https://tribune.com.pk/story/2299688/pak-saudi-ties-indispensability-interdependence-and-pragmatism> (accessed: 13.05.2021).

Protocol to Amend the Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of The Islamic Republic of Pakistan. URL: <http://www.commerce.gov.pk/protocol-on-phase-ii-china-pakistan-fta/> (accessed: 28.04.2019).

Statement from Chinese Embassy 2018/12/29. URL: <https://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1625941.htm> (accessed: 29.12.2018).

US-China contest for influence in Asia. URL: <https://nation.com.pk/17-Apr-2021/us-china-contest-for-influence-in-asia> (accessed: 17.04.2021).

References

Ambassador Yao Jing: China-Pakistan relationship is a model of State-State relations. URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1781473.htm> (accessed: 21 May, 2020).

Ambassador Yao Jing: Epidemic won't Hinder China-Pakistan Cooperation on Belt and Road Initiative. URL: <http://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1748068.htm> (accessed: 4 February, 2020).

Biden's initiatives in the South Asian region. URL: <https://nation.com.pk/20-Apr-2021/biden-s-initiatives-in-the-south-asian-region> (accessed: 20 April, 2021).

Building Community of Shared Future for Mankind. URL: <https://nation.com.pk/09-Jul-2020/building-community-of-shared-future-for-mankind> (accessed: 9 July, 2020).

Building Community of Shared Future for Mankind. URL: <https://nation.com.pk/09-Jul-2020/building-community-of-shared-future-for-mankind> (accessed: 9 July, 2020).

From partnership to alliance. URL: <https://nation.com.pk/16-Oct-2020/from-partnership-to-an-alliance> (accessed: 10.16.2020).

Ministries seek time to remove hurdles in CPEC. URL: <https://tribune.com.pk/story/2282545/ministries-seek-time-to-remove-hurdles-in-cpec> (accessed: 4 February, 2021).

Pakistan, RCEP and an integrating Asia. URL: <https://tribune.com.pk/story/2296815/pakistan-rcep-and-an-integrating-asia> (accessed: 27 April, 2021).

Pak-Saudi ties: indispensability, interdependence and pragmatism. URL: <https://tribune.com.pk/story/2299688/pak-saudi-ties-indispensability-interdependence-and-pragmatism> (accessed: 13 May, 2021).

Protocol to Amend the Free Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of The Islamic Republic of Pakistan. URL: <http://www.commerce.gov.pk/protocol-on-phase-ii-china-pakistan-fta/> (accessed: 28 April, 2019).

Statement from Chinese Embassy 2018/12/29. URL: <https://pk.chineseembassy.org/eng/zbgx/t1625941.htm> (accessed: 29 December, 2018).

US-China contest for influence in Asia. URL: <https://nation.com.pk/17-Apr-2021/us-china-contest-for-influence-in-asia> (accessed: 17 April, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-179-199

Е.И. Сафонова

КИТАЙСКО-ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

Аннотация. Китай как молодой мировой лидер, преисполненный энергией и амбициями, ищет и находит новые пути своей политico-экономической «экспансии». Не первое десятилетие КНР проявляет интерес к природному, сельскохозяйственному и промышленному потенциалу Латинской Америки (ЛА) — наиболее хозяйственно продвинутого региона развивающегося мира. Торгово-экономические связи — главный вектор китайско-латиноамериканского диалога. С начала века объем двусторонней торговли вырос в 18 раз, многократно увеличились и объем накопленных инвестиций, и общая сумма кредитов, выделенных КНР региону. Растет значение и относительно нового направления китайско-латиноамериканского взаимодействия — участие стран ЛА в китайской инициативе «Пояс и путь» (ИПП).

Пандемия COVID-19 серьезно отразилась на экономике Латинской Америки и соответственно — сказалась на отношениях Китая и ЛА. Хотя двусторонняя торговля пострадала мало, однако предоставление китайских кредитов в 2020 г. прекратилось, затормозилось и участие стран региона в ИПП. Однако Китай продолжил курс на приобретение собственности за рубежом и завладел в ЛА рядом производственных активов, воспользовавшись снижением цен на них и пассивностью западных инвесторов во время пандемии. COVID-19

по сути предоставил Китаю дополнительные возможности для внедрения в Латинскую Америку. КНР вышла за рамки своей традиционной роли торгового партнера и кредитора. Она стала инициатором создания «Шелкового пути здоровья», направив по нему помочь в борьбе с коронавирусом, но не забывая о своих коммерческих и инвестиционных интересах. Это дало основание говорить о становлении «коронавирусной» и «вакциновой» дипломатии Китая.

Производство и экспорт-импорт антковидных вакцин стало новым полем международного соперничества за Латинскую Америку. Здесь Китай довольно скоро преуспел, обогнав США по объемам и охвату вакциновых поставок. В итоге КНР, которую западный мир обвинял в распространении пандемии, выстраивает свой благоприятный имидж на «заднем дворике» США,вольно или невольно создавая еще одну точку китайско-американской напряженности.

При всей ее гуманитарной привлекательности, китайская помощь несет заметную идеологическую нагрузку: первыми ее получают близкие Китаю по духу страны. Кроме того, антковидная кампания Китая в ЛА проходит под знаком лозунгов об укреплении международного сотрудничества в борьбе «против общего врага» и создания китайско-латиноамериканского «сообщества общего будущего» — важной ступени к формированию «сообщества единой судьбы всего человечества».

Ключевые слова: Китай, Латинская Америка, США, пандемия, COVID-19, политico-экономические отношения, вакцина, инициатива «Пояс и путь».

Автор: Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-4256-2381;

E-mail: safronova@ifes-ras.ru

E.I. Safronova

Chinese-Latin American Relations in the Context of the COVID-19 Pandemic

Abstract. China, as a young global leader, full of energy and ambition, seeks and finds new ways of its political and economic «expansion». For several decades, the PRC has shown interest in the natural, agricultural and industrial potential of Latin America (LA), the most economically advanced region of the developing world. Trade and economic ties

are the main vector of the Chinese-Latin American dialogue. Since the beginning of the century, the volume of bilateral trade has grown 18 times, and the volume of accumulated investment and the total amount of loans allocated by the PRC in the region have increased many times. The importance of a relatively new area of the Chinese-Latin American cooperation — the participation of the LA countries in the Chinese Belt and Road Initiative (BRI) — is also growing.

The COVID-19 pandemic has caused serious damage to the economy of Latin America and, accordingly, has affected relations between China and LA. Although bilateral trade has suffered little, in 2020 provision of Chinese loans has stopped, and participation of LA countries in the BRI has also slowed down. However, China has continued its course of acquiring property abroad and bought a number of Latin American industrial assets, taking advantage of decline in prices and passivity of Western investors during the pandemic. COVID-19 has essentially created additional opportunities for China to penetrate Latin America. The PRC has moved beyond its traditional role as a trading partner and lender. China initiated the creation of the Silk Road of Health, channeling help in the fight against coronavirus, but not forgetting its own commercial and investment interests. The pandemic has created a new field of international rivalry for Latin America, i.e. production and export-import of antiCOVID vaccines. Here, China quickly succeeded, overtaking the United States in terms of volume and coverage of vaccine supplies. As a result, the PRC, which the Western world has blamed for the spread of the pandemic, is building its favorable image on «the US backyard», while voluntarily or unwittingly creating another point of Chinese-American tensions.

For all its humanitarian appeal, Chinese aid carries a noticeable ideological meaning: countries close to China are the first to receive it. In addition, China's antiCOVID campaign in LA goes under the slogans of strengthening international cooperation in the fight «against a common enemy» and the creation of the Chinese-Latin American «community of a common future» — an important step towards the formation of the «community of shared destiny for mankind».

Keywords: China (the PRC), Latin America, the USA, pandemic, COVID-19, political and economic relations, vaccine, Belt and Road Initiative (BRI).

Author: Elena I. SAFRONOVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-4256-2381; E-mail: safronova@ifes-ras.ru

Латиноамериканский интерес Китая

Международный политический авторитет Китая уже несколько десятилетий прирастает его внутренними и внешними хозяйственными успехами. Бурный экономический прогресс КНР неизбежно побуждает ее наращивать активность по всему миру, в том числе и в Латинской Америке (ЛА). Латиноамериканский регион интересен Китаю своими природными, главным образом — углеводородными и минеральными ресурсами и сельскохозяйственным потенциалом. Играет важную роль и взаимодополняемость сторон в финансово-инвестиционной сфере: многие страны ЛА нуждаются в инвестициях, а Китай может им их предоставить. Кроме того, КНР ведет немалую работу по подключению латиноамериканских стран к инициативе «Пояс и путь» (ИПП) и превращению компетентного латиноамериканского рынка в потребителя быстро развивающихся китайских технологий 5G. Также Китай довольно успешно реализует в латиноамериканском регионе политическую задачу по институализации и расширению своего участия в мировых, региональных и межрегиональных структурах (так, КНР уже стала наблюдателем в Организации американских государств, членом Межамериканского банка развития и Карибского банка развития).

Торгово-экономические связи — главный вектор китайско-латиноамериканского диалога. С начала века общий объем товарооборота между Китаем и ЛА увеличился с 17 млрд долл. (в 2002 г.) до почти 315 млрд в 2019 г. В 2018—2019 гг. импорт Китая из Латинской Америки достиг почти 8 % от общего импорта Китая, а экспорт в ЛА — примерно 6 % общего экспорта КНР. Китай стал главным торговым партнером Бразилии, Аргентины, Чили, Перу и Уругвая, превзойдя США, и вторым по величине торговым контрагентом для многих других стран региона [Malena J.; Margolis M.].

Китай импортирует большей частью природные ресурсы ЛА, в том числе руды (32 %), минеральное топливо (19 %), соя-бобы и соевое масло (16,7 %) и медь (5,6 %). Основной объем экспорта КНР в Латинскую Америку в 2019 г. был представлен электрическими при-

борами и оборудованием (21 %); машино-техническими устройствами (15 %); автотранспортными средствами, запчастями (6,5 %) и широким спектром потребительских товаров. Китай имеет соглашения о свободной торговле с Чили, Коста-Рикой и Перу. В последние 2 года экспорт и импорт Китая в ЛА в целом росли, продолжая тенденцию последнего десятилетия, и даже пандемия COVID-19 в целом несильно изменила это положение дел.

Накопленные правительственные инвестиции Китая в Латинскую Америку за 2005—2019 гг. достигали, по оценкам, от 130 до 140 млрд долл., при этом на крупнейшую страну ЛА Бразилию пришлось 60 млрд, а на богатую медью и гидроресурсами Перу — почти 27 млрд долл. Основное направление китайских капиталовложений — энергетические проекты (56 %). Доля инвестиций в металлургию и горнодобывающую промышленность составила 28 %. Кроме того, стоимость китайских строительных подрядов в регионе приблизилась к 61 млрд долл., из которых на энергетическую инфраструктуру пришлось 53 % из объема, а на транспортную и логистическую — 27 % [Malena J.; Margolis M.].

Общая сумма китайских кредитов за период 2005—2019 гг. достигла 137 млрд долл. Основными их получателями стали Венесуэла, Бразилия, Эквадор и Аргентина [Malena J.; China's Engagement...].

Объем кредитов, предоставленных Китаем Латинской Америке, превысил цифру, которые Всемирный банк и Межамериканский банк развития выделили или были готовы выделить региону. Китайское кредитование идет в основном по линии государственных банков. Как кредитор, КНР привлекательна тем, что в отличие от международных финансовых институций, ее ведомства решают вопросы кредитования, не выдвигая требований, касающихся прав человека и поведения правящих режимов стран-реципиентов.

Что касается ИПП, то Китай торжественно пригласил государства ЛА участвовать в Инициативе еще на 1-м Форуме международного сотрудничества «Один пояс, один путь» (май 2017 г.), и к началу пандемии к ней присоединилось 19 стран континента.

Китайско-латиноамериканский диалог перед лицом пандемии

Пандемия COVID-19 серьезно отразилась на положении дел в Латинской Америке и соответственно — не могла не сказаться на китайско-латиноамериканских отношениях.

По состоянию на февраль 2021 г., в Латинской Америке было зарегистрировано почти 20 млн заболевших COVID-19 и около 600 тыс. смертей от него (20 % и 26 % от соответствующих мировых показателей), несмотря на то, что здесь проживает менее 10 % мирового населения. Самый высокий показатель заболеваемости на душу населения — в Панаме (примерно 76 случаев на 1 тыс. человек), затем следуют Бразилия, Аргентина и Колумбия, где уровень заболеваемости составляет примерно 43 случая на 1 тыс. человек [Ray R., Albright Z.C., Wang K.; Roache M.].

Такой показатель объясняется высокой степенью урбанизации, достигающей в регионе 70–80 %. Крупные города густо населены, отличаются большой долей неформальной занятости, не поддающейся контролю. В ЛА системы общественного здравоохранения малоэффективны, разросшаяся «теневая» экономика добавляет уязвимости в первую очередь малому и среднему бизнесу. Кроме того, Трампская Америка — самая пострадавшая страна на американском континенте — в условиях пандемии активизировала репатриацию нелегальных иммигрантов из Мексики и государств Центральной Америки, тем самым еще больше усугубив ситуацию в латиноамериканских странах [Valori G.E].

Согласно оценкам Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), в 2021 г. ВВП континента сократится на 5 %. (В 2020 г. он упал на 7,4 %, что стало худшим показателем со временем «Великой депрессии» 1920—1930-х гг.). Ожидается также, что экспорт упадет на 15 % [Malena J.; Goodman J.].

Более всего пострадали следующие сферы:

1. Экспорт, ибо с пандемией во многих странах мира сократилось промышленное производство, потребляющее латиноамериканское сырье.

2. Ценообразование, поскольку с сокращением зарубежного спроса соответственно упали цены на сырье. (Мировые поставщики меди Перу и Чили даже были вынуждены закрыть рудники).

3. Туристическая отрасль. Латинская Америка — это культурно-экзотическая достопримечательность для североамериканцев и европейцев. С началом пандемии туризм просто «обрушился».

4. Объем денежных переводов. Переводы на континент от латиноамериканских иммигрантов, работающих в США, значительно снизились. А ведь этот финансовый поток является одной из основных движущих сил экономического развития в регионе и ключевым источником дохода, особенно в Центральной Америке и Мексике [Valori G.E.].

В таких условиях ярче проявляется зависимость стран ЛА от китайского коммерческого и финансового рынков, ибо уровень экономической активности в КНР прямо влияет на китайский спрос на продукцию, производимую в регионе. По словам П. Эштеваллета, посла Бразилии в КНР, — «Мы не хотели бы быть настолько зависимыми от экспорта в Китай, но какова же альтернатива?... Просто здесь продавать выгоднее, чем где-либо еще» (приводится по [Roache M.]).

В 2020 г. Китай практически сохранил уровень закупок соевых бобов, руд и другого сырья из Латинской Америки, несмотря на резкое увеличение его импорта сельскохозяйственной продукции из США, предусмотренное соглашением с администрацией Д. Трампа в рамках смягчения китайско-американского торгового конфликта [Goodman J.]. А вот импорт бразильской говядины Китай с 2019 г. даже увеличил в 2 раза, чтобы компенсировать сбой в цепочках поставок мяса и потребительские потери от все еще действующих в КНР запретов на продажу мяса диких животных [Angelo P., Bill Chavez R.].

Однако в сфере кредитования дела обстоят не так хорошо. В 2020 г. впервые за 15 лет два крупнейших государственных банка — Китайский банк развития и Экспортно-импортный банк Китая — не предоставили кредиты Латинской Америке. Пандемия негативно сказалась на возможностях ЛА погашать задолженность Китаю. Однако Китай шел навстречу некоторым дружественным

должникам. В том же году Эквадор провел переговоры об отсрочке на один год выплаты его долга в почти 900 млн долл. Венесуэла, которая на сегодняшний день является крупнейшим должником региона, как полагают, тоже получила аналогичную отсрочку [Goodman J.].

Китай стал более осторожным кредитором и теперь, предоставив отсрочку, он внимательно изучает проекты займов и не торопится с выделением новых кредитов. Причина — не только в проблемах должников, но и в том, что КНР сосредотачивается на собственном постпандемийном восстановлении, переходя к стратегии «двойной циркуляции». Председатель КНР Си Цзиньпин обозначил суть этой стратегии как «полное раскрытие преимуществ огромного внутреннего рынка и потенциала внутреннего спроса» для внедрения новой модели развития, опирающейся на внутренние и международные циркуляции, дополняющие друг друга [Чантун гонэй гоци шуан...].

Сократив предоставление кредитов и займов, Китай, однако, нарастил работу по приобретению за рубежом новых активов через процессы слияния и поглощения (англ. *Mergers and Acquisitions, M&A*). Китайские государственные энергетические компании не преминули воспользоваться паузой, взятой во время пандемии западными инвесторами, для покупки активов по сниженным ценам. В 2020 г. общий объем китайских *M&A* составил 7 млрд долл., что почти вдвое больше, чем в предыдущем году [Goodman J.]. В ЛА одной из таких операций стала приобретение китайской корпорацией *China Three Gorges Corp.* крупнейшей перуанской электроэнергетической компании *Sempra Energy*. По другой, пока еще не завершенной сделке, китайская государственная электросетевая корпорация *State Grid Corp.* приобретает контрольный пакет акций крупной чилийской энергетической компании [Goodman J.]. Похоже, что испытав резкое падение экономического роста, Латинская Америка становится благодатной почвой для проблемных сделок в режиме *M&A*. Китай же не уклоняется от рискованных операций, учитывая, что в случае успеха они отличаются повышенной прибыльностью.

Пандемия затормозила реализацию ИПП в ее латиноамериканском сегменте. Крупнейшие банки Китая были и остаются основны-

ми спонсорами Инициативы, но кредитование ими инфраструктурных проектов в ЛА сократилось за последние 1,5 года до минимума. После присоединения к проекту Перу (апрель 2019 г.) ни одна латиноамериканская страна не пополнила число региональных участников ИПП. Еще до пандемии в ЛА звучала критика недостатков планирования Инициативы. Сейчас же положение осложнилось тем, что на многие латиноамериканские столицы оказывается давление со стороны Госдепартамента США, утверждающего, что Китай, вовлекая в ИПП латиноамериканских партнеров, пытается задействовать в их отношении «дипломатию долговой ловушки» [The year ahead...].

В целом синергия спада торговли, сокращения цен на сырьевые товары и обострения проблемы задолженности привела к росту спроса региона на экономическую помощь из-за рубежа.

Пандемия дала возможность Китаю выйти за рамки ключевой роли торгового партнера и кредитора латиноамериканских стран. Китай приступил к реализации того, что получило название «дипломатии масок» и даже «коронавирусной дипломатии». (Пекину не нравятся такие формулировки: он предпочитает использовать термин «строительство Шелкового пути здоровья»). В Латинской Америке, в отличие, например, от Африки и западного мира, в адрес Китая не были слышны упреки в «запуске» инфекции¹. Поэтому здесь «коронавирусная дипломатия» КНР имеет не столько вынужденный (дабы подправить пошатнувшийся международный имидж страны), сколько pragmatический характер.

К концу 2020 г. Китай предоставил более 179 млрд масок, 1,73 млрд защитных костюмов и 543 млн тест-систем 150 странам мира и 7 международным организациям [Roache M.]. Еще в мае 2019 г. председатель Китая Си Цзиньпин заявил, что в течение двух лет Пекин выделит 2 млрд долл. для оказания помощи государствам, пострадавшим от пандемии в экономической и социальной областях, особенно развивающимся странам [Granma...].

¹ За исключением возмущивших Пекин высказываний сына бразильского президента Ж. Болсонару, обвинившего КНР в глобальной пандемии [Paul Angelo P., Bill Chavez R.].

Латинской Америке к марта 2021 г. Китай пожертвовал почти 215 млн долл. в виде средств защиты, начиная с хирургических перчаток и тест-систем и заканчивая передовым тепловизорным оборудованием и онлайн-услугами специалистов-консультантов. На тест-системы пришлось 128 млн долл. пожертвований, на приборы ИВЛ — 50 млн.

Помощь региону распределялась неравномерно: основной поток шел идеологически близким Китаю Венесуэле и Кубе. Помощь Венесуэле (100 млн долл.) значительно превзошла помошь другим латиноамериканским странам: на каждый случай заболевания Венесуэлой было получено 870 долл. (средний же показатель по региону — 7,17 долл.). Еще одна страна ЛА, где китайская помощь превысила 50 долл., — это Куба (130 долл. на каждый случай) [Ray R., Albright Z.C., Wang K.].

Бразилии Китай безвозмездно выделил как минимум 150 тыс. масок и несколько защитных костюмов, десятки аппаратов ИВЛ; Перу — мониторы, дефибрилляторы и ультразвуковые сканеры; Аргентине — не менее 10 аппаратов ИВЛ, 50 тыс. тест-систем и 100 тыс. медицинских масок.

Мексике Фонд китайского миллиардера Джека Ма пожертвовал 100 тыс. масок, 50 тыс. тест-систем и 5 аппаратов ИВЛ. К середине 2020 г. китайские структуры провели в Латинской Америке порядка 300 акций по оказанию антиковидной помощи, большинство которых носило безвозмездный характер [Rivers R.].

Помимо центрального правительства КНР, в оказании антиковидной помощи участвовали местные власти Китая, государственные предприятия, торговые палаты и китайская диаспора в Латинской Америке, а также частные китайские компании, включая *libaba*, *Huawei*, *Lenovo*, *ZTE*, Фонд Дж. Ма, что стало новым моментом в выборе Пекином источников помощи зарубежным странам.

Пандемия оказала и определенное позитивное влияние на ход китайско-латиноамериканского диалога. Так, она стимулировала изыскание и развитие новых форм коммуницирования сторон. Мощный толчок получило использование цифровых платформ для организации конференций и совещаний, а также открытие различных авиамостов с Мексикой и странами Южной Америки для дос-

тавки помоши и иных насущно важных грузов. По свидетельству китайских СМИ, во время пандемии Си Цзиньпин поддерживал тесную онлайновую связь с лидерами многих латиноамериканских стран, включая Аргентину, Бразилию, Венесуэлу, Кубу, Мексику и Чили, что укрепило основу кооперации между Китаем и Латинской Америкой в новых условиях и «осветило путь к будущим отношениям» (приводится по [Malena J.]).

Кроме того, во время пандемии китайские дипломаты в ЛА расширили свою активность в СМИ и социальных сетях. Отчасти это стало продолжением тенденции, проявившейся незадолго до пандемии. Так, в 2019 г. Конференция, посвященная 45-летию установления китайско-бразильских дипломатических отношений, состоявшаяся в Рио-де-Жанейро, прошла при участии такого количества китайских официальных лиц, что некоторые эксперты с трудом смогли проникнуть на пленарное заседание. «Китай точно знает, чего хочет от Латинской Америки», — подчеркнул Л. А. де Кастро Невес, бывший посол Бразилии в КНР, а ныне — председатель Китайско-Бразильского делового совета (приводится по [Margolis M.]).

Пандемия выяснила и рост профессионализма китайского дипломатического корпуса в странах ЛА: стало очевидно, что китайские дипломаты теперь лучше знают страны пребывания по сравнению с тем, что было еще 10 лет назад. Почти каждый китайский посол в Латинской Америке свободно говорит по-испански и имеет опыт исследовательской работы по латиноамериканской проблематике [D'Sola Alvarado P.], а посол КНР в Бразилии свободно владеет португальским языком, что в принципе нечастое явление в мировой посольской среде.

Пекин, Вашингтон и пандемия на «заднем дворике» США

Рост политico-экономического влияния Китая в ЛА не первое десятилетие беспокоит США, которые до сих считают континент своим «задним двориком». В нынешнем поединке между США и

Китаем за мировое лидерство стороны конкурируют не только в сфере торговли, технологий и геополитического пространства, но и за союзников.

Однако пандемия продемонстрировала немалое безразличие США к процессам антиковидной помощи региону. Хотя латиноамериканские страны по географическому положению, историческому наследию и политической культуре входят в сферу влияния Вашингтона, последний предпочел решать собственные проблемы, не слишком обременяя себя заботами о ЛА¹. И поэтому можно сказать, что при пандемии наступило особо благоприятное время для китайского «внедрения» в ЛА, поскольку волей-неволей США освободили там пространство другим международным «игрокам».

Китай воспользовался моментом и расширил формы кооперации с ЛА за счет включения в них борьбу с пандемией. Он стал первой крупной страной, оказавшей Латинской Америке реальное антиковидное содействие. Что касается стоимости помощи, то если Китай пожертвовал региону более 215 млн долл., то Государственный департамент и Агентство США по международному развитию (USAID) выделили за тот же период лишь 153 млн долл. [Goodman J.]. США, испытывая трудности из-за резкого распространения COVID-19 на собственной территории, заморозили поставки в ЛА средств индивидуальной защиты (СИЗ) и иных необходимых наименований, чтобы использовать их внутри страны. Управление таможенного и пограничного контроля США даже заблокировало вывоз СИЗ и ИВЛ, закупленных странами региона у американских производителей. А Гаити вообще предпочла вести переговоры о поставках медицинского оборудования не с США, а с Китаем (на сумму 18 млн долл.), несмотря на то, что у Гаити нет дипломатических отношений с КНР. Гуманитарные отношения между Соединенными Штатами и ЛА тоже пострадали: миллионы венесуэльских и гондурасских граждан бежали в последние годы в США от политической нестабильности.

¹ Один факт для иллюстрации: госпитальный корабль ВМС США *Confort*, некогда символ солидарности США со странами Латинской Америки и Карибского бассейна, был отозван для помощи переполненным больницам Нью-Йорка. При этом он простоял в порту на Манхэттене практически пустым и бесполезным из-за бюрократических проволочек [Angelo P., Bill Chavez R.].

сти в своих странах, но с началом пандемии администрация Д. Трампа закрыла границы для беженцев. Усиление Соединенными Штатами общей политики торгового протекционизма тоже существенно ударило по интересам латиноамериканских стран (см. [Angelo P., Bill Chavez R.]).

«Вакцинная» конкуренция

В период пандемии возникло еще одно поле международного соперничества за Латинскую Америку. Это производство и экспорт-импорт антиковидных вакцин.

В июле 2020 г. устами министра иностранных дел КНР Ван И, выступавшего на виртуальной встрече с латиноамериканскими коллегами, китайская сторона пообещала предоставить ЛА целевой кредит в размере 1 млрд долл. для оплаты покупки и распространения вакцин китайского производства. Ван И поблагодарил Латинскую Америку за сотрудничество во время пандемического кризиса и подчеркнул, что вакцина, разработанная в его стране, будет общедоступным социальным благом (приводится по [Granma...]).

К началу 2021 г. ни одна страна еще не воспользовалась этим предложением [Ray R., Albright Z.C., Wang K.], предпочитая получать в дар или оплачивать товарами. Но поскольку вакцинация в ЛА находится на ранних стадиях, то далее эта сумма, видимо, будет выбрана. (К марта 2021 г. Аргентине, Барбадосу, Бразилии, Коста-Рике, Мексике, Панаме и Чили удалось провести первую фазу вакцинации только для 1 % своего населения. Остальные страны находятся в еще более незавидном положении (см. [Lawler D.]).

В Китае созданы как минимум четыре вакцины, в том числе *CoronaVac* компании *SinoVac Biotech Ltd.* и препараты биофармацевтических фирм *CanSino Biologics* и *SinoPharm*. В июне 2020 г. бразильский штат Сан-Паулу объявил о партнерстве между *SinoVac Biotech* и бразильским центром биомедицинских исследований — институтом *Butantan*, с целью проведения финального, 3-го этапа испытания антиковидной вакцины. По всей видимости, эта инвестиция, помимо гуманитарных задач, имела для КНР и материальную цель: китай-

скому производителю нужна «живая» испытательная база. В Бразилии сохраняется высокая динамика заболеваемости, при этом страна имеет собственный опыт исследования вакцин, что делает ее идеальным испытательным полигоном. (По этой же причине Оксфордский университет тоже выбрал Бразилию для проведения тестирования вакцины). Кроме Бразилии, Китай провел клинические испытания и/или планирует производить вакцины в Аргентине, Чили, Мексике и Перу [Roache M.; Goodman J.].

В сентябре 2020 г. стало известно, что федеральное правительство Бразилии намерено приобрести 60 млн доз *CoronaVac*, посчитав этот препарат «самым безопасным» и результативным. А в январе 2021 г. президент Перу Ф. Сагасти объявил о закупке 38 млн доз вакцины у государственной китайской компании *SinoPharm*, Мексика же подписала с *CanSino Biologics* предварительное соглашение о закупке 35 млн доз вакцины одноразового введения, находящейся в стадии разработки [Roache M.].

Теоретически каждая страна в Латинской Америке может получить доступ к глобальному пулу вакцин Всемирной организации здравоохранения, известному как *COVAX*. Однако в январе 2021 г. глава ВОЗ Т. Аданом Гебреисус заявил, что мир находится на грани «катастрофического морального провала» в деле распространения вакцин против COVID-19, поскольку богатые страны не спешат оказывать должную помощь «схемам справедливого распределения», таким как *COVAX*. Отказ США присоединиться к *COVAX* означает, что программе может не хватить средств для выполнения поставленной задачи — обеспечить к концу 2021 г. 2 млрд доз для распределения по всему миру [Roache M.]. Ни *Sputnik V*, ни *SinoVac* не были одобрены ВОЗ, но в конце 2020 г. в список пула *COVAX* вошла китайская *SinoPharm* [Westcott B.].

В духе сотрудничества «Юг—Юг» КНР предусмотрела возможность передачи латиноамериканским странам технологии производства вакцины, и если ее получит не только Бразилия, но и другие государства ЛА, то это означает качественный скачок в китайско-латиноамериканских отношениях, далеко выходящий за рамки «дипломатии масок». Данный политический жест особо выгодно выглядит на фоне акции США по безвозмездной передаче Бразилии

2 млн доз гидроксихлорохина, препарата от малярии, который ранее был разрекламирован как прорывное лекарство против COVID-19, но по сути оказался малоэффективным средством [Margolis M.].

Надо отметить, что к вакцинной конкуренции в Латинской Америке подключилась и Россия. По меньшей мере 10 стран континента уже получили или планируют получить российскую вакцину *Sputnik V* (еще 10 стран ожидают поступления китайских *Sinovac* или *Sinopharm*). Аргентина стала одной из первых стран региона, начавших использовать *Sputnik V*, однако она обратила внимание и на китайские препараты. Чили предпочла вакцины *Sinovac* и *Pfizer*. Глобальная инициатива *COVAX* тоже намерена нарастить темпы распространения вакцин своего пула [Lawler D.]. Однако на практике *COVAX* не проявляет ожидаемой оперативности и, учитывая сомнения в отношении возможностей *COVAX*, Парагвай в январе 2021 г. зарегистрировал российскую вакцину *Sputnik V* для экстренного использования, несмотря на сохраняющиеся вопросы к качеству ее тестирования [Roache M.]. Что касается западных фармацевтических компаний, то они предпочитают поставлять вакцину в богатые страны, способные платить, а не в развивающиеся регионы, нуждающиеся в относительно недорогих препаратах. Это в немалой мере побуждает Латинскую Америку опираться на китайские вакцины.

Большая часть поставок вакцин из Китая осуществлялась на платной основе, однако 63 из 65 стран, которым Пекин передал вакцины безвозмездно, являются участниками ИПП [Westcott B.].

Так или иначе, но не западные транснациональные фармагиганты, а предприятия Китая и России активно осваивают «вакцинное» пространство Латинской Америки. Китайская сторона, производя собственные вакцины, к маю 2021 г. заключила соглашения о производстве более 260 млн доз российской *Sputnik V* [Westcott B.]. Ясно, что они будут поставляться Китаем и в третьи страны. В итоге КНР, которую администрация Д. Трампа регулярно обвиняла в распространении пандемии, обретает весьма благоприятный имидж на «заднем дворике» США. При этом китайская «коронавирусная дипломатия» создает еще одну точку напряженности между Вашингтоном и Пекином.

Заключение

Подводя итоги, видится логичным высказать следующие соображения.

Во-первых, пандемия COVID-19 внесла свои нюансы в китайско-латиноамериканские отношения. Можно сказать, что она открыла для Китая новые возможности в деле его политico-экономического внедрения в ЛА. Понятно, что оказание антиковидной помощи латиноамериканскому региону выступает инструментом не только экономической, но и политической «мягкой силы» КНР. При всей ее гуманитарной привлекательности китайская помощь несет заметную идеологическую нагрузку: первыми ее получают близкие Китаю по духу страны — Венесуэла и Куба. На них же приходятся и основные ее объемы в стоимостном выражении.

Антиковидное содействие КНР Латинской Америке направлено и на то, чтобы рычагами материальной заинтересованности вновь потеснить Тайвань с мировой дипломатической арены. Так, китайская помощь мало поступала в те страны, которые поддерживают дипломатические отношения с «мятежной провинцией» КНР. (По состоянию на декабрь 2020 г. 9 стран Латинской Америки и Карибского бассейна, включая Парагвай, Гватемалу, Гондурас и Никарагуа, сохраняют дипломатические отношения с Тайванем (из 15 стран во всем мире).

Во-вторых, Пекин не скрывает идеологический компонент своей антиковидной кампании. Так, оценивая упоминавшуюся встречу Ван И с главами внешнеполитических ведомств ЛА, представитель МИД КНР Ван Вэньбин заявил о необходимости достичь консенсуса между КНР и Латинской Америкой в деле борьбы с пандемией, укрепить взаимное политическое доверие и на практике построить для Китая и стран Латинской Америки и Карибского бассейна сообщество общего будущего, тем самым поспособствовав формированию сообщества единой судьбы всего человечества, идея которого была выдвинута Си Цзиньпином в 2013 г. (приводится по [Granma...]).

Поставки китайской помощи показали свою политическую эффективность, переломив настроения ранее скептически настро-

енных к КНР лидеров, таких как президент Аргентины А. Фернандес, который в январе 2021 г. поблагодарил Китай за поддержку борьбы Аргентины с COVID-19 и даже поддержал идею построения сообщества единого будущего для всего человечества [Xinhua, 2021.01.04].

В-третьих, вследствие растущих противоречий и одновременно — неугасимой взаимозависимости и взаимозависимости Китая и США, приведших к расширению сфер их диалога, стратегическое китайско-американское противостояние перекинулось и на латиноамериканскую почву. Активность Пекина в регионе соответствует его не объявленной, но явственной стратегии сдерживания США, составляя несиловой, но прямой вызов Вашингтону.

В-четвертых, несмотря на всю вредоносность пандемии для латиноамериканской экономики, восстановление последней может начаться в немалой степени благодаря торгово-экономическим связям с Китаем, который быстро наращивает промышленную активность и возобновляет ввоз продукции, экспортером которой является Латинская Америка. Однако с объявлением китайским правительством курса на «двойную циркуляцию», подразумевающего концентрированное поощрение внутреннего спроса, возникает вопрос, продолжит ли КНР курс на интернационализацию китайского капитала с той же готовностью, с которой она это делала до сих пор, или же финансовая мощь китайского государства будет переброшена на внутренний рынок? Если значение внешней экономической среды сохранится, то расширение позиций Китая в Латинской Америке станет еще более ощутимым. Китайские компании оказываются в лучшем положении, чем многие их западные конкуренты. В отличие от западных компаний, китайские фирмы пользуются правительственной финансовой поддержкой, направленной на восстановление и стимулирование постковидных глобальных цепочек поставок и приобретение стратегических активов зарубежных предприятий, обанкротившихся во времена пандемии.

С началом 2021 г. процессы китайского инвестирования в ЛА, похоже, начали восстанавливаться. Так, Китай и Аргентина возобновили переговоры по инвестиционному пакету в размере 30 млрд долл. для 15 ключевых проектов в Аргентине [Ray R., Albright Z.C.,

Wang K.J. А вот что касается китайско-латиноамериканского товарооборота, то он, вероятно, продолжит испытывать эффект волатильности цен на металлы, подверженных спадам и взлетам мирового промышленного производства. Ожидается, что цены на нефть станут умеренно расти, но останутся значительно ниже своих максимальных показателей начала десятилетия. Дополнительный фактор волатильности — это неопределенность выбора Китаем страны-поставщика мясных продуктов питания и соя-бобов. Если КНР выполнит свои обязательства в рамках «Первой фазы» торгового соглашения с Вашингтоном и сделает США основным источником указанных наименований, то это может привести к значительному сокращению импорта КНР латиноамериканской сельскохозяйственной продукции.

Но как бы то ни было, Китай явно и ощутимо заинтересован в развитии связей с Латинской Америкой. По утверждению министра иностранных дел КНР Ван И, Китай не пересмотрит то стратегическое долгосрочное значение, которое он придает отношениям с Латинской Америкой и Карибами. После пандемии COVID-19 эти отношения станут даже более крепкими (приводится по [Rivers M.]).

Список литературы

Чантун гонэй гоцзы шуан сюньхуань Си Цзиньпин чжэян шаньшу «синь фачжань гэцзюй» : [Беспрепятственный внутренняя и международная двойная циркуляция: так Си Цзиньпин разработал «новую модель развития»] // ЖЭНЬМИНЬ жибао on-line. 22.07.2020. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2020/0722/c1001-31793969.html> (accessed: 11.05.2021). (На кит. яз.).

Angelo P., Bill Chavez R. Ante la ausencia de liderazgo de Estados Unidos en America Latina, Pekin llena el vacio. 21 de abril de 2020. URL: <https://www.nytimes.com/es/2020/04/21/espanol/opinion/china-america-latina-covid.html> (accessed: 11.05.2021).

Granma: China ofrece crédito a América Latina y el Caribe para acceder a vacuna contra la COVID-19 / Redaccion Internacional // Granma. 29.07.2020. URL: <http://www.granma.cu/consejos-covid/2021-05-04/china-ofrece-credito-a-america-latina-y-el-caribe-para-acceder-a-vacuna-contra-la-covid-19-29-07-2020-23-07-15> (accessed: 11.05.2021).

China's Engagement with Latin America and the Caribbean // Congressional research service. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10982.pdf> (accessed: 11.05.2021).

D'Sola Alvarado P. China's public diplomacy in Latin America and the Caribbean — COVID-19 edition. URL: <https://supchina.com/2020/10/16/chinas-public-diplomacy-in-latin-america-and-the-caribbean-covid-19-edition> (accessed: 11.05.2021).

Goodman J.(2021). La pandemia asfixia los prestamos de China a America Latina // El Tiempo.com.ve URL: <https://eltiempo.com.ve/2021/02/22/la-pandemia-asfixia-los-prestamos-de-china-a-america-latina/> (accessed: 11.05.2021).

Lawler D. Latin America turns to China and Russia for COVID-19 vaccines 2021 URL: <https://news.yahoo.com/latin-america-turns-china-russia-003500642.html> (accessed: 11.05.2021).

Malena J. The impact of the pandemic on Latin America's relations with China. URL: <https://asiapowerwatch.com/the-impact-of-the-pandemic-on-latin-americas-relations-with-china> (accessed: 11.05.2021).

Margolis M. China Laps the U.S. in Latin America with Covid Diplomacy. Empty embassies and shipments of discredited drugs are no match for vaccine partnerships and investment promises. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-06-24/china-laps-u-s-in-latin-america-with-covid-19-diplomacy> (accessed: 11.05.2021).

Ray R., Albright Z.C., Wang K. China-Latin America Economic Bulletin 2021. URL: <https://Www.Bu.Edu/Gdp/2021/02/22/China-Latin-America-Economic-Bulletin-2021> (accessed: 11.05.2021).

Rivers M. Pandemic power play: It's China vs. the US in Latin America. URL: <https://edition.cnn.com/2020/08/15/americas/latam-china-us-covid-diplomacy-intl/index.html> (accessed: 11.05.2021).

Roache M. The U.S. and China Are Battling for Influence in Latin America, and the Pandemic Has Raised the Stakes. URL: <https://time.com/5936037/us-china-latin-america-influence> (accessed: 11.05.2021).

The year ahead for China, Latin America and the environment // Dialogo Chino. URL: <https://dialogochino.net/en/climate-energy/39148-2021-the-year-ahead-for-china-latin-america-environment> (accessed: 11.05.2021).

Valori G.E. Latin America and China: The difficulties in relations and Covid-19. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2021/01/19/latin-america-and-china-the-difficulties-in-relations-and-covid-19> (accessed: 11.05.2021).

Westcott B. China and Russia want to vaccinate the developing world before the West. It's brought them closer than ever. URL: <https://edition.cnn.com/2021/05/11/china/china-russia-covid-vaccine-dst-intl-hnk/index.html> (accessed: 15.05.2021).

Xinhua: Xi calls for closer partnership with Argentina. URL: http://xinhuanet.com/english/2021-01/04/c_139640432.htm (accessed: 11.05.2021).

References

- Angelo, P.; Bill Chavez, R. (2020). Ante la ausencia de liderazgo de Estados Unidos en America Latina, Pekin llena el vacío, *The New York Times*, 21.04.2020. URL: <https://www.nytimes.com/es/2020/04/21/espanol/opinion/china-america-latina-covid.html> (accessed: 11 May, 2021).
- Changtong guonei guoji shuang xunhuan xijinping zheyang chanshu “xin fazhan geju” (2020). [Unimpeded domestic and international double cycle — Xi Jinping thus elaborated “new development pattern”], *Renmin ribao* [People's daily], 22.07.2020. URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2020/0722/c1001-31793969.html> (accessed: 11 May, 2021). (In Chinese).
- Granma: China ofrece crédito a América Latina y el Caribe para acceder a vacuna contra la COVID-19 (2020) / Redaccion Internacional, *Granma*, 29.07.2020. URL: <http://www.granma.cu/consejos-covid/2021-05-04/china-ofrece-credito-a-america-latina-y-el-caribe-para-acceder-a-una-vacuna-contra-la-covid-19-29-07-2020-23-07-15> (accessed: 11 May, 2021).
- China's Engagement with Latin America and the Caribbean (2020), *Congressional research service*. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IF10982.pdf> (accessed: 11 May, 2021).
- D'Sola Alvarado, P. (2020). China's public diplomacy in Latin America and the Caribbean — COVID-19 edition. URL: <https://supchina.com/2020/10/16/chinas-public-diplomacy-in-latin-america-and-the-caribbean-covid-19-editiol> (accessed: 11 May, 2021).
- Goodman, J. (2021). La pandemia asfixia los préstamos de China a América Latina, *El Tiempo.com.ve*. URL: <https://eltiempo.com.ve/2021/02/22/la-pandemia-asfixia-los-prestamos-de-china-a-america-latina/> (accessed: 11 May, 2021).
- Lawler, D. (2021). Latin America turns to China and Russia for COVID-19 vaccines. URL: <https://news.yahoo.com/latin-america-turns-china-russia-003500642.html> (accessed: 11 May, 2021).
- Malena, J. (2020). The impact of the pandemic on Latin America's relations with China. URL: <https://asiapowerwatch.com/the-impact-of-the-pandemic-on-latin-americas-relations-with-china> (accessed: 11 May, 2021).
- Margolis, M. (2020). China Laps the U.S. in Latin America with Covid Diplomacy. Empty embassies and shipments of discredited drugs are no match for vaccine partnerships and investment promises. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-06-24/china-laps-u-s-in-latin-america-with-covid-19-diplomacy> (accessed: 11 May, 2021).
- Ray, R.; Albright, Z.C.; Wang K. (2021). China-Latin America Economic Bulletin-2021. URL: <https://Www.Bu.Edu/Gdp/2021/02/22/China-Latin-America-Economic-Bulletin-2021> (accessed: 11 May, 2021).

-
- Rivers, M. (2020). Pandemic power play: It's China vs. the US in Latin America. URL: <https://edition.cnn.com/2020/08/15/americas/latam-china-us-covid-diplomacy-intl/index.html> (accessed: 11 May, 2021).
- Roache, M. (2021). The U.S. and China Are Battling for Influence in Latin America, and the Pandemic Has Raised the Stakes. URL: <https://time.com/5936037/us-china-latin-america-influence> (accessed: 11 May, 2021).
- The year ahead for China, Latin America and the environment (2021), *Dialogo Chino*. URL: <https://dialogochino.net/en/climate-energy/39148-2021-the-year-ahead-for-china-latin-america-environment> (accessed: 11 May, 2021).
- Valori, G.E. (2021). Latin America and China: The difficulties in relations and Covid-19. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2021/01/19/latin-america-and-china-the-difficulties-in-relations-and-covid-19> (accessed: 11 May, 2021).
- Westcott, B. (2021). China and Russia want to vaccinate the developing world before the West. It's brought them closer than ever. URL: <https://edition.cnn.com/2021/05/11/china/china-russia-covid-vaccine-dst-intl-hnk/index.html> (accessed: 15 May, 2021).
- Xinhua: Xi calls for closer partnership with Argentina (2021). URL: http://xinhuanet.com/english/2021-01/04/c_139640432.htm (accessed: 11 May, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-200-226

А.О. Виноградов, С.А. Муминова

КИТАЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу современных отношений КНР и Турции, которым в августе этого года исполняется 50 лет. В статье подробно на базе источников на китайском, турецком, а также русском и английском языках рассматриваются такие аспекты текущего взаимодействия двух стран, как политические отношения, двусторонняя торговля, инвестиционная политика, включая характеристику конкретных сфер приложения китайских инвестиций, военное сотрудничество (и вопросы конкуренции в данной области).

Отдельно рассматриваются изменения в официальной позиции Турции по уйгурскому вопросу, на протяжении долгого времени являвшемуся главным источником напряженности в отношениях между Пекином и Анкарой. В ожидании выгод от сотрудничества с КНР в виде капиталовложений и кредитов, которые бы могли способствовать «менее болезненному» в трактовке Анкары решению существующих в Турции экономических проблем, турецкое руководство смягчило риторику в отношении указанной проблемы. Однако, как выяснилось, в попытках контролировать позицию по данному вопросу, официальная власть в Анкаре испытывает давление также и внутри страны.

Кроме того, внимание удалено сходству и различию в интересах сторон на Ближнем Востоке, в Центральной Азии, в Европе и других регионах. Предпринята попытка определить возможное наполнение сотрудничества Турции и Китая на Ближнем Востоке в контексте растущей заинтересованности КНР в присутствии в данном регионе, тем более в период восстановительных работ по завершении конфликта в Сирии.

В статье делается вывод, что несмотря на усиление антизападной риторики Турции после попытки военного переворота в 2016 г. и декларируемый турецким руководством «поворот на Восток», Китай ныне, да и в ближайшей перспективе, не может заменить Турции Запад в качестве основного стратегического партнера. Тем не менее, турецко-китайское сотрудничество позволяет Анкаре диверсифицировать экономические связи для поддержания внутреннего развития страны и проводить относительно независимую и самостоятельную международную политику.

Ключевые слова: Китай, Турция, Запад, Восток, Россия, экономика, инвестиции.

Авторы: Виноградов Андрей Олегович, кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

E-mail: vinandr@mail.ru

Муминова Сорахон Абдулфатаховна, студентка Школы востоковедения НИУ ВШЭ. E-mail: samuminova@edu.hse.ru

A.O. Vinogradov, S. A. Muminova

Sino-Turkish relations: modern stage

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of today's relations between China and Turkey, that are about to mark the 50th anniversary of their diplomatic relations this August. In this article, in detail and with the involvement of sources in Chinese and Turkish, as well as in Russian and English, the following aspects of the current interaction of the two countries are characterized: political relations, bilateral trade, investment policy and specific areas of investment from China, military cooperation (including some issues of competition in this area).

Special attention is been paid to the changes in the official position of Turkey on the Uyghur issue, which for a long time has been the main

source of tension in relations between Beijing and Ankara. Anticipating benefits of cooperation with Beijing in the form of investments and loans that could contribute to a “less painful” (in terms of Turkey's ambitions) solution to the economic problems existing in the country, the Turkish leadership has softened its rhetoric regarding the aforementioned problem. However, as it turned out, in an attempt to control the stance on the issue, Turkish official authorities, among other things, find themselves under pressure from within the country. Attention is also paid to the similarities and differences in the interests of the two parties in the Middle East, Central Asia, Europe and other regions. An attempt is made to determine probable content of cooperation between Turkey and China in the Middle East in the context of the growing interest of China in its presence in the region, especially during the reconstruction period after the end of the conflict in Syria.

The article concludes that, despite the strengthening of Turkey's anti-Western rhetoric after the attempted military coup in 2016 and the “pivot to the East” declared by the Turkish leadership, China at the moment as well as in the near future cannot replace for Turkey the West as the main strategic partner. However, the bilateral cooperation allows Turkey to diversify economic ties in order to sustain its own development and to pursue a relatively independent and self-substantive policy in the international arena.

Keywords: China, Turkey, West, East, Russia, economy, investment.

Authors: Andrey O. VINOGRADOV, Ph.D. (History), Assistant Professor, the Higher School of Economics of the National Research University (HSE); Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vinandr@mail.ru;

Sorakhon A. MUMINOVA, Student at the School of Asian Studies, HSE. E-mail: samuminova@edu.hse.ru

В 2021 г. исполняется 50 лет с момента установления дипломатических отношений между КНР и Турцией. Комплексный анализ современного состояния их диалога необходим как в контексте отношений сторон с Европейским союзом, так и в связи с увеличением геополитического значения и роли Китая в мировой экономике, а также в свете претензий Турецкой Республики на роль регионального лидера, способного к независимым шагам на международной арене и распространяющего свое влияние далеко за пределы собственной территории.

Политические отношения

На протяжении длительного времени основной причиной напряженности в китайско-турецких отношениях являлась поддержка Турцией уйголов, уходящая корнями во вторую половину XIX в., когда Османская империя оказывала материальную помощь Якуб-беку в создании государства в Восточном Туркестане, территория которого ранее перешла под контроль Цинской империи. После того как Восточный Туркестан вошел в состав КНР, Турция выступала убежищем для уйгурских политических деятелей, преследуемых в Китае, и со временем стала территорией размещения крупнейшей уйгурской diáspоры.

Установление дипломатических отношений произошло в условиях двухполлярности структуры международных отношений и стало возможным на фоне активизации китайско-американского диалога. Тем не менее, с 1971 до конца 1990-х годов сотрудничество Китая и Турции оставалось поверхностным.

В 2002 г., после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР), Турция значительно активизировала свою международную активность, провозгласив в качестве основы своей внешней политики демократические принципы и продолжив развивать отношения не только с западными странами, но и с другими партнерами. Это вызвало ответный интерес Китая, которого привлекало прежде всего выгодное геостратегическое положение Турции и возможность использовать ее потенциал для проникновения на европейский рынок.

В 2010 г., во время визита в Турцию премьера КНР Вэнь Цзябао, стороны повысили свои отношения до уровня стратегического партнерства. С этого времени происходит интенсификация диалога, что наглядно видно из приводимой ниже табл. 1.

Интенсификация диалога на высшем уровне сопровождалась ростом торгового и инвестиционного сотрудничества, сотрудничества в военной сфере. Одновременно Турция смягчила официальную позицию по уйгурскому вопросу: если в 2009 г. премьер-министр Р.Т. Эрдоган характеризовал действия Китая в отношении уйголов как «геноцид» [Basbakan: Cin'de olanlar...], то, став президентом стра-

Таблица 1. Официальные визиты и переговоры с участием глав государств и глав правительств

Дата	Событие
24—29 июня 2009 г.	Визит президента Абдуллы Гюля в Китай — первый визит на уровне глав государств за 14 лет
7—9 октября 2010 г.	Премьер Госсовета Китая Вэнь Цзябао посетил Турцию, встретился с А. Гюлем
20—22 февраля 2012 г.	Заместитель Председателя КНР Си Цзиньпин посетил Турцию
8—11 апреля 2012 г.	Премьер-министр Эрдоган посетил Китай, что стало первым визитом турецкого премьер-министра за 27 лет
16 мая 2014 г.	Телефонные переговоры председателя Си Цзиньпина и президента А. Гюля
29—30 июля 2015 г.	Президент Реджеп Тайип Эрдоган нанес государственный визит в Китай
14 ноября 2015 г.	Встреча Си Цзиньпина и Р. Эрдогана на полях G-20 («Большой двадцатки») в Антальи
3 сентября 2016 г.	Встреча Си Цзиньпина и Р. Эрдогана на полях саммита G-20 в Ханчжоу
14 ноября 2016 г.	Официальный визит министра иностранных дел Ван И в Турцию
13 мая 2017 г.	Встреча Си Цзиньпина и Р. Эрдогана в рамках саммита «Один пояс, один путь»
19 апреля 2018 г.	Телефонные переговоры Си Цзиньпина и Р. Эрдогана
26 июля 2018 г.	Встреча в рамках 10-го саммита БРИКС в Йоханнесбурге
30 ноября 2018 г.	Встреча на полях саммита G-20 в Буэнос-Айресе
15 июня 2019 г.	Встреча Си Цзиньпина и Р. Эрдогана в рамках саммита СМВДА в Душанбе
28—29 июня 2019 г.	Встреча на полях саммита G-20 в Осаке
2 июля 2019 г.	Президент Р. Эрдоган посетил с официальным визитом Китай
8 апреля 2020 г.	Телефонные переговоры Си Цзиньпина и Р. Эрдогана
25 марта 2021 г.	Визит Ван И в Турцию в рамках его ближневосточного турне

Источник: Официальный сайт МИД КНР (Чжунхуа жэньминь гунхэгую вай-цзяобу).

ны, он заверил Китай в том, что не допустит никакой антикитайской деятельности в Турции. И подчеркнул уважение Турцией политики «одного Китая» [Erdogan'dan 'Uygur' mesaj?].

В 2015 г., после сообщений о запрете соблюдения поста в месяц Рамадан в Синьцзяне, МИД Турции выразил протест, на который Китай резко отреагировал [China accuses Turkey of...]. Однако вскоре отношения вернулись в нормальное русло. В феврале 2019 г. критика в адрес Китая возобновилась: в Совете ООН по правам человека в Женеве министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу назвал сообщения о нарушениях прав человека в отношении уйгуров и других мусульманских общин в СУАР КНР серьезным поводом для беспокойства [Turkey renews criticism...]. А за несколько дней до того Министерство иностранных дел Турции выпустило заявление, осуждающее политику ассимиляции уйгуров [Why Is Turkey Breaking Its Silence...]. Однако заметим, что произошло это лишь после нескольких месяцев массовой кампании осуждения Китая в европейской и американской прессе.

В 2017 г. Китай и Турция подписали вызвавший бурю протестов Договор об экстрадиции, согласно которому стала возможна выдача «преступников» даже в случае, если содеянное ими квалифицируется как криминальное деяние лишь в одной из двух стран. Однако он был ратифицирован только Китаем (в декабре 2020 г.), поскольку турецкие власти продолжают испытывать серьезное давление изнутри по вопросу поддержки уйгуров. Например, в 2016 г. в Турции арестовали видного уйгурского политического деятеля Абдулкадира Япчана, выдачи которого с 2001 г. добивался Китай. Арест вызвал массовые протесты, в результате чего в 2019 г. Япчан был освобожден [Bozkurt].

В 2016 г. в Турции, как известно, произошла попытка военного переворота, которая привела к значительному ухудшению отношений Эрдогана со странами Запада. В Турции возникли серьезные экономические проблемы и сомнения в необходимости вступления в Евросоюз. Усилилась антизападная риторика, которая, учитывая сближение Турции и Китая, дает повод экспертам говорить о повороте Турции на Восток и ее отходе от прозападного курса.

После попытки военного переворота руководство КНР направило заместителя министра иностранных дел Чжан Мина в Турецкую Республику для прояснения случившейся ситуации [Вайцзяобу фаяньжэнь...]. Это был первый визит представителя МИД какого-либо государства в Турцию после попытки дестабилизации ее внутриполитического положения. В конце 2017 г. Р.Т. Эрдоган, чтобы продемонстрировать заинтересованность Анкары в развитии более тесных связей с Пекином, назначил одного из своих ключевых советников — Абдулкадира Эмина Онена, бывшего депутата Партии справедливости и развития и опытного бизнесмена — послом Турции в КНР.

В ответ Китай в 2018 г., когда курс лиры упал более чем на 40 %, предоставил правительству Турции 3,6 млрд долл. в виде кредитов для текущих энергетических и транспортных проектов [Chinese bank to lend \$3.6 billion...]. В июне 2019 г. после муниципальных выборов в Стамбуле, которые продемонстрировали ослабление поддержки Р.Т. Эрдогана, ЦБ Китая выделил Турции еще 1 млрд долл. в соответствии с соглашением о валютном свопе 2012 г. [Турция впервые использовала китайский юань...].

В июле 2018 г. на саммите БРИКС в ЮАР, где президент Турции находился в качестве председателя Организации исламского сотрудничества, он выразил заинтересованность Турции в установлении более тесных связей с БРИКС и даже предложил новое название, которое можно было бы использовать, если Турция присоединится — BRICST [Эрдоган попросил принять Турцию...]. А во время своего последнего визита в Китай в июле 2019 г. Эрдоган подчеркнул, что Турция не позволит никому вбить клин в ее отношения с Китаем [Erdogan'dan Dogu Turkistan yorumu...].

В 2020 г., когда экономическая ситуация в Турции вновь обострилась на фоне COVID-19, Пекин в июне разрешил турецким компаниям, страдавшим от нехватки валюты, использовать китайский юань для торговых платежей. А в ноябре Турция заключила с Китаем соглашение о покупке 100 млн доз вакцин, разработанных Sinovac Biotech.

Улучшение отношений Турции с Китаем особенно заметно на фоне продолжающегося ухудшения отношений Турции с США, ко-

торое углубилось с приходом в Белый дом администрации Дж. Байдена, открыто заявляющего о поддержке турецкой оппозиции [Оппозиция Турции...]. Складывается впечатление, что США не боятся окончательно испортить отношения с Турцией. Так, 24 апреля 2021 г. Байден официально назвал «геноцидом армян»¹ те события, которые предыдущие американские президенты осторожно называли армянским термином «Metz Yeghern» («великая резня») [Слово не воробей...].

Экономические отношения

Анализ двусторонней торговли говорит о том, что за прошедшие 10 лет Китай успел стать для Турции ключевым продавцом: по состоянию на 2020 г. Китай занял 1-е место среди стран — контрагентов Турции по объему поставляемых в эту страну товаров (с начала 2010-х годов он неизменно входил в тройку ведущих экспортеров).

Однако Китай при этом является лишь 15-м по значению импортером турецких товаров.

Для Китая роль Турции как торгового партнера весьма незначительна: Турция является 29-м по значению покупателем китайской продукции (по данным на 2018 г.), а ее роль как поставщика продукции в Китай и вовсе незаметна — приблизительно 60-е место.

В результате Турция в торговле с Китаем имеет огромный по турецким меркам торговый дефицит (свыше 20 млрд долл. при общем объеме торговли около 26 млрд, это 60 % от общего торгового дефицита Турции в 2020 г.), который пытается перекрыть за счет продажи товаров на других рынках, прежде всего — европейском. Но при этом, как считают турецкие комментаторы, импорт компонентов и комплектующих из Китая способствует росту производства в Турции, поскольку турецкая экономика сильно зависит от импортируемых компонентов и полуфабрикатов (две трети общего импорта

¹ Геноцид армян уже был официально признан в США в 2019 г., что совпало с ухудшением отношений Вашингтона и Анкары после проведения турецкой военной операции на северо-востоке Сирии и покупкой Турцией российских зенитных ракетных систем С-400.

Таблица 2. Ключевые показатели китайско-турецкой торговли

Год	Турецкий экспорт в Китай, млрд долл.	По сравнению с предыдущим годом, %	Импорт из Китая, млрд долл.	По сравнению с предыдущим годом, %	Общий объем торговли, млрд долл.	Баланс, млрд долл.
2000	0,10	—	1,34	—	1,44	-1,25
2001	0,20	107	0,93	-31	1,12	-0,73
2002	0,27	35	1,37	48	1,64	-1,10
2003	0,50	88	2,61	91	3,11	-2,11
2004	0,39	-22	4,48	71	4,87	-4,08
2005	0,55	40	6,89	54	7,44	-6,34
2006	0,69	26	9,67	40	10,36	-8,98
2007	1,04	50	13,23	37	14,27	-12,19
2008	1,44	38	15,66	18	17,10	-14,22
2009	1,60	11	12,68	-19	14,28	-11,08
2010	2,27	42	17,18	36	19,45	-14,91
2011	2,47	9	21,69	26	24,16	-19,23
2012	2,83	15	21,30	-2	24,13	-18,46
2013	3,76	33	25,26 (3-е место)	19	29,02	-21,51
2014	2,97	-21	25,73 (1-е место)	2	28,70	-22,76
2015	2,50	-16	25,28 (1-е место)	-2	27,78	-22,78
2016	2,38	-5	24,85 (1 место)	-2	27,23	-22,47
2017	3,04	28	23,75 (1-е место)	-4	26,79	-20,72

Окончание табл. 2

Год	Турецкий экспорт в Китай, млрд долл.	По сравнению с предыдущим годом, %	Импорт из Китая, млрд долл.	По сравнению с предыдущим годом, %	Общий объем торговли, млрд долл.	Баланс, млрд долл.
2018	3,08	1	21,51 (3-е место)	-9	24,58	-18,43
2019	2,73	-11	19,13 (3-е место)	-11	21,85	-16,40
2020	2,87	5	23,04 (1-е место)	20	25,91	-20,17

Источник: Турецкий статистический институт (TÜİK).

Таблица 3. Турецкий экспорт и импорт по ключевым странам (2020 г.)

Ключевые партнеры Турции по ее экспорту		Ключевые партнеры Турции по ее импорту	
1. Германия	15, 9 млрд долл. (9,4 %)	1. Китай	23 млрд долл. (10,5 %)
2. Великобритания	11,2 млрд долл. (6,6 %)	2. Германия	21,7 млрд долл. (9,2 %)
3. США	10, 2 млрд долл. (6 %)	3. Россия	17,9 млрд долл. (8,1 %)
4. Ирак	9,1 млрд долл. (5,4 %)	4. США	11,6 млрд долл. (3 %)
5. Италия	8 млрд долл. (4,8 %)	5. Италия	9,2 млрд долл. (4,2 %)
6. Франция	7,2 млрд долл. (4,2 %)	6. Ирак	8,2 млрд долл. (3,7 %)
7. Испания	6,7 млрд долл. (3,9 %)	7. Швейцария	7,8 млрд долл. (3,5 %)
8. Нидерланды	5,2 млрд долл. (3,1 %)	8. Франция	7 млрд долл. (3,2 %)
9. Израиль	4,7 млрд долл. (2,8 %)	9. Южная Корея	5,8 млрд долл. (2,6 %)
10. Россия	4,5 млрд долл. (2,7 %)	10. ОАЭ	5,6 млрд долл. (2,6 %)
15. Китай	2,9 млрд долл. (1,7 %)		

Источник: Турецкий статистический институт (TÜİK).

Таблица 4. Китайский экспорт и импорт по ключевым странам и территориям

По экспорту		По импорту	
1. США	418,6 млрд долл (16,7 %)	1. Южная Корея	173,6 млрд долл. (8,4 %)
2. Гонконг	280 млрд долл. (11,1 %)	2. Тайвань	172,8 млрд долл. (8,3 %)
3. Япония	143,2 млрд долл. (5,73 %)	3. Япония	171,5 млрд долл. (8,2 %)
4. Южная Корея	111 млрд долл. (4,44 %)	4. США	123,2 млрд долл. (6 %)
5. Вьетнам	98 млрд долл. (3,92 %)	5. Австралия	119,6 млрд долл. (5,78 %)
6. Германия	80 млрд долл. (3,19 %)	6. Германия	105 млрд долл. (5 %)
7. Индия	75 млрд долл. (2,99 %)	7. Бразилия	79,2 млрд долл. (3,8 %)
8. Нидерланды	74 млрд долл. (2,95 %)	8. Малайзия	71,6 млрд долл. (3,46 %)
9. Великобритания	62,2 млрд долл. (2,49 %)	9. Вьетнам	64 млрд долл. (3 %)
		10. Россия	60 млрд долл. (2,9 %)
29. Турция	17,3 млрд долл. (0,07 %)	≈60. Турция	3,5 млрд долл. (0,17 %)

Источники: Главное таможенное управление Китая и глобальная база внешней торговли Trendeconomy.

Турции составляют полуфабрикаты и сырье), а Китай предлагает низкую стоимость и относительно высокое качество [Atlı A. Turkey's Relations..., p. 234].

Турции на данный момент нечего продавать Китаю, кроме некоторых видов сырья, которыми богата страна, например, мрамора и травертина, хрома, меди, свинца, железа, боратных руд, оксида бора, борной кислоты и т. д. Это половина всего ее экспорта в Китай. Другими ключевыми статьями экспорта Турции являются: продукция химической промышленности (13,4 % от общего объема экспорта в КНР), текстильная продукция и сырье для текстильной продукции (8,4 %), изделия машиностроения и электроники (7,9 %). Из КНР Турция главным образом импортирует продукцию машиностроения и электроники (49,2 %), текстильную продукцию и сырье

Таблица 5. Товарная структура торговли КНР и Турции, 2018 г.

Статья	Турецкий экспорт, 2018		Турецкий импорт, 2018	
	Мир, %	В Китай, %	Мир, %	Из Китая, %
Транспортное оборудование	17,1	0,8	7,9	2,9
Текстильная продукция и сырье	16,6	8,4	4,7	9,9
Изделия машиностроения и электроники	14,6	7,9	19	49,2
Неблагородные металлы и изделия	14,4	4,8	14,1	8,6
Пластмассы, каучук, резина	5,3	2,3	7,1	4,8
Полезные ископаемые	5	50,7	20,1	1
Пищевые продукты	4,4	2,4	1,8	
Продукция химической промышленности	4,3	13,4	9	9,8
Драгоценные металлы и изделия	4,3	2,2	5,6	0,4

Источник: Турецкий статистический институт (TÜİK).

(9,9 %), продукцию химической промышленности (9,8 %), неблагородные металлы и изделия из них (8,6 %).

Динамика торговли представлена на диаграмме (см. ниже), из которой видно, что, достигнув пика в 2013 г., она в дальнейшем снижалась, что было связано в первую очередь с экономическими проблемами самой Турции, начавшимися в 2016 г. и усугубившимися в 2018 г. Рост торгового оборота за счет импорта из Китая увеличит и без того огромный торговый дефицит Турции.

Турецкая экономика, в частности, торговля до сих пор существенно ориентирована на западный рынок. Так, семь ключевых покупателей турецкой продукции — это страны ЕС (Германия, Италия, Франция, Испания и Нидерланды), а также США и Великобритания. При этом Турция старается снизить свой торговый дефицит за счет сокращения импорта энергоносителей: правительство проводит активную политику поощрения использования местного топлива

1 – Турецкий экспорт в Китай, млрд долл. 2 – Импорт из Китая, млрд долл.
 3 – Общий объем торговли, млрд долл.

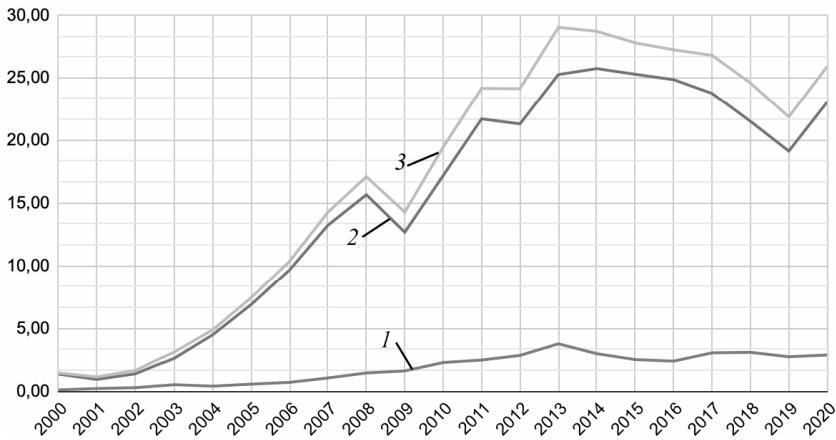

Диаграмма. Динамика торговли КНР и Турции.
 Источник: Турецкий статистический институт (TÜİK).

для выработки электроэнергии путем поддержки сферы возобновляемых источников энергии и добычи угля внутри страны.

Инвестиционное сотрудничество

За период с 2015 по 2019 гг. Китай инвестировал в Турцию 3,5 млрд долл. и был намерен увеличить эту сумму до 6 млрд к концу 2020 г. [China aims to double investments...]. Это довольно значительный рост, поскольку, по данным ЦБ Турции, с 2011 по 2014 гг. общий объем китайских прямых инвестиций в страну составил меньше 50 млн долл. Такое резкое увеличение китайских инвестиций связано с началом сотрудничества КНР и Турции в рамках инициативы «Пояс и путь» (ИПП).

Продолжительная высокая инфляция и увеличивающийся дефицит бюджета преследовали турецкую экономику еще до пандемии COVID-19. За последнее десятилетие инфляционные ожидания пре-

выселили целевой показатель в 5 % на более, чем наполовину. А турецкая лира обесценивается по отношению к доллару США с 2016 г., снизившись на рекордные 20 % к августу 2018 г. Турции в настоящее время необходимо модернизировать свою инфраструктуру, расширить технологические возможности, уменьшить зависимость от импорта сырья, энергии и компонентов. Иностранные инвестиции рассматриваются как инструмент для достижения этих целей.

Однако объемы инвестиций, поступающих из Китая, несравнимы с европейскими. Европа является крупнейшим инвестором: ее инвестиции в Турцию составляют 120,1 млрд долл. (из 164,6 млрд долл. всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ) за последние 18 лет). На конец 2017 г. доля Европы в направляемых в Турцию ПИИ составила 76,1 %, Северной Америки — 3,8 %, Китая — менее 1 % [Emre Ersen, Seckin Kostem]. Правда, к 2020 г. доля инвестиций из Европы уменьшилась до 53,8 %, тогда как из Азии выросла до 6,5 % [FDI inflows into Turkey...].

Надежды на дальнейшее увеличение китайских инвестиций связанны, как уже упоминалось, с присоединением Турции к ИПП. Консорциум китайских компаний уже приобрел контрольный пакет акций Кумпорта (65 %) — контейнерного порта вблизи Стамбула [Chinese consortium acquires...]. Кумпорт, расположенный на северо-западном побережье Мраморного моря, является третьим по величине контейнерным терминалом Турции и стратегическим связующим звеном с Европой. В 2020 г. Китайская корпорация по страхованию экспортных кредитов выделила 5 млрд долл. в «Фонд благосостояния Турции», которые будут использоваться для финансирования проектов в рамках инициативы «Пояс и путь» [Turkey Wealth Fund inks \$5B...].

Китай проявляет интерес еще к трем турецким портам в Эгейском побережье — на побережье Черного и Средиземного морей. Вместе с портами Греции и Египта, турецкие порты смогут сформировать морскую логистическую сеть в Восточном Средиземноморье, которая будет иметь жизненно важное значение как для сухопутного, так и для морского сегментов ИПП.

Как вспомогательный проект, который также будет проинвестирован Китаем, рассматривается строительство ТЭС Хунутлу на юге

Турции стоимостью почти 1,7 млрд долл. Ожидается, что ТЭС обеспечит долгосрочную энергетическую безопасность Турции и соединит инициативу «Пояс и путь» с турецким проектом «Срединный коридор».

Правительства двух стран подписали также соглашение о строительстве высокоскоростной железнодорожной линии Карс—Эдирне, которая соединит крайнюю восточную точку Турции на границе с Арменией и западную точку на границе с Европой. Эта железная дорога превратит Турцию в транзитный узел для пассажиров и грузов, а также обеспечит маршрут соединения Европы и Азии в рамках ИПП.

Турецкие эксперты отмечают важность сотрудничества с Китаем для улучшения экономического положения страны. Министерство торговли Турции объявило Китай одним из четырех приоритетных рынков для экспорта наряду с Россией, Индией и Мексикой и подготовило подробную дорожную карту для улучшения торговых отношений с ним. Министерство культуры и туризма разрабатывает планы по привлечению большего числа китайских туристов [Atlı A. Making Sense...].

Китай вкладывается и в сферу электронной коммерции. Так, крупнейшая в Турции торговая платформа *Trendyol* (25 млн покупателей) была приобретена компанией *Alibaba* за 728 млн долл. [Alibaba, Trendyol'a 728 milyon...]. Понятно, что это приведет к росту продаж китайских товаров на турецком рынке.

Присутствует в Турции и компания *Huawei*, которая здесь в отличие от США и других стран не воспринимается как угроза национальной безопасности. Доля продукции *Huawei* на турецком рынке выросла с 3 % в 2017 г. до 30 % в 2019 г. [Turkey becomes a regional base for...]. Вместе с турецкой телекоммуникационной компанией *Turkcell* *Huawei* обещает к 2023 г. предоставить продукцию 5G пользователям по всей Турции [5G yeni teknoloji...].

Стараются не отстать и другие китайские компании. *ZTE* в 2016 г. приобрела более 48 % *Netas*, ключевого турецкого производителя телекоммуникационного оборудования [ZTE to acquire 48 % stake in...]. *Xiaomi* и *Oppo* открыли два завода в Стамбуле [Chinese tech giant...].

Сотрудничество в военной сфере

В 2010 г. ВВС Китая приняли участие в военных учениях Турции «Анатолийский орел» на авиабазе «Конья». Это был первый случай, когда Китай участвовал в совместных учениях со страной — членом НАТО на ее же территории. Причем страной, обладающей в рамках НАТО второй по величине армией.

Учения проводятся с 2001 г. не реже одного раза в год (иногда до четырех раз в год) как силами национальных турецких ВВС, так и с участием приглашенных дружественных иностранных государств. На учения чаще всего приглашались США и Израиль, иногда другие члены НАТО — такие, как Франция, Испания, Бельгия, Нидерланды и Италия. Реже — Пакистан, ОАЭ и Иордания.

Понятно, что совместные учения с Китаем вызвали беспокойство со стороны США и Израиля, с которым у Турции в этот момент резко ухудшились отношения по причине сближения Турции с Ираном. Со стороны Турции это был довольно серьезный шаг, несравнимый даже с закупкой в конце 1990-х годов у Китая реактивных систем залпового огня и ракет малой дальности. Однако в дальнейшем в связи с наметившейся нормализацией отношений с Израилем и ухудшением отношений с Ираном и Сирией, а также развертыванием американского ракетно-зенитного комплекса «Пэтриот» для защиты от угроз со стороны Сирии подобные совместные маневры больше не проводились [Kaya].

В 2013 г. Китайская корпорация по импорту и экспорту высокоточного оборудования выиграла тендер на совместное производство ракет большой дальности на 4 млрд долл. При этом Турция отклонила предложения американских, европейских и российских компаний и выбрала партнера, находящегося в санкционном списке США [Chinese firm under U.S. sanctions...]. Решение вызвало возмущение среди стран НАТО, в результате чего Турция пять раз переносила дату начала проекта и в конечном итоге от него отказалась (в 2015 г.), выбрав британскую компанию.

Начиная с 2011 г. стороны также практикуют обмены визитами военно-морских кораблей [Turkish naval visit to Hong Kong...; 19th

Chinese naval escort...; Chinese navy fleet docks at Istanbul...]. Но они, скорее, носят символический характер.

Наблюдается некоторое расширение военного сотрудничества: в настоящее время Турция и Китай продолжают проводить консультации и взаимодействовать в области кибербезопасности и разведки. Турецкая баллистическая ракета «Бора», разработанная совместно с Китайской корпорацией по импорту и экспорту высокоточного оборудования (CPMIEC) на основе китайской ракеты B-611 [Габриэльян А.], использовалась в столкновениях Турции с Рабочей партией Курдистана в 2019 г. [Turkey's Bora missile saw combat...].

Вместе с тем, в Китае далеко не всем нравится нынешняя слишком активная политика Турции. Например, военные обозреватели КНР отмечают, что «официальная Анкара всерьез движется по направлению к возрождению «Великой Османской империи», и основной элемент этого движения состоит в модернизации и укреплении ВС страны» (приводится по [Казанин]).

Нужно учесть и тот факт, что Турция является серьезным конкурентом Китая в производстве беспилотных летательных аппаратов [Turkey begins to rival China in military...], поскольку она, некогда закупая израильские дроны, с середины 2010-х годов начала производить свои собственные БПЛА, качество и эффективность которых были проверены во время последнего конфликта между Азербайджаном и Арменией.

Турецкие компании расценивают Азию в целом как потенциальный рынок БПЛА. Компания *Turkish Aerospace Industries* присматривается к таким азиатским странам, как Пакистан, Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины [Turkey begins...]. Поскольку Турция имеет прочные культурные, политические и военные связи с мусульманскими странами Азии, то она вполне может стать для них ключевым поставщиком БПЛА и даже, возможно, партнером по совместному производству.

В целом можно сказать, что отношения Турции с Китаем на данном этапе представляют довольно сложный конгломерат разных, но переплетающихся интересов. В geopolитическом плане обе страны стремятся выстроить такую структуру региональных отношений, в которой они являлись бы системообразующими государствами —

Китай для Восточной и Юго-Восточной Азии, а также Центрально-Азиатского региона (ЦАР), Турция — на Ближнем Востоке, на Кавказе (прежде всего, для Азербайджана), в Центральной Азии и в соседних странах юга Европы (Болгария и Румыния). При этом в ЦАР Китай и Турция являются конкурентами в борьбе за влияние. И одновременно там они сталкиваются с другими крупными игроками, обоснованно претендующими на признание их интересов в Центральной Азии и соседних регионах. Это прежде всего Россия и Иран.

В связи с этим, особого внимания заслуживают позиции Китая и Турции по Сирии. Эти позиции не совпадают: низложение режима Б. Асада по-прежнему является непременным условием для Анкары, в то время как Китай, также как и Россия, отвергает идею внешнего вмешательства с целью свержения законного правительства страны. В 2019 г. МИД КНР в своем заявлении потребовал от Турции прекратить операцию «Источник мира» на севере Сирии (операция ставила целью уничтожение «террористического коридора» вдоль турецкой границы и была направлена против запрещенной в Турции Рабочей партии Курдистана и террористической группировки «Исламское государство» (запрещена в РФ) [МИД Китая прокомментировал военную...]. Однако данное заявление, насколько удалось проследить, не вызвало острой реакции со стороны Анкары, видимо, ожидавшей выгод от дальнейшего сотрудничества с Китаем.

Официальная позиция КНР по вопросу независимости курдских территорий и создания Иракского Курдистана (который мог бы стать примером для турецких курдов) — вполне ожидаема и заключается в поддержке целостности Ирака. Хотя некоторые комментаторы высказывали мнение, что Пекин в перспективе может извлечь выгоду от образования Иракского Курдистана, рассчитывая на инвестиции в нефтегазовые месторождения в этом районе и на поддержку в борьбе с терроризмом [Raman].

Возможно, турецко-китайские отношения приобретут новое измерение, когда конфликт в регионе закончится и начнется процесс восстановления. Турция может стать одним из основных его участников не только ввиду своей географической близости, но и благо-

даря имеющемуся у турецких компаний опыту в проведении строительных работ в регионе и уже созданным там экономическим связям. Вместе с тем, наличие опыта инфраструктурного строительства у КНР и тот факт, что она в отличие от западных держав приходит на Ближний Восток без тяжелого исторического багажа и уже активно работает с Сирией, говорят также в пользу Китая как кандидата на выполнение основной части восстановительных работ после окончания войны. По мнению некоторых турецких комментаторов, Турция и Китай являются странами, которые, возможно, лучше всего подходят для того, чтобы возглавить процессы послевоенного восстановления в регионе, и отношения между ними будут иметь огромное значение для будущего Ближнего Востока. При этом Турция может действовать на Ближнем Востоке как посредник между Западом с одной стороны и Китаем — с другой [Atlı A. Turkey's Relations with China..., p. 241—242]. Однако, на наш взгляд, в данном случае многое будет зависеть, скорее, от позиции России и Ирана.

Заинтересованность Китая в присутствии на Ближнем Востоке растет. Показательным является то, что через неделю после первого после инаугурации президента Байдена зарубежного визита госсекретаря США Э. Блинкена (в Японию и Южную Корею) министр иностранных дел Китая совершил турне по странам Ближнего Востока, посетив Саудовскую Аравию, Турцию, Иран, ОАЭ, Бахрейн и Оман. Отношения КНР со странами Ближнего Востока продолжают укрепляться на фоне ослабления позиций США в регионе и включают в себя экономическое, транспортное сотрудничество и взаимодействие в области обеспечения региональной безопасности.

Очевидно, что Турция является для Китая и важным стратегическим плацдармом, и достаточно серьезным рынком сбыта продукции (хотя и не критичным с точки зрения объемов). Для Турции Китай — источник необходимых ресурсов для проведения самостоятельной, независимой от стран Запада внешней политики и финансирования громких мегапроектов. Помощь со стороны Китая позволяет Турции даже в условиях серьезного экономического и финансового кризиса не обращаться за помощью к МВФ и Всемирному банку, что сопровождалось бы требованиями политических и экономических реформ в стране. Китай готов оказывать экономи-

ческую помошь, не выдвигая в ответ никаких политических условий, касающихся режима власти Эрдогана, и не навязывая свою «идеологию».

Однако в экономическом плане далеко не все так просто. Помимо уже упомянутого огромного дефицита торгового баланса в торговле с Китаем, который Анкара рассчитывает, как уже было сказано, возместить за счет профицита в торговле с европейскими странами и странами Центральной Азии, Турция является коммерческим конкурентом Китая (особенно это касается торговли текстилем и бытовой техникой). Понятно, что помогать Турции в развитии ее производственной базы и создавать себе конкурента в этой области Китай не склонен. Не приветствуется в Китае и осуществляемая турецким руководством политика протекционизма в виде антидемпинговых защитных мер, квот и др., направленная на сдерживание импорта китайских товаров.

Можно сказать, что на данный момент для декларируемого Анкарой «разворота на Восток» у Турции недостаточно экономического потенциала. Да и Китай пока не может заменить Запад в качестве основного экономического партнера Турции. Однако диалог с КНР (наряду с Россией и отчасти Ираном) позволяет Турции диверсифицировать свои экономические отношения и обеспечивать относительно независимую от стран Запада внешнюю политику. Запад объективно сыграл значительную роль в становлении сегодняшней Турции, однако нынешнее руководство в лице Р.Т. Эрдогана, ностальгируя об имперском прошлом страны, стремится к повышению статуса Турции в качестве одной из ведущих держав мира. Поэтому, как пишет тюрколог В.А. Аватков, Турция сегодня больше напоминает державу, «которая до конца не определила свои приоритеты» и «ищет себя в системе современных международных отношений, стараясь извлечь выгоду на каждом направлении» [Аватков]. О том же пишет и Цзань Тао, доцент исторического факультета Пекинского университета, специализирующийся на истории Турции и Ближнего Востока. По его мнению, Китай не станет альтернативным партнером для Турции, поскольку «поворот Турции на Восток» является для нее лишь способом поддержать внешнеполитический

баланс между Западом и Востоком. А важность Китая для Турции главным образом лежит в экономической плоскости [Zan Tao].

Вместе с тем, процесс сближения двух растущих держав — Китая и Турции, обе из которых являются соседями и очень непростыми партнерами России, нуждается, на наш взгляд, в пристальном внимании и дальнейшем анализе с учетом стратегических перспектив РФ.

Библиографический список

Аватков В.А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций. 2017. Т.10. № 2.

Габриелян А. О ракетной программе Турции // Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=42977> (дата обращения: 24.04.2021).

Казанин М.В. Сирийский конфликт: оценки китайских специалистов. М.: Институт Ближнего Востока, 2017.

МИД Китая прокомментировал военную операцию Турции в Сирии // РИА Новости. 15.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191015/1559799273.html> (дата обращения: 19.04.2021).

Оппозиция Турции поздравила Байдена с победой на выборах президента США раньше Эрдогана // ТАСС. 08.11.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/9940723> (дата обращения: 19.04.2021).

Слово не воробей. Что стоит за возможным признанием Байденом геноцида армян // ТАСС. 24.04.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11225795> (дата обращения: 24.04.2021).

Турция впервые использовала китайский юань для операций в рамках svop-soglasheniya // Рамблер. 19.06.2020. URL: news.rambler.ru/middleeast/44378229-turtsiya-vpervye-ispolzovala-kitayskiy-yuan-dlya-operatsiy-v-ramkah-svop-soglasheniya/ (дата обращения: 19.04. 2021).

Эрдоган попросил принять Турцию в БРИКС // РИА Новости. 29.07.2019. URL: <https://ria.ru/20180729/1525552720.html> (дата обращения: 19.04.2021).

Вайцзяобу фаяньжэнь цзюо вайцзяобу фубучжан чжан мин фанвэнь туэрци да цзичжэ вэнь : [Пресс-секретарь МИД отвечает на вопросы журналистов о визите вице-министра иностранных дел Чжан Мина в Турцию] // Xinhua. 05.08.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-08/05/c_1119342652.html (дата обращения: 20.04.2021).

19th Chinese naval escort taskforce visits Turkey // Ministry of National Defense of the People's Republic of China. 25.05.2017. URL: http://eng.mod.gov.cn/TopNews/2015-05/25/content_4586556.htm (accessed: 24.04.2021).

5G yeni teknoloji devrimi yaratacak : [5G совершил новую технологическую революцию] // Dmunya. 24.11.2018. URL: <https://www.dunya.com/kose-yazisi/5g-yeni-teknoloji-devrimi-yaratacak/433065> (accessed: 22.04.2021).

Alibaba, Trendyol'a 728 milyon dolar ödedi : [Alibaba заплатила компании Trendyol 728 млн долларов] // Dunya. 03.08.2018. URL: <https://www.dunya.com/ko/se-yazisi/alibaba-trendyola-728-milyon-dolar-odedi/424231> (accessed: 22.04.2021).

Ath A. Making Sense of Turkey's Rapprochement with China // The German Marshall Fund of the United States. URL: <https://www.gmfus.org/publications/making-sense-turkeys-reapprochement-china> (accessed: 15.04.2021).

Ath A. Turkey's Relations with China and its Repercussions on Transatlantic Relations: The Turkish Perspective // Turkey and Transatlantic Relations / ed. by S. Toperich, A. Unver Noi. Washington: Center for Transatlantic Relations SAIS. 2018. P. 231—243.

Başbakan: Çin'de olanlar 'adeta soykırım' : [Премьер-министр: то, что произошло в Китае, «похоже на геноцид»] // Hürriyet. 10.07.2009. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/basbakan-cinde-olanlar-adeta-soykirim-12046635> (accessed: 19.04.2021).

Bozkurt A. Abdulkadir Yapan, China's most wanted Uighur, freed in Turkey // Nordic Monitor. URL: <https://nordicmonitor.com/2019/05/abdulkadir-yapan-china-most-wanted-uighur-freed-turkey/> (accessed: 15.03.2021).

China accuses Turkey of aiding Uighurs // Financial Times. 12.07.2015. URL: <https://www.ft.com/content/93607210-285c-11e5-8613-e7aedbb7bdb7> (accessed: 19.04.2021).

China aims to double investments in Turkey to \$6 billion by 2021 // Daily Sabah. 28.03.2019. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2019/03/28/china-aims-to-double-investments-in-turkey-to-6-billion-by-2021> (accessed: 23.04.2021).

Chinese bank to lend \$3.6 billion to Turkey: Albayrak // Hurriyet Daily News. 27.07.2018. URL: <https://www.hurriyedailynews.com/chinese-bank-to-lend-3-6-billion-to-turkey-albayrak-135083> (accessed: 22.04.2021).

Chinese consortium acquires 65 pct stake in Turkish port terminal // Hurriyet Daily News. 17.09.2015. URL: <https://www.hurriyedailynews.com/chinese-consortium-acquires-65-pct-stake-in-turkish-port-terminal-88636> (accessed: 22.04.2021).

Chinese firm under U.S. sanctions wins Turkish missile deal // Reuters. 27.09.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-china-defence-idUSBRE98Q0SC20130927> (accessed: 24.04.2021).

Chinese navy fleet docks at Istanbul port // Hurriyet Daily News. 19.07.2017. URL: <https://www.hurriyedailynews.com/chinese-navy-fleet-docks-at-istanbul-port--115704> (accessed: 24.04.2021).

Chinese tech giant Xiaomi opens its Turkey factory // Daily Sabah. 29.03.2021. URL: <https://www.dailysabah.com/business/tech/chinese-tech-giant-xiaomi-opens-its-turkey-factory> (accessed: 22.04.2021).

Erdoğan'dan 'Uygur' mesaj? [«Уйгурское» послание Эрдогана] // Deutsche Welle. 30.07.2015. URL: <https://www.dw.com/tr/erdogandan-uygur-mesaj?/a-18617594> (accessed: 19.04.2021).

Erdoğan'dan Doğu Türkistan yorumu: "Sınçan'da insanlar mutlu bir yaşam sürüyor" [Комментарий Эрдогана по Восточному Туркестану: «Люди в Синьцзяне живут счастливой жизнью»] // Boldmedya. 02.07.2019. URL: <https://boldmedya.com/2019/07/02/erdogandan-dogu-turkistan-yorumu-sincanda-insanlar-mutlu-bir-yasam-suruyor/> (accessed: 19.04.2021).

Erşen E., Köstem S. Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order. Oxon, New York: Routledge, 2019.

FDI inflows into Turkey surge in Q4 2020 // Invest in Turkey. March, 2021. URL: <https://www.invest.gov.tr/en/news/newsletters/lists/investnewsletter/investment-officer-mar-2021-newsletter.pdf> (accessed: 22.04.2021).

Kaya K. Turkey and China: Unlikely Strategic Partners. Kansas: Foreign Military Studies Office, 2013.

Ramani S. China in the Middle East: The Iraqi Kurdish Question // The Diplomat. 05.10.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/china-in-the-middle-east-the-iraqi-kurdish-question/> (accessed: 19.04.2021).

Turkey becomes a regional base for Huawei // Ahval News. 24.05.2019. URL: <https://ahvalnews.com/huawei/turkey-becomes-regional-base-huawei-deutsche-welle> (accessed: 22.04.2021).

Turkey begins to rival China in military drones // Nikkei Asia. 07.10.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Turkey-begins-to-rival-China-in-military-drones> (accessed: 24.04.2021).

Turkey renews criticism of China over Uighur minority // AP News. 25.02.2019. URL: <https://apnews.com/article/5f0e055b10994483b30d479c62f20d7f> (accessed: 19.04.2021).

Turkey Wealth Fund inks \$5B MoU with China's Sinosure // Daily Sabah. 26.03.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkey-wealth-fund-inks-5b-mou-with-chinas-sinosure> (accessed: 22.04.2021).

Turkey's Bora missile saw combat debut: What next? // Anadolu Agency. 16.06.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/turkey-s-bora-missile-saw-combat-debut-what-next/1508723> (accessed: 24.04.2021).

Turkish naval visit to Hong Kong sends message of its global ambitions // South China Morning Post. 17.05.2017. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/1800545/turkish-naval-visit-hong-kong-sends-message-its-global> (accessed: 24.04.2021).

Why Is Turkey Breaking Its Silence on China's Uyghurs? // The Diplomat. 12.02.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/02/why-is-turkey-breaking-its-silence-on-chinas-uyghurs/> (accessed: 19.04.2021).

Zan Tao. An Alternative Partner to the West? China's Growing Relations with Turkey // Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East following the Arab Spring / ed. by N. Horesh. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 19—29.

ZTE to acquire 48 % stake in Netas to support growth in Turkey and Eurasia // ZTE. 06.12.2016. URL: <https://www.zte.com.cn/global/about/news/1206.html> (accessed: 22.04.2021).

References

19th Chinese naval escort taskforce visits Turkey, *Ministry of National Defense of the People's Republic of China*, 25.05.2017. URL: http://eng.mod.gov.cn/TopNews/2015-05/25/content_4586556.htm (accessed: 24 April, 2021).

5G yeni teknoloji devrimi yaratacak [5G will create a new technology revolution], *Dünya*, 24.11.2018. URL: <https://www.dunya.com/kose-yazisi/5g-yeni-teknoloji-devrimi-yaratacak/433065> (accessed: 22 April, 2021).

Alibaba, Trendyol'a 728 milyon dolar odedi [Alibaba paid \$ 728 million to Trendyol], *Dunya*, 03.08.2018. URL: <https://www.dunya.com/kose-yazisi/alibaba-trendyol-728-milyon-dolar-odedi/424231> (accessed: 22 April, 2021).

Atlı, A. (2018). Making Sense of Turkey's Rapprochement with China, *The German Marshall Fund of the United States*. URL: <https://www.gmfus.org/publications/making-sense-turkeys-reapprochement-china> (accessed: 15 April, 2021).

Atlı, A. (2018). Turkey's Relations with China and its Repercussions on Transatlantic Relations: The Turkish Perspective. In Toperich S., Unver Noi A. (eds.), *Turkey and Transatlantic Relations*. Washington: Center for Transatlantic Relations SAIS: 231—243.

Avatkov, V.A. (2017). Turtsiya: poverot na Vostok [Turkey: Turn to the East]. *Kontury global'nykh transformatsiy* [Outlines of Global Transformations], 10(2): 181—196.

Başbakan: Cin'de olanlar 'adeta soykırı' [Prime Minister: What happened in China is 'genocide'], *Hurriyet*, 10.07.2009. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/dunya/basbakan-cinde-olanlar-adeta-soykirim-12046635> (accessed: 19 April, 2021).

Bozkurt, A. (2019). Abdulkadir Yapan, China's most wanted Uighur, freed in Turkey, *Nordic Monitor*. URL: <https://nordicmonitor.com/2019/05/abdulkadir-yapan-china-most-wanted-uighur-freed-turkey/> (accessed: 15 March, 2021).

China accuses Turkey of aiding Uighurs, *Financial Times*, 12.07.2015. URL: <https://www.ft.com/content/93607210-285c-11e5-8613-e7aedd7bdb7> (accessed: 19 April, 2021).

China aims to double investments in Turkey to \$6 billion by 2021, *Daily Sabah*, 28.03.2019. URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2019/03/28/china-aims-to-double-investments-in-turkey-to-6-billion-by-2021> (accessed: 23 April, 2021).

Chinese bank to lend \$3.6 billion to Turkey: Albayrak, *Hurriyet Daily News*, 27.07.2018. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/chinese-bank-to-lend-3-6-billion-to-turkey-albayrak-135083> (accessed: 22 April, 2021).

Chinese consortium acquires 65 pct stake in Turkish port terminal, *Hurriyet Daily News*, 17.09.2015. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/chinese-consortium-acquires-65-pct-stake-in-turkish-port-terminal-88636> (accessed: 22 April, 2021).

Chinese firm under U.S. sanctions wins Turkish missile deal, *Reuters*, 27.09.2013. URL: <https://www.reuters.com/article/us-turkey-china-defence-idUSBRE98Q0SC20130927> (accessed: 24 April, 2021).

Chinese navy fleet docks at Istanbul port, *Hurriyet Daily News*, 19.07.2017. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/chinese-navy-fleet-docks-at-istanbul-port--115704> (accessed: 24 April, 2021).

Chinese tech giant Xiaomi opens its Turkey factory, *Daily Sabah*, 29.03.2021. URL: <https://www.dailysabah.com/business/tech/chinese-tech-giant-xiaomi-opens-its-turkey-factory> (accessed: 22 April, 2021).

Erdogan poprosil prinyat' Turtsiyu v BRIKS [Erdogan asked to admit Turkey to BRICS], *RIA News*, 29.07.2019. URL: <https://ria.ru/20180729/1525552720.html> (accessed: 19 April, 2021).

Erdoğan'dan 'Uygur' mesaj? ['Uyghur' message from Erdogan], *Deutsche welle*, 30.07.2015. URL: <https://www.dw.com/tr/erdogandan-uygur-mesaj-/a-18617594> (accessed: 19 April, 2021).

Erdogan'dan Doğu Türkistan yorumu: "Sincan'da insanlar mutlu bir yaşam sürüyor" [East Turkestan comment from Erdogan: "People live a happy life in Xinjiang"], *Boldmedya*, 02.07.2019. URL: <https://boldmedya.com/2019/07/02/erdogandan-dogu-turkistan-yorumu-sincanda-insanlar-mutlu-bir-yasam-suruyor/> (accessed: 19 April, 2021).

Erşen, E.; Köstem, S. (2019). *Turkey's Pivot to Eurasia: Geopolitics and Foreign Policy in a Changing World Order*. Oxon, New York: Routledge.

- FDI inflows into Turkey surge in Q4 2020, *Invest in Turkey, March, 2021*. URL: <https://www.invest.gov.tr/en/news/newsletters/lists/investnewsletter/investment-office-mar-2021-newsletter.pdf> (accessed: 22 April, 2021).
- Gabrielyan, A. (2018). O raketnoy programme Turtsii [On Turkey's missile program], *Institut Blizhnego Vostoka* [Institute of the Middle Eastern Studies]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=42977> (accessed: 24 April, 2021).
- Kaya, K. (2013). Turkey and China: Unlikely Strategic Partners. Kansas: Foreign Military Studies Office.
- Kazanin, M.V. (2017). Siriyskiy konflikt: otsenki kitayskikh spetsialistov [The Syrian Conflict: Assessment of Chinese Experts]. Moscow: *Institut Blizhnego Vostoka*.
- MID Kitaya prokommentiroval voyennuyu operatsiyu Turtsii v Siri [Chinese Foreign Ministry commented on Turkey's military operation in Syria], *RIA News*, 15.10.2019. URL: <https://ria.ru/20191015/1559799273.html> (accessed: 19 April, 2021).
- Opozitsiya Turtsii pozdravila Baydena s pobedoy na vyborakh prezidenta SSHA ran'she Erdogana [Turkey's opposition congratulates Biden on winning the US presidential election before Erdogan], *TASS*, 08.11.2020. URL: <https://tass.ru/mezhdunarnodnaya-panorama/9940723> (accessed: 19 April, 2021).
- Ramani, S. (2017). China in the Middle East: The Iraqi Kurdish Question, *The Diplomat*, 05.10.2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/10/china-in-the-middle-east-the-iraqi-kurdish-question/> (accessed: 19 April, 2021).
- Slovo ne vorobey. Chto stoit za vozmozhnym priznaniyem Baydenom genotsida armyan [A word spoken is past recalling. What's behind Biden's Possible Recognition of the Armenian Genocide?], *TASS*, 24.04.2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11225795> (accessed: 24 April, 2021).
- Turkey becomes a regional base for Huawei, *Ahval News*, 24.05.2019. URL: <https://ahvalnews.com/huawei/turkey-becomes-regional-base-huawei-deutsche-welle> (accessed: 22 April, 2021).
- Turkey begins to rival China in military drones, *Nikkei Asia*, 07.10.2020. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Turkey-begins-to-rival-China-in-military-drones> (accessed: 24 April, 2021).
- Turkey renews criticism of China over Uighur minority, *AP News*, 25.02.2019. URL: <https://apnews.com/article/5f0e055b10994483b30d479c62f20d7f> (accessed: 19 April, 2021).
- Turkey Wealth Fund inks \$5B MoU with China's Sinosure, *Daily Sabah*, 26.03.2020. URL: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkey-wealth-fund-inks-5b-mou-with-chinas-sinosure> (accessed: 22 April, 2021).
- Turkey's Bora missile saw combat debut: What next? *Anadolu Agency*, 16.06.2019. URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/turkey-s-bora-missile-saw-combat-debut-what-next/1508723> (accessed: 24 April, 2021).

Turkish naval visit to Hong Kong sends message of its global ambitions, *South China Morning Post*, 17.05.2017. URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/1800545/turkish-naval-visit-hong-kong-sends-message-its-global> (accessed: 24 April, 2021).

Turtsiya v pervyye ispol'zovala kitayskiy yuan' dlya operatsiy v ramkakh svop-soglasheniya [Turkey first uses Chinese yuan for swap transactions], *Rambler*, 19.06.2020. URL: news.rambler.ru/middleeast/44378229-turtsiya-v-pervyye-ispolzovala-kitayskiy-yuan-dlya-operatsiy-v-ramkah-svop-soglasheniya/ (accessed: 19 April, 2021).

Waijiaobu fayanren jiu waijiaobu fubuzhang zhang ming fangwen tuerqi da jizhe wen [Spokesperson of the Ministry of Foreign Affairs answers reporters' questions on Vice Foreign Minister Zhang Ming's visit to Turkey], *Xinhua*, 05.08.2016. URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-08/05/c_1119342652.html (accessed: 20 April, 2021).

Why Is Turkey Breaking Its Silence on China's Uyghurs? *The Diplomat*, 12.02.2019. URL: <https://thediplomat.com/2019/02/why-is-turkey-breaking-its-silence-on-chinas-uyghurs/> (accessed: 19 April, 2021).

Zan Tao (2016). An Alternative Partner to the West? In Horesh N. (ed.), *China's Growing Relations with Turkey. Toward Well-Oiled Relations? China's Presence in the Middle East following the Arab Spring*, New York: Palgrave Macmillan: 19—29.

ZTE to acquire 48 % stake in Netas to support growth in Turkey and Eurasia, *ZTE*, 6.12.2016. URL: <https://www.zte.com.cn/global/about/news/1206.html> (accessed: 22 April, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-227-241

К.В. Асмолов

ЮЖНАЯ КОРЕЯ МЕЖДУ США И КНР

Аннотация. Трения между США и КНР приобретают все более серьезный характер, получив негласное название «новой холодной войны», в которой обе стороны активно собирают «группу поддержки». В этом контексте усиление противостояния между Вашингтоном и Пекином ставит Сеул в неприятную ситуацию выбора из двух больших зол. США — главный военно-политический союзник и сюзерен с точки зрения большинства южнокорейской элиты. Китай — ведущий торговый партнер и единственный рычаг воздействия на Северную Корею.

Курс на жесткое противостояние сверхдержав начался при администрации Д. Трампа и от перемены президентов не изменился. Давление Соединенных Штатов на Республику Корея осуществляется по нескольким направлениям: присоединение к антикитайским санкциям в экономической сфере, усиление военного присутствия, участие в Quad («Четырехсторонний диалог по безопасности» в составе США, Японии, Индии и Австралии). В свою очередь Пекин тоже старается перетянуть Сеул в свою сторону, в основном путем «мягкой силы» и экономического сотрудничества. Как и США, он стремится включить РК в ведомые им экономические структуры. Однако на политическом фронте его требования касаются, скорее, не присоединения РК к антиамериканским структурам, а более независимой от США политике.

Эксперты РК пытаются найти стратегию, позволяющую угодить «и нашим, и вашим» или выйти с наименьшими потерями. Но сказать «нам нужна новая стратегия» куда проще, чем описать ее. Первая точка зрения сводится к тому, что Корея давно пора перестать заигрывать с Китаем, но полностью поддержать своего стратегического союзника — США. Вторая — что Сеул должен грамотно лавировать, поддерживая контакты как с Пекином, так и с Вашингтоном.

С формальной точки зрения Южная Корея еще не определилась с выбором стороны, однако в перспективе примыкание (присоединение) Сеула к американским проектам неминуемо. Южная Корея будет до последнего демонстрировать независимость своей внешней политики, но в итоге сделает выбор в пользу Вашингтона.

Ключевые слова: Китай, Южная Корея, США, холодная война, торговая война.

Автор: Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований Института Дальнего Востока РАН.

ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

K. V. Asmolov

South Korea between China and the USA

Abstract. Tensions between the United States and China are worsening, so both sides are actively assembling a “support group”. In this context, the strengthening of the confrontation between Washington and Beijing puts Seoul in an unpleasant situation of choosing one from two greater evils. The United States are the main military and political ally and suzerain of the Republic of Korea (RK) in terms of the orientation of the majority of South Korean elite. China is a leading trading partner and the only lever of influence on North Korea.

The course for a tough confrontation between the superpowers began under D. Trump administration, but has not changed since the change of presidents. The pressure of the United States on the RK is carried out in several directions: joining anti-Chinese sanctions in the economic sphere, strengthening the military presence, and participating in the Quad (Quadrilateral Security Dialogue of the USA, Japan, India and Australia). In turn, Beijing is also trying to pull Seoul in its direction, mainly through “soft power” and economic cooperation. Like the United States, it seeks to include South Korea in its economic structures. However, on the political front, his demands are rather not for the accession of

the Republic of Korea to anti-American structures, but for a more independent policy from the United States.

The experts of the Republic of Korea are trying to find a strategy that allows Seoul to please both sides, or to exit with least losses. But to say “we need a new strategy” is much easier than to describe the strategy in detail. The first point of view is that Korea should stop flirting with China and should fully support its strategic ally — the USA. The second is that Seoul must maneuver, maintaining contacts with both Beijing and Washington.

Although South Korea has not yet decided on an explicit choice of the side, in the future, Seoul's joining the American projects is inevitable. South Korea will continue to demonstrate the independence of its foreign policy until the last moment, but in the end it will choose Washington.

Keywords: China, South Korea, USA, cold war, trade war.

Author: Konstantin V. ASMOLOV, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Korean Studies Center, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS).

ORCID: 0000-0003-1584-2748; E-mail: asmolov@ifes-ras.ru

Трения между США и КНР приобретают все более серьезный характер, получив негласное название «новой холодной войны», в которой обе стороны активно собирают «группу поддержки». В этом контексте усиление противостояния между Вашингтоном и Пекином ставит Сеул в неприятную ситуацию выбора из двух больших зол.

США — главный военно-политический союзник и, можно сказать, сюзерен с точки зрения большинства южнокорейской элиты. Китай — ведущий торговый партнер. Затем, Пекин уже однажды показал зубы, устроив «несанкции» после того, как на территории РК в марте 2017 г. были размещены элементы американской ПРО THAAD, нацеленные не столько на КНДР, сколько на КНР. Кроме того, Южная Корея хочет, чтобы Китай, единственный союзник Пхеньяна, играл активную роль в подталкивании Северной Кореи к денуклеаризации.

Действия США

Некоторым казалось, что курс на жесткое противостояние сверхдержав уйдет вместе с Д. Трампом, в то время как Дж. Байден, который обещал заняться «восстановлением альянсов», начнет дру-

жить с Китаем хотя бы ради организации совместного давления на КНДР. Однако на данный момент от перемены президентов курс на противостояние не изменился.

Давление Соединенных Штатов на Республику Корея осуществляется по нескольким направлениям, каждое из которых стоит разобрать отдельно.

Присоединение к антикитайским санкциям в экономической сфере происходит за счет попыток включить Сеул в ряд проектов, главным из которых является «Сеть экономического процветания» (англ. — *Economic prosperity net, EPN*). Теоретически *EPN* состоит из стран-единомышленников, компаний и гражданских обществ, которые будут действовать в рамках демократических ценностей. Де-факто она нацелена на изоляцию Китая.

Другой проект — «Чистая сеть», направленная на отказ от китайского программного обеспечения (ПО) и утилит, поскольку предполагается, что все они тайно «шпионят на КПК». Это касается и популярных китайских приложений *TikTok* и *WeChat*, и китайского оборудования от компании *Huawei* [США усиливают давление...].

При этом РК должна сама принять решение о дальнейшем использовании *TikTok* и *WeChat*. Соединенные Штаты «не просят, а призывают» своих союзников разорвать свои связи с Китаем [Byun Duk-kun].

Кроме кнута есть и пряник. Еще в декабре 2019 г. госсекретарь США М.Помпео писал, что *Samsung* является законной заменой китайским компаниям [Lee Haye-ah. Pompeo cites...].

В итоге РК старается вводить какие-то санкции, но объясняет их «внутренними» причинами. Так, 15 июля 2020 г. *TikTok* был оштрафован на 186 млн вон за неправильное управление данными пользователей [В РК *TikTok*...]. 20 августа 2020 г. торговая комиссия Южной Кореи продлила на пять лет антидемпинговые тарифы на фармерскую продукцию из Китая и Малайзии [S. Korea to extend...].

Расширение военного присутствия

Неожиданная замена ракет-перехватчиков THAAD [Станет ли Южная Корея прибежищем...] породила предположения о том, что

от Сеула требуют превращения ракетной батареи в работающую систему ПРО, в ответ на что официальный представитель КНР Чжао Лицзянь призвал американскую сторону не делать ничего, что ущемляло бы интересы Китая.

Специальный посланник президента по контролю над вооружениями М. Биллингсли отмечал, что «Соединенные Штаты помогут Южной Корее... но то, какие оборонные возможности будут разработаны и развернуты в Южной Корее, будет полностью зависеть от Сеула» [U.S. will support S. Korea's...].

Рассмотрим под данным углом американо-южнокорейское соглашение о совместных расходах на войска США в РК. Администрация Дж. Байдена отказалась от завышенных требований, которые предлагал Д. Трамп, и подписала соглашение на срок до 2025 г., однако южнокорейская доля каждый год должна расти примерно на 4–5 %, будучи связанной с общим ростом оборонного бюджета. Кроме того, утверждается, что повышение денежных расходов Сеул «обменял» на закупку американской техники или более активное участие РК в военном сотрудничестве.

Участие в Quad

Правительство США намерено включить Корею в расширенную версию четырехстороннего диалога по вопросам безопасности (Quad) — стратегического форума, который США хотят превратить в азиатскую версию НАТО, пригласив туда Южную Корею, Новую Зеландию и Вьетнам. Проект носит название Quad Plus.

Здесь РК осторожничает. Так, 25 сентября 2020 г. ее министр иностранных дел Кан Ген Хва негативно отреагировала на идею вступления в Quad, заявив, что не стоит закрываться от других стран: «Мы не думаем, что нечто, автоматически закрывающее и исключающее интересы других, является хорошей идеей» [FM reacts negatively...].

13 ноября 2020 г. заместитель директора Управления национальной безопасности РК Со Чжу Сок заявил, что Южная Корея не получала официального приглашения от Соединенных Штатов присоединиться к Quad [No formal request...].

8 марта 2021 г. член президентской консультативной группы Хван Чжи Хван заявил, что Южная Корея, вероятно, «рассматривает возможность присоединения к Quad в попытке повлиять на политику США в отношении Северной Кореи» [S. Korea considers joining...]. Таким образом, Сеул пытается влиять на процесс пересмотра политики администрации Байдена.

10 марта 2021 г. южнокорейский «Голубой дом» заявил, что РК рассмотрит вопрос о присоединении к Quad «прозрачным, открытым и инклюзивным» образом [S. Korea open to...]. При этом он снова не проинформировал, был ли официальный запрос на участие Южной Кореи в Quad.

Когда Южную Корею одновременно посетили госсекретарь Т. Блинкен и министр обороны США Л. Остин, американской стороной предпринимались активные попытки «пристегнуть» Сеул и Токио к ее планам безопасности, но в совместных заявлениях тема так и не прозвучала.

Действия КНР

Пекин тоже старается перетянуть Сеул на свою сторону, в основном путем инструментария «мягкой силы» и экономического сотрудничества. Как и Вашингтон он стремится включить РК в ведомые им экономические структуры. Однако на политическом фронте его требования относятся, скорее, не к присоединению РК к антиамериканским структурам, а к более независимой от США политике.

В 2020 г. РК дважды посещали высокопоставленные китайские чиновники. 21 августа в Пусан прибыл председатель Центральной комиссии КПК по иностранным делам Ян Цзечи, а с 25 по 27 ноября 2020 г. в Сеуле побывал министр иностранных дел Китая Ван И.

Обсуждались разные темы, но оба визита обошлись без итоговой декларации. Осталось в тайне и «особое устное послание» председателя КНР Си Цзиньпина, которое Ван И передал южнокорейскому лидеру во время визита вежливости. Зато китайская сторона активно подталкивала РК к выбору более самостоятельной политики. Как отметил Ван И во время встречи со спикером Национального собра-

ния Пак Пен Соком, «Юг и Север (Кореи) действительно являются настоящими хозяевами Корейского полуострова», и добавил: «как важный сосед, Китай будет продолжать играть конструктивную роль» [Chinese FM meets...].

4 июня 2020 г. посол КНР в Южной Корее Син Хаймин встретился с председателем *SK Group* и призвал другие корейские компании активно расширять свои инвестиции в Китай [Chinese ambassador meets...].

27 сентября 2020 г. Син Хаймин призвал Южную Корею присоединиться к Пекинской глобальной инициативе по обеспечению безопасности данных — в противовес американскому проекту «Чистая сеть». Посол отметил, что введение чрезмерных санкций США в отношении китайских ИТ-предприятий противоречит рыночным принципам и международным правилам [Song Sang-ho].

18 ноября 2020 г. Син Хаймин назвал южнокорейско-китайские отношения «сообществом, сплоченным общей судьбой» и предостерег от «односторонних действий» [Китай будет сотрудничать...]. «История доказала и будет продолжать доказывать, что дружественные отношения возобладают над актом передачи несчастья другим; взаимовыгодное сотрудничество определенно вытеснит игру с нулевой суммой; и многосторонность определенно победит» [Китай будет сотрудничать...].

В ноябре 2020 г. на полях 37-го виртуального саммита АСЕАН Южная Корея подписала соглашение о свободной торговле Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП, RCEP). По данным Корейского института международной экономической политики (KIEP), запуск RCEP увеличит экономический рост Кореи на 0,41 % — до 0,51 % в течение следующих 10 лет.

Во время визита китайского министра иностранных дел Ван И в Сеул 25—27 ноября 2020 г. «две страны продемонстрировали некоторые различия в приоритетах двусторонних отношений» [Do Je-hae. Wang Yi...]. Южнокорейская сторона подчеркивала «важность сотрудничества в интересах регионального мира», в которое была включена как кооперация в области здравоохранения или создание дорожной карты для углубления двусторонних связей по случаю 30-летия двусторонних отношений в 2022 г., так и попытки улуч-

шить межкорейские связи и реанимировать переговоры между США и Северной Кореей при помощи Пекина. Пекин же выделил экономические и торговые приоритеты, в том числе ускорение переговоров по соглашению о свободной торговле между Кореей, Китаем и Японией, которые начались в 2012 г.

2 февраля 2021 г. Син Хаймин выразил надежду Китая на то, что «Южная Корея будет уважать позицию Китая по вопросам Тайваня и Гонконга» [Ambassador Xing calls...].

5 февраля 2021 г. в совместном интервью газетам *The Times* и *Hankook Ilbo* Син Хаймин «прошелся» по Quad: «Китай считает, что формирование небольшой группы на международном уровне или разжигание новой холодной войны в попытке исключить, запугать и изолировать третью страну, а также разрыв ее связей с другими странами неизбежно приведет мир к расколу и конфронтации» [Yi Whan-woo].

Реакция Сеула

Теперь о том, как такая ситуация воспринимается в РК. Большинство дипломатов и экспертов хорошо видят все неприятности будущего выбора, хотя то, что союз Южной Кореи с США является краеугольным камнем национальной дипломатии, сомнению не подвергается. Положение Сеула часто сравнивают с хождением по канату, говорят про экзистенциальный выбор или то, что ситуация чревата новой холодной войной, влезать в которую РК крайне нежелательно.

Кроме того, если в правление Трампа с его экстравагантными методами проявлять непослушание было можно (и это частично поддерживалось антитрампистскими силами в Соединенных Штатах), то с приходом Байдена тематика высказываний из США сузилась, ведь, «согласно официальной версии», Трамп чуть не развалил южнокорейско-американский альянс своими непомерными требованиями, а Байден стремится его восстановить.

При Трампе можно было хотя бы фрондировать. Так, 3 июня 2020 г. посол Южной Кореи в Соединенных Штатах Ли Су Хек зая-

вил, что благодаря возросшему статусу РК его страна «может выбирать между США и Китаем, а не вынуждена выбирать» [Lee Haye-ah. S. Korea can now 'choose'...]. Более того, Ли Су Хек отметил: «то, что Южная Корея выбрала США 70 лет назад, не означает, что она должна выбрать США и в течение следующих 70 лет».

Разумеется, эксперты РК пытаются найти стратегию, позволяющую угодить «и нашим, и вашим» или выйти с наименьшими потерями. Но сказать «нам нужна новая стратегия» куда проще, чем описать ее без использования общих слов и ответить не только на вопрос «что делать», но и на вопрос «как сделать».

Вариантов выхода описывается несколько. Первая точка зрения сводится к тому, что президенту РК Мун Чжэ Ину давно пора перестать заигрывать с Китаем, но полностью поддержать своего стратегического союзника — США, который поможет преодолеть определенный риск, связанный с реакцией Пекина. Потому Сеулу необходимо быстро активизировать трехстороннее сотрудничество с Соединенными Штатами и Японией и отреагировать на предложение Вашингтона расширить Quad.

Вторая, малораспространенная точка зрения гласит, что Сеулу надо укреплять альянс с Америкой и даже войти туда раньше, чем его официально пригласят, но сделать это для того, чтобы в рамках будущего сотрудничества иметь определенную свободу рук, в том числе и по северокорейскому вопросу.

Третья точка зрения заключается в том, что Сеул должен грамотно лавировать, поддерживая контакты как с Пекином, так и с Вашингтоном и даже (хотя эту точку зрения разделяет меньшинство) выступить в качестве посредника. Так, Юн Ен Гван, занимавший пост министра иностранных дел и торговли при администрации Но Му Хена, считает, что эскалация между Соединенными Штатами и Китаем потребует от Кореи подготовки новых дипломатических и экономических стратегий [Do Je-hae. Korea urged to prepare...].

Однако все эти предположения не отвечают на вопрос о том, «кто именно должен повесить колокольчик на кошку», то есть, как именно Южная Корея должна проводить указанную политику. Рекомендаций нет — одни общие слова.

Отдельно обратим внимание на позицию специального советника президента РК по вопросам безопасности Мун Чжон Ина, который считается наиболее левым представителем администрации. Мун Чжон Ин неоднократно указывал, что союз Южной Кореи с Соединенными Штатами важнее ее стратегического партнерства с Китаем, но противостояние Пекину приведет к началу новой холодной войны на Корейском полуострове. По его мнению, участие Южной Кореи в многостороннем военном союзе в Индо-Тихоокеанском регионе может дестабилизировать ситуацию, поскольку Китай будет относиться к Сеулу как к врагу. США развернут в Южной Корее дополнительные батареи THAAD и баллистические ракеты средней дальности, нацеленные на Китай, и на РК будут наведены китайские ракеты «Дунфэн». А стремление США сформировать региональную коалицию против Китая может вызвать ответную реакцию Пекина в виде создания альянса с Россией и Северной Кореей [Seoul's participation in 'Quad'...].

27 ноября Мун Чжон Ин отметил, что Южная Корея должна работать вместе с Австралией, Канадой и Японией над формированием «региональных экономических рамок» или «рамок безопасности», чтобы создать новый порядок, свободный от бремени выбора сторон между Соединенными Штатами и Китаем [Kim Seung-yeon].

То, как Южная Корея пытается отсрочить неприятный момент выбора или стремится «одновременно дружить со всеми», хорошо показала ситуация весны 2021 г., когда практически одновременно министр иностранных дел Чон Ый Ен ездил в Китай встречаться с Ван И, а советник по национальной безопасности Со Хун общался с визави из Японии и США.

Заключение

Подводя итоги, можно отметить, что с формальной точки зрения Южная Корея еще не определилась с выбором стороны-партнера, однако в перспективе примыкание Сеула к американским проектам неминуемо. В 2016 г. мы могли наблюдать, какие неприятности может устроить Сеул Пекин в ответ на размещение на территории

Кореи ТНААД, но у Вашингтона в этом смысле гораздо больше возможностей.

То, что этого не произошло до сих пор, связано, с одной стороны, с опасениями Сеула относительно возможных жестких санкций со стороны Китая, а с другой — с популистским образом Мун Чжэ Ина как независимого политика. В этом контексте Муну нежелательно принимать меры, которые будут вредить его публичному имиджу, если на то не будет явного оправдания в виде, скажем, северокорейских провокаций. Кроме того, статус «хромой утки», от которой в будущем уже ничего не зависит, позволяет Муну тянуть время. Процесс формирования антикитайского союза в любом случае займет время, но его завершающий этап может настать уже в 2022 г., и тогда тяжесть неприятного выбора падет на преемника Муна, а он сохранит свой образ незапятнанным.

Что же касается методов, которые используют Пекин и Вашингтон, то и КНР, и США пытаются вовлечь Республику Корея в экономические программы соответствующей направленности. А в плане политического влияния обе стороны понимают, что союзником США Южная Корея быть не перестанет, однако Вашингтон, грубо говоря, старается «уокоротить поводок», а Пекин, напротив — удлинить, упирая на то, что РК является самостоятельным государством и имеет право выбора. При этом обе стороны пока не перешли к откровенному давлению на Сеул.

Библиографический список

Асмолов К. Станет ли Южная Корея прибежищем американских ракет средней дальности? // Новое восточное обозрение. 19.06.2020. URL: <https://ru.journal-neo.org/2020/06/19/stanet-li-yuzhnaya-koreya-pribezhishhem-amerikanskih-raket-srednej-dal-nosti/> (дата обращения: 17.04.2021).

В РК TikTok оштрафован за нарушение правил конфиденциальности // Международное радио Кореи. 15.07.2020. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=62440 (дата обращения: 17.04.2021).

Китай будет сотрудничать с РК в построении многосторонности // Международное радио Кореи. 2020-11-19. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=63879 (дата обращения: 17.04.2021).

США усиливают давление на РК по сотрудничеству с Huawei // Международное радио Кореи. 2020-10-21. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=63532 (дата обращения: 17.04.2021).

Ambassador Xing calls for S. Korea to respect China's position on Taiwan, Hong Kong // Yonhap News. February 02, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN2021020006700325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Byun Duk-kun. U.S. wants allies to call out 'bad behavior' from China: Knapper // Yonhap News. December 02, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201202000300325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Chinese ambassador meets with SK Group chief // Yonhap News. June 04, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200604010100325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Chinese FM meets parliamentary leader, says Koreas should control their peninsula's 'fate' // Yonhap News. November 27, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201127005400315?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Do Je-hae. Korea urged to prepare post-pandemic paradigm // The Korea times. 2020-05-26. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/05/356_290168.html (accessed: 17.04.2021).

Do Je-hae. Wang Yi's visit highlights differences in Korea, China's priorities // The Korea times. 2020-11-30. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/11/356_300154.html (accessed: 17 April, 2021).

FM reacts negatively about joining U.S.-led 'Quad' alliance // Yonhap News. September 25, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200925008900325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Kim Seung-yeon. Moon's adviser calls for S. Korea to break away from 'U.S. or China' framework // Yonhap News. November 27, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201127005200325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Lee Haye-ah. Pompeo cites 3 S. Korean companies in case against Huawei // Yonhap News. June 25, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200625000200325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Lee Haye-ah. S. Korea can now 'choose' between U.S., China: ambassador // Yonhap News. June 04, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200604000300325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Lee Seong-hyon. New US-China Cold War // The Korea times. 2020-05-26. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2020/05/674_290136.html (accessed: 17.04.2021).

No formal request from U.S. over 'Quad' coalition, Cheong Wa Dae official says // Yonhap News. November 13, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201113006800315?section=news> (accessed: 17.04.2021).

S. Korea considers joining Quad Plus to steer U.S. toward talks with N. Korea: policy adviser // *Yonhap News*. 12 March 09, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210309000300325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

S. Korea open to considering Quad membership, Cheong Wa Dae says // *Yonhap News*. March 10, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210310008600315?section=news> (accessed: 17.04.2021).

S. Korea to extend anti-dumping tariffs on Chinese, Malaysian plywood // *Yonhap News*. August 20, 2020 URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200820006600320?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Seoul's participation in 'Quad' will antagonize China: Moon's advisor // *The Korea times*. 2020-10-28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/10/120_298350.html (accessed: 17.04.2021).

Song Sang-ho. Chinese ambassador calls for South Korea to join Beijing's data security initiative (*Yonhap Interview*) // *Yonhap News*. September 27, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200924007400325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

U.S. will support S. Korea's missile defense but decision is up to Seoul: U.S. diplomat // *Yonhap News*. September 26, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200926000351325?section=news> (accessed: 17.04.2021).

Yi Whan-woo. Chinese envoy says 'anti-China' grouping will cause confrontation (Interview) // *The Korea times*. 2021-02-08. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/02/176_303752.html (accessed: 17.04.2021).

References

Ambassador Xing calls for S. Korea to respect China's position on Taiwan, Hong Kong, *Yonhap News*, February 02, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210202006700325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Asmolov, Konstantin (2020). Stanet li Yuzhnaya Koreya pribezhishchem amerikanskikh raket sredney dal'nosti? [Will South Korea become a home for US medium-range missiles?], *Novoe vostochnoe obozrenie* [New Eastern Outlook], 19.06.2020. URL: <https://ru.journal-neo.org/2020/06/19/stanet-li-yuzhnaya-koreya-pribezhishchem-amerikanskikh-raket-srednej-dal-nosti/> (accessed: 17 April, 2021). (In Russian).

Byun Duk-kun (2020). U.S. wants allies to call out 'bad behavior' from China: Knapper, *Yonhap News*, December, 02. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201202000300325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Chinese ambassador meets with SK Group chief, *Yonhap News*, June 04, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200604010100325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Chinese FM meets parliamentary leader, says Koreas should control their peninsula's 'fate', *Yonhap News*, November 27, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201127005400315?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Do Je-hae (2020). Korea urged to prepare post-pandemic paradigm, *The Korea times*, 2020-05-26. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/05/356_290168.html (accessed: 17 April, 2021).

Do Je-hae (2020). Wang Yi's visit highlights differences in Korea, China's priorities, *The Korea times*, 2020-11-30. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/11/356_300154.html (accessed: 17 April, 2021).

FM reacts negatively about joining U.S.-led 'Quad' alliance, *Yonhap News*, September 25, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200925008900325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Kim Seung-yeon (2020). Moon's adviser calls for S. Korea to break away from 'U.S. or China' framework, *Yonhap News*, November 27. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201127005200325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Kitay budet sotrudnichat' s RK v postroyenii mnogostoronnosti [China will cooperate with ROK in building multilateralism], *KBS World Radio*, 2020-11-19. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=63879 (accessed: 17 April, 2021). (In Russian).

Lee Haye-ah (2020). Pompeo cites 3 S. Korean companies in case against Huawei, *Yonhap News*, June 25. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200625000200325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Lee Haye-ah (2020). S. Korea can now 'choose' between U.S., China: ambassador, *Yonhap News*, June 04. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200604000300325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Lee Seong-hyon (2020). New US-China Cold War, *The Korea times*, 2020-05-26. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/opinion/2020/05/674_290136.html (accessed: 17 April, 2021).

No formal request from U.S. over 'Quad' coalition, Cheong Wa Dae official says, *Yonhap News*, November 13, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20201113006800315?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

S. Korea considers joining Quad Plus to steer U.S. toward talks with N. Korea: policy adviser, *Yonhap News*, March 09, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210309000300325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

S. Korea open to considering Quad membership, Cheong Wa Dae says, *Yonhap News*, March 10, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210310008600315?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

S. Korea to extend anti-dumping tariffs on Chinese, Malaysian plywood, *Yonhap News*, August 20, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200820006600320?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

Seoul's participation in 'Quad' will antagonize China: Moon's advisor, *The Korea times*, 2020-10-28. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/10/120_298350.html (accessed: 17 April, 2021).

Song Sang-ho (2020). Chinese ambassador calls for South Korea to join Beijing's data security initiative, *Yonhap News*, September 27. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20200924007400325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

SSHA usilivayut davleniye na RK po sotrudnichestvu s Huawei [US increases pressure on Kazakhstan to cooperate with Huawei], *KBS World Radio*, 2020-10-21. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=63532 (accessed: 17 April, 2021). (In Russian).

U.S. will support S. Korea's missile defense but decision is up to Seoul: U.S. diplomat, *Yonhap News*, September 26, 2020. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN200926000351325?section=news> (accessed: 17 April, 2021).

V RK TikTok oshtrafovyan za narusheniye pravil konfidentsial'nosti [In the Republic of Korea, TikTok was fined for violating the rules of confidentiality], *KBS World Radio*, 2020-07-15. URL: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=62440 (accessed: 17 April, 2021). (In Russian).

Yi Whan-woo (2021). Chinese envoy says 'anti-China' grouping will cause confrontation (Interview), *The Korea times*, 2021-02-08. URL: https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2021/02/176_303752.html (accessed: 17 April, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-242-255

Ю.В. Кулинцев

СТРАТЕГИЯ «ДВОЙНОЙ ЦИРКУЛЯЦИИ» И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Аннотация. В статье дается характеристика основных компонентов новой китайской стратегии «двойной циркуляции», анализируются стратегические причины ее выдвижения, а также рассматриваются политические возможности и экономические вызовы для двустороннего российско-китайского сотрудничества, обусловленные переориентацией китайской модели экономики на внутреннее потребление.

С момента начала торговой войны между Китаем и США геополитическая ситуация в мире ухудшилась. Международная конъюнктура стала складываться по «агрессивному» сценарию в отношении экономического развития Китая, затруднив доступ китайских компаний в ключевые сектора экономик ряда стран, опасающихся усиления международных позиций Пекина в политической и экономической сферах.

Заявленные амбиции Китая стать мировым лидером в передовых технологиях, а также его стремление сделать собственную экономику более устойчивой к внешним воздействиям стали основными факторами, которые побудили китайское руководство скорректировать стратегию экономического развития страны. Стратегия

«двойной циркуляции» подразумевает смещение основного драйвера устойчивого роста Китая с глобальной интеграции к большей опоре на внутренний рынок.

Без корректировки действующей модели экономики Россия не сможет преодолеть технологическое отставание в развитии основных отраслей производства. Существующая структура товарооборота с Китаем ведет к превращению России в сырьевой придаток высокотехнологичной экономики КНР.

Усилия Китая по реализации стратегии «двойной циркуляции» следует рассматривать в контексте его более масштабных планов по снижению торгово-экономической и технологической зависимости КНР от стран Запада и мировых производственных цепочек.

Выдвижение стратегии «двойной циркуляции» означает, что у политического руководства Китая уже не осталось сомнений в том, что США не пойдут на уступки и добровольно не откажутся от лидирующих позиций в мире. Стратегия «двойной циркуляции» является своевременной реакцией Пекина на изменившуюся ситуацию в мире и подтверждением его выбора проактивной позиции, которая позволяет упраждать развитие событий на международной арене и задавать вектор будущих глобальных геополитических изменений.

Ключевые слова: «двойная циркуляция», Россия, Китай, национальные интересы, международная конфронтация, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), geopolитика.

Автор: Кулинцев Юрий Викторович, научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

Yu. V. Kulintsev

“Dual circulation” strategy and its influence on Russian-Chinese relations

Abstract. The article describes the main components of the new Chinese strategy of “dual circulation”, analyzes geopolitical reasons for its initiation, and examines political opportunities and economic challenges for bilateral Russian-Chinese cooperation caused by the reorientation of the Chinese economic model towards domestic consumption.

Since the beginning of the trade war between China and the United States, the geopolitical situation in the world has deteriorated. The international environment has become more aggressive towards China's economic development, making it difficult for Chinese companies to enter

key economic sectors of countries which fear the strengthening of Beijing's international positions in the political and economic spheres.

China's declared ambitions to become a world leader in advanced technologies, as well as its strive to make its own economy more resilient to external influences, became the main factors that prompted China's leadership to adjust the country's economic development strategy. The "dual circulation" strategy implies a shift in the main driver of China's sustainable development from global integration to a greater reliance on its domestic market.

Without adjusting the current model of the economy, Russia will not be able to overcome the technological lag in the development of its main industries. The existing structure of trade with China leads to the transformation of Russia into a raw material appendage of China's high-tech economy.

China's efforts to implement the "dual circulation" strategy should be regarded in the context of its more large-scale plans to reduce China's trade, economic and technological dependence on Western countries and global production chains.

The promotion of the "dual circulation" strategy means that the political leadership of China has no doubts that the United States will not make concessions and will not voluntarily give up its leading position in the world. The "dual circulation" strategy is Beijing's timely response to the changed situation in the world and confirmation of its choice of a proactive stance, which allows to anticipate developments in the international arena and set the vector of future global geopolitical changes.

Keywords: "dual circulation", Russia, China, national interests, international confrontation, Belt and Road Initiative (BRI), geopolitics.

Author: Yury V. KULINTSEV, Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: kulintsev.y@ifes-ras.ru

КНР в очередной раз предоставила международным экспертам новый аналитический повод, анонсировав свою стратегию «двойной циркуляции» и включив ее в план развития страны на период по 2025 г. Наряду с программой «Сделано в Китае 2025» и инициативой «Пояс и путь», стратегия «двойной циркуляции» сразу же стала объектом исследований политологов и экономистов по всему миру.

С начала «торговой войны» между КНР и США отношения Пекина с «коллективным Западом» и некоторыми развивающимися

странами продолжали оставаться напряженными. За время пандемии международная геополитическая ситуация ухудшилась из-за внешнеполитических позиций, которые КНР и США заняли по отношению друг к другу. В результате международная конъюнктура стала складываться по «агрессивному» сценарию в отношении экономического развития Китая, затруднив доступ китайских компаний в ключевые сектора экономик ряда стран, опасающихся усиления международных позиций Пекина в политической и экономической сферах.

Заявленные амбиции Китая стать мировым лидером в передовых технологиях, а также его стремление сделать собственную экономику более устойчивой к внешним воздействиям стали основными факторами, которые побудили китайское руководство скорректировать стратегию экономического развития страны.

На официальном уровне новая модель развития получила название стратегии «двойной циркуляции». Она впервые была озвучена 14 мая 2020 г. в ходе заседания Политбюро ЦК КПК [Чжунгун...], на котором Си Цзиньпин заявил о «необходимости использовать преимущества огромного внутреннего рынка Китая и потенциала его внутреннего спроса для установления новых форматов развития — внутренней и международной двойной циркуляции, которые дополняли бы друг друга» (приводится по [Five Things...]). В переводе с бюрократического языка это означает, что новая модель экономического развития Китая будет фокусироваться на увеличении внутреннего потребления при одновременной ориентации на привлечение зарубежных инвестиций и стабилизацию международной торговли. В долгосрочной перспективе данная стратегия нацелена на устранение зависимости китайской экономики от зарубежных рынков и технологий.

С точки зрения построения теоретических моделей, интеллектуальным предшественником идеи «двойной циркуляции» является экономическая модель, применяемая со времен политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина. Для описания данной модели в 1988 г. китайский исследователь Ван Цянь (Wang Jian) ввел в оборот термин «международная циркуляция», описав экспортно-ориентированную модель экономического роста, позволяющую Китаю использовать

преимущества дешевой рабочей силы в глобальных производственных цепочках [Yu Yongding]. Вплоть до начала XXI в. данный подход был одним из приоритетных в деле планирования экономики Китая. Затем ситуация стала меняться. Глобальный финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. показал уязвимость экспортно-ориентированных моделей развития, подтолкнув правительство Китая к мысли о необходимости ребалансировки применяемых методов экономического роста, в том числе и за счет повышения внутреннего спроса и потребления. Таким образом, были сформированы предпосылки для начала разработки новых моделей роста, одна из которых позднее получила название «внутренней циркуляции».

В средствах массовой информации стран Азии отмечается, что автором стратегии «двойной циркуляции» является вице-премьер Госсовета КНР Лю Хэ — главный экономический советник и один из ближайших доверенных лиц председателя КНР Си Цзиньпина, который, кроме прочего, представляет Китай в торговых переговорах с США [What China's...]. Лю Хэ проявил себя как блестящий экономист, еще работая вместе с премьером Вэнь Цзябао над программой восстановления китайской экономики после мирового кризиса 2008 г.

К середине своего второго срока нахождения на посту главы государства Си Цзиньпин стал переориентировать развитие Китая с инвестиций в сухопутную и морскую зарубежную инфраструктуру на достижение внутренней технологической самодостаточности. Тем самым КНР демонстрировала способность использовать накопленные государственные и частные ресурсы для изменения ее позиций на глобальном уровне.

Стратегия «двойной циркуляции» предполагает, что в среднесрочной перспективе приоритет будет отдаваться «внутреннему контуру» над «внешним». Это означает, что Китай намерен в большей степени ориентироваться на внутреннее развитие и в первую очередь — на достижение большего уровня независимости в стратегических секторах экономики, что требует проведения крупных структурных реформ и инвестиций. Основными целями названной стратегии являются стимулирование покупательной активности китайского среднего класса и на государственном уровне — наращива-

ние инновационных усилий для внедрения в жизнь новых технологических решений.

Содержание стратегии «двойной циркуляции» в официальных документах Китая пока не конкретизируется. Для определения плановых количественных показателей, заложенных в стратегию «двойной циркуляции», ученые вынуждены довольствоваться лишь косвенными отсылками к 14-му пятилетнему Плану экономического развития страны на 2021–2025 годы, принятому на прошедшей в марте 2021 г. сессии ВСНП [Чжунхуа...].

В новом 5-летнем Плане акцент сделан на изменение качества экономического развития, однако традиционная преемственность с предыдущим общим социально-политическим и экономическим вектором развития КНР в Плане сохранена. Наиболее значительные отличия нового Плана обусловлены изменившейся международной конъюнктурой и той новой ролью, которую Китай видит для себя в меняющемся мире. Анализ материалов указанной сессии ВСНП позволяет выделить ряд конкретных показателей, на достижение которых в ближайшие пять лет будет ориентироваться Китай при реализации стратегии «двойной циркуляции».

Во-первых, правительство КНР постарается снизить вероятность возникновения условий для образования «пузырей» в экономике, в связи с чем в плане впервые не были указаны ежегодные целевые показатели по росту экономики. Нестабильная геополитическая и экономическая ситуация в мире, которая усугубляется сохранением сложной эпидемиологической обстановки, не позволяют осуществлять долгосрочное планирование количественных показателей. Кроме того, отсутствие конкретных количественных целей по росту ВВП предоставляет региональным властям определенную свободу маневра, повышая их экономическую эффективность. Это также позволяет нейтрализовать опасную тенденцию прошлых лет, когда в Пекин передавались искусственно завышенные отчетные данные, либо росла задолженность местных правительств по реализации инфраструктурных проектов — не всегда рентабельных или социально обоснованных. Это создавало угрозу невозврата инвестиций и затрудняло обслуживание выделенных заемных средств, но позволяло достичь плановых показателей ВВП.

Второй приоритет, ориентированный на развитие «внутренней циркуляции», подразумевает реальное улучшение уровня жизни населения, а именно — установление 65-процентного целевого показателя для доли граждан Китая, которые будут проживать в городах. Согласно плану новой «пятилетки», к 2025 г. доля городского населения КНР по сравнению с 2019 г., когда этот показатель равнялся 60 %, должна увеличиться на 5 % — до 50 млн человек. Реализация данного приоритета повлечет за собой кумулятивный эффект, поскольку местным городским властям будет необходимо расширять городскую инфраструктуру, реструктуризовать городские социальные службы, создавать дополнительные рабочие места. Особое внимание в данном контексте центральное правительство КНР уделяет поддержанию социальной стабильности. По расчетам китайских чиновников, утвержденным в Плане пятилетки, показатель безработицы по стране в период с 2021 по 2025 гг. не должен быть выше 5,5 %, что считается достижимым, если в стране будет создано 11 млн новых рабочих мест [Что означает...].

Третий ориентир стратегии «двойной циркуляции» касается поддержания экономической стабильности и недопущения внутренних финансовых кризисов. Принятые в «пандемийном» 2020 г. стимулирующие меры (увеличение дефицита бюджета до 3,6 % ВВП, выпуск специальных казначейских обязательств и облигаций местных правительств, смягчение налоговых обязательств) показали свою эффективность, но они будут лишь частично сохранены до 2025 г. Их отмена будет происходить постепенно, чтобы поддерживать необходимый уровень занятости населения, стабильность в финансовом секторе и в международной торговле, а также обеспечивать продовольственную и энергетическую безопасность, не допуская разрыва приоритетных цепочек производства и поставок продукции китайской промышленности.

При этом лидер Китая Си Цзиньпин в ноябре 2020 г. заявил о планах увеличения ВВП страны в два раза к 2035 г. Это означает, что в ближайшие полтора десятилетия Китай должен демонстрировать среднегодовой прирост ВВП около 4,7 % [Мануков]. Важным посылом для производителей является то, что этот рост будет обеспечиваться не за счет наращивания госдолга КНР, а за счет «внутренней

циркуляции» — развития внутреннего потребления, внутреннего рынка Китая. Именно поэтому правительство КНР пристально следит за объемом внутреннего долга страны, не позволяя ему превышать ВВП более чем в 2,5—2,7 раза.

Новая модель экономического развития Китая выглядит последовательным и выверенным решением политического руководства, которое было принято в период экономической нестабильности в мире. Стратегия «двойной циркуляции» позволяет повысить способность китайской экономики к восстановлению в условиях глобальной экономической волатильности и наблюдаемого отказа от глобализации со стороны стран Запада.

Одной из ключевых характеристик стратегии «двойной циркуляции», позволяющей снизить уязвимость китайской экономики от внешних факторов, является учет как сильных, так и слабых сторон китайской экономики. Акцент на преимуществах и консолидация усилий на устранение недостатков позволяют повысить экономическую устойчивость Китая. Расширение внутреннего спроса, стимулирование китайских производителей на его удовлетворение, совершенствование ассортимента продукции, ориентированной в большей степени на внутренний рынок, чем на внешний, — все эти меры в совокупности позволяют снизить зависимость Китая от внешних факторов в ключевых сферах экономики, включая энергетический, технологический и продовольственный сектор.

В период общественных дискуссий китайские политические аналитики рассматривали различные концепции новой экономической модели развития. Отдельные эксперты выступали за фокус в ее реализации на «международной циркуляции» в качестве основного пути реформирования китайской экономики, в то время как другие отстаивали позицию, что в долгосрочной перспективе в интересах Китая будет частичный выход из отдельных секторов глобальной экономики при одновременном их развитии внутри страны. В итоге был одобрен комбинированный подход, принципы реализации которого предложил один из ведущих советников китайского правительства по вопросам экономики и финансов — бывший советник главы Народного банка Китая (ЦБ КНР) профессор Юй Юндин [Юй Юндин]. По его мнению, Китаю необходимо сместить прежний фокус с эко-

номики услуг на большее вовлечение в высокотехнологичное производство и создание цепочек с высокой добавленной стоимостью на внутреннем рынке. Это означает значительно больший акцент на промышленной политике, включая реализацию программы «Сделано в Китае 2025». В предыдущие годы правительство Китая уделяло большое внимание развитию экспорта, поскольку считалось, что такая модель экономики является наиболее эффективной. В складывающихся новых условиях необходимо задействовать больше внутренних ресурсов для продвижения модели импортозамещения, отражением которой является стратегия «двойной циркуляции».

Западные аналитики отмечают, что если данная стратегия Китая будет успешно воплощена в жизнь, то она окажет значительное влияние на мировую экономику. Несмотря на заявления китайских политических лидеров и экспертов о том, что стратегия «двойной циркуляции» не означает кардинального разворота от глобальной экономической интеграции или отказа от ориентации на спрос на внешних рынках, в странах Запада опасаются, что даже незначительное смещение фокуса Китая с экспортноориентированной модели экономического развития может фундаментальным образом изменить мировую торговлю и инвестиционные потоки [Blanchette, Polk].

Не менее важные геополитические последствия для глобальной экономики могут повлечь и заявленные в рамках стратегии «двойной циркуляции» приоритеты Китая. Концентрация на высокотехнологичном производстве, а не на секторе услуг и потребления означает, что Китай будет бороться за будущие технологии и за лидирующие места в мировом рейтинге распределения доходов. В случае осуществления Пекином задуманных планов Китай составит серьезную конкурентную угрозу странам с развитой экономикой. За счет масштаба производства КНР может начать поглощать будущие новые сегменты мирового рынка, как он это уже сделал в сегменте производства солнечных батарей. На данный момент в Китае базируются восемь из десяти ведущих мировых поставщиков солнечной энергии, а три крупнейших китайских ветроэнергетических компаний в совокупности располагают самой большой долей ветроэнергетического рынка в мире [Международные тенденции...].

Применительно к российско-китайскому сотрудничеству внесенные Пекином корректировки в модель экономического развития в обязательном порядке должны учитываться российским руководством при выработке стратегии взаимодействия с ведущим азиатским партнером.

Если рассматривать политическую сферу сотрудничества, то здесь нет оснований ожидать каких-то значительных изменений в краткосрочной и среднесрочной перспективах. Москва и Пекин полностью удовлетворены состоянием дел в двусторонних отношениях и в реализации сотрудничества в многосторонних форматах. Главы МИД двух стран подтвердили готовность продлить срок действия базового Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. Министр иностранных дел Китая Ван И на первой «постпандемийной» очной встрече с российским коллегой С. Лавровым в китайском Гуйлинь (март 2021 г.) отметил, что «За последние двадцать лет Договор заложил прочную правовую основу для здорового, устойчивого развития российско-китайских отношений и способствовал их модернизации» (приводится по [Забродина]).

Совместная работа правительств двух стран по преодолению последствий пандемии COVID-19 была высоко оценена политическими лидерами России и Китая. Это стало подтверждением того, что оба государства смогли успешно пройти кризисный период, показав высокий уровень взаимного доверия. Это в свою очередь подтверждает искренность намерений Москвы и Пекина развивать долгосрочное и взаимовыгодное сотрудничество.

В нынешних реалиях международных отношений перед лицом коллективного Запада Россия и Китай выступают со схожих позиций, отстаивают главенствующую роль ООН в международных делах, призывают не допускать переписывания истории в угоду пришедшим к власти новым политическим силам.

Конфронтация со странами Запада, которая подталкивает Москву и Пекин к взаимному сближению, отражается на реализации экономических интересов России. В условиях жесткой санкционной риторики со стороны западного мира Москва вынуждена искать пути диверсификации экспорта энергоресурсов, которые продолжают оставаться основой российской экономики. Пекин для Москвы

превращается из геополитического партнера в ключевого торгово-экономического контрагента с высокой долей экспорта в Россию машин и оборудования. В структуре российского импорта в 2020 г. основная доля китайских поставок пришлась на машины, оборудование и транспортные средства, которые заняли 59 % от всего объема закупок России у Китая. Еще 11 % пришлось на текстиль и обувь, а 10,7 % — на продукцию химической промышленности. В российском товарообороте в 2020 г. Китай сохранил первое место, увеличив свою долю до 18 %. В 2019 г. доля Китая во внешнеторговом обороте России составляла 16,6 %, хотя в досанкционный период, например, в 2010—2013 гг. доля Китая в российской внешней торговле не превышала 11 % [Торговля между...].

Россия же во внешнеторговом обороте Китая не входит в десятку основных экономических партнеров. По итогам 2019 г. Россия с долей 2,6 % занимает лишь 11 место во внешнеторговом обороте КНР. При этом доминирующую часть российского экспорта составляют энергоресурсы, древесина и продукция с низкой добавленной стоимостью [Аналитическая справка...].

В экономическом плане Россия уже сейчас нуждается в Китае гораздо больше, чем Китай в России. Сохранение асимметрии экономического потенциала в долгосрочной перспективе может привести к значительным негативным последствиям для Москвы в двусторонних отношениях с Пекином. Без корректировки действующей экономической модели Россия не сможет преодолеть технологическое отставание в развитии основных отраслей производства. Существующая структура товарооборота с Китаем ведет к превращению России в сырьевой призрак высокотехнологичной экономики КНР.

Представляется не только целесообразным, но и необходимым, чтобы Москва более активно включалась в борьбу за сферы влияния в новом формирующемся миропорядке. Это возможно достичь за счет разработки и внедрения новых подходов, включая реорганизацию действующей модели и структуры экономики России наподобие того, как это делает Пекин.

Усилия Китая по реализации стратегии «двойной циркуляции» следует рассматривать в контексте его более масштабных планов по снижению торгово-экономической и технологической зависимости

КНР от стран Запада и мировых производственных цепочек. Выдвижение указанной модели развития означает, что политическое руководство Китая уже не сомневается в отказе США как идти на уступки, так и добровольно сдать лидирующие позиции в мире. Стратегия «двойной циркуляции» является своевременной реакцией Пекина на изменившуюся мировую ситуацию и подтверждением его выбора проактивной позиции, которая позволяет упреждать развитие событий на международной арене и задавать вектор будущих глобальных геополитических изменений.

Библиографический список

Аналитическая справка и статистические данные по внешней торговле России и Китая в 2019 г. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F-%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202019.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

Забродина Е. Россия и Китай продлили Договор о добрососедстве и дружбе на пять лет. 23.03.2021. URL: <https://rg.ru/2021/03/23/rossiya-i-kitaj-prodlili-dogovor-o-dobrososedstve-i-druzhbe-na-piat-let.html> (дата обращения: 20.05.2021).

Мануков С. Экономика Китая к 2035 г. удвоится, а к 2030 г. обойдет американскую. 01.03.2021. URL: <https://expert.ru/2021/03/1/kitay/> (дата обращения: 20.05.2021).

Международные тенденции в области возобновляемых источников энергии. 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/energy-resources/Russian/global-renewable-energy-trends.pdf> (дата обращения: 20.05.2021).

Торговля между Россией и Китаем в 2020 г. 13.02.2021. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2020-g/> (дата обращения: 20.05.2021).

Что означает новый пятилетний план для Китая? 13.03.2021. URL: <https://ria.ru/20210313/kitay-1601078363.html> (дата обращения: 20.05.2021).

Чжунгун чжунян чжэнчжицзюй чану вэйюаньхуэй чжаокайхуэй чжунгун чжунян цзуншузи си цзинь пин чжучи хуэй : [Заседание постоянного комитета Политбюро ЦК КПК под председательством Генерального секретаря КПК Си Цзиньпина]. 15.05.2020. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0515/c64094-31709627.html?mc_cid=28966ada58&mc_eid=902fe70bde (дата обращения: 20.05.2021). (На кит. яз.).

Чжунхуа жэньминь гүнхэгэй гоминь цзинцзи хэ шэхүй фачжань ди шисы гэ уньянь гүйхуа хэ 2035 нянь юаньцзин мубяо ганяо : [14-й пятилетний план экономического и социального развития КНР и основные цели на перспективу до 2035 года]. 13.03.2021. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (дата обращения: 20.05.2021). (На кит. яз.).

Юй Юндин. Цзэньян шисянь цун «гоцзи да сюньхуань» дао «шуван сюньхуань» дэ чжуаньбянь? : [Как осуществить переход от «международной циркуляции» к «двойной циркуляции»?]. 18.08.2020. URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2020-08-18/zl-iivhypwy1713127.shtml> (дата обращения: 20.05.2021). (На кит. яз.)

Blanchette J., Polk A. Dual Circulation and China's New Hedged Integration Strategy. 24.08.2020. URL: <https://www.csis.org/analysis/dual-circulation-and-chinas-new-hedged-integration-strategy> (accessed: 20.05.2021).

Five Things to Know About 'Dual Circulation'. 05.09.2020. URL: <https://www.caixinglobal.com/2020-09-05/five-things-to-know-about-dual-circulation-101601615.html> (accessed: 20.05.2021).

What China's 'dual circulation' strategy means for the world. 03.11.2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/11/03/commentary/world-commentary/china-dual-circulation-strategy/> (accessed: 20.05.2021).

Yu Yongding. Decoding 'dual circulation' strategy. 12.10.2020. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202010/12/WS5f839118a31024ad0ba7df1e.html> (accessed: 20.05.2021).

References

Analiticheskaya spravka i statisticheskie dannye po vneshej torgovle Rossii i Kitaya v 2019 godu [Analytical background and statistics on foreign trade between Russia and China in 2019]. URL: <http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/%D0%A2%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D2%0%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F-%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9%202019.pdf> (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).

Blanchette, J.; Polk, A. (2020). Dual Circulation and China's New Hedged Integration Strategy. URL: <https://www.csis.org/analysis/dual-circulation-and-chinas-new-hedged-integration-strategy> (accessed: 20 May, 2021).

Что означает новый пятилетний план для Китая? [What does the new five-year plan mean for China?]. URL: <https://ria.ru/20210313/kitay-1601078363.html> (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).

Five Things to Know about 'Dual Circulation'. URL: <https://www.caixinglobal.com/2020-09-05/five-things-to-know-about-dual-circulation-101601615.html> (accessed: 20 May, 2021).

- Manukov, S. (2021). Ekonomika Kitaya k 2035 godu udvoitsya, a k 2030 godu obojdet amerikanskuyu [China's economy will double by 2035, and by 2030 will bypass the US]. URL: <https://expert.ru/2021/03/1/kitay/> (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).
- Mezhdunarodnye tendencii v oblasti vozobnovlyayemyh istochnikov energii. 2018. [International trends in renewable energy. 2018]. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ru/Documents/energy-resources/Russian/global-renewable-energy-trends.pdf> (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).
- Torgovlya mezhdu Rossieij i Kitaem v 2020 godu. [Trade between Russia and China in 2020]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/torgovlya-mezhdu-rossieij-i-kitaem-v-2020-g/> (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).
- What China's 'dual circulation' strategy means for the world. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/11/03/commentary/world-commentary/china-dual-circulation-strategy/> (accessed: 20 May, 2021).
- Yu Yongding (2020). Decoding 'dual circulation' strategy. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202010/12/WS5f839118a31024ad0ba7df1e.html> (accessed: 20 May, 2021).
- Yu Yongding (2020). Zenyang shixian cong "goji da xunhuan" dao "shuang xunhuan" de zhuanbian? [How to make the transition from "international circulation" to "dual circulation"?]. URL: <http://finance.sina.com.cn/zl/china/2020-08-18/zl-iivhvpwy1713127.shtml> (accessed: 20 May, 2021). (In Chinese).
- Zabrodina, E. (2021). Rossiya i Kitaj prodliili Dogovor o dobrososedstve i druzhbe na 5 let [Russia and China extend the Treaty of Good Neighborliness and Friendship for five years]. URL: <https://rg.ru/2021/03/23/rossiia-i-kitaj-prodlili-dogovor-o-dobrososedstve-i-druzhbe-na-piat-let.html> (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).
- Zhonghua renmin gonghego gomin jingji he shehui fazhan di shisi ge wunian guihua he 2035 nian yuanjing mubiao gangyao [14th five-year plan for economic and social development of the PRC and main goals for the future until 2035]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-03/13/content_5592681.htm (accessed: 20 May, 2021). (In Chinese).
- Zhonggong zhongyang zhengzhiju changwu weiyuanhui zhaokaihuiyi zhonggong zhongyang zongshuji xi jin ping zhuchi huiyi [Meeting of the Standing Committee of the Politburo of the CPC Central Committee under the chairmanship of General Secretary of the CPC Xi Jinping]. 15.05.2020. URL: http://cpc.people.com.cn/n1/2020/0515/c64094-31709627.html?mc_cid=28966ada58&mc_eid=902fe70bde (accessed: 20 May, 2021). (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-256-273

Я.В. Лексютина

ЗЛОНАМЕРЕННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: РИСКИ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ¹

Аннотация. Благодаря значительному увеличению вычислительных мощностей, взрывному росту больших данных и инновационным достижениям в алгоритмах глубокого обучения искусственный интеллект (ИИ) выходит на принципиально новый операционный уровень, что открывает широкие горизонты его применения в различных сферах реального сектора экономики и общественной жизни. Рассматривая искусственный интеллект в качестве ключевой стратегической технологии, которая будет определять будущее развитие человечества, ведущие страны мира придают огромное значение достижению превосходства в сфере ИИ. Как следует из проведенного в статье анализа официальных документов КНР, раскрывающих планы социально-экономического, научно-технологического и оборонного развития Китая, развитию и коммерциализации искусственного интеллекта Пекин придал статус национальной стратегии, нацеленной на укрепление конкурентоспособности Китая.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-514-92001.

тая во всех сферах. Согласно планам китайского руководства, к 2030 г. Китай должен стать мировым центром инноваций в области искусственного интеллекта.

Открывая широкие возможности для социально-экономического развития и меняя представления о военной мощи государств, искусственный интеллект, между тем, создает множество рисков. Среди прочего, особого внимания требует опасность злонамеренного использования ИИ антисоциальными негосударственными акторами и недружественными государствами с целью дестабилизации ситуации в других странах. В данной статье раскрывается проблематика злонамеренного использования искусственного интеллекта, определяются риски информационно-психологической безопасности Китая и выявляются особенности китайского подхода к обеспечению защищенности от злонамеренного использования ИИ с акцентом на обеспечение информационно-психологической безопасности.

Ключевые слова: Китай, искусственный интеллект (ИИ), информационно-психологическая безопасность, кибербезопасность, фейковые новости, информационная безопасность, информационные войны.

Автор: Лексютина Яна Валерьевна, доктор политических наук, профессор РАН, профессор Кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета.
ORCID: 0000-0001-6766-1792; E-mail: lexyana@ya.ru

Ya. V. Leksyutina

Malicious use of artificial intelligence: risks to China's information and psychological security

Abstract. Due to a significant increase in computing power, the explosive growth of big data and innovative advances in deep learning algorithms, artificial intelligence (AI) has reached a fundamentally new operational level, which opens up wide horizons for its application in various areas of the real economy and social life. Considering artificial intelligence as a crucial strategic technology that will determine the future of all humankind, the world's leading countries attach great importance to achieving superiority in the artificial intelligence field. Having analyzed China's various official planning documents, the article reveals that the development and commercialization of artificial intelligence has become China's national strategy aimed at strengthening China's competitiveness

in all areas. According to Chinese plans, by 2030 China should become the major artificial intelligence innovation center of the world.

However, artificial intelligence not only opens up wide opportunities for socio-economic development and changes the perception of the military power of states, but also carries many risks. Among other things, special attention on the part of countries requires the danger of malicious use of artificial intelligence by antisocial non-state actors and unfriendly states to destabilize the countries' sociopolitical situation. The article exposes the problems of malicious use of artificial intelligence, determines the risks of information and psychological security to China, and reveals the specifics of the Chinese approach to ensuring protection from malicious use of AI with an emphasis on ensuring information and psychological security.

Keywords: China, artificial intelligence (AI), information and psychological security, cybersecurity, fake news, information security, information wars.

Author: Yana V. LEKSYUTINA, Dr.Sc. (Political Science), Professor of the Russian Academy of Sciences; Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University.

ORCID: 0000-0001-6766-1792 (lexyana@ya.ru).

Развитие искусственного интеллекта как национальная стратегия Китая

Начиная с 2015—2016 гг. в планах социально-экономического и научно-технологического развития, а также оборонного строительства Китая одно из приоритетных мест начинает отводиться развитию и применению технологии искусственного интеллекта (ИИ). ИИ стал рассматриваться китайским руководством в качестве ключевой, стратегической технологии, имеющей решающее значение для всех аспектов национальной конкурентоспособности и меняющей существующие представления о военной мощи государств. Обозначив развитие ИИ в качестве важного национального приоритета совсем недавно, Китай уже сейчас достаточно эффективно использует возможности ИИ для модернизации промышленности, ускорения экономического развития, трансформации модели экономического роста, обеспечения общественного порядка, развития

своих конкурентных преимуществ в мировой экономике и усиления военного потенциала.

Свое видение роли ИИ в становлении Китая в качестве ведущей мировой державы китайское руководство четко обрисовало в серии программных документов, обнародованных начиная с 2015 г. В мае 2015 г. был выпущен 10-летний план «Сделано в Китае 2025», делавший акцент на развитии технологических инноваций с целью создания в Китае конкурентоспособной обрабатывающей промышленности, соответствующей передовому мировому уровню [Чжунго чжицзао 2025]. В плане были зафиксированы цели глубокой интеграции нового поколения информационных технологий в промышленное производство, развития интеллектуального (умного) производства, разработки интеллектуального оборудования и интеллектуальных устройств, совершенствования автоматизации производства и пр. [Чжунго чжицзао 2025]. В том же году Госсовет КНР опубликовал руководящие принципы в области активного продвижения стратегии «Интернет+», нацеленной на глубокую интеграцию Интернета во все сферы экономики и общества. Важными направлениями усилий были выделены среди прочего ускорение прорыва в развитии ИИ, содействие применению ИИ в умных домах, умных терминалах, умных автомобилях, роботах и пр., а также взращивание ключевых предприятий и инновационных групп, призванных возглавить разработку глобального ИИ [Гоуюань гуаньюй...]. В принятом в марте 2016 г. 13-м пятилетнем плане социально-экономического развития КНР (2016–2020 гг.) неоднократно подчеркивалась необходимость развития ИИ и его коммерциализации.

Однако, вплоть до 2016 г. ИИ рассматривался в качестве одной из важных технологий в ряду других [Roberts, Cowls, 2021, p. 60] (при перечислении перспективных технологий ИИ назывался не в первую очередь). Принятие Госсоветом КНР в июле 2017 г. специализированной комплексной «Программы развития искусственного интеллекта нового поколения», фиксирующей долгосрочные цели политики Китая в области ИИ, означало выход задачи развития ИИ на уровень национальной стратегии. ИИ начинает выделяться в качестве приоритетного направления инновационного развития Китая. Первый этап реализации стратегии предполагал, что к 2020 г. разви-

тие ИИ и его применение будут соответствовать передовому мировому уровню, будет сформирована кадровая команда специалистов и сформулированы предварительные этические нормы, ориентиры и правила, регламентирующие сферу ИИ. К 2025 г. Китай должен добиться «крупного прорыва» в ИИ, а по отдельным направлениям развития ИИ занять лидирующие позиции в мире; широко внедрять ИИ в сферу интеллектуального производства, интеллектуальной медицины, умных городов, умного сельского хозяйства, национальной обороны и другие сферы; разработать соответствующие законы, правила и этические нормы, создать механизмы контроля и оценки безопасности ИИ. И, наконец, к 2030 г. Китай должен стать мировым центром инноваций в области ИИ [A New Generation...].

Вслед за «Программой развития искусственного интеллекта нового поколения» Министерство промышленности и информационных технологий КНР выпустило «Трехлетний план действий по содействию развитию отрасли искусственного интеллекта нового поколения» (2018–2020 гг.), в котором были изложены конкретные рекомендации для промышленности и задействованных акторов. В Плане были закреплены четыре задачи: 1) стимулирование развития таких технологий, как интеллектуальные и сетевые транспортные средства, интеллектуальные сервисные роботы, интеллектуальные беспилотные летательные аппараты, медицинские диагностические системы с распознаванием изображений, системы видео- и голосовой идентификации, интеллектуальные голосовые интерактивные системы, интеллектуальные системы перевода, и в целом — продвижение комплексного применения умных продуктов в экономике и обществе; 2) обеспечение массового производства микросхем нейронных сетей и чипов и их широкомасштабное применение в ключевых областях; 3) стимулирование развития интеллектуального производства; 4) создание системы поддержки отрасли ИИ [Three-Year Action Plan...].

Стремительному развитию отрасли ИИ способствовало создание китайским руководством исключительно благоприятных условий, комплексное государственное стимулирование, в том числе путем оказания финансовой поддержки технологическим компаниям, стартапам и исследовательским группам.

В целях повышения эффективности участия частного сектора в развитии ИИ Министерство науки и технологий закрепило развитие отдельных секторов ИИ за конкретными технологическими «национальными чемпионами». Им надлежало разработать «открытые инновационные платформы» в закрепленных за ними секторах и тем самым установить соответствующие стандарты [Kim, p. 13]. За *Baidu* было закреплено автономное вождение, за *Alibaba* — умные города, *Tencent* — умное здравоохранение, *iFlyTek* — распознавание голоса, *Sensetime* — интеллектуальное восприятие [Hearing on Technology..., p. 46].

Небольшие китайские технологические компании также получают государственную поддержку и субсидии на разработку технологий ИИ. Например, *Zhongguancun Innovation Town* — это специально созданный, субсидируемый государством инкубатор, помогающий китайским технологическим стартапам добиться успеха, в том числе в секторах, закрепленных за «национальными чемпионами» [Roberts, Cowls, p. 61]. Есть и сектора индустрии ИИ, где пока нет назначенного «национального чемпиона» (например, интеллектуальное судопроизводство).

Усилия по внедрению ИИ особенно интенсифицировались на фоне появления и распространения COVID-19. Китайские компании были активно вовлечены в разработку специализированных систем ИИ для контроля и предотвращения эпидемий, а также налаживания нормальной общественной и деловой активности.

В Китае видят огромный потенциал внедрения ИИ в производство, сельское хозяйство, логистику, финансы, торговлю, административное управление, менеджмент, освоение подводного мира, создание умных домов и пр. Разработки в области ИИ и его применения продиктованы стремлением Китая обеспечить дальнейшее устойчивое и гармоничное социально-экономическое развитие, а также национальную конкурентоспособность Китая.

Большое значение китайские власти придают применению ИИ в социальной сфере. Как следует из «Программы развития искусственного интеллекта нового поколения», использование ИИ в таких областях, как здравоохранение, пенсионное обеспечение, образование, защита окружающей среды, административное и городское

управление, судопроизводство и прочие способно повысить уровень предоставляемых социальных услуг и улучшить качество жизни населения [A New Generation...]. Китайское правительство широко использует предоставляемые ИИ возможности социального мониторинга в целях обеспечения социальной стабильности и национальной безопасности. Это прежде всего — технологии системы распознавания лиц (эффективные для купирования, например, террористических угроз) или система социального кредита, оценивающая китайских граждан на основе их поведения в обществе.

И, наконец, Пекин не скрывает и даже, напротив, всячески подчеркивает важность военно-гражданской интеграции в процессе развития отрасли ИИ и использования потенциала ИИ в целях модернизации вооруженных сил и военно-промышленного комплекса Китая [Каменнов, с. 147]. В изданной в 2019 г. Белой книге по обороне Китай акцентирует внимание на происходящих исторических переменах в военном деле, обусловленных новым витком технологической и промышленной революции, расширением применения в военной сфере передовых технологий, таких как ИИ, квантовая информация, большие данные, облачные вычисления и Интернет вещей [China's National Defense...]. Развитие ИИ рассматривается Китаем как дающее преимущество в ассиметричных войнах.

Риски злонамеренного использования ИИ

Целенаправленно стимулируя развитие отрасли ИИ, китайские власти осознают и оборотную сторону развития этой технологии и ее широкого использования. В силу объективных причин ИИ может оказывать влияние на государственное управление, экономическую безопасность и социальную стабильность. Например, широкое применение ИИ способно негативно отразиться на структуре занятости населения, повлиять на правовую систему, общественную этику и мораль, нарушить неприкосновенность частной жизни и бросить вызов международным отношениям [A New Generation...].

Более того, по мере широкого распространения и расширения доступности ИИ, возрастает вероятность его злонамеренного ис-

пользования антисоциальными акторами или недружественными государствами. При этом можно провести условное разграничение между «*злонамеренным использованием ИИ*» и «*злоупотреблением ИИ*», где под первым понимается использование злоумышленниками технологий с использованием ИИ для достижения своих целей, а под вторым — взломы, перепрограммирование или подчинение¹ своим целям уже существующих систем ИИ [Ciancaglini, Gibson, р. 5]. Так, злоупотребление ИИ может состоять в проникновении в интеллектуальные системы критически важной инфраструктуры с целью нанесения ущерба или провоцирования паники среди населения (это особенно актуально в связи с созданием умных городов), в перепрограммировании умных домов, беспилотных летательных аппаратов или роботизированных транспортных средств. Такого рода риски актуализируются ввиду динамичного развития в Китае умных городов, умного общественного транспорта, роботакси и пр.

Способы злонамеренного использования ИИ разнообразны и включают, но не ограничиваются, злонамеренным использованием технологий «*deep fake*», «*fake people*», «*fake news*», «умных» ботов или фишинговых атак в целях создания ложных новостей, влияния на общественный дискурс, подрыв общественного доверия или шантажа чиновников и дипломатов. Новые технологии, основанные на ИИ, могут становиться эффективным информационно-психологическим [Bazarkina, Pashentsev, р. 156] орудием дестабилизации социально-политической ситуации в государствах, а также нанесения вреда межгосударственным отношениям.

В зависимости от преследуемых злоумышленниками целей злонамеренное использование ИИ можно разделить на три уровня: 1) хулиганство, при котором отсутствует намерение получения выгоды, а целью является демонстрация целевой аудитории своих возможностей или просто развлечение; 2) бытовой уровень, где злоумышленниками могут становиться компании, преступные группы, отдельные индивиды и пр., преследующие цели извлечения материальной прибыли или ведущие недобросовестную конкуренцию (кража личной

¹ При этом взлом существующих систем ИИ может также осуществляться при помощи ИИ.

банковской информации, личной информации с целью шантажа, сбор информации о клиентах с целью таргетированной рекламы, разрушение корпоративного имиджа конкурирующей компании и пр.); 3) злонамеренное использование ИИ в политической сфере с целью нанесения вреда государству, межгосударственным отношениям, дестабилизации политической или социально-экономической ситуации и пр.

В руках злоумышленников ИИ может превращаться в эффективное орудие информационно-психологического воздействия на население. Так, технологии «deep fake», «fake people», «fake news» потенциально могут использоваться в политических целях для дискредитации национальных лидеров, политиков и кандидатов в ходе выборов (путем, например, создания ложно-негативных видеороликов с их участием), распространения дезинформации и манипулирования общественным мнением, подстрекательств к актам насилия в отношении нацименьшинств, распространения идеологий экстремистских или террористических групп, разжигания социальных волнений и политической поляризации общества и пр. Например, созданные с использованием ИИ фальшивые видеоролики о жестоком обращении правительства с гражданами могут вызвать возмущение общественности, угрожая стабильности политической системы.

Тот факт, что вплоть до текущего момента возникшая в 2017 г. технология «deep fake» крайне редко злонамеренно использовалась с преступными или политическими целями [Ciancaglini, Gibson, р. 59], а применялась в развлекательных целях, не исключает потенциала ее злонамеренного использования по мере совершенствования данной технологии. Для антисоциальных негосударственных акторов, таких как террористические организации, преступные группы, оппозиционные политические силы, корпоративные группы интересов или секты, технологии с использованием ИИ могут оказаться мощным, недорогим и легкодоступным инструментом оказания информационно-психологического давления на целевую аудиторию.

Злонамеренное использование ИИ может проявиться в международных отношениях. Например, заинтересованные страны

способны при помощи ИИ создавать ложные информационные поводы, фабриковать «доказательства», оправдывающие их вмешательство во внутренние дела других государств (по аналогии с фабрикацией «данных», сделавших возможной операцию в Ираке [Лун Кунь, Ма Юэ, с. 26]). Недружественные государства могут также, создавая фальшивый контент, разжигать внутренние противоречия в государствах, дискредитировать национальных лидеров, правящие политические партии, инспирировать «цветные революции» и пр.

Не исключена ситуация, когда недружественное государство вознамерится создавать информационные поводы для нанесения вреда межгосударственным отношениям третьих стран, способствовать разрушению взаимного доверия между ними или даже провоцировать межгосударственные конфликты.

Гипотетически для Китая подобного рода риски, связанные с использованием ИИ и нацеленные на дестабилизацию его внутреннего социально-политического положения посредством информационно-психологического воздействия, могут проистекать как от недружественных государств (сейчас в Китае такие риски связывают прежде всего с США и их некоторыми союзниками, а также с Индией), так и со стороны, например, террористических, экстремистских и сепаратистских сил (например, связанных с уйгурским терроризмом), диссидентских групп, преступных групп, сект (например, Фалуньгун). Технологии с использованием ИИ могут быть использованы, например, в целях дискредитации китайских высокопоставленных официальных лиц и КПК. Действия злоумышленников могут быть направлены на такие «болевые точки» Китая, как уйгурская, тибетская и тайваньская проблемы, гонконгский вопрос, правозащитная проблематика.

Весьма показательна в этом отношении практика хакерских атак в китайском сегменте Интернета. Так, в 2018 г. в Китае был зафиксирован самый высокий в мире уровень распределенных атак типа «отказ в обслуживании» (DDOS) — в среднем более 800 млн в день. При этом около 97 % кибератак было проведено местными (китайскими) хакерами, а кибератаки из-за границы исходили в основном из США, Южной Кореи и Японии [Lyu Jinghua, 2019].

Обеспечение защищенности Китая от злонамеренного использования ИИ

Способность стран справляться с рисками, связанными с развитием ИИ и возможностью их злонамеренного использования, в Китае связывают с уровнем технологического развития соответствующей страны. Для многих развивающихся стран, чей технологический уровень остается относительно отсталым, риски столкнуться с высокотехнологичным информационно-психологическим воздействием существенно выше, чем у стран с высоким уровнем технологического развития. Из-за отсутствия необходимых технологий развивающиеся страны не имеют эффективных способов защиты данных, а также не способны справиться с проблемами, вызванными ИИ-алгоритмами. Мировое развитие технологий искусственного интеллекта еще больше подчеркнет их слабость в области обеспечения безопасности от злонамеренного использования ИИ и информационно-психологической безопасности [Фэн Шуай, Лу Чуаньин, с. 34].

Опережающее развитие ИИ рассматривается в Китае как способ помочь избегать, предупреждать, блокировать, справляться со злонамеренным использованием ИИ антисоциальными акторами. Так, ИИ может быть эффективным в обнаружении и реагировании на операции, направленные на оказание информационно-психологического воздействия. Он может помочь контролировать онлайн-среду (в том числе социальные сети), выявлять ранние признаки злонамеренных операций, таких как рост активности частных или социальных ботов, а также обнаруживать измененный цифровой контент, включая синтетические медиа. Развитие ИИ позволяет усиливать защитные функции систем от кибератак, содействуя обеспечению кибербезопасности, а также злонамеренного использования ИИ. Задача Китая в этой связи состоит в опережающем развитии ИИ, достижении превосходства в этой сфере.

В обеспечении безопасного, надежного и контролируемого развития ИИ Китай большое значение придает разработке нормативно-правовой базы, правил и этических норм, регламентирующих сферу ИИ, усилению надзорной деятельности над сферой ИИ и ки-

берпространством, а также созданию механизмов контроля и оценки безопасности искусственного интеллекта [A New Generation...]. В Китае уже сформирована обширная нормативно-правовая база, регламентирующая деятельность различных акторов в киберпространстве, аккумулирован обширный успешный опыт управления китайским сегментом Интернета. Кроме того, в КНР действует одна из наиболее жестких систем цензуры Интернета. В связи с этим в части обеспечения информационно-психологической безопасности от рисков злонамеренного использования ИИ, таких как «deep fake», «fake people», «fake news», «умных» ботов или фишинговых атак, Китай уже имеет разнообразный инструментарий их обнаружения, предупреждения и блокирования.

В основном законе, регулирующем киберсферу, принятом в 2017 г. Законе КНР о кибербезопасности содержится целый ряд положений, которые также имеют непосредственное отношение к проблематике злонамеренного использования ИИ. Так, Закон запрещает ставить под угрозу кибербезопасность и использовать Интернет в целях подстрекательства к подрыву национального суверенитета и ниспровержения социалистической системы, разжигания сепаратизма, разрушения национального единства, пропаганды терроризма или экстремизма, этнической ненависти и этнической дискриминации, распространения ложной информации для подрыва экономического или общественного порядка [Cybersecurity Law..., art. 12].

В силу развития ИИ перед Китаем стоит задача обогащения уже существующей нормативно-правовой базы в области обеспечения кибербезопасности новыми законами и правилами, регламентирующими использование технологий ИИ. Так, в ноябре 2019 г. китайские регулирующие органы обнародовали правила, регулирующие видео- и аудиоконтент в Интернете. В них, в частности, запрещается поставщикам и пользователям сетевых аудио- и видеоинформационных услуг публиковать и распространять ложную информацию или «deep fake» в Интернете без четкого обозначения того, что соответствующий контент был создан с использованием технологии ИИ или виртуальной реальности [Ванло инь..., ст. 10–12]. Правила также запрещают использовать новые технологии, основанные на глубоком

обучении, виртуальной реальности и т. п., для создания, публикации или распространения ложной новостной информации, а также вменяют поставщикам контента обязанность усилить контроль над размещаемой пользователями информацией. Таким образом китайские власти намерены сдерживать распространение фейковых новостей и информации, способных поставить под угрозу национальную безопасность или вызвать негативное воздействие на общество.

В целях обеспечения безопасного развития ИИ и предупреждения его злонамеренного использования китайские регулирующие органы поддерживают тесные контакты и направляют деятельность китайских технологических компаний, социальных сетей, новостных организаций, неправительственных организаций и пр. Так, в марте 2021 г. китайские власти в целях усиления контроля над соответствующей сферой пригласили 11 технологических компаний, включая *Tencent*, *Alibaba* и *Tik Tok*, для обсуждения вопросов развития технологии «deep fake» и кибербезопасности [China summons...]. Такая работа ведется китайскими властями на регулярной системной основе.

В целом применяемые Китаем меры в целях обеспечения безопасного, надежного и контролируемого развития ИИ включают: использование технологий ИИ для решения проблем кибербезопасности и информационно-психологической безопасности (обнаружение вредоносного кода, уязвимостей и пр.); усиление защитных функций систем с использованием ИИ; разработку технических инструментов и политических средств для борьбы со злонамеренным использованием ИИ; развитие законодательства, правил и этических норм, регламентирующих сферу ИИ; осуществление и усиление надзорной деятельности над киберпространством и сферой ИИ; повышение бдительности и осведомленности граждан о возможностях злонамеренного использования ИИ.

Заключение

Как следует из анализа официальных документов КНР, раскрывающих планы социально-экономического, научно-технологического, инновационного, оборонного развития Китая, примерно с

2017 г. приоритетное значение начинает придаваться развитию и коммерциализации ИИ. Развитие ИИ видится как фактор, способный придать динамику экономическому развитию Китая на фоне утраты традиционных конкурентных преимуществ (таких, например, как дешевая и многочисленная рабочая сила), могущих содействовать построению «гармоничного общества», обеспечению общественного порядка и национальной безопасности, а также укреплению национальной конкурентоспособности Китая во всех сферах. При соответствующей комплексной государственной поддержке к 2030 г. Китай должен стать мировым центром инноваций в области ИИ.

Искусственный интеллект, между тем, представляет собой «обоюдоострый меч», открывающий широкие возможности, но и несущий многочисленные риски, вызовы и даже угрозы. Эти риски, вызовы и угрозы весьма многозначны, включая неопределенность последствий внедрения ИИ для экономического развития (например, потенциальное негативное влияние на структуру занятости населения), возможное негативное воздействие на общество (например, кризис общественного доверия, связанный с тем, что население будет неспособно отделить правду от лжи, столкнувшись с массовой практикой генерирования ИИ дезинформации), на правовую систему, риски дестабилизации финансово-экономической системы (как следствия, например, распространения ложной информации, вызывающей обвал на финансовых рынках, или злонамеренного использования ИИ в целях нанесения урона корпоративному имиджу) и т. д., и т. п. С точки зрения обеспечения национальной безопасности, социальной стабильности и общественного порядка угрозу представляет злонамеренное использование ИИ антисоциальными негосударственными акторами и недружественными государствами. В их руках ИИ способен превратиться в действенный инструмент оказания информационно-психологического воздействия на общество с целью дестабилизации ситуации в государстве.

Особенность китайского подхода к обеспечению защищенности от злонамеренного использования ИИ состоит в том, что ключом к успеху в данном направлении видится форсированное опережающее

(а не догоняющее) развитие ИИ, обретение мирового превосходства в области ИИ. Новейшие разработки в сфере ИИ должны обеспечить защищенность от его злонамеренно использования, включая информационно-психологическую безопасность. Более того, существующая в Китае комплексная система государственного регулирования и контроля Интернета и общественного дискурса повышает устойчивость КНР к высокотехнологичным информационно-психологическим атакам. Важным здесь является обогащение нормативно-правовой базы и применяемой охранительной практики за счет новых законов, правил и практик, регулирующих связанные с ИИ специфические вопросы.

Библиографический список

Каменнов П.Б. Развитие искусственного интеллекта — важнейшее направление инновационной политики КНР // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016—2020) / под ред. А.В. Островского. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 141—156.

Ванло инь шипинь синьси фуу гуаньли гайдин : [Положения об администрировании сетевых аудио- и видеоинформационных служб]. URL: http://www.cac.gov.cn/2019-11/29/c_1576561820967678.htm (дата обращения: 18.03.2021). (На кит. яз.).

Гоуюань гуаньюй цзицзи туйцзинь «хуляньван+» синдун дэ чжидо ицзянь : [Руководящие заключения Госсовета по активному продвижению акции «Интернет +】. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm (дата обращения: 01.03.2021). (На кит. яз.).

Лун Кунь, Ma Юэ. Шэньду вэйцзао дуй гоцзя аньцюань дэ тяочжань цзи индуй : [Вызов «глубокой подделки» для национальной безопасности и ответ на него] // Синьси аньцюань юй тунсинь баоми. 2019. № 10. С. 21—34. (На кит. яз.).

Фэн Шуай, Lu Чуаньин. Жэньгун чжинэн шидай де гоцзя аньцюань: фэнсянь ю чжили : [Национальная безопасность в эпоху искусственного интеллекта: риски и управление] // Синьси аньцюань юй тунсинь баоми. 2018. № 10. С. 30—49. (На кит. яз.).

Чжунго чжицзао 2025 : [Сделано в Китае 2025]. URL: http://www.gov.cn/zhenge/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 08.05.2020). (На кит. яз.).

A New Generation of Artificial Intelligence Development Plan. URL: <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (accessed: 08.03.2021).

Bazarkina D., Pashentsev E. Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security // *Russia in Global Affairs*. Vol. 17. № 1. 2019. P. 147–170. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170

China summons Alibaba, Tencent and others over 'deep fakes', internet security. URL: <https://www.wionews.com/world/china-summons-alibaba-tencent-and-others-over-deep-fakes-internet-security-371351> (accessed: 18.03.2021).

China's National Defense in the New Era. July, 2019. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660528/1660528.htm> (accessed: 11.03.2021).

Ciancaglini V., Gibson Cr., Sancho D., et. al. Malicious Uses and Abuses of Artificial Intelligence: *Europol Public Information*. Trend Micro Research, 2020. 80 p.

Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Effective: 1.06.2017. URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cybersecurity-law-peoples-republic-china/> (accessed: 27.03.2021).

Hearing on Technology, Trade, and Military-Civil Fusion: China's Pursuit of Artificial Intelligence, New Materials, and New Energy: Transcript. — Washington: United States-China Economic and Security Review Commission, 2019. 242 p.

Kim D. Artificial Intelligence Policies in East Asia: An Overview from the Canadian Perspective: *Artificial Intelligence Report*. Asia Pacific Foundation of Canada, 2019. 40 p.

Lyu Jinghua. What Are China's Cyber Capabilities and Intentions? URL: <https://carnegieendowment.org/2019/04/01/what-are-china-s-cyber-capabilities-and-intentions-pub-78734> (accessed: 21.03.2021).

Roberts, H., Cowls, J., Morley, J. et al. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation // *AI & Society*. London: Springer-Verlag London Ltd, 2021. No. 36. Pp. 59–77. DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2

Three-Year Action Plan for Promoting Development of a New Generation Artificial Intelligence Industry (2018–2020). URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-chinese-government-outlines-ai-ambitions-through-2020/> (accessed: 12.12.2020).

References

A New Generation of Artificial Intelligence Development Plan. URL: <https://flia.org/wp-content/uploads/2017/07/A-New-Generation-of-Artificial-Intelligence-Development-Plan-1.pdf> (accessed: 8 March, 2021).

Bazarkina, D., Pashentsev, E. (2019). Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security, *Russia in Global Affairs*, vol. 17: 1: 147–170. DOI: 10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170

China summons Alibaba, Tencent and others over 'deep fakes', internet security. URL: <https://www.wionews.com/world/china-summons-alibaba-tencent-and-others-over-deep-fakes-internet-security-371351> (accessed: 18 March, 2021).

China's National Defense in the New Era. July, 2019. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/39911/Document/1660528/1660528.htm> (accessed: 11 March, 2021).

Ciancaglini V., Gibson Cr., Sancho D., et. al. (2020). Malicious Uses and Abuses of Artificial Intelligence: *Europol Public Information. Trend Micro Research*, 80 p.

Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Effective: 1.06.2017. URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-cyber-security-law-peoples-republic-china/> (accessed: 27 March, 2021).

Feng Shuai; Lu Chuanying (2018). Réngōng zhìnéng shídài de guójīā ānquán: Fēngxian yu zhili [National Security in the Era of Artificial Intelligence: Risk and Governance], *Xinxī ānquán yu tōngxìn baomì* [Information Security and Communication Confidentiality], no. 10: 30—49. (In Chinese).

Guówùyuàn guānyú jíjí tuījìn “hùliánwang +” xíngdòng de zhidao yijian [Guiding Opinions of the State Council on Actively Promoting the “Internet +” Action]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm (accessed: 1 March, 2021) (In Chinese).

Hearing on Technology, Trade, and Military-Civil Fusion: China's Pursuit of Artificial Intelligence, New Materials, and New Energy: Transcript (2019). *Washington: United States-China Economic and Security Review Commission*, 242 p.

Kamennov P.B. (2020) Razvitiyye iskusstvennogo intellekta — vazhneyshyye napravleniyye innovatsionnoy politiki KNR [The development of artificial intelligence — the most important direction of China's innovation police], *Ekonomika KNR v gody 13-y pyatiletki (2016—2020) [The PRC Economy in the period of the 13-th Five Year Plan (2016—2020)]*, editor-in-chief A.V.Ostrovskii. Moscow: IFES RAS: 141—156. (In Russian).

Kim D. (2019). Artificial Intelligence Policies in East Asia: an Overview from the Canadian Perspective: *Artificial Intelligence Report. Asia Pacific Foundation of Canada*, 40 p.

Long Kun, Ma Yue (2019). Shèndù wéizào duì guójīā ānquán de tiaozhàn jí yǐngdui [The Challenges and Responses of Deepfake to National Security], *Xinxī ānquán yu tōngxìn baomì* [Information Security and Communication Confidentiality], no. 10: 21—34. (In Chinese).

Lyu Jinghua. What Are China's Cyber Capabilities and Intentions? URL: <https://carnegieendowment.org/2019/04/01/what-are-china-s-cyber-capabilities-and-intentions-pub-78734> (accessed: 21 March, 2021).

Roberts, H.; Cowls, J.; Morley, J. et al. (2021). The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation, *AI & Society*. London: Springer-Verlag London Ltd., no. 36: 59—77. DOI: 10.1007/s00146-020-00992-2

Three-Year Action Plan for Promoting Development of a New Generation Artificial Intelligence Industry (2018—2020). URL: <https://www.newamerica.org/cybersecurity-initiative/digichina/blog/translation-chinese-government-outlines-ai-ambitions-through-2020/> (accessed: 12 December, 2020).

Wangluò yǐn shipín xinxī fúwù guānlí guīdīng [Provisions on the Administration of Network Audio and Video Information Services]. URL: http://www.cac.gov.cn/2019-11/29/c_1576561820967678.htm (accessed: 18 March, 2021) (In Chinese).

Zhōngguò zhìzào 2025 [Made in China 2025]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (accessed: 8 May, 2020) (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-274-290

I. Denisov, A. Dagaev, S. Sultanayev

CHINESE DIGITAL DIPLOMACY IN THE PANDEMIC AND POST-PANDEMIC TIMES: ANALYSIS OF THE RUSSIAN-LANGUAGE ACCOUNTS

Abstract. This study evaluates the effect of Chinese web diplomacy in Russian-language social media during the first year of the COVID-19 pandemic. Despite several external and internal factors, China's soft power has demonstrated resilience and a multi-vector approach. We compared the online performance of the Embassy of the People's Republic of China in Russia with the diplomatic missions of Japan and the Republic of Korea across key activity indicators and types of content published. Based on the collected data, we found that the Korean and Japanese embassies are ahead of the Chinese Embassy regarding overall performance on most social media platforms. However, PRC Embassy is ahead of them on Twitter and see this social medium as a priority for promoting national image. The launch of new accounts on Russian-language social networks demonstrates the Chinese diplomatic apparatus' desire to achieve maximum audience reach. However, the study also reveals several flaws in China's e-diplomacy: excessive politicization and insufficient focus on engaging netizens by selecting human touch topics. Our study

confirms the findings of other scholars that, so far, Chinese embassies mostly act as info-mediators, who only disseminate official information from other sources without commenting on it. Although China's digital diplomacy remains reactive and defensive, it is increasingly subordinated to China's national branding strategy and has potential for improvement. The results of this study suggest that China builds up resources on the Web in an effort to strengthen its discursive power. The article concludes that the problem in a number of cases remains the effective use of available capacities. Still, the authors cannot rule out that catch-up development of the digital diplomacy could be gradually replaced by innovations, which China can back up with financial resources. Finally, the paper proposes avenues for future research. Further comparative analysis on a larger sample will provide a better understanding of the trends and effectiveness of Chinese web diplomacy.

Keywords: China, digital diplomacy, soft power, discursive power, COVID-19, social media, national branding.

Authors: Igor E. DENISOV, Senior Research Fellow, Center for East Asian and SCO Studies, Institute for International Studies at the MGIMO University; Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

ORCID ID 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Andrei R. DAGAEV, Master student, Institute of International Studies, Peking University (Beijing, China).

E-mail: dagaevand97@gmail.com

Savelii P. SULTANAEV, Master student, Faculty of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: sultanaev.sava@yandex.ru

И. Е. Денисов, А. Р. Дагаев, С. П. Султанаев

Китайская цифровая дипломатия в пандемический и постпандемический периоды: анализ аккаунтов на русском языке

Аннотация. В статье оценивается эффективность цифровой дипломатии Китая в русскоязычных социальных сетях в первый год пандемии COVID-19. Несмотря на ряд внешних и внутренних факторов «мягкая сила» Китая продемонстрировала свою состоятельность и многовекторность. В исследовании сравнивается деятельность в соцсетях посольств Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея в России по ключевым показателям

эффективности и типам контента. На основании полученных данных авторы выяснили, что посольства РК и Японии по эффективности медийной деятельности опережают посольство Китая в большинстве соцсетей. Однако посольство КНР более успешно разворачивало информационную кампанию в Twitter из-за приоритетного значения данной платформы для укрепления имиджа государства. Открытие новых русскоязычных аккаунтов в соцсетях говорит о стремлении внешнеполитического аппарата КНР к максимальному охвату аудитории. В то же время исследование выявило и ряд слабых сторон китайской цифровой дипломатии: излишняя политизированность, слабое внимание к вовлечению пользователей путем выбора нейтральных тем, интересующих широкую аудиторию. Статья подтверждает выводы ряда исследователей о том, что посольства Китая играют роль информационных посредников, распространяющих официальную информацию из других источников без ее комментирования. Несмотря на то, что цифровая дипломатия Китая пока в значительной степени является реактивной и оборонительной, она все больше встраивается в национальную имиджевую стратегию и обладает потенциалом для развития. Полученные в ходе исследования результаты показывают, что Китай наращивает ресурсы в интернете для усиления своей дискурсивной силы. В статье делается вывод, что в ряде случаев проблемой остается эффективное использование имеющихся возможностей. Тем не менее, авторы не исключают, что догоняющее развитие цифровой дипломатии может постепенно смениться инновациями, которые Китай способен подкрепить финансовыми ресурсами. В заключение статья предлагает направления для будущих исследований. Дальнейший сравнительный анализ на большей выборке позволит лучше понять тенденции и эффективность китайской веб-дипломатии.

Ключевые слова: Китай, цифровая дипломатия, мягкая сила, дискурсивная сила, COVID-19, социальные сети, национальный имидж.

Авторы: Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС Института международных исследований МГИМО МИД России; старший научный сотрудник Центра исследования проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

ORCID ID 0000-0001-5447-1164. E-mail: iedenisov@yahoo.com

Дагаев Андрей Романович, студент магистратуры Института международных отношений Пекинского университета (г. Пекин, КНР). E-mail: dagaevand97@gmail.com

Султанаев Савелий Павлович, студент магистратуры Факультета «Международные отношения» Дипломатической академии МИД России. E-mail: sultanaev.sava@yandex.ru

1. Introduction

As is the case with traditional instruments of soft power, the conceptualization of digital diplomacy is complicated by the diversity of practices that the concept encompasses. The multifaceted character of digital diplomacy is manifested in terms of multiple platforms (social networking sites, online video platforms, websites, etc.) and a great variety of content and forms.

Researchers of digital diplomacy are confronted with multi-vector activities on the Web, closely related to the domestic political context and foreign policy objectives that a country's digital diplomacy is designed to serve. By choosing Chinese digital diplomacy as the object of our research, we place it within the framework of a general analysis of PRC's foreign policy under Xi Jinping, showing how the current online activity of diplomatic missions is determined by the national interests, the characteristics of China's foreign policy apparatus, and China's growing global outreach.

Although we do not assume that online diplomacy is exclusively limited to the actions of diplomats and diplomatic missions on popular social networks, nevertheless Twitter, Facebook, and other social media platforms constitute the growing segment of public diplomacy, fully using new communication technologies. We can agree with Manor and Segev that “digital diplomacy refers mainly to the growing use of social media platforms by a country in order to achieve its foreign policy goals and proactively manage its image and reputation” [Manor & Segev, p. 94].

While Chinese digital diplomacy is actively expanding its influence globally, analysis of this phenomenon remains Western-centric in two senses: first, the activities of English-language accounts are predominantly monitored and analyzed, and second, Beijing's increased online activity is primarily viewed through the prism of China's growing conflict with the

West. Our research is intended to fill existing gaps in the study of PRC's digital diplomacy as we analyze China's activities targeted to the Russian audience, which have not been adequately addressed in the current academic literature.

At the end of February 2020, the PRC Embassy in Russia created accounts in three social networks — Facebook, Twitter, and TikTok. It happened simultaneously with the rising online activity of PRC embassies worldwide: diplomatic missions began to spread the news about fight against the coronavirus, at the same time exposing the prevailing criticism of China in the Western media. Beijing apparently approved plans to expand the Chinese Embassy's presence in the Russian segment of the Internet earlier, but the political leadership may have accelerated their implementation due to the increased priority of external propaganda against the background of the COVID-19 pandemic. Further analysis of the online activities of the Chinese Embassy in Russia will provide a better understanding of the general features and country specifics of the communication strategy of the PRC government.

Additionally, we believe it is crucial to put Chinese e-diplomacy in a comparative perspective, analyzing China's efforts against the policy of other actors. As Adesina rightly notes, "state and non-state entities all compete for influence and power in the same online space" [Adesina, p. 10]. Meanwhile, while the global information space is unified, existing studies very rarely focus on the fact that China has to operate in a competitive environment, as in the case of commercial projects.

2. China, Japan, and the Republic of Korea: Brief overview of soft power strategies

In this article, we compare the performance of the Chinese Embassy in Moscow with the diplomatic missions of Japan and the Republic of Korea (ROK). The choice of these two Asian countries has the following rationale: (1) Japan and ROK are the major political and economic actors in the Asia-Pacific, with whom Russia is advancing relations as part of the "turn to the East" policy; (2) In several commercial projects and market sectors in Russia, Japanese and Korean businesses are competing with

Chinese companies; (3) Despite the present downturn in Russian-Western relations, Tokyo and Seoul are still expressing their desire to intensify cooperation with Moscow; (4) The most relevant factor to this study is that Japan and the ROK have elaborate strategies for strengthening soft power, and their diplomatic missions actively use social media tools to engage the Russian public.

Japan has been successfully implementing a soft power strategy since the 1980s. Overview of cultural diplomacy is included in the Diplomatic Bluebook published annually by the MFA (Ministry of Foreign Affairs) of Japan [Diplomatic Bluebook, 2020]. The Japan Foundation (an independent administrative organization run by the MFA) is the key agency institutionally responsible for the array of cultural and educational programs.

Tea ceremonies, ikebana, origami, anime and manga, and other activities with the Japanese flavor serve as the main channels for promoting the country's image. The government and major commercial companies are implementing the marketing concept "Cool Japan". It brings together diverse cultural projects, from national alcoholic beverages' promotion to the creation of the satellite TV channel WakuWaku Japan for foreign audiences.

Since the 1990s, the Republic of Korea has been actively promoting its national image under the umbrella concept of the "Hallyu" or "Korean Wave". Public diplomacy peaked in 2010 when the government underlined its importance alongside with classical and economic diplomacy. In February 2016, the Foreign Ministry published a paper that outlines the goals, basic principles, and procedure for implementing South Korean public diplomacy, as well as the key role of the Public Diplomacy Committee subordinated to the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea [Public Diplomacy Act..., p. 3]

China has been using the soft power concept in its diplomatic practice since 2007, when Secretary-General Hu Jintao at the 17th Party Congress expressed the need to strengthen China's cultural soft power and enhance the influence of Chinese culture worldwide [Hu, 2007]. At the 19th CPC Congress in 2017, Xi Jinping stressed out that "China's cultural soft power has grown much stronger" and reiterated the hope to further strengthen people-to-people and cultural exchanges with foreign countries. The objectives of public diplomacy are fixed in Xi's formula "to tell China's stories well" [Xi, 2017].

The study revealed that the PRC does not have comprehensive policy documents in the public domain that summarize information about the national communication strategy aimed at foreign audiences. However, there are several works by well-known Chinese scholars and statements made by representatives of the Chinese political elite. Soft power issues are definitely a major focus for PRC's political leadership. In recent years, we can observe the rise of an internal debate in China on strengthening discursive power, signifying a wide and flexible variety of tools, not just propaganda [Denisov, p. 48]. As J. Nye once explained, "the best propaganda is not propaganda," because during the information age, "credibility is the scarcest resource" [Nye].

Despite several problems, China's soft power demonstrates sustainability and multi-vector focus. A vivid example of its success is the vast Confucius Institutes network that includes 500 branches in 162 countries and regions worldwide. In addition, CGTN (China Global Television Network), broadcasting in 5 languages, and the multi-language newsfeed of Xinhua News Agency plays a role in amplifying China's voice. Nowadays, digital diplomacy is emerging as a new foreign policy tool supplementary to traditional instruments of strengthening China's national image overseas.

3. Methodology and key findings

The chronological framework of the study is from 1 January 2020 to 1 January 2021. The choice of time interval was determined by two factors: (1) intensification of embassies' media activities on the Internet during the COVID-19 pandemic, and (2) the launching of new Russian-language social media accounts of the Chinese diplomatic mission. Online activity of China, Japan, and the ROK targeted to the Russian audience was subjected to quantitative and qualitative analysis.

Our dataset was derived from the three embassies' accounts in Twitter, VKontakte, Facebook, and YouTube (See Table 1).

The raw data contains 2128 posts that appeared in the official accounts throughout the year. Based on data from social media platforms, we collected information that indicated the basic activity of accounts and calculated a number of metrics: total subscribers (followers); posts per day; li-

Table 1. Embassies' accounts on social media platforms

Country	Launch date	URL
Twitter		
China	23.02.2020	https://twitter.com/chineseembinrus
VKontakte		
China	04.03.2014	https://vk.com/club66846978
Japan	12.02.2016	https://vk.com/embassy_japan_rus
Facebook		
China	21.02.2020	https://www.facebook.com/ChineseEmbassyInRus/
Japan	12.09.2013	https://www.facebook.com/EmbassyOfJapanInRussia/
The Republic of Korea	12.02.2011	https://www.facebook.com/KoreanEmbassyInRussia
YouTube		
Japan	14.05.2018	https://www.youtube.com/channel/UC7Dwjli-a0V8ot9At0iI8sw
The Republic of Korea	27.05.2020	https://www.youtube.com/channel/UC4YUmo-cOo-IYYLTD 0YrSg

kes per post; views per post; and shares per post. These indicators are most commonly used in the analysis of accounts on social media platforms. In addition, the daily engagement rate (ER day) and engagement rate by posts (ER post) were calculated. Engagement metrics allow further analysis of the audience and its activity (See Table 2).

The second part of our research was quantitative content analysis. We preliminarily reviewed the posts on embassy accounts and concluded that the content could be classified into several broad groups. Three independent coders allocated the categories on random sampling in order to determine the breakdown of content more accurately. We coded posts collected during the study according to the following eight content categories: Politics; Science and technology; COVID-19; Nature and leisure; Sport; His-

Table 2. Activity Indicators

Indicators	Twitter		VKontakte		Facebook			YouTube	
	China	China	Japan	China	Japan	The Republic of Korea	Japan	The Republic of Korea	
Total subscribers (followers)	1434	1414	28 259	371	34 158	2925	1010	4050	
Posts per day	0,70	0,49	1,64	0,65	1,64	0,40	0,34	0,47	
Likes per post	199	6	169	7	441	6	20	159	
Views per post	/	400	12 338	/	/	/	461	929	
Shares per post	32,81	0,66	11,87	1,70	49,34	0,67	/	/	
ER day	12,84 %	0,33 %	1,08 %	1,61 %	2,46 %	0,10 %	0,27 %	5,45 %	
ER post	16,15 %	0,49 %	0,66 %	2,30 %	1,50 %	0,24 %	2,08 %	10,10 %	

tory and culture; Movies and music; and Useful advice and etiquette. Table 3 displays the results of content analysis.

3.1. Engagement metrics

One of the objectives of our study was to analyze the interaction of diplomatic accounts with the audience of the social media platforms.

Based on the collected dataset, the following observations can be made:

1. Not all three embassies have accounts in the social networks selected for analysis. For instance, while the PRC embassy is the only one present on Twitter, it is also the only one in our study that does not have a YouTube account. Facebook, on the other hand, has not only become the platform chosen by all three embassies but has also been the most frequently used digital soft power tool.

Twitter is popular with government departments, politicians, media organizations, and eminent scholars worldwide. Chinese embassies, trying to strengthen the discursive power, consider the presence on Twitter as a priority. Creating high-quality videos for YouTube requires more signifi-

cant financial and human resources; on the other hand, short tweets enable embassies to respond more quickly to events and require far fewer resources.

2. The embassies of Japan and the ROK began to develop their accounts for the Russian public 7–9 years earlier than their Chinese counterparts. Moreover, China created its Facebook and Twitter accounts on February 21 and 23, 2020, respectively. The sudden appearance of the accounts can be explained by the coronavirus outbreak in China and the need to intensify efforts in the digital sphere to counter the Western narrative to politicize the virus.

3. The Japanese Embassy in VKontakte is far ahead of the PRC Embassy on the overall measure. Even though China appeared on this platform two years earlier than Japan, its total number of subscribers is almost 20 times less, and the average number of views per post is nearly 31 times less compared with Japanese performance. The case is similar with Facebook: the Japanese Embassy has the best record, both in terms of the number of subscribers and engagement with the audience.

4. An unexpected result is that the account of the PRC Embassy on Twitter took a leading position in measures of efficiency, ahead of the Korean and Japanese embassies in other social media. Our study further illuminates why Chinese diplomats prefer Twitter and why Beijing's digital diplomacy is expanding the use of this channel of influence. Other researchers have shown that more than three-quarters of Chinese diplomats on Twitter joined the platform within the past two years [Schliebs et al., p. 5].

3.2. Content analysis

Content analysis allows us to identify the main objectives of the digital diplomacies of China, Japan, and the ROK, as it determines the priority messages that the embassies choose to convey through social media platforms. The content analysis does not include data on the ROK Embassy posts on Facebook, as all 147 entries were made in Korean, and the focus of our study was to explore foreign policy signaling and engagement with a broad Russian-speaking audience.

1. PRC Embassy assigns high priority to political information (official statements, high-level contacts, ambassador's articles, measures during the COVID-19 epidemic in China, etc.). In particular, only 10 out of 607

Table 3. Number of Posts by Content Categories

Categories	Twitter		VKontakte		Facebook+		YouTube		The Republic of Korea
	China	China	Japan	China	Japan	Japan			
Politics	141	90	35	90	35	4		32	
Science and technology	/	/	30	2	30	5		/	
COVID-19	77	87	52	112	52	/		6	
Nature and leisure	/	/	119	/	119	8		7	
Sport	/	/	32	/	32	1		/	
History and culture	3	1	247	2	248	37		55	
Movies and music	/	/	34	/	34	1		4	
Useful advice and etiquette	/	2	53	/	53	6		3	
Total posts	221	180	602	206	603	62		107	

posts published by the Chinese Embassy on the three social media platforms are thematically neutral, while the remaining 98,4 % fall into the categories of “Politics” and “Covid-19”.

2. Embassies of China and Japan generally publish the same set of posts on VKontakte and Facebook. However, Japanese Embassy’s accounts provide netizens with various cultural and entertaining topics which attract new subscribers. Meanwhile, political topics are approximately 6 % of its total posts.

3. The Ambassador of Japan writes a column named, “Walking the Streets of Moscow”. He describes his favorite places of the Russian capital and attaches a human touch to these posts. If the information on social networks concerns the work of the PRC Embassy, mostly duplicates from the embassy’s website are published — no unique content for social media is created.

4. Despite its world-acclaimed cuisine, China underestimates “gastro-nomic soft power”. In comparison, the ROK Embassy posted a significant number of videos of Korean cuisine on YouTube, gaining a relatively high number of views.

4. Discussion

Our analysis of the activity of the Chinese Embassy in Russian-language accounts confirms a number of conclusions about the Chinese digital diplomacy characteristics, which were made using other target audiences [Huang & Arifon; Jia & Li]. In the study, we showed that Chinese digital diplomacy is multifaceted, increasing its penetration in all key regions, including Russia. The fact that the PRC Embassy in Russia has recently launched new accounts on social networks shows that China is striving for the broadest audience coverage. However, strong results on Twitter in the absence of a YouTube account¹ indicate that Chinese diplomats are still carefully evaluating the cost, preferring to develop less resource-demanding projects on social media. At the same time, the study revealed some weak spots of Chinese digital diplomacy: excessive politicization and low attention to user's engagement by choosing neutral topics for a wider audience.

The increased focus on the coronavirus and the creation of three new accounts in the midst of the pandemic suggests that China's digital diplomacy is still mainly reactive and defensive. Simultaneously, it is noticeable that China is using international experience, which is based on the premise that “nation branding practiced through digital diplomacy channels (e.g. Facebook, Twitter) can serve as an effective tool for image and reputation management and as such may help nations alter their status quo images” [Manor & Segev, p. 94].

The Chinese leadership is aware of the soft power issues and its influence on the state's image. Moreover, the calls to strengthen international discursive power indicate that Beijing adequately assesses the current in-

¹ According to the Global Web Index, 85 % of Internet users aged 16 to 64 use YouTube, making it the most popular social platform in Russia [Social media marketing trends..., 2021].

sufficiency of efforts to build a positive image of China abroad. This point of view is confirmed by a number of Chinese analysts who urge the diplomatic corps to improve the effectiveness of digital diplomacy and reduce the concerns of the world community caused by the economic rise of PRC and the growth of its military power [Wang, p. 157].

Therefore, we can conclude that the strategy to develop digital diplomacy, and the nation branding strategy in general, is a subject of discussion in China. The growth of external challenges, particularly the intensifying conflict with the United States, formulate new objectives for Chinese digital diplomacy. Meanwhile, foreign policy rhetoric and actions of embassies are significantly influenced and determined by internal political discussions.

According to China's foreign minister Wang Yi, diplomatic apparatus should use understandable and easily digestible language and means of transmitting information to tell the world truth about the Chinese governance model [Wang Yi: Jiaqiang gonggong waijiao...]. Although our research reveals that the Chinese Embassy's posts on social media are generally well-written and stylistically correct, there are examples of culturally unadapted texts. Our observations support the view of Chinese scholar Cao Wei that the contents and implementation of Chinese public diplomacy should be designed more from the perspective of the target audience [Cao, p. 432].

Particular attention should be paid to how frequently the PRC Embassy updates its accounts in Russian-language social media. Our study revealed that between August 23, 2019, and March 10, 2020, the account at VKontakte had not published any posts. While Japan's Diplomatic Bluebook and several Korean MFA's regulations identify the role of the diplomatic corps as a core of soft power expansion, Chinese embassies have not become the primary agents of enhancing the country's image. That is mainly due to the vast presence of PRC media overseas. According to the Chinese Embassy in Moscow, six accredited media outlets publish materials in Russian [Spisok...]. In the status of PRC government-affiliated media, they fill information space and to a large extent, take on the embassy's role.

Analysis of VKontakte, Facebook, and Twitter posts at China's embassy accounts indicated that 60 % of the publications are not unique con-

tent created by Embassy's information office. Finally, it can be stated that embassies and consulates are not the only main actors of China's digital diplomacy. Due to the limited scope of our research, we did not consider this factor in detail. Future studies of Chinese digital diplomacy should assess the role of different state actors in social media and the extent to which their efforts are coordinated.

Our study confirms the conclusions of other scholars that so far, Chinese embassies more often play the role of info-mediators who only distribute official information from other sources without commenting on it in any way [Huang & Arifon, p. 51]. However, it can be assumed that this is only relevant for the present period. In the future, due to the accumulation of experience and the growing challenges of the international information environment, Chinese embassies could start to transmit information with more added value, independently evaluate the audience's feedback, and make adjustments to their online activities. Meanwhile, there remains the possibility of a conservative scenario, where embassies will act cautiously and proceed from the situation in host countries, while a unified model of digital diplomacy will be in the formation stage. The findings from this study suggest that China builds up resources on the Web in an effort to strengthen its discursive power. The problem in a number of cases remains the effective use of available capacities. Still, we cannot rule out that catch-up development in the field could be gradually replaced by innovations, which China can back up with financial resources. Although we recognize the limitations of our research design, we nevertheless think that a comparative analysis on a larger sample will provide a better understanding of the trends and effectiveness of Chinese web diplomacy.

Библиографический список

Денисов И.Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 4. С. 42–52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

Список китайских аккредитованных корреспондентов в РФ / Посольство КНР в РФ. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fwzn/xwfw/zgzmmtxx/> (дата обращения: 15.05.2021).

Ван И: Цзяцян гунгун вайцзяо ши туйцзинь Чжунго тэсэ даго вайцзяо дэ бижань яоцю : [Укрепление публичной дипломатии — обязательное условие для продвижения дипломатии великой державы с китайской спецификой] / Министерство иностранных дел КНР. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1732676.shtml> (дата обращения: 15.05.2021). (На кит. яз.).

Adesina O.S. Foreign policy in an era of digital diplomacy // Cogent Social Sciences. 2017. Vol. 3. No. 1. P. 1—13. DOI: 10.1080/23311886.2017.1297175

Cao W. The Efficiency of China's Public Diplomacy // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 9. № 4. P. 399—434. DOI: 10.1093/cjip/pow012

Diplomatic Bluebook / Ministry of Foreign Affairs of Japan (MOFA Japan). URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/index.html> (accessed: 15.05.2021).

Huang Z., Arifon O. Chinese public diplomacy on Twitter: Creating a harmonious polyphony // Hermes, La Revue. 2018. Vol. 11. № 2. P. 45—53. DOI: 10.3917/herm.081.0045

Hu Jintao. Full text of Hu Jintao's report at 17th Party Congress // China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2007-10/24/content_6204564_8.htm (accessed: 15.05.2021).

Jia R., Li W. Public diplomacy networks: China's public diplomacy communication practices in twitter during Two Sessions // Public Relations Review. 2020. Vol. 46. № 1. 101818.

Manor I., Segev E. America's selfie: How the US portrays itself on its social media accounts // Digital diplomacy: Theory and Practice. 2015. 1st Edition. P. 89—108. DOI: 10.4324/9781315730844.

Nye J. China's Soft Power Deficit // The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304451104577389923098678842> (accessed: 15.05.2021).

Public Diplomacy Act and Enforcement Decree / Ministry of Foreign Affairs. Republic of Korea (MOFA ROK). URL: http://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_22845/contents.do (accessed: 14.05.2021).

Schliebs M., Bailey H., Bright J., Howard P.N. China's Public Diplomacy Operations: Understanding engagement and inauthentic amplification of PRC diplomats on Facebook and Twitter. Working Paper Oxford, UK: Programme on Democracy and Technology. Oxford University, 2021. 40 p.

Social media marketing trends in 2021. Report // Global Web Index. URL: <https://www.globalwebindex.com/reports/social> (accessed: 15.05.2021).

Wang W. Analysis on China's Cyber Diplomacy // CORE. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71981803.pdf> (accessed: 15.05.2021).

Xi Jinping. Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress // China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (accessed: 15.05.2021).

References

- Adesina, O.S. (2017). Foreign policy in an era of digital diplomacy, *Cogent Social Sciences*, 3(1), 1—13. DOI: 10.1080/23311886.2017.1297175
- Cao, W. (2016). The Efficiency of China's Public Diplomacy, *The Chinese Journal of International Politics*, 9(4), 399—434. DOI: 10.1093/cjip/pow012
- Denisov, I.E. (2020). The Concept of “Discursive Power” and the Transformation of Chinese Foreign Policy under Xi Jinping, *Comparative Politics Russia*, 11(4), 42—52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047 (In Russian).
- Diplomatic Bluebook (2020), Ministry of Foreign Affairs of Japan (MOFA Japan). URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/index.html> (accessed: 15 May, 2021).
- Huang, Z., Arifon O. (2018). Chinese public diplomacy on Twitter: Creating a harmonious polyphony, *Hermes, La Revue*, 11(2), 45—53. DOI: 10.3917/herm.081.0045.
- Hu Jintao (2007). Full text of Hu Jintao's report at 17th Party Congress, China Daily. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/2007-10/24/content_6204564_8.htm (accessed: 15 May, 2021).
- Jia, R.; Li, W. (2020). Public diplomacy networks: China's public diplomacy communication practices in twitter during Two Sessions, *Public Relations Review*, 46(1), 101818.
- Manor, I.; Segev, E. (2015). America's selfie: How the US portrays itself on its social media accounts, *Digital Diplomacy: Theory and Practice*, Routledge, 1st ed.: 89—108. DOI: 10.4324/9781315730844
- Nye, J. (2012). China's Soft Power Deficit, *The Wall Street Journal*. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304451104577389923098678842> (accessed: 15 May, 2021).
- Public Diplomacy Act and Enforcement Decree, Ministry of Foreign Affairs, Republic of Korea (MOFA ROK). URL: http://www.mofa.go.kr/eng/wpge/m_22845/contents.do (accessed: 14 May, 2021).
- Schliebs, M.; Bailey, H.; Bright, J.; Howard, P. N. (2021) China's Public Diplomacy Operations: Understanding engagement and inauthentic amplification of PRC diplomats on Facebook and Twitter, *Working Paper Oxford*, UK: Programme on Democracy and Technology, Oxford University, 40 p.

Social media marketing trends in 2021. Report, *Global Web Index*. URL: <https://www.globalwebindex.com/reports/social> (accessed: 15 May, 2021).

Spisok kitajskih akkreditovannyh korrespondentov v RF (2019) [List of Chinese journalists accredited in Russian Federation], *Chinese Embassy in Russia*. URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/fwzn/xwfw/zgzmmmtxx/> (accessed: 15 May, 2021). (In Russian).

Wang Yi: Jiaqiang gonggong waijiao shi tuijin Zhongguo tese daguo waijiao de biran yaoqiu (2020) [Strengthening of public diplomacy is a prerequisite for the promotion of the major country diplomacy with Chinese characteristics], *Ministry of Foreign Affairs. People's Republic of China (MOFA PRC)*. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/wjbzhd/t1732676.shtml> (accessed: 15 May, 2021). (In Chinese).

Wang, W. (2014). Analysis on China's Cyber Diplomacy, *CORE*. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71981803.pdf> (accessed: 15 May, 2021).

Xi Jinping (2007). Full text of Xi Jinping's report at 19th CPC National Congress, *China Daily*. URL: https://www.chinadaily.com.cn/china/19thcpcnationalcongress/2017-11/04/content_34115212.htm (accessed: 15 May, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-291-305

Н.В. Селезнева

ИНСТИТУТЫ КОНФУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ В НОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В представленной статье на основе источников и литературы на китайском языке автор обобщает мнения китайских исследователей о проблемах, с которыми сталкиваются Институты Конфуция (ИК) в ходе своей деятельности.

Институты Конфуция, являясь одним из инструментов «мягкой силы» Китая, играют важную роль в китайской культурной дипломатии. Однако, как показывает практика, вслед за стремительным разворачиванием сети Институтов Конфуция в мире, стали очевидны многие проблемы, которые не могут быть преодолены, если их развитие продолжится по экспансивному пути. С точки зрения автора, проблемы Институтов Конфуция целесообразно разделить на внутренние и внешние. Внутренние проблемы обусловлены системными проблемами внутри Институтов Конфуция. К таким проблемам автор относит неопределенность функций и задач ИК, проблемы организации и управления, проблемы качества. Внешние проблемы — проблемы доверия — отражают несоответствие китайских ожиданий и реального восприятия Институтов Конфуция государственными регуляторами и широкой общественностью тех

стран, где базируются Институты Конфуция. По мнению автора, внешние проблемы ИК во многом обусловлены внутренними проблемами, поскольку при преследовании количественных целей, были упущены из внимания качественные составляющие развития. Кроме того, не придавалось серьезное значение сложностям локализации и адаптации к региональным условиям и местной специфике. Это привело к тому, что в адрес Институтов Конфуция и Китая в целом последовала череда обвинений в культурном гегемонизме, культурной экспансии, прокитайской пропаганде и агитации, а некоторые страны (по тем или иным причинам) стали закрывать Институты Конфуция. Сейчас Китай вынужден приспосабливаться к негативному общественному мнению и отрицательному отношению правительства отдельных стран, дабы в дальнейшем беспроблемно использовать Институты Конфуция как проводников китайского языка и культуры и площадку для будущих межкультурных контактов.

Ключевые слова: Китай, Институт Конфуция, культурная дипломатия, межкультурные контакты, «мягкая сила», проблемы и перспективы развития.

Автор: Селезнева Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Международных отношений и регионановедения Новосибирского государственного технического университета. E-mail: xie-ling@yandex.ru.

N.V. Selezneva

Confucius Institutes as a tool of China's «soft power»: problems and prospects of development in a new era

Abstract. The article, based on sources and literature in Chinese, summarizes views of Chinese researchers on the problems, which Confucius Institutes face in their activities.

The Confucius institutes, as a tool of China's «soft power», play an important role in Chinese cultural diplomacy. As practice shows, however following the rapid expansion of the network of Confucius institutes in the world, many problems have become apparent that cannot be overcome if extensive development continues. From this point of view, the problem the Confucius institutes are experiencing today might be divided into internal and external ones. Internal problems involve systemic inconsistency within the Confucius Institutes bodies. The article regards such problems as uncertainty of the Institutes' mission, organization and

management problems, problems of quality. External problems — problems of trust — represent a discrepancy between Chinese expectations and the real perception of Confucius institutes by government regulators and the general public in the countries where the Confucius institutes are present. As the article states, the external problems of Confucius institutes are largely due to internal problems, since, in pursuit of quantitative goals, qualitative ones were left out. Moreover, no attention has yet been paid to the difficulties of the institutes' allocation and adaptation to regional conditions and local specifics, what led to the situation when Confucius institutes (and China as a whole) were accused of cultural hegemony, cultural expansion, promotion of a pro-Chinese stance. Some countries terminated their contracts with Confucius institutes for these reasons. Now China is forced to adapt to the negative public opinion and the negative attitude of governments of some countries in order to be able to use the Confucius institutes as promoters of the Chinese language and culture and a platform for future intercultural contacts.

Keywords: China, Confucius institute, cultural «soft power», criticism and controversies, cultural diplomacy.

Author: Natalia V. SELEZNEVA, Ph.D. (Philology), Associate Professor, Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University. E-mail: xie-ling@yandex.ru.

Начиная с начала XXI в. китайское руководство предпринимает активные усилия по формированию и наращиванию своей культурной «мягкой силы». После XVI съезда КПК, прошедшего в 2002 г., индустрия культуры, ускорение реформ в сфере культуры, решение вопроса «пассивного баланса» в культурном обмене с зарубежными странами, культурная «мягкая сила» как одна из важнейших составляющих китайской стратегии «выхода вовне» находятся под пристальным вниманием китайского руководства. После доклада Си Цзиньпина на XIX съезде ЦК КПК (2017 г.), в котором особое значение было придано межкультурной коммуникации, а основной задачей стало «уметь повествовать о событиях китайской жизни, правдиво, многомерно и всесторонне раскрывать Китай, наращивать культурную «мягкую силу» Китая» [Доклад Си Цзиньпина...], китайское научное сообщество стало еще более активно обсуждать особую роль Институтов Конфуция как инструментов культурной «мягкой силы» Китая и их место во внешнеполитическом курсе КНР.

Китайские исследователи уже давно рассматривают Институты Конфуция как китайские дипломатические площадки [Фу Липин, Ли Ган, с. 101], площадки для межкультурного обмена [Гао Инцзэ, Сун Мэнсяо, с. 38], как один из инструментов китайской «мягкой силы» [Шу Цзяньго, Фань Сяогэ, Цяо Сяогэ, с. 149]. Не обошли эту тему вниманием и отечественные исследователи (см. работы [Бельченко А.С.]; [Борох О.Н.]; а также Леонтьевой Э.О., Белокопытовой М.С., 2016; Михневича С.М., 2015; Самойловой М.П. и Лобановой Е.А., 2017 и др.). Вслед за официальными заявлениями китайских лидеров была опубликована целая серия работ и статей китайских исследователей (см. [Ван Хуэй, 2019], [Гао Инцзэ, Сун Мэнсяо], [Лю Баоцунь, Чжан Юнцюнь], [Фань Минь, Ли Гоцин] и др.), в которых поднимались вопросы, связанные с ролью и местом Институтов Конфуция в реализации китайских проектов, таких как построение «Пояса и пути» и создания сообщества единой судьбы человечества. Кроме того, в апреле 2019 г. в Чжэцзянском педагогическом университете был создан научно-исследовательский институт стратегического развития Институтов Конфуция. Это свидетельствует о том, что Китай заинтересован в дальнейшем эффективном использовании Институтов Конфуция в качестве инструмента «мягкой силы» и привлекает академическое сообщество к обсуждению соответствующих вопросов.

Говоря о проблемах, с которыми сталкиваются Институты Конфуция, китайские эксперты сходятся на том, что самыми важными из них являются: неопределенность функций и задач, нехватка профессиональных педагогических кадров, отсталость методов преподавания, проблемы доверия, проблемы управления, структурные проблемы, проблемы качества и др. [Гао Инцзэ, Сун Мэнсяо; Ли Цзя, Мяо Цюминь, Ли Гэфэй; Фань Минь, Ли Гоцин; Хань Лицзюнь, Моу Дай; Шу Цзяньго, Фань Сяогэ, Цяо Сяогэ]. В работах китайских специалистов спектр проблем Институтов Конфуция варьируется и не является постоянным. Ниже автор предпринимает попытку обобщить и систематизировать проблемы Институтов Конфуция, нашедшие отражение в публикациях китайских специалистов.

Представляется целесообразным разделить проблемы, с которыми сталкиваются Институты Конфуция на внутренние и внешние.

К внутренним проблемам следует отнести уже упоминавшуюся неопределенность функций и задач ИК (проблемы их позиционирования) и как следствие этого — структурные и управленические проблемы, а также проблемы качества образовательного процесса. Внешние проблемы связаны с особенностью восприятия Институтов Конфуция и их деятельности государственными органами и широкой общественностью тех стран, где они были учреждены. Внешние проблемы, с одной стороны, обусловлены внутренними проблемами, с другой стороны, могут быть вызваны субъективным восприятием Китая и его действий. Схематически проблемы Институтов Конфуция можно представить в следующем виде (рис. 1).

Итак, внутренние проблемы Институтов Конфуция можно подразделить на организационные и содержательные. Организационные проблемы в свою очередь делятся на проблемы позиционирования, проблемы нерационального размещения и проблемы управления. Представляется, что данные проблемы тесно взаимосвязаны и каждая последующая является производной от предыдущей.

Проблема позиционирования Институтов Конфуция связана с тем, что китайская сторона, занявшись экстенсивным развитием и разворачиванием глобальной сети Институтов Конфуция, обозначила слишком широкие цели и задачи, при этом определила низкий порог «входа» иностранных партнеров в программу (она была готова заключать соглашения о создании Институтов Конфуция практически со всеми организациями, но не все вузы по факту могли себе позволить содержание ИК), в результате получив явный перекос в деятельности ИК в сторону преподавания языка. Исследователи отмечают, что остановка в развитии на уровне структуры, «просто» занимающейся продвижением китайского языка, может привести к тому, что Институты Конфуция опустятся до статуса локальных организаций, бесплатно предоставляющих услуги по обучению китайскому языку, в то время как первоначальной задумкой создания Институтов Конфуция было их основание в качестве площадки для межкультурного гуманитарного обмена, а не как официальной правительственной структуры по преподаванию китайского языка [Гао Инцэ, Сун Мэнсяо, с. 38; Ли Цзя, Мяо Цюминь, Ли Гэфэй, с. 94].

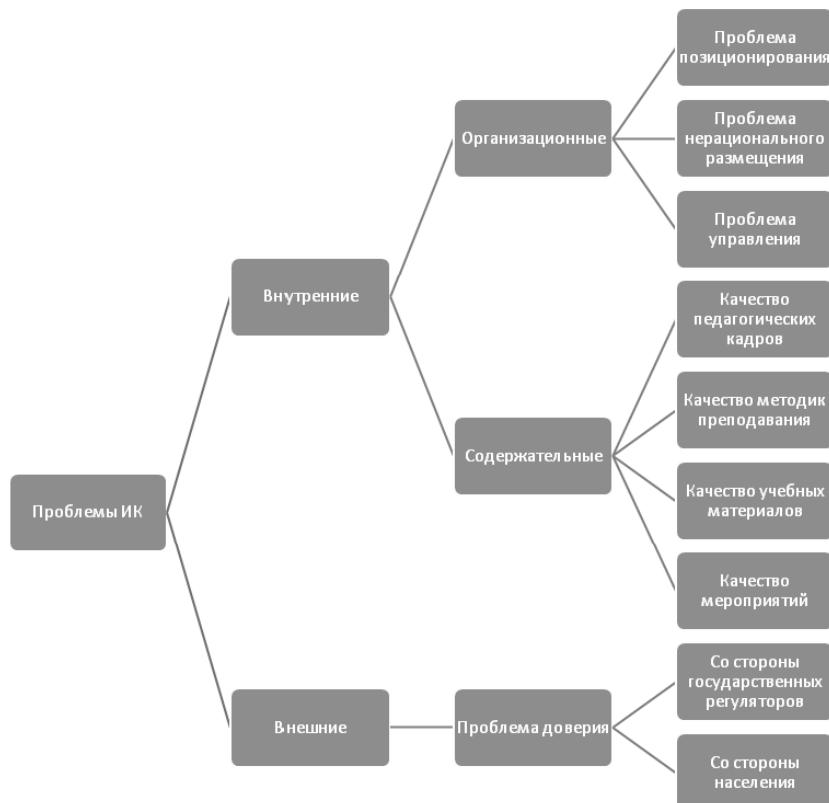

Рис. 1. Составлено автором на основании анализа публикаций китайских исследователей [Гао Инцзэ, Сун Мэнсяо; Ли Цзя, Мяо Цюминь, Ли Гэфэй; Фань Минь, Ли Гоцин] и др.

Проблема нерационального размещения отмечается многими китайскими экспертами [Ван Хуэй, 2019]; [Фань Минь, Ли Гоцин, с. 107]; [Ли Цзя, Мяо Цюминь, Ли Гэфэй, с. 90]. С одной стороны, в интересах глобального позиционирования сначала необходимо проводить оптимизацию размещения (дислокации) на региональном уровне. Если исходить из количества, то большинство Институтов Конфуция расположены в странах и регионах с достаточно высоким

уровнем развития, а число ИК в отсталых странах и регионах крайне ограничено. Как отмечают эксперты, в долгосрочной перспективе такая дислокация лишена стратегической составляющей и не соответствует потребностям развития экономики Китая, и не способствует продвижению китайской культуры в мире [Фань Минь, Ли Гоцин, с. 107]. С другой стороны, сопоставляя объемы торгового оборота Китая с другими странами и количество Институтов Конфуция на территории соответствующих государств-контрагентов, эксперты отмечают, что данное соотношение далеко не везде рационально [Ли Цзяя, Мяо Цюминь, Ли Гэфэй, с. 92].

Проблема управления. Реагируя на обвинения в адрес Институтов Конфуция со стороны ряда западных стран, китайские исследователи стали говорить об уменьшении влияния Госсовета на работу Институтов Конфуция и процесс диверсификации источников их финансирования. Однако ряд исследователей считает, что структура управления ИК все еще незрелая и руководство со стороны государства является необходимостью [Ван Хуэй, 2019]. Ответом китайского правительства стала реорганизация Штаб-квартиры Институтов Конфуция (Ханьбань), ослабление государственного регулирования деятельности ИК и изменение механизмов их финансирования путем создания Центра языкового образования и сотрудничества (ЦЯОС) и Китайского международного фонда образования (КМФО) [Селезнева, с. 167].

Говоря о проблеме управления, китайские эксперты также отмечают необходимость обратной связи от Институтов Конфуция и подчеркивают, что из-за несвоевременной оценки и контроля слабые и неперспективные ИК «оттягивают на себя» финансирование и не дают в полной мере развиваться лучшим [Фань Минь, Ли Гоцин, с. 107]. Однако оценка работы самих Институтов Конфуция часто вызывает вопросы. Так, ежегодно на всемирном съезде ИК проводится оценка деятельности и выделяется список передовых Институтов (Классов) Конфуция, список передовых сотрудников Институтов Конфуция, включающий как директоров с китайской и зарубежной сторон, так и других деятелей от системы образования, принимавших активное участие в работе Институтов (Классов) Конфуция, определяется список лучших вузов-партнеров с китайской

стороны, а также список образцовых ИК¹. Между тем, критерии выдвижения на данные номинации не прозрачны, не известны широкой общественности и нередко выбор кажется случайным или же обусловленным не реальными достижениями Институтов Конфуция или вкладом отдельных лиц в дело развития ИК, а некими политическими причинами.

Проблема качества организации учебного процесса. Китайские исследователи в первую очередь отмечают острую нехватку профессиональных педагогических кадров, невысокое качество учебных материалов и недостатки методики преподавания. Хуан Цзинъян называет эту проблему проблемой «трех *цзяо*»². Это обусловлено тем, что стремительное расширение сети Институтов Конфуция требует большого числа преподавателей, в то время как в вузах Китая набор на специальность китайский язык как иностранный недостаточен, поэтому в качестве преподавателей китайского языка за рубеж отправляются не профессиональные преподаватели, а недавние выпускники бакалавриата и магистратуры по смежным гуманитарным специальностям [Кунцзы сюэюань...] и даже волонтеры, которые еще являются студентами и не имеют ни опыта преподавания, ни опыта межкультурной коммуникации, а также плохо владеют иностранными языками [Хань Лицзюнь, Моу Дай; Гао Инцзэ, Сун Мэнсяо]. Именно поэтому нельзя гарантировать ни качество преподавания китайского языка, ни умения решать проблемы, возникающие при межкультурном общении.

Нехватка профессиональных преподавателей является причиной отсталости методов преподавания и неочевидности результатов обучения. Китайские эксперты отмечают, что с одной стороны, китайским университетам необходимо увеличить усилия по подготовке преподавателей высокого уровня, чтобы обеспечить высокий уровень преподавания. С другой стороны, пользоваться возможностями

¹ См. журнал «Институт Конфуция», например, Институт Конфуция. Вып. 34. 2016. № 1. С. 12–20.

² В китайском языке сложносокращенное слово *саньцзяо* традиционно обозначало три учения (конфуцианство, буддизм и даосизм). Здесь мы видим новое, авторское прочтение данного слова.

проекта *шуан и лю*¹ для построения высококлассных курсов по преподаванию китайского языка. Исследователи также указывают на примитивность методик проведения занятий, которые опираются на традиционные методы преподавания и не стремятся углублять культурологическую составляющую обучения. Кроме того, большинство исследователей отмечают низкий уровень адаптивности учебных пособий, которые не соответствуют запросам различных категорий обучающихся в разных странах и регионах мира.

Китайские специалисты также отмечают, что несмотря на разнообразие культурных мероприятий, проводимых Институтами Конфуция, они не способствуют появлению интереса к изучению китайского языка у широких масс. Это обусловлено тем, что культурные мероприятия ИК тяготеют к формализму, в них не хватает привлекательных «брендовых» акций, поэтому число участников, довольных этими мероприятиями, невелико. Невысокое качество подготовки преподавателей для работы в Институтах Конфуция тоже не способствует их популярности. А ведь оно имеет ключевое значение, ибо «все учебные мероприятия организуются преподавателями, поэтому именно они являются связующим звеном и нервным центром всей системы» [Гао Инцзэ, Сун Мэнсяо, с. 108].

Фань Минь и Ли Гоцин считают самой главной проблемой Институтов Конфуция **проблему доверия** [Фань Минь, Ли Гоцин, с. 107]. Представляется, что данная проблема является внешней по отношению к вышеперечисленным проблемам, поскольку отражает восприятие Институтов Конфуция государственными структурами и общественностью тех стран, где они располагаются, но во многом обусловлена именно внутренними причинами.

Китайские исследователи полагают, что проблема доверия, с которой сталкиваются Институты Конфуция, главным образом связана с тем, что из-за культурных расхождений за рубежом существует ошибочное восприятие Институтов Конфуция, которые намерено или случайно (при активном участии СМИ) трактуются как полити-

¹ Проект *шуан и лю* — это политика Китая в области образования, предполагающая формирование кластера элитных университетов и вхождениях их в число мировых лидеров [Кузнецова, Машкина].

зированные организации, что ставит под вопрос легитимность их существования и приводит к кризису идентификации [Фань Минь, Ли Гоцин, с. 107]. Хуан Цзинъянь говорит о двух основных вызовах, стоящих перед Институтами Конфуция за рубежом: ИК рассматриваются через призму «культурного гегемонизма» Китая и в качестве «китайской угрозы». Причем эти вызовы имеют место на фоне бума изучения китайского языка и интереса к китайской культуре [Хуан Цзинъянь]. Помимо этого, китайские исследователи сами отмечают, что негативное отношение к Институтам Конфуция и к Китаю вызвано в том числе и тем, что правительства и народы других стран могут ощущать давление и страх от того, что Китай превосходит их по многим параметрам [Шу Цзяньго, Фань Сяогэ, Цяо Сяогэ, с. 149].

Подобное восприятие ИК за рубежом связывают с тем, что «присутствие» китайского правительства в работе Институтов Конфуция чрезмерно. С системной точки зрения, строительство и развитие ИК невозможно без признания и поддержки правительства. С позиций финансирования, основным его источником остается правительство, поскольку до сих пор общественность не готова финансировать этот проект. «Насколько общество будет готово финансировать Институты Конфуция напрямую связано с тем, насколько Институты Конфуция будут обладать притягательностью и перспективами развития» [Фань Минь, Ли Гоцин, с. 108]. Как представляется, это в первую очередь связано с решением проблемы позиционирования.

Кроме того, негативное восприятие общественностью Институтов Конфуция связывают с тем, что местные СМИ нередко говорят о том, что ИК являются инструментами идеологической пропаганды Китая [Шу Цзяньго, Фань Сяогэ, Цяо Сяогэ, с. 149], подрывают научную свободу и независимость тех университетов, где они базируются [Фань Минь, Ли Гоцин, с. 107] и др.

Помимо этого, следует отметить, что на негативное восприятие Институтов Конфуция самым непосредственным образом влияет факт качества организации учебного процесса, педагогических кадров, методик преподавания, учебных пособий и проводимых культурных мероприятий, поскольку непрофессионализм и формальный подход способны разочаровать тех, кто решает соприкоснуться с ки-

тайской культурой и китайским языком, а чрезмерная активность, с другой стороны, может восприниматься как культурная экспансия.

Подводя итог, следует отметить, что несмотря на то, что за 15 лет функционирования Институтов Конфуция накопилось множество проблем, однако продолжение их деятельности говорит о жизнеспособности данной институции как инструмента «мягкой силы» Китая. Можно определенно говорить, что Институты Конфуция в своем развитии сейчас находятся в стадии перехода от количественного к качественному этапу. Эффективность перехода от экстенсивного развития к интенсивному во многом будет зависеть, с одной стороны, от того, насколько успешно будут решаться внутренние проблемы Институтов Конфуция, а с другой стороны, насколько успешно будет реализован переход от односторонней модели работы к двусторонней (в том числе и в плане открытости «внутренней кухни»), от одностороннего преподавания языка к культурной интегрированности и межкультурному диалогу. Представляется, что прозрачность для широкой общественности системы функционирования, управления, оценки и финансирования Институтов Конфуция, совместная работа китайских и местных специалистов над повышением качества образовательных услуг, общий поиск путей решения проблем позволит трансформировать односторонний процесс в процесс двусторонний и будет способствовать тому, что настороженность и подозрительность к Институтам Конфуция сменится желанием конструктивного сотрудничества с ними во имя общего блага. Это взаимодействие станет свидетельством эффективности культурной «мягкой силы» Китая и подтверждением того, что Институты Конфуция являются ее действенным инструментом.

Библиографический список

Бельченко А.С. Деятельность Институтов Конфуция в Российской Федерации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-institutov-konfutsiya-v-rossii-yskoy-federatsii> (дата обращения: 08.04.2021).

Бород О.Н. Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 62–111.

Кузнецова В.В., Машкина О.А. Проект «Шуан и лю»: глобализация китайского высшего образования // Образовательная политика. URL: <https://edpolicy.ru/chinese-education> (дата обращения: 20.04.2021).

Леонтьева Э.О., Белокопытова М.С. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituty-konfutsiya-kak-instrument-vneshney-politiki-knr> (дата обращения: 15.04.2021).

Михнеевич С.М. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mudrets-pomogaet-podnebnoy-razvitiye-seti-institutov-konfutsiya-kak-instrument-realizatsii-politiki-myagkoi-sily-knr-v-bolshoy> (дата обращения: 15.04.2021).

Полный текст доклада Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 15.04.2021).

Самойлова М.П., Лобанова Е.А. Правовое регулирование деятельности Институтов Конфуция в России. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-institutov-konfutsiya-v-rossii> (дата обращения: 08.04.2021).

Селезнева Н.В. Реорганизация Канцелярии по распространению китайского языка (Ханьбань): судьба Институтов Конфуция // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 166–176.

Ван Хуэй. Синь шидай Кунцзы сюэюань дэ фачжань луцзин : [Пути развития Институтов Конфуция в новую эпоху]. URL: http://www.cssn.cn/zx/bwyc/201903/t20190305_4842813_1.shtml (дата обращения: 18.04.2021) (На кит.яз.)

Ван Хуэй. Цзиной дашуцзю дэ «и дай и лу» яньсяянь гоцзя Кунцзы сюэюань фэнъбу яньцзюй: [Изучение размещения Институтов Конфуция в странах, призывающих к «Поясу и Путям» на основе больших данных] // Юньнань шифань дасюэ сюэбао. 2019. № 1. URL: https://www.sohu.com/a/373503979_312708 (дата обращения: 20.04.2021) (На кит.яз.).

Гао Инцээ, Сун Мэнсяо. Синь шадай Кунцзы сюэюань дэ фачжань куньцзин юй цзецзюэ цзяньи : [Сложности развития Институтов Конфуция в новую эпоху и рекомендации к решению проблем] Кайфэн цзяои сюэюань сюэбао. 2019. № 6. С. 38–39. (На кит.яз.).

Кунцзы сюэюань фачжань гуйхуа (2012–2020 нянь) [План развития Институтов Конфуция с 2012 по 2020 гг.]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt_gzdt/s5987/201302/t20130228_148061.html (дата обращения: 20.04.2021). (На кит.яз.).

Ли Цзя, Мяо Цюминь, Ли Гэфэй. Кунцзы сюэюань мянълинь дэ цзегоусин куньцзин юй бяньгэ луцзин: [Структурные проблемы, которые стоят перед Институтами Конфуция и пути реформирования] // Чанцзян шифань сюэюань сюэбао. 2019. № 3. С. 90–97. (На кит.яз.).

Лю Баоцунь, Чжан Юнцзюнь. «И дай и лу» яньсянь гоцзя Кунцзы сюэюань фачжань сяньчжуан, вэньти юй гайгэ луцзин : [Современное состояние, проблемы и пути реформ Институтов Конфуция в странах, примыкающих к Поясу и Пути] // Синань дасюэ сюэбао (шэхуэй кэсюэбань). 2019. № 2. С. 74—80. (На кит.яз.).

Фань Минь, Ли Гоцин. Синь шидай бэйцзин ся Кунцзы сюэюань мяньлинь дэ куньцзин юй чжуаньсын луцзин : [Проблемы, перед которыми стоят Институты Конфуция в новую эпоху и пути преобразований] // Гайгэ юй кайфан. 2019. № 17. С. 106—109. (На кит.яз.).

Фу Липин, Ли Ган. Кунцзы сюэюань юй Чжунго вэнъхуа жуаньшили дэ ти-шэн : [Институты Конфуция и рост китайской культурной мягкой силы] // Наньцзин Сяочжуан сюэюань сюэбао. 2011. № 2. С. 97—102. (На кит. яз.).

Хань Лицзюнь, Moy Дай. Кунцзы сюэюань вэнъхуа чуаньбо дэ куньцзин юй индуй — и Элосы дасюэ кунцзы сюэюань вэй ли : [Трудности распространения культуры Институтами Конфуция и их преодоление — на примере Институтов Конфуция в вузах России] // Жэнъминь лунътанс. 2016. № 4. С. 253—255. (На кит. яз.).

Хуан Цзинъянь. Хайвай Кунцзы сюэюань дэ фачжань куньцзин юй цецизюэ луцзин : [Сложности развития зарубежных Институтов Конфуция и пути их решения] // Цзюаньцзун. 2017. № 20. URL: <http://www.qikan.com.cn> (дата обращения: 18.04.2021). (На кит.яз.).

Шинин гоцзи чжунвэнь цзяоюй шие фачжань: цзяоюйбу шэли чжунвай юй-янь цзяолю хэцзо чжунсинь : [Адаптация к развитию международного преподавания китайского языка: Министерство образования учреждает Центр языкового образования и сотрудничества]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-07/05/content_5524342.htm (Дата обращения: 05.04.2021). (На кит.яз.).

Шу Цзяньго, Фань Сяогэ, Цяо Сяогэ. Кунцзы сюэюань чэнчжан куньцзин юй индуй : [Проблемы взросления Институтов Конфуция и их преодоление] // Чанбай сюэкань. 2017. № 1. С. 149—156. (На кит.яз.).

References

Belchenko, A.S. (2010). Deyatel'nost' Institutov Konfutsiya v Rossiiskoi Federatsii [Activities of Confucius Institutes in the Russian Federation]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-institutov-konfutsiya-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 08 April, 2021). (In Russian).

Borokh, O.N. (2015). Rol' kul'tury v narashchivaniii potentsiala «myagkoi sily» KNR [The role of culture in building up the potential of China's «soft power»],

«*Myagkaya sila*» v otnosheniyakh Kitaya s vnesnim mirom [«Soft power» in China's relations with the outside world]. M.: IDV RAN [IFES RAS], 2015: 62–111. (In Russian).

Fan Min, Li Guoqing (2019). Xin shidai beijing xia Kongzi xueyuan mianlin de kunjing yu zhuanxing lujing [Problems facing Confucius Institutions in the new era and ways of transformation], *Gaige yu kaifang* [Reform and opening], No. 17: 106–109. (In Chinese).

Fu Liping, Li Gang (2011). Kongzi xueyuan yu Zhongguo wenhuan ruanshili de tisheng [Confucius Institutions and the Rise of Chinese Cultural Soft Power], *Nanjing Xiaozhuang xueyuan xuebao* [Journal of Nanjing Xiaozhuang Institute], No. 2: 97–102. (In Chinese).

Gao Yingze, Song Mengxiao (2019). Xin sidai kongzi xueyuan de fazhan kunjing yu jiejue jianyi [Difficulties in the development of Confucius Institutions in the new era and recommendations for solving problems], *Kaifeng jiaoyu xueyuan xuebao* [Journal of Kaifeng Institute of Education], No. 6: 38–39. (In Chinese).

Han Lijun, Mou Dai (2016). Kongzi xueyuan wenhua chuanbo de kunjing yu yingdui — Eluosi daxue Kongzi xueyuan wei li [Difficulties in spreading culture by Confucius Institutes and their overcoming — on the example of Confucius Institutes in Russian universities], *Renmin luntan* [People's Forum], No. 4: 253–255. (In Chinese).

Huang Jingyan (2017). Haiwei Kongzi xueyuan de fazhan kunjing yu jiejue lunjing [Difficulties in the development of foreign Confucius Institutes and ways to solve them], *Juanzong* [The File], No. 20. URL: <http://www.qikan.com.cn> (accessed: 18 April, 2021). (In Chinese).

Kongzi xueyuan fazhan guihua (2012–2020 nian) [Development plan of Confucius Institutes 2012–2020]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/gzdt/s5987/201302/t20130228_148061.html (accessed: 20 April, 2021). (In Chinese).

Kuznetsova, V.V.; Mashkina, O.A. (2019). Proekt «Shuan i lyu»: globalizatsiya kitaiskogo vyshego obrazovaniya [Shuang Yi Liu Project: Globalization of Chinese Higher Education], *Obrazovatel'naya politika* [Educational Policy]. URL: <https://edpolicy.ru/chinese-education> (accessed: 20 April, 2021). (In Russian).

Leontyeva, E.O.; Belokopytova, M.S. (2016). Instituy Konfutsiya kak instrument vneshei politiki KNR [Confucius Institutions as an Instrument of the Chinese Foreign Policy]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instituy-konfutsiya-kak-instrument-vneshey-politiki-knr> (accessed: 15 April, 2021). (In Russian).

Li Jia, Miao Jumin, Li Gefei. (2019). Kongzi xueyuan mianlin de jiegouxing kunjing yu biange lujing [Structural problems facing Confucius Institutes and ways of reform], *Changjiang shifan xueyuan xuebao* [Journal of Changjiang Normal University], No. 3: 90–97. (In Chinese).

Liu Baocun, Zhang Yongjun (2019). «Yi dai yi lu» yanxian guojia Kongzi xueyuan fazhan xianzhuang, wenti yu gaige lujing [Current state, problems and ways of reforms of Confucius Institutions in the Belt and Road countries], *Xinan daxue xuebao (shehui kexueban) [Journal of Southwest University (Social Science Edition)]*, No. 2: 74—80. (In Chinese).

Mikhnevich, S.M. (2015). Mudrets pomogaet Podnebesnoi: razvitiye seti Institutov Konfutsiya kak instrument realizatsii politiki «myagkoi sily» KNR v Bol'shoi Vostochnoi Azii [The sage helps the Celestial Empire: the development of a network of Confucius Institutions as a tool for the implementation of China's «soft power» policy in Greater East Asia]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mudrets-pomogaet-podnebesnoy-razvitiye-seti-institutov-konfutsiya-kak-instrument-realizatsii-politiki-myagkoy-sily-kr-v-bolshoy> (accessed: 15 April, 2021). (In Russian).

Polnyi tekst doklada Si Tsin'pina na 19-m s'ezde KPK [Full text of Xi Jinping's speech at the 19th CPC Congress]. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (accessed: 15 April, 2021). (In Russian).

Samoilova, M.P.; Lobanova, E.A. (2017) Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Institutov Konfutsiya v Rossii [Legal regulation of the activities of Confucius Institutes in Russia]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-institutov-konfutsiya-v-rossii> (accessed: 08 April, 2021). (In Russian).

Selezneva, N.V. (2021) Reorganizaciya Kancelarii po rasprostraneniyu kitajskogo yazyka (Han'ban'): sud'ba Institutov Konfuciya [The Office of Chinese Language Council International's (Hanban) Reorganization: The Fate of the Confucius Institutes], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Affairs]*, No. 2: 166—176 (In Russian).

Shu Jianguo, Fan Xiaoge, Qiao Xiaoge (2017). Kongzi xueyuan chengzhang kunjing yu yingdui [Problems of Maturing Confucius Institutions and Overcoming Them], *Changbai xuekan [Journal of Changbai]*, No. 1: 149—156. (In Chinese).

Wang Hui (2019). Jiyu dashuju de «yi dai yi lu» yanxian guojia kongzi xueyuan fenbu yanjiu [Study of the location of Confucius Institutes in the countries adjacent to the «Belt and Road» on the basis of big data], *Yunnan shifan daxue xuebao [Journal of Yunnan Normal University]*. URL: https://www.sohu.com/a/373503979_312708 (accessed: 20 April, 2021) (In Chinese).

Wang Hui (2019). Xin shidai kongzi xueyuan de fazhan lujing [Development Ways of Confucius Institutions in the New Era]. URL: http://www.cssn.cn/zx/bwyc/201903/t20190305_4842813_1.shtml (accessed: 18 April, 2021). (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-306-322

К.К. Меркулов

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ГЛАЗАХ СТАРЕЙШЕГО ИТАЛЬЯНСКОГО «МОЗГОВОГО ЦЕНТРА» (АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЗА 2020 ГОД)

Светлой памяти родителей посвящаю¹

Аннотация. В данном аналитическом обзоре отражены некоторые, на взгляд составителя, особо важные идеи избранных семи научных документов и материалов (подготовленных на английском

¹ Особые слова благодарности автор априори адресует — вслед за Высшими Небесными Силами — своим замечательным родителям — профессору К.А. Меркулову (1924—1999) и профессору Э.А. Меркуловой (1933—2017).

Далее, автор тепло благодарит за доброе содействие всех своих учителей, друзей и коллег. В числе последних особо искренне и сердечно автор настоящего обзора благодарит де-факто «отца-основателя» идеи подготовки данного проекта д.и.н., профессора РАН А.В. Ломанова (ныне — заместителя директора ИМЭМО РАН им. Е.М. Приамкова); ответственного редактора и составителя ежегодного научного издания «Китай в мировой и региональной политике. История и современность», ведущего научного сотрудника ИДВ РАН к.э.н. Е.И. Сафонову и своего непосредственного начальника — руководителя Центра научной информации и документации ИДВ РАН, заместителя Директора ИДВ РАН по научной работе, главного редактора электронного научного журнала «Восточная Азия: факты и аналитика», ведущего научного сотрудника к.э.н. Т.Е. Горчакову, которые вместе с другими руководителями и сотрудниками ИДВ РАН оказали и оказывают автору комплексное содействие в работе. Наконец, автор особо благодарит видного отечественного дипломата и талантливого ученого-международника Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ по особым поручениям, скромно пожелавшего остаться инкогнито, за ряд его бесценных исходных дружеских замечаний к тексту данного проекта.

языке докладов, аналитических статей и др.) старейшего итальянского «мозгового центра» в сфере международных дел — Института международных политических исследований (ISPI) о внешней политике Китая за 2020 г. Источник ссылок в сети Интернет на рассматриваемые документы — электронная версия профильного издания, подготовленного под эгидой Программы аналитических центров и гражданского общества (TTCSP) Пенсильванского университета (США), а именно — «Глобальный индекс докладов «мозговых центров» за 2019 год» [McGann, James G.]. Указанный материал (в первую очередь в части перечня ключевых научных докладов ведущих мировых «мозговых трестов» за 2019 г.) стал исходной методической основой настоящей работы, новизна и оригинальность которой связана с тем, что она впервые вводит в научный оборот положения и контент вышеуказанного документа.

Большинство из рассматриваемых в обзоре материалов свидетельствуют о несомненном интересе их авторов к феномену «подъема Китая» и особенностям международной «экспансии» КНР как бурно развивающейся региональной и мировой силы. Более того, знакомство с рассматриваемыми НИР приводит к выводу о том, что для исследователей ISPI, воспитанных в общем духе западной политологической школы, в целом характерны схожие концептуально-аналитические и прочие (теоретико-методологические, научно-методические и научно-практические) подходы к рассматриваемой теме, что и обусловило возможность подготовки данного обзора в целостном ключе.

Тезисная характеристика в этой работе ряда особо важных, на взгляд составителя, идей выбранных синологическо-геополитических научных документов (на английском языке) ISPI¹ за 2020 г. находит на мысль о том, что эти материалы дают в целом объективное представление о приоритетах современной внешней политики КНР и некоторых особенностях ее реализации.

¹ Н.В. Институт международных политических исследований — ISPI (полное официальное название на итальянском *Istituto per gli Studi di Politica Internazionale*), основанный в 1934 г., является старейшим итальянским аналитическим центром, специализирующимся на проблемах международных отношений. Аналитический подход ISPI отличается pragmatичностью, беспристрастностью, всесторонностью и междисциплинарностью. В классификациях Global Go to Think Tank Index в течение последних лет ISPI был подтвержден как один из ведущих аналитических центров мира. (Подробнее см.: сайт ISPI в сети «Интернет» www.ispionline.it. См. также: ISPI (Italy). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Institute_for_International_Political_Studies).

Ключевые слова: Китай (КНР), внешняя политика КНР, сино-логические документы и материалы (на английском языке), Институт международных политических исследований (ISPI).

Автор: Меркулов Катенарий Катенарьевич, доктор экономических наук (Международная Академия наук Сан-Марино), кандидат исторических наук (МГИМО), старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-6244-1800. E-mail: katenariy@gmail.com

K.K. Merkulov

The oldest Italian “think tank” on China’s foreign policy: analytical survey for 2020

Im memorium to my parents

Abstract. This analytical review reflects some particularly important, to the humble opinion of the compiler, ideas of selected 7 scientific documents and materials (reports, analytical articles, etc. in English) of the oldest Italian “brain trust” = “think tank” in the sphere of international affairs (ISPI, Institute for International Political Studies) about Chinese foreign policy for 2020. The source of references to the electronic versions of the documents under consideration in the Internet is initially the electronic version of the specialized publication, edited by the Think Tanks & Civil Societies Program (TTCSP) of the University of Pennsylvania (USA) [McGann, James G.]. This document (in particular, in the list of the best scientific reports of the world’s leading “brain trusts” for 2019) became the initial methodological basis for this endeavor, novelty and originality of which is determined by the fact that it introduces provisions of the aforementioned document into scientific circulation for the first time.

Most of the materials considered in the review illustrate the undoubted interest of their authors in the phenomenon of the “rise of China” and peculiarities of the international “expansion” of the PRC as a rapidly developing regional and world power. Moreover, acquaintance with the research projects under consideration leads to the conclusion that ISPI researchers brought up in the general spirit of the Western political science school are generally characterized by similar conceptual-analytical, etc. (theoretical-methodological, scientific-methodological and scientific-practical) approaches to the topic under consideration, which made it possible to prepare this review in a holistic manner.

As a result, the thesis presentation in this analytical review of some particularly important, in the opinion of the compiler, ideas of selected sinological-geopolitical scientific documents and materials (in English) of ISPI for 2020 gives a generally quite adequate idea of the priorities of the PRC's modern foreign policy and a number of features of its implementation.

Keywords: China (PRC), PRC foreign policy, sinological documents and materials (in English), Institute for International Political Studies (ISPI).

Author: Katenariy K. MERKULOV, Dr.Sc. (Economics) (International Academy of sciences of San Marino), Ph.D. (Hist.) (MGIMO), Senior Research Fellow, Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-6244-1800.

E-mail: katenariy@gmail.com

Данный обзор является логическим продолжением аналогичной работы, ранее подготовленной составителем по публикациям ряда ведущих зарубежных «мозговых центров» за 2019 г. и нацеленный на заполнение определенного информационного «вакуума» в связи с отсутствием практически во всех китаеведческих центрах нашей страны прямого регулярного доступа к ряду оригинальных источников, в частности на китайском языке.

В данном аналитическом обзоре отражены некоторые особо важные, на взгляд составителя, идеи выбранных семи научных документов и материалов старейшего итальянского «мозгового треста» в сфере международных дел — Института международных политических исследований (далее ISPI) — о внешней политике Китая в 2020 г., расположенных в алфавитном порядке «по возрастающей».

1. Доклад ISPI, озаглавленный «Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) и фактор (отсутствия) китайского миростроительства на Ближнем Востоке», был подготовлен 29 января 2020 г. Гаем Бертоном, экспертом Версалиусского колледжа (Брюссель) [The BRI and the (lack of) Chinese peace-building in the Middle East, 2020].

Основные идеи этого исследования могут быть представлены следующим образом:

1) «Может ли инициатива Китая «Пояс и путь» (ИПП) помочь разрешить некоторые конфликты на Ближнем Востоке? Представ-

ляет ли она механизмы обеспечения мира в регионе?», — такие вопросы могут стать еще более актуальными в ближайшие годы. За последнее десятилетие Ближний Восток стал менее стабильным ввиду относительного американского военного и экономического упадка и при разрушении ряда слабых региональных государств, подвергнувшихся атакам повстанческих и радикальных группировок, таких, как Аль-Каида и ИГИЛ (запрещены в РФ).

2) Несмотря на надежды, связанные с ИПП, краткий ответ на поставленные выше вопросы — видимо, «нет». Безусловно, проект ИПП с его акцентом на строительстве инфраструктуры от дорог до портов и электростанций может показаться привлекательным для тех стран, которые стремятся к восстановлению своих экономик после многих лет разрушений и войны. И руководители Китая подчеркнули факт взаимовыгодности ИПП и для КНР, и для стран-партнеров, решивших присоединиться к Инициативе. Неудивительно, что к началу 2020 г. практически все страны Ближнего Востока и Северной Африки проявили интерес к тому, чтобы стать частью ИПП.

3) Проект ИПП также способствует позитивизации взглядов региональных правительств и обществ на Китай. С 2005 г. Исследовательский центр Пью (*Pew*) опросил людей во всем мире на предмет того, имеют ли они положительное мнение о Китае или нет. До 2015 г. глобальная и региональная оценки в целом совпадали, причем около половины опрошенных отвечали утвердительно. С тех пор региональное одобрение населением стран Ближнего Востока и Северной Африки действий Китая возросло до 60 % по сравнению с падением в остальном мире примерно до 40 %.

4) Но несмотря на оптимистичный взгляд на Китай и ИПП на Ближнем Востоке, его будет недостаточно для решения существенных проблем, стоящих перед регионом. Причин для этого несколько: а) некоторые страны получат больше выгод от ИПП, чем другие; б) у Китая нет большого опыта отношений с такими странами, как Сирия, Йемен или Ливия; в) даже если бы китайские фирмы были бы готовы и могли предложить свои возможности для реконструкции, их было бы недостаточно, чтобы побороть разрушительные последствия войны на Ближнем Востоке; г) вуалирование роли КНР

имеет не только финансовый, но и идеологический характер — лидеры Китая изображают быстрый экономический рост своей страны как форму «мирного развития»; д) взгляды Китая на мирное восстановление на Ближнем Востоке игнорируют ряд важных аспектов этого процесса; е) уже была высказана критика сирийского режима в его действиях по послевоенному восстановлению.

5) Итак, если ИПП спровоцирует конфликты, последствия будут весьма значительными. Они не только сузят перспективы восстановления и примирения в затронутых конфликтом государствах, но также могут повредить восприятию Китая региональным сообществом как мировой державы. Возможно, по этой причине усилия Китая по позиционированию себя как миротворца и ИПП — как средства для достижения мира до сих пор были довольно сдержанными.

В целом можно отметить, что этот доклад может представлять интерес не только для профильных профессионалов, но и для более широкой читательской аудитории.

2. Комментарий «Китай стучится в дверь Индии?» был подготовлен под эгидой ISPI Кьярой Сервасио (докторантом Университета Бирмингема, Великобритания) 10 марта 2020 г. [Is China Knocking on India's Door?, 2020].

Основные идеи этого исследования таковы:

1) С тех пор, как Пекин начал наращивать свою мощь в северо-западной части Индийского океана, Нью-Дели отказался быть пассивным зрителем. Некоторые индийские политики интерпретировали действия Китая в этом регионе через призму теории «Жемчужного ожерелья», согласно которой Китай стремится получить доступ к ряду стратегически важных мест в Индийском океане, чтобы расширить свою военную мощь. Такой сценарий стратегического окружения напугал руководство Индии, которое проводит политику, часто не соответствующую интересам Китая, пытаясь защитить свои приоритеты в области безопасности и экономики в этом районе.

2) Как следствие, две страны оказались в плена взаимного недоверия и искаженного взаимного восприятия, которые некоторые ученые характеризуют как китайско-индийскую «дилемму безопасности», когда каждая сторона считает себя обороняющейся, приписывая другим враждебные намерения.

3) Нью-Дели имеет ряд интересов в северо-западной части Индийского океана. Как и Китай, Индия является одним из крупнейших в мире потребителей энергии, и ее энергетическая безопасность тесно связана с этим регионом. Таким образом, контрольные точки в Индийском океане и укрепление безопасности и экономических связей с прибрежными странами имеют стратегическое значение для Индии. Такие связи также имеют решающее значение для обеспечения страны минеральными и иными ресурсами, необходимыми для индийской экономики. Кроме того, Нью-Дели придает большое значение данному региону как опоре своей безопасности, статуса и национальной идентичности. Будучи жертвой колониализма, Индия разработала собственную «доктрину Монро», согласно которой контроль над прилегающими водами и установление оборонительного периметра в Индийском океане остаются в основе ее национальных приоритетов и экономической независимости. Таким образом, Нью-Дели стремится к расширению исключительной сферы влияния Индии в регионе в общем контексте ее роли региональной великой державы. Такая цель будет серьезно поставлена под угрозу, если Китай попытается установить свою гегемонию в регионе.

4) Ввиду этого, Индия, подобно Китаю, пытается упрочить свое стратегическое положение в северо-западной части Индийского океана, расширяя масштабы действий военно-морского флота и внедряя многосторонние совместные инициативы по безопасности на море.

Кроме того, как закреплено в Индийской морской доктрине 2015 г., Нью-Дели выстраивает в ареале Индийского океана свой образ «добросовестного, законопослушного сетевого поставщика безопасности», приверженного делу взаимной кооперации с региональными странами для решения проблем безопасности на море и традиционных проблем безопасности. Интересно, что без явного упоминания Китая основными угрозами безопасности в доктрине считаются «государства с историей агрессии против Индии и страны, в которых продолжаются споры или поддерживающие враждебное отношение к национальным интересам Индии».

5) Примечательно, что США, Япония и Австралия активно поддержали усилия Индии по обеспечению безопасности на море и

официально одобрили стремление Нарендры Моди преобразить Азиатско-Тихоокеанский регион в «Индо-Тихоокеанский», что ставит Нью-Дели в центр региональных стратегических связей. Кроме того, инициатива по установлению Четырехстороннего диалога по безопасности между Вашингтоном, Токио, Нью-Дели и Канберрой (англ. *Quadrilateral Security Dialogue, QSD, Quad*)¹ направлена на противодействие проникновению КНР в Индийский океан.

6) Что касается инициативы «Пояс и путь» (ИПП), Пекин попытался привлечь Индию к своему «Экономическому поясу Шелкового пути» и «Морскому Шелковому пути», однако страна сохранила двойственную позицию. Несмотря на фактическое участие в некоторых проектах ИПП, Нью-Дели официально не присоединился к этой инициативе и запустил серию континициатив, таких, как «Project Mausam» и «Spice Rout».

7) Новые стратегические шаги Нью-Дели не остались незамеченными Пекином, который почувствовал себя окруженным Индией и ее западными союзниками. В таком затруднительном положении нельзя исключать усиление китайско-индийской конкуренции в северо-западной части Индийского океана в ближайшие несколько лет. Взаимные чувства недоверия и обиды проявляются в китайско-индийских отношениях и еще больше подпитываются продолжающимся пограничным спором вокруг Тибета и борьбой сторон за региональное и даже мировое лидерство. Тем не менее, новые угрозы безопасности в Индийском океане, а именно — пиратство и тер-

¹ Имеется в виду международный стратегический диалог, реализуемый США, Японией, Австралией и Индией, который подразумевает проведение регулярных встреч по проблематике безопасности. Инициирован в 2007 г. японским премьер-министром Синдзо Абэ при поддержке американского вице-президента Дика Чейни, австралийского премьера Джона Говарда и индийского премьер-министра Манмохана Сингха. При этом подчеркивается, что объединение представлено исключительно демократическими государствами. Дипломатические и военные соглашения первого диалога (он проходил на фоне крупных военных учений) были направлены на сокращение влияния Китая в регионе Индийского и Тихого океанов; китайское руководство выступило решительно против, выразив формальный протест всем участникам диалога. В ряде источников *Quad* рассматривается как «азиатское подобие НАТО». Подробнее см., например: Четырехсторонний диалог по безопасности. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Четырехсторонний_диалог_по_безопасности (дата обращения: 03.06.2021).

поризм, открыли беспрецедентные перспективы китайско-индийского сотрудничества и укрепления доверия, особенно в Аденском заливе. Создание образа друг друга в качестве партнеров, а не конкурентов, может помочь обеим сторонам совместно продвигать общие интересы в этой области. Будет ли северо-западная часть Индийского океана оставаться не военизированным, безопасным и мирным районом — это зависит от готовности и способности лиц, принимающих решения в Китае и Индии, понимать и учитывать взаимные интересы, проблемы и страхи в предстоящие годы — резюмирует автор этого исследования.

Подводя итог, можно отметить, что данное исследование представляет интерес для весьма широкой читательской аудитории.

3. Досье под названием «Игры безопасности Китая в Индийском океане» было подготовлено под эгидой ISPI 10 марта 2020 г. и отредактировано Анналисой Пертегелла и Джулией Ширати — научными сотрудниками этого института [Looking West: China's Security Games in the Indian Ocean, 2020].

Краткое содержание этого исследования таково: «Северо-Запад Индийского океана находится в зоне особого внимания Китая в течение последних двух десятилетий. Инициатива «Пояс и путь» (ИПП) укрепила имидж страны как ответственного участника и успешного экономического партнера. Кроме того, Организация Объединенных Наций узаконила оборонные операции и операции по обеспечению безопасности в этом районе». В связи с этим в досье рассматриваются следующие вопросы: «В какой степени роль Китая в обеспечении безопасности в регионе зависит от его экономических возможностей, включая инвестиции? Как более активная региональная роль Пекина может повлиять на отношения Китая с основными действующими лицами в этом регионе? Какой ответ будет в этой связи со стороны Индии — традиционной доминирующей силы в северо-западной части Индийского океана?».

Резюмируя содержание данного документа, следует особо отметить, что оно носит специфический профессиональный характер, а также имеет региональные рамки и в этом качестве может представлять интерес, прежде всего, для экспертов в исследуемой сфере.

4. Доклад группы экспертов ISPI «Картографирование глобального будущего Китая: игра в мяч или раскачивание лодки?» был подготовлен коллективом авторов (Аксель Беркофски, Джулия Ширати и др.) 28 января 2020 г. [Mapping China's Global Future: Playing Ball or Rocking the Boat?, 2020].

Главные идеи этого доклада можно резюмировать так: «Будущая роль Китая на мировой арене зависит от сочетания его сильных и слабых сторон. Стремительный рост мощи Пекина в экономическом плане сопровождался **увеличением военных расходов и усилением внешнеполитических позиций КНР**. Но страна также сталкивается с **потенциальной негативной реакцией**, примером которой являются протесты в Гонконге, причем еще неизвестно, повлияет ли (и как) **борьба со вспышкой коронавируса** на имидж Китая за рубежом». В этом контексте в докладе рассматриваются некоторые ключевые аспекты **региональной и глобальной внешней политики Китая**, и авторы анализируют основные факторы, которые мотивируют и формируют предпочтения, идеалы и действия Китая. Также авторы выясняют, как КНР взаимодействуют со своими партнерами, союзниками и конкурентами.

Резюмируя содержание этого доклада, следует отметить, что это системное исследование заслуживает прочтения в оригинале всеми заинтересованными специалистами. При этом можно предположить, что доклад задумывался как некое развитие ряда предыдущих очень важных фундаментальных синологических исследований, выполненных ведущими аналитическими центрами США и Запада, в том числе под редакцией Дэвида Шамбо (например, «Картографирование будущего Китая» (2011) и др.).

5. Научно-исследовательская разработка (НИР) «США, Китай и Ближний Восток: три перехода и четыре сценария будущего» издана 29 января 2020 г. под эгидой ISPI. Автор НИР — Уильям Ф. Векслер, эксперт Центра Рафика Харiri и программы Ближнего Востока (Атлантический Совет) [The United States, China and the Middle East: Three Transitions and Four Futures, 2020].

Основные идеи этого исследования заключаются в следующем:

— Ближний Восток является принципиально нестабильной зоной мира. Угрозы региональной стабильности ранее регулярно воз-

никали там в результате противоречий и между правительствами, и между внутренними силами стран региона. Это, вероятно, будет продолжаться в течение десятилетий. Однако, заглядывая в будущее, стабильности региона будут все больше угрожать относительно новые, в основном внешние тренды. Важнейшим из них будет взаимодействие трех незавершенных переходных процессов: усиление регионального влияния Китая, перспектива сокращения региональных ресурсов и мощи США и изменение глобального стратегического подхода США к Китаю.

— С учетом этих трех продолжающихся факторов можно предложить четыре сценария для Ближнего Востока в обозримом будущем:

1) Первый сценарий состоит в том, что США останутся единственной крупной державой на Ближнем Востоке, как это было в прошлом.

2) Второй сценарий — в том, что Ближний Восток станет региональным географическим «театром» глобального противостояния великих держав — США и Китая. Это — худший из возможных вариантов.

3) Третий сценарий состоит в том, что США полностью уйдут из этого региона.

4) Четвертый сценарий заключается в том, что Ближний Восток в значительной степени станет областью сотрудничества Китая и США, которые скоординируют там свою деятельность на основе их взаимной заинтересованности в энергетическом сырье, стабильности и экономическом процветании. По мысли автора, это — «наиболее позитивный результат».

— В настоящее время большинство американских экспертов на Ближнем Востоке мало знают Китай, и аналогичным образом относительно немногочисленные китайские ученые слишком часто не разбираются в региональных интересах и политике США. Поскольку, к сожалению, «естественная тенденция» свидетельствует в пользу негативных сценариев, крайне важно, чтобы экспертные диалоги начинались всерьез и как можно скорее.

В целом следует отметить, что данное исследование также носит преимущественно специфический профессиональный, а также ра-

мочно-региональный характер и в этом качестве может представлять интерес, прежде всего, для специалистов в исследуемой сфере. Тем не менее, из-за системного подхода этой разработки она может быть интересной и для более широкой читательской аудитории.

6. Научно-исследовательская разработка (НИР) из серии «Стратегии ЕС и США» на тему «Почему глобальные державы присматриваются к Центральной Азии» была подготовлена под эгидой ISPI и вышла в свет 13 февраля 2020 г. Автор — Джулия Ширати, научный сотрудник этого института (Китайская программа) [Why Global Powers Are Eyeing Central Asia, 2020].

Основные идеи этого исследования могут быть обобщены следующим образом:

1) Новая стратегия США для Центральной Азии (ЦА) была обнародована 5 февраля 2020 г. в Вашингтоне и опубликована после ежегодного саммита инициативы «С5 + 1» в Ташкенте, столице Узбекистана, где государственный секретарь США М. Помпео встретился с представителями пяти республик Центральной Азии — Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

2) В последние несколько лет западный мир вновь сосредоточился на регионе, который с 2013 г. был в значительной степени интегрирован в китайскую инициативу «Пояс и путь» (ИПП). Стратегия США фактически следует в русле стратегии ЕС, опубликованной примерно год назад.

3) Значительное сходство двух стратегий очевидно. Для начала, и ЕС, и США рассматривают Центральную Азию как автономный блок, отделенный от других великих держав в Азии, таких как Китай и Россия. США по-прежнему особенно активно предлагают региону альтернативу инвестиционной системе Китая, стремясь предоставить Центральной Азии различные варианты участия. Хотя в стратегиях ЕС и США не упоминается ИПП, оба текста явно исходят из роста присутствия Китая в регионе, причем, на фоне сближения интересов Пекина и Москвы. Россия все еще имеет ряд преимуществ в сферах формирования политического и культурного ландшафта ЦА и обеспечения безопасности региона. Наряду с принципом независимости, США ставят в основу своей стратегии лозунги о суверени-

тете и территориальной целостности центральноазиатских стран. А три приоритетных «узла», представленные в стратегии ЕС, концентрируются вокруг понятий устойчивости, процветания и сотрудничества.

4) Интересно, что и ЕС, и США рассматривают энергетические проблемы региона, уделяя первостепенное внимание безопасности, особенно афганскому мирному процессу и проницаемости региональных границ. Обе стратегии ставят Афганистан в центр внимания. С одной стороны, ЕС продолжает рассматривать страну как «особый случай», который нуждается в конкретной, адресной политике. С другой стороны, США придерживаются более широкой линии, направленной на использование исторических, культурных и этнических связей между Афганистаном и остальной частью Центральной Азии, а также де-факто на превращение Афганистана в полностью интегрированное государство Центральной Азии.

5) Интересно отметить, что в качестве «отправного пункта» своих новых стратегий ЕС и США определили политические изменения, которые произошли в регионе за последние пять лет. С точки зрения ЕС, после кончины в 2016 г. Ислама Каримова (лидера Узбекистана на протяжении 30 лет) процессы открытости, начатые его преемником Шавкатом Мирзиёевым, являются важными движущими силами региональных изменений. Действительно, западные державы истолковали цель Мирзиёева по снижению напряженности в отношениях с Таджикистаном как признак того, что новый ренессанс для Центральной Азии медленно, но приближается. По словам первого заместителя помощника госсекретаря по Южной и Центральной Азии Государственного департамента США посла А. Уэллс, теперь можно «играть в Центральной Азии», что подчеркивает готовность США к активному участию в делах региона. Пока что стратегия США не вызвала реакции других акторов, вовлеченных в дела региона, а именно — Китая и России и даже самого ЕС, но дискуссии о способности американской стороны «внедрять международный подход к региону» уже развернулись в академических и научных кругах.

6) Хотя стратегии ЕС и США благоприятно корелируют, они основаны на принципах, которые не являются новыми и не опира-

ются в полной мере на «революционный» дух, который был характерен для Центральной Азии в последние годы. Кроме того, обе стратегии не предоставляют четкого плана реализации намеченных целей. Эта неопределенность, несомненно, отчасти облегчает бремя реализации стратегий, ибо не предусматривает четких планов и выделения конкретных средств для их достижения, делая эти документы более похожими на «декларации о намерениях», а не на «дорожные карты», ориентированные на цель. Как отметил эксперт Центра стратегии европейской безопасности Йос Бунстра, гибкость документа ЕС заключается в том, что его цель — просто «ориентировать европейскую политику в отношении Центральной Азии на предстоящее десятилетие» путем выявления приоритетов взаимодействия ЕС с регионом.

7) Основной риск при выдвижении двух разных (и потенциально конкурирующих) стратегий для ЦА заключается в том, что они, похоже, не способны содействовать уравновешиванию в регионе позиций США и ЕС с одной стороны и позиций Китай и Россию — с другой, и в этом есть конфликтогенный потенциал. Хотя Центральная Азия стремится стать независимым регионом, она все еще в значительной степени зависит от доходов центральноазиатских трудящихся-мигрантов в России, а также от финансируемых Китаем инфраструктурных проектов на местах. В то же время Москва остается политическим и культурным «маяком» для Центральной Азии, и поэтому именно образование становится сферой, на которую нужно ориентироваться, чтобы увеличить «мягкую силу» Запада в ЦА. И ЕС, и США включили в свои стратегии культурные и образовательные факторы.

8) Кроме того, Пекин и Москва сохраняют преимущество, создавая разнообразную кооперационную архитектуру в ЦА, в том числе в лице различных международных форумов и структур. Что же касается форумов «ЕС—Центральная Азия» и «С5 + 1», то Евросоюз и США опираются на два отдельных механизма, которые оставляют мало места для коллективного сотрудничества, и взаимодействие в которых может оказаться слишком слабым, чтобы иметь значение.

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что оно тоже носит преимущественно специфический, рамочно-региональный

характер и в этом качестве может представлять интерес, прежде всего, для профильных специалистов.

7. Научно-исследовательская разработка (НИР) «Станет ли нефть ахиллесовой пятой китайской инициативы «Пояс и путь»?» была подготовлена под эгидой ISPI и презентована 29 января 2020 г. Автор этого исследования — Насер аль-Тамими, независимый политический консультант и журналист [Will Oil Become the Achilles Heel of China's BRI?, 2020]. Один из главных выводов этой НИР состоит в том, что Пекин оказался перед «сложным выбором»: «Если Китай хочет усилить свое влияние в странах ИПП, то ему придется участвовать в сложной геополитике этих регионов и быть более настойчивым в использовании там своих стратегических активов». По-видимому, автор считает активность Пекина в этом ключе недостаточной.

Оценивая исследование в целом, отметим, что оно имеет довольно широкий геостратегический охват и в этом качестве может представлять интерес не только для специалистов в указанной сфере, но и для востоковедов широкого круга научных интересов, геополитологов, геоэкономистов и других специалистов-международников.

Поводя итоги настоящему обзору, автор констатирует, что анализ семи избранных синологическо-геополитических научных документов ISPI за 2020 г. дает основание сделать вывод об объективном и взвешенном характере рассмотренных материалов, содержащих в целом адекватную характеристику приоритетов современной внешней политики КНР и особенностей ее реализации. Разумеется, указанные публикации полностью не заполняют остающийся «информационный вакуум» в данной сфере, и это обуславливает целесообразность проведения дальнейших исследований новейших публикаций соответствующей тематики.

Библиографический список

Is China Knocking on India's Door?, Italian Institute of Political Studies (ISPI) (Italy). URL:<https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/china-knocking-indias-door-25322> (accessed: 05.05.2021).

Looking West: China's Security Games in the Indian Ocean, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/looking-west-chinas-security-games-india-n-ocean-25308> (accessed: 28.03.2020).

Mapping China's Global Future: Playing Ball or Rocking the Boat?, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/mapping-chinas-global-future-playing-ball-or-rocking-boat-24927> (accessed: 10.03.2020).

McGann James G. 2019 Global Go To Think Tank Index Report (2020). TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports. 270 p. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=think_tanks (accessed: 10.03.2021).

The BRI and the (lack of) Chinese peace-building in the Middle East, Italian Institute for International Political Studies (ISPI) (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/bri-and-lack-chinese-peacebuilding-middle-east-24946> (accessed: 10.03.2020).

The United States, China and the Middle East: Three Transitions and Four Futures, ISPI (Italy). (URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/united-states-china-and-middle-east-three-transitions-and-four-futures-24948> (accessed: 09.03.2020).

Why Global Powers Are Eyeing Central Asia, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/why-global-powers-are-eyeing-central-asia-25064> (accessed: 10.03.2020).

Will Oil Become the Achilles Heel of China's BRI?, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/will-oil-become-achilles-heel-chinas-bri-24949> (accessed: 10.03.2020).

References

Is China Knocking on India's Door?, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/china-knocking-indias-door-25322> (accessed: 5 May, 2021).

Looking West: China's Security Games in the Indian Ocean, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/looking-west-chinas-security-games-india-n-ocean-25308> (accessed: 28 March, 2020).

Mapping China's Global Future: Playing Ball or Rocking the Boat?, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/mapping-chinas-global-future-playing-ball-or-rocking-boat-24927> (accessed: 10 March, 2020).

McGann, James G. 2019 Global Go To Think Tank Index Report (2020). TTCSP Global Go To Think Tank Index Reports, 270 p. URL: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=think_tanks (accessed: 10 March, 2021).

The BRI and the (lack of) Chinese peace-building in the Middle East, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/bri-and-lack-chinese-peacebuilding-middle-east-24946> (accessed: 10 March, 2020).

The United States, China and the Middle East: Three Transitions and Four Futures, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/united-states-china-and-middle-east-three-transitions-and-four-futures-24948> (accessed: 9 March, 2020).

Why Global Powers Are Eyeing Central Asia, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/why-global-powers-are-eyeing-central-asia-25064> (accessed: 10 March, 2020).

Will Oil Become the Achilles Heel of China's BRI?, ISPI (Italy). URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/will-oil-become-achilles-heel-chinas-bri-24949> (accessed: 10 March, 2020).

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КНР

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-323-336

Л.В. Захарова

О МЕЖДУНАРОДНОМ ЗНАЧЕНИИ КИТАЙСКОГО ОПЫТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ: ПРИМЕНИМОСТЬ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ СЕВЕРНОЙ КОРЕИ¹

Аннотация. Официально в Северной Корее все еще существует социалистическая плановая экономика, в которой средства производства принадлежат государству и общественным организациям. Однако процессы «маркетизации снизу», происходящие в стране с 1990-х годов, и отдельные меры по децентрализации управления экономикой, предпринимаемые «сверху», актуализируют вопрос о перспективах развития экономической системы КНДР в контексте опыта других бывших социалистических стран.

В статье рассматриваются сходства и различия между направлениями экономических реформ в КНР при Дэн Сяопине в конце 1970-х—конце 1980-х годов и изменениями в системе экономического управления в КНДР при Ким Чен Ыне.

В 2012—2014 гг. в Северной Корее был внедрен комплекс мер по увеличению самостоятельности хозяйствующих субъектов и воз-

¹ Автор благодарит Вячеслава Всеволодовича Карлусова, профессора кафедры мировой экономики МГИМО МИД России за ценные комментарии к первому варианту данной статьи.

можностей для материального стимулирования, включающих переход на более мелкие производственные звенья в сельском хозяйстве и расширение хозяйственных прав предприятий в рамках «социалистической системы ответственности за управление предприятиями». Результаты этих мер фактически поставили рынок на место «полезного дополнения» к плану, как это было в КНР на первом этапе реформ. При этом Китай уже на начальной стадии преобразований пошел на законодательное признание частного хозяйства, ограниченно использующего наемный труд. А Северная Корея пока не спешит двигаться в этом направлении, осуждая идеи развития многоукладности и диверсификации форм собственности. Кроме того, в северокорейской ситуации весьма ограничены возможности использования элемента «открытости» из китайской модели реформ, несмотря на отдельные попытки руководства страны привлечь инвестиции в СЭЗ. Действующие международные санкции фактически отрезали КНДР от мировой финансовой системы и существенно ограничили возможности внешней торговли.

Автором сделан вывод о том, что КНДР находится на начальном этапе перехода от командно-административной экономики к рыночной, однако это камуфлируется официальной риторикой и имеет свою специфику. Нарастающее глобальное противостояние США и Китая, стимулирующее Пекин к продолжению экономической поддержки Пхеньяна, может позволить руководству КНДР отложить проведение экономических преобразований, позволяя и дальше балансировать на тонкой грани «недореформ» в условиях враждебной внешней обстановки.

Ключевые слова: КНДР, Северная Корея, экономика, экономические реформы, китайский опыт реформ, Ким Чен Ын.

Автор: Захарова Людмила Владимировна, кандидат экономических наук, ученый секретарь ИДВ РАН, ведущий научный сотрудник Центра корейских исследований ИДВ РАН.

ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@ifes-ras.ru

L.V. Zakharova

International Significance of the Chinese Experience of Economic Reforms: Applicability for Contemporary North Korea

Abstract. North Korea still has a socialist planned economy in which the means of production are owned by the state and collective organizations. However, “marketization from below” has been taking place in the

country since the 1990s, and the authorities have introduced individual measures to decentralize economic management. These processes make it relevant to look into the prospects of the DPRK's economic system in the context of the experience of other former socialist countries.

The article examines similarities and differences between directions of economic reforms in the PRC under Deng Xiaoping in the late 1970s – late 1980s and changes in the economic management system of the DPRK under Kim Jong-un. In 2012–2014, North Korea introduced a set of measures to increase the independence of economic units and provide opportunities for material incentives. They included a transition to smaller production units in agriculture and an expansion of management and production rights of enterprises. The results of these measures actually put the market in place of a “useful addition” to planning, as it was in the PRC at the first stage of reforms. China went to legally recognize a private economy at the initial stage of transformation. However, North Korea is still far from moving in that direction and keeps condemning diversification of forms of ownership in a socialist state. In addition, the possibility of using the element of “openness” from the Chinese reform model is significantly limited in the North Korean case, despite individual attempts by the country's leadership to attract investment in special economic zones. The unresolved nuclear issue and the current international sanctions have effectively cut off the DPRK from the world financial system and significantly limited the scope of foreign trade.

The article concludes that the DPRK is at the initial stage of transition from the command economy to the market one, but this is camouflaged by official rhetoric. Moreover, the growing global confrontation between the United States and China may stimulate Beijing to continue economic support for Pyongyang. And this support may allow the DPRK leadership to postpone economic reforms and continue balancing on the level of “under-reform” in a hostile external environment.

Keywords: DPRK, North Korea, economy, economic reforms, Chinese reforms model, Kim Jong-un.

Author: Liudmila V. ZAKHAROVA, Ph.D. (Economics), Academic Secretary, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0001-6164-3518. E-mail: zakharova@ifes-ras.ru

В 2017 г. на XIX съезде Коммунистической партии Китая было объявлено о международной ценности китайского опыта, готовности нести в мир «китайскую мудрость и китайский вариант для ре-

шения проблем человечества» [Виноградов, Рябов, с.82]. КНДР, соседняя страна и союзник Китая, всегда с интересом наблюдала за ходом его экономической трансформации, не торопясь, однако, следовать по пути «реформ и открытости». По сообщению Синьхуа, во время визита в Пекин в начале января 2019 г. северокорейский лидер Ким Чен Ын отметил ценность опыта экономического развития КНР и продемонстрировал готовность его изучать. В свою очередь Си Цзиньпин выразил поддержку в отношении политики КНДР по концентрации усилий на экономическом развитии и улучшении жизни народа [Kim Jong Un, Xi Jinping...]. Учитывая укрепление межгосударственных связей Северной Кореи и Китая на современном этапе [Асмолов] и зависимость Пхеньяна от экономических обменов с КНР, вновь актуализируется вопрос о перспективах использования модели экономической трансформации Поднебесной для современной КНДР.

Де-юре в Северной Корее все еще существует социалистическая плановая экономика, в которой средства производства принадлежат государству и общественным организациям (ст. 19,20,34 Социалистической Конституции КНДР) [Socialist Constitution...]). Однако процессы «маркетизации снизу», происходящие в стране с 1990-х годов, и отдельные меры по децентрализации управления экономикой, предпринимаемые «сверху» (особенно интенсивно после прихода к власти Ким Чен Ына в конце 2011 г.), позволяют зарубежным исследователям называть КНДР «последней переходной экономикой» [Koen V., Beom Jinwoan], ставя при этом знак вопроса, поскольку процесс перехода находится все еще в начальной стадии.

Первый этап экономических реформ в Китае (1978—1991 гг.)

В КНР реформы начались с сельской местности и сопровождались передачей производственной ответственности крестьянским дворам, за которыми закреплялись земельные наделы и устанавливались производственные задания [Островский, с. 12—13]. В условиях подворного подряда крестьянине получили право распоряжаться

ся частью произведенной ими продукции, что заметно повысило производительность труда в китайской деревне и стало основой для появления у крестьян товарной продукции [Островский, с. 450]. Семейный подряд по сути восстановил частное хозяйствование крестьян, базирующееся на аренде земли и частной собственности на остальные производственные фонды. Резкий рост продуктивности сельского хозяйства позволил в 1984 г. в целом решить продовольственную проблему в Китае [Карлусов, с. 90]. В городе реформа началась с создания 4-х свободных экономических зон (СЭЗ) в двух провинциях, имевших наиболее тесные связи с заграницей. В них предоставлялись льготные условия для ведения внешнеэкономических связей и привлечения иностранного капитала [Островский, с. 13]. Таким образом, изначально «рыночные очаги» в Китае появились в деревне и в СЭЗ.

В 1984 г. ЦК КПК был провозглашен переход к целевой модели «социалистического планового товарного хозяйства», сопровождавшийся сокращением сферы директивного планирования, расширением хозяйственной самостоятельности и прав предприятий в области производства и сбыта продукции, установления цен, оплаты труда и т. п. В результате, в 1980-е годы в стране сформировалась «двуухколейная система». Она предполагала параллельное существование ареалов и механизмов командно-административного и рыночного регулирования в планировании, ценообразовании, кредитовании и т. д. [Постсоциалистический мир..., с.18]. Целью руководства КНР было повышение жизнеспособности крупных и средних государственных предприятий за счет перевода их на различные формы подрядной ответственности (по аналогии с деревней). Проводились эксперименты по расширению рынка средств производства и товаризации жилья, созданию рынка краткосрочного кредитования, ценных бумаг, совершенствованию системы валютных отчислений, реформе системы инвестиций и внешней торговли и т. д. [Постсоциалистический мир..., с.19]. По мнению В.Я. Портякова, ситуация «полуплановости-полурыночности», порождавшая макроэкономическую нестабильность, крупномасштабную коррупцию и различные формы паразитирования на двухколейности, не могла продолжаться бесконечно долго [Портяков, с. 96]. Решающим шагом пере-

хода к рынку должна была стать реформа цен, объявленная в 1988 г. Однако она привела к высокой инфляции и недовольству населения, вынудив руководство страны замедлить процесс изменений.

Несмотря на все издержки и просчеты, неизбежные в процессе столь масштабных преобразований, реформы 1978—1988 гг. в Китае показали свою результативность в развитии производительных сил страны и повышении уровня жизни населения. За это время ВВП КНР вырос в 3,5 раза (темперы роста — около 9 % в год), а чистые доходы городского и сельского населения увеличились в 4,5 и 5 раз соответственно [Карлусов, с. 91]. При этом по-настоящему переход от административно-командной к рыночной модели экономики в КНР начался только в 1990-е годы, а период с конца 1978 г. до конца 1991 г. можно считать подготовительным [Островский, с. 27].

В 1978—1991 гг. главенство плановых методов хозяйствования сохранялось, а рынку отводилась роль «полезного дополнения» [Постсоциалистический мир..., с. 13]. Важным шагом на пути легализации происходивших на данном этапе изменений стала поправка в Конституцию КНР от 1988 г. о наличии в экономике Китая частных хозяйств, являющихся дополнением к социалистической экономике [Островский, с. 38].

Экономические преобразования в КНДР при Ким Чен Ыне в контексте китайского опыта

В отличие от Китая, где в декабре 1978 г. на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято решение приступить к «серьезной реформе системы экономического управления и методов хозяйствования» [Постсоциалистический мир..., с. 12], в КНДР все санкционируемые властями изменения проводятся в форме «мер по улучшению» системы управления экономикой, а слово «реформа» не употребляется. Таким образом, преобразования происходят *внутри* системы, кардинально не затрагивая ее основ.

Некоторые авторы проводят параллели между китайским опытом экономических реформ при Дэн Сяопине в конце 1970-х—конце 1980-х годов и изменениями в системе экономического управления в

КНДР при Ким Чен Ыне. Например, ученые из Института Седжона (Республика Корея) видят в преобразованиях, которые были начаты в 2010-е годы в сельском хозяйстве и промышленности Северной Кореи, следование по пути «реформ и открытости» [Lee Jong-seok, Choi Eun-ju, p. 25]. Под реформами прежде всего понимается комплекс мер по увеличению самостоятельности хозяйствующих субъектов и возможностей для материального стимулирования, включающих переход на более мелкие производственные звенья в сельском хозяйстве и расширение хозяйственных прав предприятий. Под «открытостью» имеются в виду попытки руководства КНДР расширить внешнеэкономические связи и привлечь иностранные инвестиции в зоны экономического развития, при создании которых активно учитывался китайский опыт [Lee Jong-seok, Choi Eun-ju, p. 42].

«Система ответственности за участок поля» начала вводиться в сельской местности КНДР с 2012 г. и предполагает введение мелкогруппового подряда в рамках сохраняющейся системы сельхозкооперативов. По словам экономистов КНДР¹, конкретные члены кооператива отвечают за обработку конкретных участков колхозной земли, и если там соберут большой урожай, то сверхплановый объем кооператоры могут забирать себе. Несмотря на то, что сами северные корейцы в личной беседе в 2017 г. подчеркивали, что эта система не является «китайской системой аренды», зарубежные исследователи указывали на ее существенное сходство с переходом на семейный подряд в начале реформ в Китае [Gray K., Lee Jong-Woon, p. 61–62]. При этом, если в КНР переход на подворный подряд довольно быстро привел к распуску народных коммун, то в Северной Корее колхозы сохраняются в качестве основной хозрасчетной единицы.

В промышленности с 2014 г. была введена «социалистическая система ответственности за управление предприятиями». Она была закреплена в поправках к Конституции КНДР в 2019 г. и предполагает расширение прав предприятий в области планирования, производства, установления цен, найма рабочей силы, внешней торговли и т. п., а также позволяет привлекать частные инвестиции в государственные и кооперативные предприятия [Lee Inyeop, p. 120–121].

¹ Беседа автора с ними проходила в г. Пхеньян 1 июня 2017 г.

В рамках новой системы в Северной Корее фактически было признано наличие «двойной колеи» в ценообразовании, поскольку продукцию, производимую по региональным и государственным планам, предприятия реализуют по фиксированным государственным ценам, а товары, производимые согласно собственным планам предприятия, продаются по договорной цене. При этом в научной литературе КНДР подчеркивается подчиненный характер «товарооборота по договорам заказа» по отношению к обязательному выполнению поставок в рамках централизованной системы планирования, то есть предприятие может заключать договоры заказа только после выполнения плановых показателей. Такой подход напоминает положение о роли рынка как «полезного дополнения» к плану в КНР на первом этапе реформ.

Что касается такого важного аспекта китайской модели модернизации экономики, как «открытость», в КНДР этот термин напрямую никогда не использовался. Тем не менее, при Ким Чен Ыне была предпринята очередная попытка использовать китайский опыт создания СЭЗ. В 2013 г. в КНДР было создано около 20 новых зон экономического развития с целью «развития внешнеэкономического сотрудничества и обменов, развития национальной экономики и повышения уровня жизни населения». Однако добиться существенного притока иностранных инвестиций в новые СЭЗ Северной Кореи не удалось как по внешним (обострение военно-политической обстановки на Корейском полуострове, введение международных санкций СБ ООН в ответ на ракетные и ядерные испытания Пхеньяна), так и по внутренним причинам (недостаток доверия со стороны инвесторов, плохая инфраструктура и т. п.).

Развитие рыночных отношений в условиях переходной экономики КНР проходило неравномерно, с отступлениями, поскольку вспомогательная роль рынка (допущение договорных цен, право госпредприятий оставлять себе часть прибыли, производить и сбывать сверхплановую продукцию, развитие индивидуального сектора экономики и т. п.) обернулась ослаблением позиций централизованного планирования [Постсоциалистический мир, с. 15]. В КНДР подобная ситуация, вероятно, сложилась к 2019 г. и потребовала от властей принятия ответных мер. В отличие от Пекина, нашедшего

свой вариант сочетания плана и рыночных методов регулирования экономики, Пхеньян все еще продолжает во многом опираться на административные рычаги управления. На V пленуме ЦК Трудовой партии Кореи 7-го созыва (декабрь 2019 г.) была поставлена задача активизировать борьбу против антисоциалистических и несоциалистических явлений, и с 2020 г. власти стали предпринимать попытки усилить контроль над негосударственным сектором экономики, включая функционирование рынков и организацию валютного обмена.

«Северокорейская специфика» и китайская модель реформ

Учитывая существенную разницу экономических параметров КНР в конце 1970-х годов и КНДР в начале 2010-х годов, возможности использования китайского опыта у Северной Кореи с самого начала были ограничены. В Китае в 1978 г. доля населения, занятого в сельском хозяйстве, составляла около 70 % [Островский, с. 225]. По данным переписи 2008 г., в аграрном секторе Северной Кореи было занято лишь 36 % экономически активного населения [DPR Korea 2008...], поэтому реформы в деревне КНДР не смогут дать такой же эффект для всей экономики, как это было в Китае. Кроме того, сельское хозяйство Северной Кореи существенно зависит от промышленности, а именно — от удобрений и электроэнергии для ирригации. В связи с этим, как отмечают некоторые западные исследователи, реформы в промышленном секторе прямо влияют на успех трансформации всей экономической системы страны [Haggard, Noland, p. 235]. Однако преобразования в области управления предприятиями в КНДР пока носят косметический характер, несмотря на то, что с начала 2000-х годов в стране существует частный бизнес под вывеской государственных предприятий [Lankov, Andrei; Ward, Peter; Yoo, Ho-yeol; Kim, Ji-young].

А.Н. Ланьков (Университет Кунмин, Республика Корея) назвал северокорейскую модель преобразований в 2012—2017 гг. «реформами без открытости» [Lankov], включив в нее попытки Ким Чен Ына

достичь экономического роста посредством использования рыночных механизмов одновременно с ужесточением государственного контроля над жизнью общества. В указанный период, после которого импульс к реформам стал угасать, власти КНДР так и не пошли на легализацию частного бизнеса. Хотя позиции директивно-планирового сектора в северокорейской экономике были потеснены, общественная собственность на средства производства остается краеугольным камнем экономической системы КНДР. А Китай уже на первом этапе реформ пошел на законодательное признание существования в стране частного хозяйства, ограниченно использующего наемный труд. В 1981 г. индивидуальное хозяйство было признано одной из составных частей структуры собственности на средства производства в Китае [Карлусов, с. 22]. Однако Северная Корея пока не спешит двигаться в этом направлении. Более того, идеи развития многоукладности, диверсификации форм собственности, акционирования социалистических предприятий в официальных северокорейских изданиях называют признаками реставрации буржуазных порядков, которую нельзя ни в коем случае допускать.

Мнения ученых о перспективах продолжения Пхеньяном рыночных реформ различаются. Например, профессор Чо Сынмин (Daniel K. Inouye Asia-Pacific Center for Security Studies, США) выделяет внутренние причины в качестве основных препятствий для восприятия Пхеньяном опыта «реформ и открытости» КНР. Исследователь настаивает на том, что Северная Корея не пошла по китайскому пути, поскольку ослабление политического контроля и децентрализация власти, которые были неизбежны в процессе реформ при Дэн Сяопине, могли бы привести к коллапсу нынешней политической системы КНДР. И именно подобные опасения руководства страны не позволяют ему провести эффективные экономические реформы, даже если международные экономические санкции будут ослаблены, а внешняя обстановка станет благоприятной [Cho Sungmin, р. 305]. Другие исследователи, напротив, на примере Китая показывают важность улучшения внешнеполитических условий для успешного проведения в стране экономических реформ и достижения экономического роста [Lee Inyeop, р. 102]. В результате делается вывод о том, что в случае Северной Кореи, находящейся под международны-

ми санкциями и в состоянии военно-политической конфронтации с США, возможность сколь-либо значимых реформ продолжает зависеть от улучшения внешних условий путем нормализации дипломатических отношений с Вашингтоном.

Политические рассуждения часто затмевают экономические реалии и де-факто происходящий в КНДР переход от командно-административной экономики к рыночной. При этом данный переход все еще находится на начальной стадии, распространены элементы директивности, прежде всего для крупных предприятий и стратегически важных отраслей. Де-юре сохраняется общественная собственность на средства производства, сопровождающаяся, однако, феноменом камуфлирования де-факто частной собственности и развития частного предпринимательства. Китай тоже проходил этап подобной «социальной мимикрии» [Карлусов, с. 74—81]. В этом контексте для Северной Кореи может оказаться продуктивным использование идеи разделения прав собственности и прав хозяйствования, сопровождавшее переход к рынку в КНР. Однако в условиях сложной внешнеполитической обстановки главной задачей КНДР является сохранение государственного суверенитета, и скорость дальнейшего движения по пути «улучшения» методов управления экономикой будет во многом зависеть от уверенности руководства страны во внутренней стабильности. При этом нарастающее глобальное противостояние США и Китая, стимулирующее Пекин к продолжению экономической поддержки Пхеньяна, может ослабить необходимость ускорения рискованных экономических реформ для властей КНДР.

Библиографический список

Асмолов К.В. Начало нового этапа китайско-северокорейских отношений (2018—2020 гг.) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. М.: ИДВ РАН. 2020. С. 243—261. DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015.

Виноградов А.В., Рябов А.В. Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 69—86. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05

Карлусов В.В. Частное предпринимательство в Китае. М.: Вост. лит., 1996. 382 с.

Островский А.В. Китай становится экономической сверхдержавой. М.: Институт Дальнего Востока РАН: ООО «Издательство МБА», 2020. 496 с.

Портяков В.Я. Муравей грызет кость. Избранные очерки о Китае: монография. М.: ИД «ФОРУМ», 2018. 464 с.

Постсоциалистический мир: итоги трансформации / под общ. ред. С.П. Глинкиной: в 3 т. СПб.: Алетейя, 2018. Т.3. Азиатские модели реформирования. Возможности и вызовы для России / отв. ред. Г.Д. Толорая. 184 с.

Cho Sungmin. Why North Korea Could Not Implement the Chinese Style Reform and Opening? The Internal Contradiction Between Economic Reform and Political Stability // Journal of Asian Security and International Affairs. 2020. № 7(3). P. 305—324. DOI: 10.1177/2347797020962625

DPR Korea 2008. Population Census National Report. Central Bureau of Statistics. Pyongyang, DPR Korea, 2009. 273 p.

Gray Kevin, Lee Jong-Woon. Following in China's footsteps? The political economy of North Korean reform // The Pacific Review. 2017. № 30:1. P. 51—73. DOI: 10.1080/09512748.2015.1100666

Haggard Stephan, Noland Marcus. Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. Stanford, California: Stanford University Press, 2017. 321 p.

Kim Jong Un, Xi Jinping held fourth summit on Tuesday, Xinhua confirms // NK News. 10.01.2019. URL: <https://www.nknews.org/2019/01/kim-jong-un-xi-jinping-held-fourth-summit-on-tuesday-xinhua-confirms/> (accessed: 11.01.2019).

Koen Vincent, Beom Jinwoan. North Korea: The last transition economy? OECD Economics Department Working Papers. ECO/WKP (2020)15. No. 1607. DOI: 10.1787/82dee315-en

Lankov Andrei. North Korea under Kim Jong-un: Reforms without Openness? // Foreign Policy Research Institute. 06.06.2018. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/06/north-korea-under-kim-jong-un-reforms-without-openness/> (accessed: 05.05.2021).

Lankov Andrei; Ward Peter; Yoo Ho-yeol; Kim Ji-young. Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s // Journal of East Asian Studies. 2017. № 17. P. 51—67. DOI:10.1017/jea.2016.30

Lee Inyeop. Can North Korea Follow China's Path? A Comparative Study of the Nexus Between National Security and Economic Reforms // Pacific Focus. 2019. Vol. XXXIV. No. 1 (April). P. 102—126. DOI: 10.1111/pafo.12135

Lee Jong-seok, Choi Eun-ju. Demystifying the North Korean Economy // Sejong Institute. November 2019. URL: <http://www.sejong.org/boad/1/egoread.php?bd=56&itm=&txt=&pg=1&seq=5270> (accessed: 05.05.2021).

Socialist Constitution. URL: http://naenara.com.kp/main/index/en/politics?arg_val=leader3 (accessed: 01.05.2021).

References

- Asmolov, K.V. (2020). Nachalo novogo etapa kitaisko-severokoreislikh otnoshenii (2018—2020 gg.) [The beginning of a new stage in China-North Korea relations (2018—2020)], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'* [China in World and Regional Politics. History and Modernity], iss. XXV (25): 243—261. (In Russian). DOI: 10.24411/2618-6888-2020-10015.
- Vinogradov, A.V.; Ryabov, A.V. (2019). Politicheskie sistemy postsovetskikh stran i Kitaya v protsesse mezhsisternoi transformatsii [Political Systems of Post-Soviet States and China in the Process of Inter-System Transformation], *Polis. Political Studies*, no. 3: 69—86. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.03.05
- Karlusov, V.V. (1996). Chastnoe predprinimatel'stvo v Kitae [Private business in China], Moscow: *Vostochnaya literatura [Oriental Literature]*, 382 p. (In Russian).
- Ostrovskiy, A.V. (2020). Kitay stanovitsya ekonomicheskoi sverkhderzhavoy [China becomes economic superpower], Moscow: *IFES RAS, Izdatelstvo [Publishing House] MBA*. (In Russian).
- Portyakov, V.Ya. (2018). Muravey gryzет kost'. Izbrannye ocherki o Kitae [Ants gnawing at a bone. Selected texts of a Russian sinologist], Moscow: *FORUM*, 464 p. (In Russian).
- Postotsotsialisticheskiy mir: itogi transformatsii [Post-socialist world: results of transformation] (2018) / Glinkina, S.P. (ed.), Volume 3: Aziatskie modeli reformirovaniya. Vozmozhnosti i vyzovi dlya Rossii [Asian models of reforms. Opportunities and challenges for Russia] / Toloraya, G.D. (ed.), Saint-Petersburg: Aleteya PH, 184 p. (In Russian).
- Cho, Sungmin (2020). Why North Korea Could Not Implement the Chinese Style Reform and Opening? The Internal Contradiction between Economic Reform and Political Stability, *Journal of Asian Security and International Affairs*, 7(3): 305—324. DOI: 10.1177/2347797020962625
- DPR Korea 2008. Population Census National Report (2009). *Central Bureau of Statistics, Pyongyang*, DPR Korea.
- Gray Kevin, Lee Jong-Woon (2017). Following in China's footsteps? The political economy of North Korean reform, *The Pacific Review*, 30(1): 51—73. DOI: 10.1080/09512748.2015.1100666
- Haggard Stephan, Noland Marcus (2017). Hard Target: Sanctions, Inducements, and the Case of North Korea. *Stanford, California: Stanford University Press*, 321 p.
- Kim Jong Un, Xi Jinping held fourth summit on Tuesday, Xinhua confirms, *NK News*. 10.01.2019. URL: <https://www.nknews.org/2019/01/kim-jong-un-xi-jinping-held-fourth-summit-on-tuesday-xinhua-confirms/> (accessed: 11 January, 2019).

Koen, Vincent; Beom Jinwoan (2010). North Korea: The last transition economy? *OECD Economics Department Working Papers* No. 1607. ECO/WKP (2020)15. DOI: 10.1787/82dee315-en

Lankov, Andrei (2018). North Korea under Kim Jong-un: Reforms without Openness?, *Foreign Policy Research Institute*. 06.06.2018. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/06/north-korea-under-kim-jong-un-reforms-without-openness/> (accessed: 5 May, 2021).

Lankov, Andrei; Ward, Peter; Yoo, Ho-yeol; Kim, Ji-young (2017). Making Money in the State: North Korea's Pseudo-State Enterprises in the Early 2000s, *Journal of East Asian Studies*, no 17: 51–67. DOI:10.1017/jea.2016.30

Lee Inyeop (2019). Can North Korea Follow China's Path? A Comparative Study of the Nexus Between National Security and Economic Reforms, *Pacific Focus*, vol. XXXIV, no. 1: 102–126. DOI: 10.1111/pafo.12135

Lee Jong-seok, Choi Eun-ju (2019). Demystifying the North Korean Economy, *Sejong Institute*, November. URL: <http://www.sejong.org/boad/1/egoread.php?bd=56&itm=&txt=&pg=1&seq=5270> (accessed: 5 May, 2021).

Socialist Constitution. URL: http://naenara.com.kp/main/index/en/politics?arg_val=leader3 (accessed: 1 January, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-337-351

B.A. Матвеев

БОРЬБА С ИЗМЕНЕНИЕМ КЛИМАТА — НОВАЯ АРЕНА ПРОТИВОБОРСТВА КИТАЯ И США

Аннотация. В статье рассматривается стратегическая проблема изменения климата и выброса парниковых газов в проекции на актуальные китайско-американские отношения.

Автор подчеркивает, что главным направлением современного развития мировой энергетики признан массовый переход технологически развитых стран к широкому использованию возобновляемых источников энергии и вытеснению ископаемых видов топлива — так называемый энергетический переход. В процессе энергетического перехода дается импульс не только инновационному развитию, но и кардинальным изменениям в энергетической политике различных государств. Причем главное изменение в этой политике связано с ее акцентом на декарбонизации энергетического баланса.

Отмечается, что борьба за «климатическую нейтральность» может стать как основой для глобального сотрудничества, так и вылиться в противостояние, если декарбонизация не станет компонентом внутренней и внешней энергетической политики стран-оппонентов.

В результате ожидаемых трансформаций мировой энергетики предполагается значительное перераспределение сил основных

стран — участников мирового энергетического рынка. При этом в число влиятельных «игроков» вошел и Китай.

Администрацией президента Дж. Байдена признается заметное отставание темпов развития американской зеленой энергетики от соответствующего показателя в странах-конкурентах, прежде всего — в Китае. В связи с этим нынешняя американская администрация намерена внести проблему изменения климата в центр своей внешней политики, а также и всего комплекса вопросов национальной безопасности.

В статье говорится о противоречиях национальных интересов различных групп стран по вопросам парниковых выбросов. Китай поддерживает идею переадресации повышенных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов странам «золотого миллиарда», освободив от существенной природоохранной нагрузки развивающиеся государства.

Проблемы климата и экологии становятся одной из центральных тем мировой действительности. США и Китай, как главные загрязнители атмосферы углекислым газом (CO₂), вынуждены быть лидерами повестки изменения климата.

Тематика соответствующих обсуждений на страновом и межстрановом уровнях касается не только сотрудничества в совместных проектах, но и конкурентной борьбы, которая захватывает сферы редкоземельных ресурсов, куплю-продажу инновационного оборудования, ограничения и запреты в работе угольных теплоэлектростанций.

Вашингтон предлагает широкий спектр климатического взаимодействия с Пекином: от сотрудничества до демаршей, но прежде всего США рассматривают климат как сферу принципиального соперничества с Китаем.

Серьезной предпосылкой соперничества США и КНР является возрастающая потребность в редкоземельных и других минералах, необходимых для энергетического перехода. Однозначный переход к зеленой энергетике спровоцирует резкий рост спроса на эти металлы и их дефицит на мировом рынке.

В итоге стратегической целью нынешних властей США является «захват» лидерства в технологической революции в области возобновляемой энергетики.

Китай в своих стратегических документах запланировал достижение «климатической нейтральности» в течение 40 лет. Для этого

КНР, крупнейшему в мире загрязнителю окружающей среды, понадобится совершить настоящий технологический переворот.

Особо стоит выделить, что, хотя Китай в целом и поддерживает общий мировой климатический тренд, однако никак не в американском понимании.

В статье подчеркивается, что уровень осознания мировой общественностью злободневности внедрения зеленой энергетики еще невысок. Диалог нередко ведется не о сотрудничестве, а о возведении «зеленых» торговых барьеров, вплоть до запрета импорта солнечных модулей и другого оборудования из Китая.

Ключевые слова: зеленая энергетика, возобновляемые источники энергии, энергетический переход, климатическая нейтральность, энергетическая политика, США, Китай.

Автор: Матвеев Владимир Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН. E-mail: matveevva@mail.ru

V.A. Matveev

Struggle against climate changes as a new arena of China-US confrontation

Abstract. The article examines strategic problems of green energy in terms of climate change and greenhouse gas emissions.

The author emphasizes that the main direction of modern development of the world energy is understood as the massive transition of technologically developed countries to the widespread use of renewable energy sources and to the displacement of fossil fuels — the so-called energy transition. In the process of energy transition, not only innovative development takes place, but also introduction of fundamental changes in the energy policy of various countries. Moreover, the main change in the energy policy of all countries is their focus on decarbonization.

It is noted, that the struggle for climate neutrality can become both the basis for global cooperation and a trigger for climatic confrontation. As a result of the expected transformations in the world energy sector, a significant shift in the balance of power of the main participants of the world energy market is expected. At the same time, China is now among the influential players.

The administration of President J. Biden recognizes the noticeable lag of American green energy behind its main competitors, primarily China.

In this regard, the American administration intends to bring the problem of climate change on the planet to the center of both its foreign policy and the entire range of national security issues.

The article deals with contradictions of national interests of various groups of countries in the field of greenhouse emissions. China supports the idea of redirecting increased commitments concerning the reduction of greenhouse gas emissions to the countries of the “golden billion”, freeing developing countries from a significant environmental burden. Climate and environmental issues are becoming one of the central topics on the world agenda.

The United States and China, as the main pollutants of the atmosphere with carbon dioxide CO₂, are forced to lead the climate change agenda.

Discussions at the country and intercountry levels concern not only cooperation in joint projects, but also competition. Competition covers areas of rare earth resources, sale and purchase of innovative equipment, restrictions and prohibitions on the operation of coal-fired thermal power plants.

Washington envisions a wide range of interactions with Beijing, from cooperative to hostile ones, but, above all, the United States views the climate as an area of principal rivalry with China.

A significant motive for competition between the United States and China is the growing need for rare earths and other minerals required for energy transition. The transition to green energy will provoke a sharp increase in demand for these metals and their shortage in the world market.

Ultimately, the strategic goal of the current US government is to head the technological revolution in renewable energy.

China in its strategic documents has planned to achieve climate neutrality within next 40 years. To do this, China, the world's largest polluter, will need to revolutionize its technological basis.

It is especially worth highlighting, that although China in a whole supports the general global climate trend, but not in its American interpretation.

Special attention is paid to the fact, that the level of understanding by the world community of the need for green energy is not high yet. The dialogue is often not about cooperation, but about the construction of

green trade barriers, up to the ban on solar modules' import and other equipment from China.

Keywords: green energy, renewable energy sources, energy transition, climate neutrality, energy policy, USA, China.

Author: Vladimir A. MATVEEV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: matveevva@mail.ru

Главным направлением современного развития мировой энергетики признан массовый переход технологически развитых стран к широкому использованию возобновляемых источников энергии и вытеснению ископаемых видов топлива — так называемый энергетический переход [Truby J., Schiffer H.-W].

Это относится не только к развитию и распространению инновационных технологий, но и внесению кардинальных изменений в энергетическую политику различных государств. При этом главным приоритетом в энергетической политике многих стран является разработка климатической повестки и постановка целей по декарбонизации энергетического баланса, а также стремление повысить энергетическую безопасность, снижая зависимость от импорта углеводородов и наращивая поставки от локальных низкоуглеродных источников [Прогноз развития энергетики...].

В результате ожидаемых трансформаций мировой энергетики предполагается значительное перераспределение расстановки сил основных стран — участников мирового энергетического рынка, в число которых входит и Китай.

На этом фоне активизируется борьба с изменением климата, что в случае конструктивного развития событий может стать основой глобального сотрудничества. Но также она может вылиться в «климатическую борьбу», если декарбонизация не станет компонентом внутренней и внешней энергетической политики стран-оппонентов.

Стоит отметить, что в сфере использования зеленой энергетики США существенно отстают как от Евросоюза, так и от Китая.

По последним данным British Petroleum, по производству объемов электроэнергии возобновляемыми источниками мировым лидером является Евросоюз, на втором месте расположился Китай и

лишь затем — США (табл. 1). Причем, если оба лидера «зеленых» гонок (ЕС и Китай) произвели в 2019 г. сопоставимый объем электроэнергии (768,2 и 732,3 тераватт-часов соответственно), то объемы производства США не достигают и 70 % показателей лидеров (489,8 тераватт-часов).

Темпы прироста объемов производства зеленой электроэнергии в Китае в 2019 г. в сравнении с предыдущим годом также заметно опережают соответствующий показатель США (26,1 % и 17,5 % соответственно).

Таблица 1. Производство электроэнергии возобновляемыми источниками в 2018—2019 гг. (тераватт-часы)

Страны/годы	2018	2019
США	451,6 (18,3)	489,8 (17,5)
Китай	636,4 (25,8)	732,3 (26,1)
ЕС	700,9	768,2
Мир в целом	2468,0	2805,5

Источник: [BP. Statistical Review....].

Структура производства электроэнергии по разным видам источников возобновляемой энергии в странах-лидерах различна (табл. 2). Максимально высоки показатели доли ветряной энергии (в США — 60 %, в Китае — 55 %). В то же время по доле производства солнечной энергии Китай резко обходит США (31 % и 22 % соответственно), что связано с лидерскими позициями Китая в инновационных солнечных технологиях.

Таблица 2. Возобновляемые источники энергии: производство по источникам в 2019 г. (тераватт-часы)

Страны/Вид ВИЭ	Ветер	Солнце	Другие виды ВИЭ	Всего по ВИЭ
США	303,1	108,4	78,3	489,8
Китай	405,7	223,8	102,8	723,3
ЕС	430,7	138,4	199,1	768,2

Источник: [BP. Statistical Review....].

Такое весьма заметное отставание американской зеленой энергетики от показателей основных конкурентов озадачило нынешнюю американскую администрацию. В связи с этим она намерена вынести проблему изменения климата на планете в центр как своей внешней политики, так и всего комплекса вопросов национальной безопасности.

В недавнем выступлении госсекретарь США Э. Блинкен (апрель 2021 г.), озвучил ряд важнейших приоритетов американской внешней политики, связанных с необходимостью преодоления международного кризиса, вызванного глобальным потеплением. Так, в числе приоритетов он выделил активизацию борьбы с изменением климата и развитие зеленой энергетики, а также, что особенно важно, — обеспечение лидерских позиций США в сфере инновационных технологий [Блинкен....].

Особо среди стран-лидеров в контексте развития зеленой энергетики Блинкен выделил Китай, отношения с которым он назвал «главным геополитическим испытанием XXI века». Это связано с тем, что Китай является единственной страной с мощными военно-политическими и экономическими ресурсами, способной бросить вызов стабильной и открытой международной системе. В конечном итоге он отметил, что американо-китайские отношения «будут конкурентными, когда следует, сотрудническими, когда это возможно, и враждебными (антагонистическими), когда это необходимо. И мы будем взаимодействовать с Китаем с позиции силы» [Блинкен....].

Этим выступлением госсекретарь подчеркнул, что на самом деле США рассматривают климат как сферу принципиального соперничества с Китаем.

Констатировано, что «мяч сейчас не на американской стороне» и развитие зеленой энергетики в США в сравнении с Китаем недостаточно.

Китай обладает почти одной третью патентов в мире по возобновляемым источникам энергии, он больше всех выпускает и экспортирует солнечные батареи, ветряные турбины, электрические машины. И вопрос для США стоит ребром, смогут ли они стать лидером сферы зеленой энергетики в долгосрочном измерении или нет.

По словам Блинкена, если США отстанут в области инвестиций в чистую энергетику, то они упустят шанс сформировать такое климатическое будущее мира, которое отражает интересы и ценности Америки. И американцы лишатся огромного числа рабочих мест, а также и возможностей влиять на перспективы человечества [Блинкен....].

На кону стоит огромный финансовый потенциал мирового рынка возобновляемой энергии, который, по расчетам, к 2025 г. достигнет 2,15 трлн долл. [Гуттериш]. И, скорее всего, конкурентная борьба за долю этого «пирога» предстоит ненужная.

Тема считается настолько важной, что Министерство финансов США предполагает создать пост советника по климату, в его полномочия будут входить вопросы обеспечения финансирования производства оборудования для зеленой энергетики.

Обсуждая перспективы климатического состязания между США и Китаем за лидерство в возобновляемой энергетике, американские СМИ убеждают общественность, что сложности резкой декарбонизации китайской экономики чрезвычайно серьезны.

Так, по данным ВР, по одному из главных экологических показателей, а именно — объемам выбросов парниковых газов — Китай далеко впереди других стран. В 2019 г. его выбросы составили почти треть суммарных мировых выбросов (табл. 3).

По оценкам, объемы вредных выбросов в Китае как минимум до 2030 г. будут расти.

Таблица 3. Страны-лидеры по выбросам СО2 в 2019 г. млн т/год

Страны	Выбросы	% от мировых выбросов
Китай	9825,8	28,8
США	4964,7	14,5
ЕС	3330,4	9,7
Индия	2480,4	7,3
Россия	1532,6	4,5
Всего	34169,0	100

Источник: [BP. Statistical Review....]

Доля тепловых электростанций (ТЭС), работающих на основе угля, газа, мазута и биомассы, в выработке электричества последовательно снижается. (При этом следует учитывать, что электростанции, работающие на биологическом сырье, отнесены в данной статистике к ТЭС).

Так, доля этих электростанций в 2017 г. составляла 71,1 %, а уже в 2020 г. она снизилась до 67,9 %, или практически на 2/3. Но все равно развернуть такую «махину» в сторону зеленой энергетики будет чрезвычайно трудно из-за ее инерционности. Темпы снижения выработки энергии такими электростанциями на протяжении последних 4 лет сокращаются немного: примерно по 1 % в год [Электроэнергетика Китая...].

В последнее время мощности зеленой энергетики Китая растут весьма быстро. Прирост мощностей в 2020 г. ветряной и солнечной энергетики составил 34,6 и 24,1 % в сравнении с 4,7 % по теплоэнергетике [Электроэнергетика Китая...].

Ряд экспертов утверждает: чтобы добиться нулевых выбросов, Китаю как крупнейшему загрязнителю окружающей среды понадобится совершить резкий разворот к зеленой политике [Скосырев].

Второе место по доле выбросов принадлежит США (14,5 %), что тоже потребует от американской экономики существенных усилий.

Известно, что в настоящее время острота китайско-американских разногласий по всему перечню политических и военно-стратегических вопросов достигла беспрецедентной «планки». Тем не менее, на недавней встрече американского спецпосланника по климату Джона Керри и его китайского коллеги Сэ Чжэнъхуа в Шанхае 17 апреля 2021 г. стороны смогли прийти к компромиссу по сотрудничеству в сфере климата.

Согласно их совместному заявлению, «США и Китай обязуются сотрудничать друг с другом и с остальными странами в преодолении климатического кризиса, который необходимо урегулировать со всей требуемой серьезностью и безотлагательностью» [США и Китай...].

В конечном итоге, США и Китай подтвердили, что, не выходя за рамки вышеупомянутых международных соглашений, намерены

разработать долгосрочные национальные стратегии по достижению нулевых углеродных выбросов.

Эти документы должны охватывать ряд таких злободневных тем, как: сокращение промышленных выбросов и энергопотребления, увеличение числа возобновляемых источников энергии, чистого транспорта и развитие сельского хозяйства, устойчивого к изменениям климата. Эту работу стороны должны выполнить в течение 2021 г., чтобы представить ее на международном климатическом саммите в Глазго в ноябре 2021 г. [США и Китай...].

В ходе переговоров выяснилось, что одним из важнейших вопросов станет финансирование международных фондов для поддержки перехода на «зеленую» энергию в развивающихся странах.

Стоит подчеркнуть, что хотя Китай в целом и поддерживает общий мировой климатический тренд, однако никак не в его американской интерпретации.

Как известно, ранее в Китае преимущественное внимание уделялось темпам экономического роста. Теперь в долгосрочных планах властей Китая на приоритетное место ставится задача повышения качества жизни населения к середине XXI в. до уровня среднедорогой страны.

В настоящее время США хотят добиться того, чтобы Китай как главный мировой загрязнитель парниковыми газами взял на себя больше работы по сокращению выбросов углекислых газов.

Тем не менее, решение экологических проблем в мировом масштабе и поддержка дальнейшей индустриализации всего пугающегося мира лежат прежде всего в плоскости политического решения на уровне ООН. Принципиальное решение этой проблемы видится в том, чтобы страны «золотого миллиарда» взяли на себя повышенные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов в целях достижения «углеродной нейтральности», освободив от существенной природоохранной нагрузки развивающиеся страны. Китай активно поддерживает такую идею.

Однако здесь кроются риски обострения противоречий между интересами различных стран. В последнее время государственные деятели США часто говорят о целесообразности сотрудничества со странами-конкурентами (в том числе и с Китаем), исходя из нацио-

нальных интересов США и их компаний. И в этом заключается двойственность политики США по взаимодействию с Китаем.

В Пекине полностью отдают себе отчет в этом, поэтому при принятии решений о дальнейшем развитии сотрудничества с США по проблемам климата Пекин будет учитывать и общую жесткость политического курса США в отношении КНР.

Этот политический курс проявляется в активизации «наступления» на отрасли китайской промышленности, непосредственно связанные с тематикой парниковых выбросов, например, производством поликремния для солнечных электростанций. При этом артикулируется стандартное обвинение Китая в применении «принудительного труда» в этой отрасли, промышленно-сырьевая база которой находится в проблемном Синьцзяне.

В связи с этим на объединенном Западе с конца 2020 г. нарастает кампания за отказ от покупок продукции КНР для солнечной энергетики. В январе 2021 г. некая консалтинговая фирма *Horizon Advisory* опубликовала отчет, в котором утверждалось, что в китайской цепочке поставок фотоэлектрических приборов на основе кремния используется «принудительный труд». Затем Ассоциация солнечной энергетики (США) призвала своих членов вывести цепочки поставок из Синьцзяна. Более 170 компаний подписали обязательство избегать закупок китайской продукции, произведенной с использованием «принудительного труда». Этот вопрос был поднят и в парламенте Нидерландов. Ряд членов голландского парламента призвали правительство выяснить, используется ли при производстве солнечных панелей и другой продукции, импортируемой из Китая, сырье из Синьцзяна. Они также попросили правительство объяснить, как отразится на голландском и европейском рынках возобновляемых источников энергии остановка импорта солнечных модулей из Китая [Пироженко].

В конечном итоге по инициативе ряда американских сенаторов в марте 2021 г. Конгресс США принял закон, запрещающий использование федеральных средств США для покупки солнечных панелей у компаний, базирующихся в КНР. Дело в том, что американцев явно беспокоит высокая зависимость от поставок фотоэлектрических материалов из Китая, тем более, что такие распространенные

технологические элементы, как крупногабаритные кремниевые пластины для солнечных батарей и гранулированный кремний китайского производства более конкурентоспособны, чем у других поставщиков.

Согласно данным Китайской ассоциации фотоэлектрической промышленности, на долю КНР сейчас приходится порядка 67 % мирового рынка кремниевого сырья, 79 % солнечных элементов и 71 % фотоэлектрических модулей. Порядка 45 % от мировых поставок поликремния для фотоэлектрической промышленности приходится на Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. При этом цена на поликремний упала с 400—500 долл. за килограмм в 2010 г., когда США держали монополию на эту продукцию, до 20 долл. за килограмм в китайских компаниях [Пироженко].

По мнению ряда экспертов, в настоящее время зреет ряд геополитических рисков, связанных с резким ростом спроса на минералы, необходимые для энергетического перехода.

Так, реализация сценария, соответствующего целям Парижского соглашения по климату, приведет к четырехкратному росту к 2040 г. потребности в минералах для экологически чистых энергетических технологий, а обнуление выбросов CO₂ к 2050 г. потребует в 6 раз больше минерального сырья, чем сегодня. Основным фактором спроса являются электромобили и аккумуляторы, в связи с чем быстрее всего будет расти потребность в литии (в 40 раз), графите, кобальте и никеле (примерно в 20—25 раз). [Шаповалов]. Недостаточное предложение основных минералов на мировом рынке оборудования для ВИЭ может иметь результатом перебои в их поставках и значительные скачки цен.

В связи с этим серьезную озабоченность Вашингтона вызывает как раз то, что ресурсная база для энергетического перехода находится за пределами США, во многом — на территории Китая. В 2019 г. Китай добывал около 60 % мировой добычи редкоземельных металлов. На долю Китая в переработке никеля приходится 35 %, лития и кобальта — 50—70 %, редкоземельных металлов — почти 90 %. Весьма важно, что китайские компании сделали значительные капиталовложения в зарубежные сырьевые активы в Австралии, Чили, Конго и Индонезии [Шаповалов].

Дополнительным и весомым обстоятельством в пользу Китая является то, что Китай владеет третью мировых патентов на возобновляемые источники энергии и является крупнейшим мировым производителем и экспортером соответствующего оборудования — солнечных панелей, ветряных турбин, аккумуляторных батарей и проч.

В итоге именно Китай претендует на значительную долю в поставке ресурсов и оборудования ВИЭ на мировой рынок и поэтому имеет хорошие шансы занять лидирующие позиции в мировом соревновании по зеленой энергетике.

В заключение подчеркнем, что климатическое противостояние Вашингтона и Пекина только начинается и многое будет зависеть от темпов развития зеленой энергетики и возможностей этих стран-«антагонистов» по достижению запланированных результатов климатической нейтральности, несмотря на существующие между ними политические разногласия.

Библиографический список

Блинкен выступил с программной речью о внешнеполитических приоритетах США // Русская служба «Голос Америки». 3.03.2021. URL: <https://www.golosa-meriki.com/a/blinken-remarks-brief-version/5799957.html> (дата обращения: 06.05.2021).

Гутерриши Антониу. Борьба с изменением климата: настало время действовать // Независимая газета. 21.04.2021. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (дата обращения: 07.05.2021).

Пироженко В. Климатическая повестка США и битва с Китаем за кремний // URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/26/klimaticheskaja-povestka-ssha-i-bitva-s-kitaem-za-kremnij-53452.html> (дата обращения: 06.05.2021).

Прогноз развития энергетики мира и России 2019. М.: Ин-т энергетических исследований РАН, Центр энергетики Московской школы управления «Сколково», 2019. URL: https://mks-group.ru/storage/presentations/2019_SKOLKOVO_Forecast_of_energy_development_RUS.pdf (дата обращения: 06.05.2021).

Скосырев В. Вашингтон начал с Пекином климатическую битву // Независимое военное обозрение Независимой газеты. 21.04.2021. URL: https://nvo.ng.ru/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (дата обращения: 08.05.2021).

США и Китай договорились сотрудничать по борьбе с изменениями климата // *Le Monde*. 18.04.2021 (Материал представлен в пересказе ИноТВ). URL: <https://russian.rt.com/inovt/2021-04-18/Le-Monde-SSHA-i-Kitaj> (дата обращения: 08.05.2021).

Шаповалов А. Энергетический переход ведет в Китай. Мониторинг альтернативной энергетики // *Коммерсантъ*. 11.05.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4802830> (дата обращения: 07.05.2021).

Электроэнергетика Китая: итоги 2020 года. 26.01.2021. URL: <https://in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/35556-elektroenergetika-kitaja-itogi-2020-goda.html> (дата обращения: 06.05.2021).

Statistical Review of World Energy 2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 07.05.2021).

Trüby J., Schiffer H.-W. A review of the German energy transition: taking stock, looking ahead, and drawing conclusions for the Middle East and North Africa // *Energy Transitions* 2, 1–14. 21 September, 2018. URL: <https://doi.org/10.1007/s41825-018-0010-2> (accessed: 06.05.2021).

References

Blinken vystupil s programmnoj rech'yu o vnesnepoliticheskikh prioritetah SSHA (2021). Russkaya sluzhba «Golos Ameriki» [Blinken delivered a keynote speech on U.S. foreign policy priorities. Russian service “Voice of America”], 3 March, 2021. URL: <https://www.golosameriki.com/a/blinken-remarks-brief-version/5799957.html> (accessed: 20 May, 2021). (In Russian).

Elektroenergetika Kitaya: itogi 2020 goda [China's electric power industry: results of 2020]. URL: <https://in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/35556-elektroenergetika-kitaja-itogi-2020-goda.html> (accessed: 6 May, 2021). (In Russian).

Guterres, Antonio (2021). Bor'ba s izmeneniem klimata: nastalo vremya dejstvovat' [Fighting climate change: It's time to act], *Nezavisimaya gazeta* [Independent gazette], 21 April, 2021. URL: https://ng-ru.turbopages.org/ng.ru/s/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (accessed: 7 May, 2021). (In Russian).

Pirozhenko, V. (2021). Klimaticheskaya povestka SSHA i bitva s Kitaem za kremnij [The US climate agenda and the battle with China over silicon]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/26/klimaticheskaja-povestka-ssha-i-bitva-s-kitaem-za-kremnij-53452.html> (accessed: 6 May, 2021). (In Russian).

Prognoz razvitiya energetiki mira i Rossii (2019) [Forecast of energy development in the world and Russia], *Institut energeticheskikh issledovanij RAN, Centr energetiki*

Moskovskoj shkoly upravleniya «Skolkovo» [Energy Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Energy Center of the Moscow School of Management “Skolkovo”], Moscow. URL: https://mks-group.ru/storage/presentations/2019_SKOLKOVO_Forecast_of_energy_development_RUS.pdf (accessed: 6 May, 2021). (In Russian).

Shapovalov, A. (2021). Energeticheskij perekhod vedet v Kitaj. Monitoring alternativnoj energetiki [The energy transition leads to China. Monitoring of alternative energy], *Kommersant [The Businessman]*, 11 May. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4802830> (accessed: 7 May, 2021). (In Russian).

Skosyrev, V. (2021). Vashington nachal c Pekinom klimaticheskuyu bitvu [Washington started a climate battle with Beijing], *Nezavisimoe voennoe obozrenie Nezavisimoj gazety [Independent military review of the Independent gazette]*, 4 April. URL: https://nvo.ng.ru/world/2021-04-21/6_8134_climate.html (accessed: 8 May, 2021). (In Russian).

SSHA i Kitaj dogovorilis' sotrudничат' po bor'be s izmeneniyami klimata (2021), *Le Monde*, 18 April, 2021, *Material predstavljen v pereskaze InoTV* [The United States and China have agreed to cooperate on combating climate change, *Le Monde. The material is presented in the retelling by InoTV*], 18 April. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2021-04-18/Le-Monde-SSHA-i-Kitaj> (accessed: 8 May, 2021). (In Russian).

Statistical Review of World Energy-2020. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf> (accessed: 7 May, 2021).

Trüby, J.; Schiffer, H.-W. (2018). A review of the German energy transition: taking stock, looking ahead, and drawing conclusions for the Middle East and North Africa, *Energy Transitions*, no 2:1—14. URL: <https://doi.org/10.1007/s41825-018-0010-2> (accessed: 6 May, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-352-370

М.В. Александрова

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОРИДОР ХАРБИН — ДАЦИН — ЦИЦИКАР: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В настоящей статье рассматривается специфика функционирования промышленного комплекса Хадаци — экономического образования на территории Хэйлунцзяна. На его развитие существенное влияние оказали как Российская Империя, так и СССР. В рамках статьи рассматриваются отраслевые особенности промышленности каждого из трех городов, входящих в состав Коридора. Несмотря на падение роли Северо-Востока в экономике КНР с конца 1990-х годов, крупнейшие промышленные центры мегарегиона продолжали оказывать существенное влияние на индустриальное развитие КНР и на внешнюю торговлю страны. Автор отмечает, что в течение долгих лет очевидным «плюсом» Хадаци являлось динамичное развитие промышленности, которая была «локомотивом» экономики Коридора. Но в начале XXI в. в ней накопилось немало проблем, среди которых: устаревание оборудования и использование отсталых технологий на промышленных объектах, наличие огромного количества государственных, зачастую убыточных предприятий, некачественное использование рыночных механизмов, истощение природных ресурсов, несовершенства местного

законодательства и др. Для ведущих отраслей промышленности, которые исследует автор статьи, характерно количественное наращивание объемов производства при минимальном внедрении передовых инновационных разработок, а также и то, что предприятия не пытаются выводить на рынок собственную высокотехнологичную продукцию. «Клонирование» одинаковых производств низкого уровня в одном экономическом районе ведет к беспорядочной рыночной конкуренции внутри Хадаци.

Статья содержит анализ внешнеторговой деятельности Хадаци по ее отраслевой и географической структуре. При этом России как главному торговому партнеру Коридора и провинции Хэйлунцзян в целом отведено особое место. Автор приходит к выводу о том, что за прошедшие с начала «запуска» плана коридора Хадаци 17 лет достигнуто не так уж и много позитивных результатов, хотя именно это территориальное образование было «пионером» среди «полюсов роста» Северо-Востока КНР. Каковы бы ни были изменения, но пока не произошло главного, чего хотели бы добиться власти Хэйлунцзяна, а именно: объединения Коридора и гармонизации его функционала.

Ключевые слова: «ржавый пояс», возрождение старой промышленной базы, машиностроение, нефтегазодобыча, пищевая промышленность, высокотехнологичное производство, нефтепровод Сковородино — Мохэ — Дацин.

Автор: Александрова Мария Викторовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

M.V. Alexandrova

Harbin — Daqing — Qiqihar Industrial Corridor: Domestic and Foreign-Trade Development Aspects

Abstract. This article examines specifics of the functioning of the Hadaqi industrial complex — an economic entity in the territory of Heilongjiang province of China. Its development was significantly influenced by both the Russian Empire and the USSR. The article examines the sectoral features of the industry of each of the three cities that make up the Corridor. Despite the decline in the role of the North-East in the economy of the PRC since 1990s, the largest industrial centers of the mega-region have continued to exert a significant influence on the industrial de-

velopment of the PRC and on the country's foreign trade as such. The author notes that over the years, the obvious "plus" of Hadaqi has been the dynamic development of industry, which is the "locomotive" of the economy of the Corridor. But at the beginning of the XXI century it has accumulated a lot of problems, including: obsolescence of equipment and use of backward technologies at industrial facilities, presence of a huge number of state-owned, often unprofitable enterprises, poor-quality use of market mechanisms, depletion of natural resources, imperfection of local legislation, etc. For the leading industries studied by the author, is characteristic the quantitative increase in production volumes along with a minimum introduction of advanced innovative developments, as well as the fact that enterprises do not try to bring their own high-tech products to the market. "Cloning" of the same low-level industries in the same economic region leads to chaotic market competition within Hadaqi.

The article contains an analysis of Hadaqi's foreign trade activity in terms of its sectoral and geographical structure. At the same time, Russia, as the main trade partner of the Corridor and Heilongjiang Province as a whole, has special place in the study. The author comes to the conclusion that not so many positive results have been achieved over the past 17 years since the start of the Hadaqi corridor plan, although it happened to be the very territorial entity that was the "pioneer" among the "growth poles" of China's Northeast. Whatever may be the changes, the main thing that the Heilongjiang authorities would like to achieve has not yet happened, namely: the integration of the Corridor and the harmonization of its functionality.

Keywords: "rust belt", restoration of the old industrial base, machine-building, oil-and-gas production, food industry, high-tech production, Skovorodino — Mohe — Daqing oil pipeline.

Author: Maria V. ALEXANDROVA, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru

Настоящая статья посвящена сложной и многогранной теме развития промышленного коридора Хадаци, которая уже более 15 лет тревожит умы чиновников и ученых Северо-Востока Китая. В российской научной литературе коридор Хадаци рассматривался в рамках «ржавого пояса» Северо-Востока КНР. Данный вопрос поднимался в монографии «История Северо-Восточного Китая XVII—XXI вв. Книга 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения

старопромышленной базы» изданной Институтом истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, а также в ряде научных трудов сотрудников указанного института [История Северо-Восточного Китая...; Песцов С.К. Трудная периферия...].

К началу XXI в. на Северо-Востоке КНР складывается непростая экономическая ситуация: среди основных проблем следует выделить высокую долю госсобственности в промышленности, истощение полезных ископаемых в ресурсных городах, высокий уровень безработицы, снижение конкурентоспособности ведущих отраслей производства и др. Регион в своем развитии начал резко отставать от темпов роста в стране.

В сентябре 2003 г. ЦК КПК и Госсовет КНР принимает документ «Некоторые мнения о реализации стратегии Возрождения старой промышленной базы Северо-Востока Китая», чем закладывает основы Стратегии возрождения старой промышленной базы. После этого каждая из трех провинций, входящих в состав Дунбэй, начала искать «точки роста» или создавать «пояса поддержки», которые должны были послужить процессу оптимизации регионального развития. Среди них следует выделить в Хэйлунцзяне промышленный коридор Харбин — Дацин — Цицикар (*создан в 2005 г. по распоряжению правительства пров. Хэйлунцзян*), в Ляонине — «пять точек на одной линии» или прибрежный экономический пояс Ляонина (2009 г., Госсовет КНР) и Шэньянская экономическая зона (2011 г., Госсовет КНР), в Цзилине — экспериментальная зона освоения и открытости Чанцзиту, или План Чанцзиту (2009 г., Госсовет КНР). Несмотря на то, что Хэйлунцзян был первым, кто опубликовал документ о создании коридора Харбин — Дацин — Цицикар (далее — *Хадаци*), *статус Коридора* был исключительно провинциальным, что сказалось на его финансировании и дальнейшем развитии [Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность...; Александрова М.В. Торгово-экономические отношения....].

Промышленный коридор Хадаци представляет собой кластер, в котором основную роль играет город Харбин, а города Дацин и Цицикар являются региональными ядрами. В 2004 г. на промышленный коридор Хадаци приходилось более 60 % ВРП провинции. При

этом ВРП на душу населения в 2,36 раза превышал среднестатистический показатель по Хэйлунцзяну.

Несмотря на падение роли Северо-Востока в экономике КНР, крупнейшие промышленные центры мегарегиона продолжали оказывать существенное влияние на индустриальное развитие страны. Следует отметить, что долгие годы очевидным «плюсом» Хадаци было преобладание вторичного сектора, промышленность была «ло-

Таблица 1. Доля трех секторов экономики в коридоре Хадаци, %

Год	Первичный сектор	Вторичный сектор	Третичный сектор
Харбин			
2004	16,4	38,3	45,3
2010	11,3	37,8	50,9
2018	8,4	26,8	64,8
Дацин			
2004	3,2	84,6	12,2
2010	3,3	82,2	14,5
2018	7,2	53,9	38,9
Цицикар			
2004	24,1	36,5	39,4
2010	21,8	40,6	37,6
2018	22,9	26,0	51,1
Хадаци			
2004	14,6	53,1	32,3
2010	12,1	53,5	34,4
2018	12,7	35,7	51,6
Хэйлунцзян			
2004	12,4	52,4	35,2
2010	12,5	48,6	38,9
2018	18,3	24,6	57,1

Источник: [Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2005...; Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2011...; Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2019].

комотивом» экономики, о чем наглядно свидетельствует статистика. Так, из данных, приведенных в Таблице 1, становится очевидным, что в 2004 г. на вторичный сектор приходилось 53,1 % ВРП, что на 0,7 п.п. превышало средний показатель по Хэйлунцзяну. При этом города, входящие в состав Хадаци, разнились по структуре экономики. Так, самая высокая доля вторичного сектора была у Дацина — 84,6 %, а самая низкая — у Цицикара (36,5 %). Через 15 лет структура экономики коридора претерпела существенные изменения: доля вторичного сектора снизилась в Хадаци на 17,4 п.п. в основном за счет структурных трансформаций, произошедших в Дацине, где доля промышленности снизилась на 30,7 %. В двух других городах коридора снижение составило порядка 10 %.

В связи с вышеизложенным, автор считает целесообразным сначала разобрать особенности структуры промышленности каждого из городов, а затем обобщить ситуацию.

В *Харбине* развито производство транспортного оборудования, пищевая промышленность (в основном переработка продукции сельского хозяйства), фармацевтическая промышленность и нефтехимия — это четыре основных отрасли, на которые в 2004 г. приходилось порядка 53 % общего объема промышленного производства города. Несмотря на то, что вклад транспортного машиностроения в стоимость валовой продукции Харбина составлял 22,5 % — 1/3 предприятий подотрасли относилось к убыточным, а на другом «полюсе» находилась нефтехимическая промышленность, вклад которой в стоимость валовой продукции достигал 8,5 %, при этом убыточных предприятий было крайне мало.

К началу 2004 г. доля государственной экономики была слишком высока: насчитывалось 1863 государственных предприятия с общими активами в размере 137,2 млрд ю. На государственных предприятиях работало большое число избыточных сотрудников, а доля долга и проблемных активов постепенно росла [Хаэрбин тунцзи няньцзянь 2005....].

К концу 13-й пятилетки наметилось построение новой промышленной системы города, которая получила условное название «4 + 4». Задачей новой промышленной системы стало содействие расширению и модернизации ведущих отраслей промышленности, а также

инновационному развитию конкурентоспособных отраслей. Данная модель включает четыре ведущих отрасли: глубокую переработку экологически чистой сельскохозяйственной продукции (пищевая промышленность), производство передового оборудования, фармацевтическая промышленность и нефтехимия «+» четыре добавочных отрасли: ИТ-индустрия, производство новых материалов, финансы и логистика.

Несмотря на сложности, связанные с коронавирусом и вводом «жесткого» карантина, в 2020 г. промышленность города показала неплохие результаты. Так, добавленная стоимость 4 ведущих отраслей выросла на 3,5 %, в том числе в производстве оборудования на 9,3 %, нефтехимии на 11,2 %, пищевой промышленности на 2,2 %. У единственной из 4 ведущих отраслей — фармацевтической произошло снижение темпов роста добавленной стоимости, что было связано как со слиянием некоторых фармацевтических компаний, так и с остановкой производства для технического обслуживания с января по август [2020 нянь Хаэрбин ши....].

На протяжении 60 лет существования *Дацина* промышленность являлась «двигателем» развития. Был сформирован промышленный каркас в виде крупных и средних государственных предприятий в качестве «основы» и ключевые частные компании в виде «поддержки». В качестве ведущих отраслей выступали нефтедобывающая, нефтехимия, атомная (производство ядерного топлива). В настоящее время промышленность города стала отличаться более глубокой диверсификацией.

В 2015 г. из-за стратегического сокращения запасов нефти и значительных колебаний мировых цен на «черное золото» впервые за многие годы темпы экономического роста города стали отрицательными. Столкнувшись с беспрецедентными вызовами, в соответствии с требованиями «использовать нефть как голову, а химию как ноги», правительство Хэйлунцзяна и Дацина поставили цель построить всемирно известный нефтехимический город. В промышленности города был сделан упор на развитие «четырех промышленных цепочек» по созданию этилена, пропилена, углеводородов С4 и ароматических углеводородов, что явилось первым важным шагом по формированию в городе национальной базы нефтехимической

промышленности [Дацин цун «и ю ду да»....]. В результате преобразований, осуществленных в городе с 2004 по 2018 гг., соотношение нефтяной и ненефтяных отраслей изменилось с 7:3 на противоположное и стало 3:7. Таким образом, осуществив диверсификацию, Дацин полностью расправился с «нефтяным диктатом» [Дацин тунцзи няньцзянь 2005....].

Используя новые направления трансформации и модернизации, промышленная структура города оптимизировалась. В последние годы быстро развивались такие отрасли, как автомобилестроение, производство новых материалов, биомедицина, новая энергетика, Интернет+. Ускоренный транзит от «монополии нефтяной промышленности» к «многоточечным поддержкам» позволил Дацину перейти от моноотраслевой экономической модели к диверсифицированной и освободил его от «проклятия» ресурсоориентированных городов Северо-Востока.

В последние годы в городе осуществляется построение промышленной системы «1 + 6», где ключевой является нефтегазодобывающая отрасль, а к шести вспомогательным относятся химическая, автомобильная, производство запчастей к автомобилям, глубокая переработка сельхозпродукции (пищевая промышленность), производство новых материалов, нетрадиционная энергетика и производство строительных материалов. По планам, к 2025 г. отраслевая система «1 + 6» должна достичь того, чтобы у четырех отраслей производства выручка превышала 100 млрд ю., а у трех отраслей — 50 млрд ю [Дацин ши чанье....].

Цицикар — один из старейших промышленных центров Северо-Востока КНР, где машиностроение имеет длительную историю. В настоящее время из трех лидирующих отраслей Цицикара необходимо выделить: производство оборудования, пищевую промышленность и металлургию. Драйвером роста города была промышленность, выпускающая спецоборудование (энергетическое). Так, по предварительным оценкам, в 13-ой пятилетке добавленная стоимость отрасли выросла на 125 % при среднегодовых темпах роста 17,6 % [Цицихаэр гуй шан....]. Пищевая промышленность продолжает расти благодаря мощному кукурузному кластеру в растениеводстве и молочному кластеру в животноводстве. Металлургическая

Таблица 2. Рост валовой прибыли в 10 отраслях производства г. Цицикар, млн ю.

Отрасли производства	Валовая прибыль (2020 г.)	Рост валовой прибыли (2019/2020 гг.)
Пищевая промышленность	1038,14	124,5
Производство спецоборудования	144,06	48,0
Добыча цветных металлов	49,23	223,4
Глубокая переработка сельхозпродукции	26,53	29,8
Алкогольная	26,25	70,5
Железнодорожное машиностроение	23,04	0,3
Черная металлургия	18,00	10,3
Металлообрабатывающая промышленность	15,94	98,6
Цветная металлургия	6,52	214,6 %
Фармацевтическая промышленность	3,013	81,3

Источник: [Цицихаэр ши 2020 нянь гүй...].

промышленность сохраняет динамику быстрого роста, при этом полностью ликвидирована убыточность в цветной металлургии.

Исходя из статистических данных, в 2020 г. Цицикар лидировал в Хэйлунцзяне по темпам прироста ВРП, которые составили 3,5 %, что на 2,5 п.п. выше, чем в провинции Хэйлунцзян и на 1,2 п.п. выше общекитайского показателя [Цицихаэр ши 2020 нянь цзинци...].

В заключение данного раздела следует обобщить ситуацию в промышленности Хадаци. Итак, на территории Хадаци расположено самое старое нефтегазоносное месторождение КНР — Дацинское, которое входит в состав нефтегазоносного бассейна Сунляо. По запасам энергетических ресурсов оно долгое время занимало лидирующее положение в стране. В связи с наличием этих уникальных запасов углеводородов в Хадаци получила развитие *нефтехимия*. В последнее десятилетие оптимизируется организационная структура предприятий, повысилась концентрация производств, постепенно сформировались рынки с высокой степенью наполнимости соверенно особой нефтехимической продукцией.

Исторически развитое сельское хозяйство дало позитивный импульс глубокой переработке сельскохозяйственного сырья и пищевой промышленности. Провинция Хэйлунцзян является одним из лидеров КНР по производству мясной и молочной продукции, а также иных продуктов питания. За последние годы пищевая промышленность Хадаци претерпела реформирование и структурное корректирование, а также техническую реорганизацию, в результате чего в коридоре сформировалось немало известных торговых марок пищевой продукции, что дало новый стимул его развитию.

Хотя в Хадаци уже имеется большое количество фармацевтических предприятий, однако в настоящее время развертывается процесс ускоренного создания масштабных и современных производств лекарственных препаратов китайской медицины, осуществляется научно-производственная деятельность по разработке новых и особых лекарственных препаратов.

В Хадаци сложился многоотраслевой кластер машиностроения, среди подотраслей следует выделить мощную группировку транспортного машиностроения, помимо этого функционируют предприятия энергетического машиностроения, а также производства, осуществляющие выпуск общего оборудования и электрических машин, а также специального оборудования и др.

Таблица 3. Размещение высокотехнологичных предприятий машиностроения в коридоре Хадаци

Отрасль производства	Уставной капитал (100 млн ю.)	Города
Транспортное машиностроение и автомобилестроение	330	Харбин, Дацин, Цицикар
Производство оборудования общего назначения	268	Харбин, Дацин
Производство спецоборудования	487	Харбин, Дацин, Цицикар
Производство металлообрабатывающего оборудования	42	Дацин, Харбин
Производство ИКТ-оборудования	71	Харбин, Дацин,
Производство электрических машин и оборудования	394	Харбин, Цицикар, Дацин

Источник: [Цюань яосу шэнъчанью...]

Развитие и реформирование промышленности Хадаци оказывает значительное влияние на внешнеэкономическую деятельность данного промышленного кластера. Рассматривая внешнюю торговлю Хадаци во временной ретроспективе, следует отметить, что в период с начала 1990-х годов до 2008 г. данный процесс выглядел достаточно стабильно, показатели суммарного внешнеторгового оборота нарастили год от года, при этом лидером «группировки» был Харбин. Вклад Харбина и в экспорт, и в импорт Хадаци в 2004 г. составлял 94 %. Ситуация начала меняться после 2011 г., когда был запущен нефтепровод Сковородино — Мохэ — Дацин. В настоящее время в Хадаци лидером по импорту является Дацин, на который приходится 88,3 % импорта коридора или 65,7 % импорта Хэйлунцзяна, а Харбин по-прежнему занимает 1-е место в качестве экспортёра с долей в Хадаци — 64,8 % и в провинции — 37,7 %. С 2004 по 2019 гг. доля Хадаци во внешнеторговом обороте Хэйлунцзяна возросла с 35,94 % до 66,31 %¹.

Что касается *структуре экспортно-импортных операций*, то она отличается неоднородностью. Среди экспортных позиций Хадаци следует выделить: электротехническую продукцию, на долю которой приходится более 45 % экспорта промышленного коридора, высокотехнологичную продукцию — порядка 14—15 % и сельхозпродукцию — 3 %. Хадаци вносит существенный вклад в экспорт электротехнической продукции Хэйлунцзяна — порядка 63 %. Если рассматривать вклад каждого из городов в экспорт разных видов продукции, то следует отметить, что лидером в экспорте электротехнической продукции является Харбин, на который приходится примерно 68 % экспорта коридором данной продукции, а вот по экспорту сельхозпродукции лидирует Цицикар, доля которого здесь составляет от 60 до 70 %².

Импорт отличается глубокой поляризацией: ведущая товарная позиция «сырая нефть» занимает от 80 до 85 % импорта Хадаци.

¹ Рассчитано на основании данных ежегодников городов Харбина, Дацина и Цицикара

² Рассчитано на основании данных ежегодников городов Харбина, Дацина и Цицикара

Следующая позиция — сельхозпродукция (в основном масличные культуры) — от 5 до 7 %, и лишь на 3-м месте — электротехническая продукция (3 %). На Хадаци приходится 90 % импорта нефти и 56 % импорта сельхозпродукции Хэйлунцзяна. Весь импорт сырой нефти поглощает Дацин, в торговой структуре которого на нее приходится от 95,0 до 99,6 % импорта, а у Харбина и Цицикара в импорте преобладает сельхозпродукция — 53 и 26 % соответственно.

География экспорта трех городов Хадаци отличается «пестротой». Так, для Харбина долгие годы крупнейшими внешнеторговыми партнерами были США, Бразилия и РФ, в отдельные годы 3-е и 4-е места занимали Германия и Япония. После обострения противоречий КНР с США и сокращения импорта сои, Соединенные Штаты переместились в 2018 г. на 2-е место, а затем в 2019 г. — на 3-е место.

Торговыми партнерами Цицикара являются Австралия, страны ЕС и АСЕАН, а также Республика Корея. Несмотря на то, что Дацин поддерживает торгово-экономические отношения с более чем 90 странами мира, начиная с 2012 г. сложилась уникальная ситуация, когда с одной страной его товарооборот превышает 10 млрд ю., с 16-ю странами 100 — млн ю., а с 38-ю странами — 10 млн ю. Страной, с которой товарооборот превысил 10 млрд долл. и на которую в 2019 г. пришлось свыше 92 % внешнеторгового оборота (ВТО) и 96 % импорта Дацина была Россия.

Внешняя торговля Хадаци с Россией. С начала 1990-х годов и до 2011 г. основной объем торговли Хэйлунцзяна с Россией приходился на приграничные города и уезды. Абсолютным лидером российско-хэйлунцзянской торговли, как и всей КНР, был г. Муданьцзян. Под влиянием ряда факторов, в том числе экономического кризиса 2008 г., постепенного изменения российской политики в отношении экспорта круглого леса, введения в действие первой ветки нефтепровода Сковородино — Дацин, девальвации российского рубля в 2014 г., положение Муданьцзяна существенно изменилось. Хадаци и, прежде всего, Дацин становится «несущим столпом» российско-хэйлунцзянской торговли. Так, если в 2013 г. на Хадаци приходилось 15,8 % внешнеторгового оборота Хэйлунцзяна с Россией, то в 2019 г. доля коридора здесь достигла 78,81 %. С 2013 по 2019 гг. возросла роль харбинского экспорта в торговле провинции с Россией:

если в 2013 г. на экспорт Харбина приходилось 4 % всего хэйлунцзянского экспорта, то в 2019 г. — почти 16 %. Как было отмечено выше, главным «игроком» хэйлунцзянско-российской торговли стал Дацин, доля которого здесь составляет порядка 80 % ВТО провинции с нашей страной, а по показателю для всего Хадаци доля города в товарообороте с РФ превышает 95 %, однако данные цифры достигаются исключительно за счет импорта сырой нефти из России.

Таблица 4. Доля Хадаци в российско-хэйлунцзянской торговле, %

Регион	Экспорт	Импорт
2013		
Харбин	4,00	1,97
Дацин	0,08	18,70
Цицикар	0,72	0,002
Хадаци	4,81	20,67
2019		
Харбин	15,90	1,93
Дацин	1,50	81,87
Цицикар	2,09	0,07
Хадаци	19,49	83,87

Источники: [Хаэрбинь хайгуань 2019 нянь...].

Полагаем, что крайне интересным будет проанализировать ситуацию с ростом импорта нефти из России в Дацин. Нефтепровод Сковородино — Мохэ — Дацин начал функционировать в 2011 г., и уже к первой половине 2017 г. было суммарно транспортировано 100 млн т сырой нефти, а к десятому юбилею работы нефтепровода, по данным харбинской таможни, через него суммарно прошло порядка 200 млн т сырой нефти [РФ поставила Китаю...; Чжунэ юанью гуаньдао...]. Подобное увеличение поставок связано с тем, что с 2011 по 2018 гг. функционировал лишь один отвод на КНР, пропускная способность которого составляла порядка 15 млн т в год. В 2018 г. был открыт второй отвод, и теперь суммарно по двум отводам Рос-

сия может поставлять в Дацин 30 млн т сырой нефти в год. К примеру, в 2017 г. по нефтепроводу было отгружено 16,5 млн т нефти на сумму 6,678 млрд долл., в 2018 г. это было 27,25 млн т на 14,519 млрд долл., в 2019 г. — 29,17 млн т на сумму 13,911 млрд долл. [2017 нянь чжунэ юанью...; Дацин цзайцы шан...]. При ежегодном росте объема транспортировки сырой нефти российская сторона из-за падения цен на нефть получает все меньше выгоды от подобного бизнеса. Данные по доле транспортируемой нефти через нефтепровод Сковородино — Дацин в китайской и российской статистике не совпадают, в табл. 5 приведены данные российской стороны.

Таблица 5. Поставки нефти по нефтепроводу «Восточная Сибирь — Тихий океан» (ВСТО), млн т

Источник поставки	2012	2014	2016	2018	2019	2020
ВСТО, всего	31,4	41,0	53,0	64,5	71,5	73,2
Порт Козьмино — КНР	4,1	7,4	22,2	25,5	25,9	27,3
Нефтепровод Сковородино — Дацин	15,1	16,1	16,5	28,3	30,6	30,4

Источник: [В ожидании второго...].

Что касается экспорта Хадацы в Россию, то все годы Харбин был здесь неизменным лидером. Структура экспорта незатейлива — электротехническая продукция, одежда, обувь. Россия практически не импортируют продукцию наиболее известных предприятий города. Основная причина в том, что номенклатура товаров, производимых в городе, не соответствует запросам российского рынка. Как было отмечено выше, в Харбине преобладает тяжелая промышленность и производство оборудования, тогда как легкая промышленность является относительно слабой. Поэтому зачастую наполнение экспорта в Россию происходит благодаря посредническим закупкам одежды и обуви в приморских провинциях. Что касается структуры импорта Харбина из России, то долгие годы более 50 % здесь приходится на такие товары, как круглый лес и целлюлоза.

По мере углубления «торговой войны» стран Запада с РФ и введения встречных санкций на многие виды продукции российская сторона ввела запрет на ввоз многих видов сельхозпродукции, в ре-

зультате чего у Харбина появилась возможность реализовать продукцию своего сельского хозяйства и пищевой промышленности на рынках Дальнего Востока России.

В заключение хотелось бы высказать некоторые соображения. За прошедшие с начала «запуска» плана коридора Хадацзи 17 лет достигнутых позитивных результатов не так много, хотя именно этот территориальный «пояс» стал «пионером» среди «полюсов роста» Северо-Востока КНР. Только за 2005 г. правительством Хэйлунцзяна было опубликовано три важных документа по Хадацзи, но при этом коридор так и не стал объектом целевого внимания Госсовета КНР, в чем, по всей вероятности, и кроется причина «вялости» процесса объединения городов коридора.

Стоит отметить и позитивные моменты, среди которых:

- осуществление реструктуризации промышленности в Дацзине и частично в Харбине;
- разработка в Дацзине и Харбине новых современных отраслевых систем промышленности;
- многократное увеличение внешнеторгового оборота коридора прежде всего с Россией.

Каковы бы ни были изменения, главное, чего хотели бы добиться власти Хэйлунцзяна, пока не произошло: это объединение коридора и гармонизация его функционала.

Библиографический список

Александрова М.В. Внешнеэкономическая деятельность провинции Ляонин в период реформ и открытости // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 5. С. 75–92.

Александрова М.В. Торгово-экономические отношения провинции Цзилинь с Россией и план Чанцзиту // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2012. № 17. С. 294–321.

В ожидании второго дыхания Восточно-Сибирского региона: URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/v-ozhidanii-vtorogo-dykhaniya-vostochno-sibirskogo-regiona> (дата обращения: 21.04.2021).

История Северо-Восточного Китая XVII – XXI вв. Книга 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы. Владивосток: Дальнаука, 2018. 335 с.

Песцов С.К. Трудная периферия: стратегия и результаты оживления «ржавого пояса» Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. № 22(3). С. 126—136. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/126-136>.

РФ поставила Китаю 100 млн тонн нефти по ветке «Сковородино — Мохэ — Дацин». URL: <https://ria.ru/20170520/1494715914.html> (дата обращения: 03.03.2021).

Дацин тунцзи няньцзянь 2005 : [Статистический ежегодник Дацина 2005]. Дацин: Дацин ши тунцзи цзюй, 2005. С. 216—219. (На кит. яз.).

Дацин цайцы шан бан «Чжунго ваймао бай цян чэнши» паймин ди 67 вэй : [Дацин вновь в списке «100 лучших внешнеторговых городов Китая» занял 67-е место]. URL: <http://hlj.people.com.cn/n2/2020/0731/c220027-34196384.html> (дата обращения: 03.03.2021). (На кит. яз.).

Дацин ши чантье чжуаньсин тяо ци гунье цян ши «далян» : [Трансформация производства города Дацин играет главную роль в создании мощного индустриального города]. URL: <http://hlj.people.com.cn/n2/2020/0903/c220027-34268981.html> (дата обращения: 05.03.2021). (На кит. яз.).

Хаэрбинь гүй шан гунье цзэнцзя чжи цзэнфу гао юй цюаньго пинцзюнь шуйпин : [Темпы роста добавленной стоимости в промышленности Харбина выше, чем в среднем по стране]. URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2021/0129/c39-11014281.html> (дата обращения: 02.03.2021). (На кит. яз.).

Хаэрбинь тунцзи няньцзянь 2005 : [Статистический ежегодник Харбина 2005]. Пекин, Чжуго тунцзи чубаньшэ, 2005. Табл. 10-6 (На кит. яз.).

Хаэрбинь хайгуань 2019 нянь гунцзо цзунцзе : [Отчет о работе Харбинской таможни в 2019 году]. URL: http://cws.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467903/467905/2938280/index.html (дата обращения: 05.02.2021). (На кит. яз.).

Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2005 : [Статистический ежегодник Хэйлунцзяна 2005]. Пекин, Чжуго тунцзи чубаньшэ, 2006. (На кит. яз.).

Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2011: [Статистический ежегодник Хэйлунцзяна 2011]. Пекин, Чжуго тунцзи чубаньшэ, 2012. (На кит. яз.).

Хэйлунцзян тунцзи няньцзянь 2019 : [Статистический ежегодник Хэйлунцзяна 2019]. Пекин, Чжуго тунцзи чубаньшэ, 2020. (На кит. яз.).

Хэйлунцзян шану няньцзянь 2014 : [Ежегодник бизнеса провинции Хэйлунцзян, 2014]. Хаэрбинь (Харбин): Хаэрбинь жэньминь чубаньшэ, 2015. (На кит. яз.).

Цицихаэр гүй шан чжуанбэй гунье цзэнцзя чжи 5 нянь бэйцзэн : [В Цицикаре добавленная стоимость в отрасли выпускающей оборудование увеличилась вдвое за 5 лет]. URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2021/0111/c43-11013496.html> (дата обращения: 08.03.2021). (На кит. яз.).

Цицихаэр ши 2020 нянь гуй шан гунье цие цзинцзи сяои фэньси : [Анализ экономической эффективности сверхлимитных промышленных предприятий Цицикара в 2020 г.]. URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjsj/tjfx/dstjfx/202101/t20210126_86595.html (дата обращения: 11.02.2021). (На кит. яз.).

Цицихаэр ши 2020 нянь цзинцзи юньсин цинкуан [Состояние функционирования экономики г.Цицикара в 2020 г.]. URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjsj/tjfx/dstjfx/202101/t20210127_86610.html (дата обращения: 02.02.2021). (На кит. яз.).

Цюань яосу шэнъчанъю шицзяо ся дэ Хэйлунцзян шэн гаодуань чжуаньбэй чжицао чуансинь фачжань янъцзю баогао : [Исследовательский доклад инноваций и развития промышленности, осуществляющей выпуск высокотехнологичного оборудования провинции Хэйлунцзян с точки зрения общей факторной производительности]. URL: <http://www.hljkx.org.cn/module/download/downfile.jsp?classid=0&filename=60c5f94ae00e48a69dc1d80ce38da912.doc> (дата обращения: 15.01.2021). (На кит. яз.).

Чжунэ юанью гуаньдао юньсин 10 чжоуунянь цзинь цзин юанью цзин 2 и дунь : [К 10-летнему юбилею по нефтепроводу Китай-Россия прошло около 200 миллионов тонн импортируемой сырой нефти]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-01/01/content_5576095.htm (дата обращения: 03.03.2021). (На кит. яз.).

2017 нянь чжунэ юанью гуаньдао шу ю да 1650 вань дунь : [В 2017 году по трубопроводу Китай-Россия транспортировано 16,5 млн т нефти]. URL: <http://news.cnpc.com.cn/system/2018/01/24/001676371.shtml> (дата обращения: 03.03.2021). (На кит. яз.).

2020 нянь Хаэрбин ши цюань нянь цзинцзи цзэн су ю фу чжуаньчжэн : [Годовые темпы экономического роста Харбина в 2020 году сменились с отрицательных на положительные]. URL: <http://hlj.people.com.cn/n2/2021/0128/c220027-34552174.html> (дата обращения: 05.03.2021). (На кит. яз.).

References

2017 nian Zhong E yuanyou guandao shu you da 1650 wan dun [In 2017, 16.5 Mln Tons of Oil Have Been Pumped Through the China — Russia Pipeline]. URL: <http://news.cnpc.com.cn/system/2018/01/24/001676371.shtml> (accessed: 3 March, 2021). (In Chinese).

2020 nian Haerbin shi quan nian jingji zeng su you fu zhuanzheng [In 2020, the Negative Yearly Economic Growth Rates of Harbin Have Been Replaced by the Positive Ones], URL: <http://news.cnpc.com.cn/system/2018/01/24/001676371.shtml> (accessed: 3 March, 2021). (In Chinese).

Alexandrova, M.V. (2011) Vneshneekonomiceskaya deyatel'nost' provincii Lyaonin v period reform i otkrytosti [Foreign-Economic Activities of Liaoning Province in the Period of Reforms and Open-Door Policy], *Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]*, no 5: 75—92. (In Russian).

Alexandrova, M.V. (2012). Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya provincii Czilin's Rossiey i plan Chanczitu [Jilin province's trade-economic relations with Russia and the Changjitu plan], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, Moscow, IFES RAS: 294—321. (In Russian).

Daqing cong «yi you du da» dao «bai hua qi fang» [Daqing: From the “Mere Oil-Based Domination” Through to the “One Hundred-Flowers Bloom” Campaign]. URL: http://home.china.com.cn/txt/2020-01/07/content_41025066.htm (accessed: 4 March, 2021). (In Chinese).

Daqing shi chanye zhuanxing tiao qi gongye qiang shi «daliang» [Transformation of Production in the City of Daqing Plays the Major Role in Creation of a Powerful Industrial City]. URL: <http://hlj.people.com.cn/n2/2020/0903/c220027-34268981.html> (accessed: 5 March, 2021). (In Chinese).

Daqing tongji nianjian 2005 [Daqing Statistical Yearbook 2005], Daqing, Daqing City Statistics Bureau, 2005. (In Chinese).

Daqing zaici shang bang «Zhongguo waimao bai qiang chengshi» paiming di 67 wei [Daqing Again Took the 67th Position in the List of “China’s Best Foreign-Trade Cities”]. URL: <http://hlj.people.com.cn/n2/2020/0731/c220027-34196384.html> (accessed: 3 March, 2021). (In Chinese).

Haerbin gui shang gongye zengjia zhi zengfu gao yu quangao pingjun shuipin [The Added-Value Growth Rates in the Industry of Harbin Are Higher Than the Average Ones in the Country]. URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2021/0129/c39-11014281.html> (accessed: 2 March, 2021). (In Chinese).

Haerbin haiguan 2019 nian gongzuo zongjie [Summary of the work of Harbin Customs in 2019]. URL: http://cws.customs.gov.cn/harbin_customs/467898/467903/467905/2938280/index.html (accessed: 5 February, 2021). (In Chinese).

Haerbin tongji nianjian 2005 [Haerbin Statistical Yearbook 2005], Beijing, China Statistics Press, 2005, Tabl. 10—6. (In Chinese).

Heilongjiang shangwu няньцзянь 2014: [Yearbook of Heilongjiang business 2014], Harbin, Heilongjiang People's Publishing House. (In Chinese).

Heilongjiang tongji nianjian 2005 [Heilongjiang Statistical Yearbook 2005], Beijing, China Statistics Press, 2006. (In Chinese).

Heilongjiang tongji nianjian 2011 [Heilongjiang Statistical Yearbook 2011], Beijing, China Statistics Press, 2012. (In Chinese).

Heilongjiang tongji nianjian 2019 [Heilongjiang Statistical Yearbook 2019], Beijing, China Statistics Press, 2020. (In Chinese)

Pestsov, S.K. (2020). Trudnaya periferiya: strategiya i rezul'taty ozhivleniya «rzhavogo poyasa» Kitaya. [Difficult peripherals: strategy and results of revitalizing the “rust belt” of China]. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2020;22(3): 126–136. (In Russian). DOI: <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2020-3/126-136>

Qiqihaer gui shang zhuangbei gongye zengjia zhi 5 nian beizeng [In Qiqihar, the Equipment-Manufacturing Sector Has Increased Its Added Value Twofold Within 5 Year]. URL: <https://www.hlj.gov.cn/n200/2021/0111/c43-11013496.html> (accessed: 08 March, 2021). (In Chinese).

Qiqihaer shi 2020 nian gui shang gongye qiye jingji xiaoyi fenxi [The Economic Efficiency-Focused Analysis of Qiqihar Industrial Enterprises Above Designated Size in 2020]. URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjsj/tjfx/dstjfx/202101/t20210126_86595.html (accessed: 11 February, 2021). (In Chinese).

Qiqihaer shi 2020 nian jingji yun hang qingkuang [The State of Affairs in Qiqihar City Economy in 2020]. URL: http://tjj.hlj.gov.cn/tjsj/tjfx/dstjfx/202101/t20210127_86610.html (accessed: 2 February, 2021). (In Chinese).

Quan yaosu shengchanlu shijiao xia de Heilongjiang sheng gaoduan zhuangbei zhizao ye chuangxin fazhan yanjiu baogao [The Research Report Focused on Innovations and Development in the Industry Manufacturing the High-Tech Equipment in the Province of Heilongqiang From the Viewpoint of Total Factor Productivity]. URL: <http://www.hljkx.org.cn/module/download/downfile.jsp?classid=0&filename=60c5f94ae00e48a69dc1d80ce38da912.doc> (accessed: 15 January, 2021). (In Chinese).

RF postavila Kitayu 100 mln tonn nefti po vetke “Skovorodino — Mohe — Dacin” [The RF has supplied to China 100 Mn. Tons of oil along the pipeline branch of “Skovorodino — Mohe — Daqing”]. URL: <https://ria.ru/20170520/1494715914.html> (accessed: 3 March, 2021). (In Russian).

The History of Northeast China XVII — XXI Century, Volume 5: Northeast China during the Revival of Old Industrial Base, Vladivostok: IHAE FEB RAS, 2018, 335 p.

V ozhidanii vtorogo dyhaniya Vostochno-Sibirskogo regiona [In Expectation of the Second Breath for the East Siberian Region]. URL: <http://www.ngv.ru/magazines/article/v-ozhidanii-vtorogo-dyhaniya-vostochno-sibirskogo-regiona> (accessed: 21 April, 2021). (In Russian).

Zhong E yuanyou guandao yunxing 10 zhounian jin jing yuanyou jin 2 yi dun [By the 10th anniversary, about 200 million tons of imported crude oil passed through the China-Russia pipeline]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-01/01/content_5576095.htm (accessed: 3 March, 2021). (In Chinese).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-371-386

С.Л. Сазонов

МОРСКОЙ ТРАНСПОРТ КИТАЯ И НОВЫЕ КОНТУРЫ МИРОВЫХ ТРАНЗИТНЫХ ПЕРЕВОЗОК В УСЛОВИЯХ ПОСТПАНДЕМИИ

Аннотация. Статья посвящена характеристике положения дел на китайском и мировом рынке морских перевозок, сложившегося в условиях пандемийного кризиса.

Экономическая мощь Китая создавалась в основном за счет взлета внешнеторгового оборота страны, который обеспечивался резким ростом экспортных грузовых морских перевозок из восточных портов КНР в различные регионы мира. Автор подчеркивает, что эпидемия коронавируса, парализовавшая мировую торговлю, спровоцировала профицит парка порожних контейнеров и значительный рост их морской перевозки (фрахта). В силу этого среди оставшихся на рынке грузоотправителей развернулась жесткая конкуренция за контейнеры, повлекшая за собой не только рост фрахта, но и стоимости самих контейнеров.

Автор отмечает, что в разгар пандемии высокие ставки фрахта невольно «подогревались» китайскими компаниями-экспортерами в частности потому, что морские линии сняли некоторое количество судов-контейнеровозов с маршрутов, чтобы не совершать порожние, либо недогруженные рейсы, а также и китайскими компаниями-импортерами сырья вследствие ограниченного количества судов

для перевозки навалочных грузов из-за отказа некоторых судовладельцев выходить в море в силу недостатка товарного спроса во время пандемии. Дисбаланс внешней торговли, повлекший нарушения логистических цепочек, и фактор сокращения тоннажа контейнерных линий в весенне-летний период 2020 г. также явились важнейшей причиной резкого роста ставок фрахта.

В статье констатируется, что постепенно, с восстановлением экономики Китая и других мировых акторов, производство контейнеров и интенсивность морских перевозок вновь начали расти, причем в ряде случаев — весьма резко. В этих условиях морские линии и портовая инфраструктура оказались не готовы к постпандемийному оживлению торговли и транзита, вследствие чего острая нехватка контейнеров, а также общий недостаток грузовых судов, нарушения в расписании контейнеровозов и сухогрузов вновь дали о себе знать. Это негативно сказалось на глобальных цепочках поставок.

Автор приходит к выводу, что в этих условиях многим китайским экспортёрам, вероятно, придется подумать о сокращении прибыли, чтобы обеспечить своевременные поставки своих товаров, или столкнуться со штрафными санкциями за их несвоевременность.

Ключевые слова: Китай, пандемия, контейнеры, ставки фрахта, транзит, глобальные цепочки поставок, мировая экономика.

Автор: Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН.
ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru.

S.L. Sazonov

China's maritime transport and new contours of global transit traffic in post-pandemic conditions

Abstract. The article is devoted to the characterization of the state of affairs in the Chinese and world maritime transport market, which has developed in the context of the pandemic crisis. The economic power of China has been created mainly due to the rise in the country's foreign trade turnover, ensured by a sharp increase in export cargo dispatch from Eastern ports of the PRC to various regions of the world. The author emphasizes that the coronavirus epidemic, which paralyzed world trade, provoked a surplus of the fleet of empty containers and a significant increase of their freight rates. As a result, among the shippers that remained

on the market, fierce competition for containers developed, which entailed not only the increase of the freight, but also the cost of the containers themselves. The author notes that in the midst of the pandemic, high freight rates were unwittingly “fueled” by Chinese exporting companies, in particular because sea lines removed a certain number of container ships from their routes in order not to make empty or underloaded voyages, as well as by Chinese companies importing raw materials due to the limited number of ships for the carriage of bulk cargo and the refusal of some shipowners to go to sea because of the lack of commodity demand during the pandemic. The imbalance of foreign trade, which led to disruptions in supply chains, and the decrease in the tonnage of container lines in the spring-summer period of 2020 were also the most important reasons for the sharp increase in freight rates. The article states that gradually, with the recovery of the economy of China and other world actors, the production of containers and the intensity of maritime traffic has begun to grow again, and in some cases, quite sharply. In these conditions, sea lines and port infrastructure are not ready for the post-pandemic revival of trade and transit, as a result of which an acute shortage of containers, as well as a general shortage of cargo ships, irregularities in the schedule of container ships and dry cargo vessels made themselves felt again. This negatively impacted global supply chains. The author concludes that in these circumstances, many Chinese exporters may have to think about cutting profits to ensure on-time deliveries of their goods, or face penalties for delays.

Keywords: China, pandemic, containers, freight rates, transit, global supply chains, world economy.

Author: Sergey L. SAZONOV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru

Не секрет, что экономическая мощь Китая создавалась в основном за счет резкого роста внешнеторгового оборота, который обеспечивался резким ростом экспортных грузовых морских перевозок из восточных портов страны в различные регионы мира (около 90 % объема внешнеторгового оборота по маршруту «страны АТР—Европа» обеспечивается морским транспортом), что неизбежно приводило к росту напряженности их перевалочной способности. Разразившаяся пандемия COVID-19 превратила прошедший 2020 г. в серьез-

ное испытание как для глобальной экономики (а введенные карантинные ограничения во всех странах негативно сказались на мировой внешнеэкономической деятельности), так и на международных грузовых морских перевозках, обеспечивающих 80 % всего объема мировой товарной торговли [Su-Lin Tan]. По данным мирового лидера в сфере морских контейнерных перевозок с долей рынка около 17 % компании *A.P. Moller-Maersk*, объем контейнерооборота по важнейшим международным транзитным маршрутам между Азией, США и Европой сократился на 10 % (причем такой спад впервые наблюдался с 2009 г.), в то же время, как объемы транзита по железной дороге, напротив, выросли на 25 % [Shipping sector...]. Распространение эпидемии коронавируса, парализовавшей мировую торговлю, спровоцировало профицит парка порожних контейнеров и повлияло на стоимость их морской перевозки (фрахта) в сторону значительного увеличения. Так, в первой половине 2020 г. десятки тысяч порожних контейнеров в США и странах Европы остались невостребованными и скопились в портах, а во 2 полугодии 2020 г., по мере выхода большинства стран из карантина, восстановления отложенного мирового спроса на производимые в Азии (в первую очередь, Китае) товары, возобновились морские грузовые потоки из Китая в США, государства Евросоюза и другие страны (при практическом отсутствии обратного мирового потока экспортных товаров в КНР¹), развернулась конкуренция за контейнеры среди грузоотправителей, что спровоцировало резкий рост как себестоимости самих контейнеров, так и фрахта. Морские линии и инфраструктура портов оказались не готовы к резкому росту объемов транзитной транспортировки, вследствие чего и возникла острая нехватка контейнеров, а также общий недостаток грузовых судов, перенос и задержки в расписании следования контейнеровозов и балкерных судов². Это нанесло серьезный удар по глобальным цепочкам поставок, в силу

¹ Руководство крупной китайской логистической компании *Zhonghuan Group*, базирующейся в Даляне (prov. Ляонин), отмечало, что «в ноябре 2020 г. из каждых пяти контейнеровозов, отправляющихся за границу, возвращается только один» [Containers in short...].

² Балкерное судно (разновидность сухогруза) — судно, на котором грузы перевозятся насыпью, навалом (например, зерно, каменный уголь и др. — *Прим. ред.*).

чего контейнеры на основных грузовых линиях были забронированы заранее — за 15—20 дней до даты отправки, а многие операторы стали приостанавливать прием заявок, либо закрывали бронирование (stop booking) на морские отправки экспортных грузов. По данным Китайской ассоциации портов и гаваней, контейнерооборот восьми основных портов Китая в октябре 2020 г. вырос на 5,1 %, объем экспорта Китая вырос на 7,6 % и равнялся 1,62 трлн юаней (245,87 млрд долл.), а объем импорта составил 1,22 трлн юаней, увеличившись всего на 0,9 % [Increasing container...]. По словам китайских экспертов, «однобокая» торговля означает, что многие контейнеры отправляются в страны Европы и США, и лишь малая часть возвращается вовремя, создавая дефицит контейнеров в Китае — многие контейнеры направляются за границу, заполненные экспортными грузами, но гораздо меньше из них возвращаются обратно, потому что им нечего или почти нечего перевозить.

Международные аналитики отмечали, что нехватка контейнеров была вызвана как компаниями, которым принадлежат контейнеры, так и морскими перевозчиками, которые их отправляют. В немалой степени дефицит контейнеров был вызван снижением объемов стивидорной и логистической работы зарубежных портов, когда количество рабочих в портах Европы и США после эпидемии значительно уменьшилось — например, количество грузчиков в порту Лос-Анджелеса сократилось почти на 50 %, что существенно повлияло на эффективность работы порта. Только в январе 2021 г. около 300 тыс. 20-футовых контейнеров ожидали выгрузки с судов в портах США, а в феврале ситуация также оставалась тяжелой — контейнеры скопились во многих портах на западном побережье США. Эксперты Китайской федерации логистики и закупок (КФЛЗ) отмечали, что «в то время как обычно разгрузка контейнеровоза в портах США занимала 24 часа, то сейчас это занимает от трех до пяти дней или даже больше, что приводит к нарушению цепочки поставок и торговли [Yin Yeping. Top...]. Некоторые зарубежные СМИ сообщали, что скопление контейнеров в морских портах Китая, создающее «эффект домино», явилось следствием ужесточения правил фитосанитарного контроля Китая при проверке иностранных продуктов питания на присутствие вируса COVID-19. Это негативно сказалось

на глобальных цепочках поставок, однако эксперты КФЛЗ заявили, что, хотя более строгие проверки замороженных продуктов могли вызвать некоторые задержки, однако главной причиной является совокупность глобальных факторов, «включая плохой контроль на вирусы и отсутствие таких проверок за границей, вызывающие скопление» [Feng Yu]. По словам представителей отрасли, для решения этой проблемы требуются усилия портов по всему миру, в том числе в плане улучшения проверки грузов. По словам местных органов здравоохранения, вспышка заболевания COVID-19 в Даляне (prov. Ляонин) 7 января 2021 г., в результате которой было выявлено 51 подтвержденных случая COVID-19 и 31 бессимптомный носитель, произошла в результате инфицирования докеров, разгружающих зараженные грузы в рамках холодовой цепи. 10 января 2021 г. мэрия г. Шицзячжуан (prov. Хэбэй) объявила о приостановке импорта фруктов и удалении продуктов с полок магазинов после обнаружения коронавируса на партии импортированной вишни на оптовом рынке. Помимо импортной вишни, было обнаружено большое количество импортных пищевых продуктов, в том числе камчатского краба, свинины и мороженого с вирусом, присутствовавшим на внешней упаковке.

Согласно отчету Главного таможенного управления КНР, по состоянию на 13 января 2021 г. национальная таможня взяла пробы на вирус у около 1,3 млн импортных товаров и обнаружила 47 положительных результатов. По словам представителей таможни, чтобы снизить риски завоза заболевания, отбор образцов нуклеиновой кислоты COVID-19 проводился на пищевых продуктах в рамках холодовой цепи, особенно в импортируемых морепродуктах [China's ports...]. Эксперты Китайской ассоциации контейнерной промышленности (КАКП) отмечали, что «ограничения в работе портовых служб, вызванных пандемией COVID-19 и меньшим количеством грузчиков в портах, привели к тому, что на разворот судов в портах требовалось на 20 % больше времени; возникли проблемы с наличием порожних контейнеров, поскольку они не возвращались в Азию. Например, при торговле со странами Северной Америки наблюдается значительный дисбаланс — из 10 отправленных в регион контейнеров, лишь четыре возвращаются обратно в Китай». Порт Янтянь в

Шэнъчжэне (пров. Гуандун), который обрабатывает треть внешнеторговых перевозок провинции и четверть объема экспорта Китая в США, в начале 2021 г. стал испытывать трудности из-за медленной работы иностранных портов в условиях пандемии COVID-19 и более ранней отгрузки больших партий экспортных товаров заводами региона дельты реки Чжуцзян в преддверии праздника Весны, что приводило к затовариванию порта, а грузовые автомобили выстраивались в очередь для входа в порт для завоза экспортной продукции, на что требовалось почти 10 часов. В феврале 2020 г. руководство терминала *Yantian International Container Terminals* объявило о планах приостановить экспорт товаров, и схожая проблема возникла в порту Далянь: грузы накапливались и не было возможности их экспортировать [Zhang Dan].

Согласно отчету Шанхайской судоходной биржи (*SCFI*), Шанхайский индекс контейнерных грузовых перевозок, отслеживающий спотовые и договорные фрахтовые ставки из основных китайских контейнерных портов по 12 маршрутам доставки по всему миру на основе отчетности 25 ведущих международных морских перевозчиков¹, в конце января 2021 г. закрылся на уровне 2861,69 и был почти втрое выше, чем годом ранее, что указывает на резкий рост стоимости фрахта, спотовых ставок, увеличение дисбаланса объемов экспорта и импорта² и на возникновение массовых сбоев в перемещении контейнеров из-за последствий эпидемии COVID-19 [Qi Xijia]. В сентябре 2020 г. стоимость фрахта стандартного 20-футового контейнера выросла до 3,9 тыс. долл., что было примерно на 45 % больше, чем в конце июня 2020 г. и на 60 % выше, чем в октябре 2019 г. [Qi Xijia, Li Xuanmin]. В ноябре 2020 г. портовые власти Ляньчуньгана (prov. Цзянсу) отмечали, что «кризис COVID-19 привел к «спячке мировой контейнерной торговли» в течение большей части 2020 г., однако осенью с оживлением торговли спрос на контейнеры стал возрастать, и трейдеры в Китае спешили наращивать экспорт товаров, которые накапливались после вспышки эпидемии корона-

¹ С 1 января 1998 г. индекс был установлен на уровне 1000 [China's weekly...].

² В 2020 г. объем экспортных поставок из КНР и стран Азии в Северную Америку увеличился на 14 %, а объем импорта в обратном направлении сократился на 13 %.

вируса. При этом ставки на морские перевозки продолжали расти, поскольку экспортеры боролись за контейнеры и суда для их транспортировки. К январю 2021 г. по сравнению с сентябрем 2020 г. внутренние ставки фрахта выросли вдвое, до 4 тыс. юаней (607 долл.) за стандартный контейнер, а на зарубежных маршрутах ситуация оказалась еще хуже: больше всего пострадали дальние маршруты в США и Европу. Так, например, ставка фрахта 20-футового контейнера, направляющегося на западное побережье США, составляла более 5,5 тыс. долл., а 40-футового — более 8 тыс. долл., достигнув 12-летнего максимума [Yin Yeping, Chu Daye]. По данным экспертов КАКП, стоимость транспортировки товаров из Азии в Европу, на которую дополнительное давление оказала блокировка судов в Суэцком канале¹, в марте 2021 г. увеличилась почти в 5 раз по сравнению с началом 2020 г. [Suez Canal traffic...].

Высокие ставки фрахта подогревались китайскими компаниями-экспортерами товаров (вследствие значительного недостатка порожних контейнеров либо в силу того, что прогнозируя период снижения деловой активности в мире и желая сохранить высокую маржинальность² перевозок, морские линии сняли некоторое количество судов-контейнеровозов с маршрутов, чтобы не совершать порожние, либо недогруженные рейсы) и китайскими компаниями-

¹ Около 95 % объема китайского внешнеторгового оборота осуществляется морским транспортом (более 60 % китайских товаров отправляются в страны Европы и Африки через Суэцкий канал (длина составляет 193 км, ширина — до 250 м, глубина — до 20 м), а 90 % регулярных морских линий из КНР в ЕС пересекают канал) [Suez Canal blocking...]. По данным Управления Суэцкого канала и регистра Ллойда, в 2020 г. через канал прошло более 19 тыс. судов (в среднем 51,5 судна в день), которые перевезли около 1,2 млрд т грузов (10 % мировых морских грузоперевозок и 30 % мирового объема транзита контейнеров); обеспечено 11 % мировых морских перевозок нефти (1,9 млн баррелей нефти ежедневно) и 8 % перевозок сжиженного природного газа, причем на китайские суда приходится 10 % объема судоходства по Суэцкому каналу [Mainland...]. Остановка движения по Суэцкому каналу 23 марта 2021 г. их-за затора от севшего на мель контейнеровоза *Ever Given* (отправился 22 февраля 2021 г. из порта Гаосюн (Тайвань) в Роттердам, куда он должен был прибыть 1 апреля 2021 г., сделав остановки в китайских портах Циндао, Нинбо и Шанхай) отразилась на транзите нефтепродуктов (убытки, в основном, понесли ближневосточные экспортёры углеводородов — Кувейт, ОАЭ, Катар и Саудовская Аравия) [Chu Daye].

² Маржинальность — это индекс разницы между себестоимостью товара или услуги и его ценой, предлагаемой на рынке (прим. ред.).

ми-импортерами сырья вследствие ограниченного количества судов для перевозки навалочных грузов из-за возникшего отказа некоторых судовладельцев от выхода в море в силу недостатка спроса, вызванного спадом экономической активности во время пандемии. Дисбаланс внешней торговли, повлекший нарушения логистических цепочек, и фактор сокращения тоннажа контейнерных линий в весенне-летний период 2020 г. также явились важнейшей причиной резкого роста ставок фрахта, поскольку в себестоимости сырьевых товаров доля стоимости их морской перевозки (фрахта) значительна. Восстановление экономики Китая также приводит к значительному росту цен на импортируемое сырье. Например, в начале 2021 г. аналитики «Нихон кэйдзай» (*Nihon Keizai*) пессимистично оценивали перспективы рынка балкерных перевозок в направлении Китая, отмечая, что в январе 2021 г. индекс ставок на суда класса *capesize* (крупнейших судов для перевозки навалочных грузов) при поставках в КНР железной руды из Австралии и Бразилии держался на уровне более 20 тыс. долл., что почти вдвое превышало индекс июля 2020 г. По данным экспертов Министерства транспорта КНР, вследствие быстрого роста цен на сталь в начале 2021 г. некоторые иностранные трейдеры ограничивали объемы продаж и даже отказывались прода-вать железную руду, ожидая, что во второй половине года цены значи-тельно вырастут. На долю компаний *CXIC Group Containers*, бази-рующейся в провинции Цзянсу, приходится 13 % объема китайского рынка производства контейнеров: компания имеет пять производст-венных линий с ежегодной производительностью 900 тыс. TEU, причем 90 % продукции экспортируется в более чем 40 стран мира. По словам руководства компании, «повышение цены на железную руду из Австралии генерировало рост себестоимости производства контейнеров, а сезонные поставки бамбука и дерева для полов кон-тейнеров осенью и зимой 2020 г. были ограничены — эти факторы только ухудшили ситуацию и увеличили наши расходы. Кроме того, новые контейнеры сейчас слишком дороги..., а «подержанный» кон-тейнер, который раньше обычно стоил 5–6 тыс. юаней, сейчас об-ходится в 17 тыс. юаней» [Yin Yeping. Chinese...].

По данным КАКП, в 2020 г. доля Китая на мировом рынке производ-ства и продажи контейнеров составляла 96 % с полной ли-

нейкой продуктов и с полным циклом оптимизации всех технологических издержек, управлением цепочками поставок и полной номенклатурой продукции компаний-производителей и отраслевых кластеров. Объем ежегодного производства ведущей пятерки китайских компаний-изготовителей контейнеров составляет около 1 млн ед., причем стоимость производимых ими стандартных контейнеров на 30—50 % ниже цены этого вида тары зарубежных компаний, а их вес на 500 кг легче иностранных контейнеров [Zhong Nan]. До начала эпидемии COVID-19 в КНР объем предложения порожних 20-футовых контейнеров превышал спрос — в портах страны хранилось более 2,6 млн ед., на складах — около 1,3 млн ед. Однако в начале 2021 г. эксперты КАКП заявили, что рост объемов китайского экспорта и крайне низкий уровень оборачиваемости контейнеров, прибывающих из-за рубежа, уже с июля 2020 г. вызвали повышенный спрос на контейнеры китайского производства. Ассоциация с 3-го квартала 2020 г. призывала производителей транспортных контейнеров увеличивать объемы производства и сократить дефицит контейнеров. В ответ китайские компании, занимающиеся производством контейнеров, с целью удовлетворения спроса увеличили рабочее время с 8 до 18 часов (некоторые и до 24 часов семь дней в неделю), и с сентября 2020 г. начали ежемесячно производить 300 тыс. TEU (двадцатифутовый эквивалент стандартного контейнера), а с января 2021 г. этот показатель вырос до 400 тыс. контейнеров [Zhong Nan]. Многие иностранные судоходные компании (на фоне достаточного объема тоннажа контейнерного флота для удовлетворения спроса на контейнерные перевозки) начали заказывать крупногабаритные контейнеры в Китае, однако, по словам экспертов КАКП, «для изготовления контейнера требуется время, поэтому дефицит может уменьшиться во втором квартале 2021 г., а для обеспечения достаточных объемов поставки контейнеров на рынок морских перевозок необходимо произвести от 4 до 5 млн новых контейнеров, и поэтому многим китайским экспортёрам, возможно, придется подумать о сокращении прибыли, чтобы обеспечить своевременные поставки, или столкнуться со штрафными санкциями за несвоевременные поставки» [Shipping containers...].

В заключение видится целесообразным подчеркнуть следующие обстоятельства.

Хотя пандемия COVID-19 резко изменила условия и графики работы региональных портов, международных судоходных и железнодорожных компаний во всех странах и регионах мира, однако и постпандемийный период также начался непросто для международного транспорта Китая. Так, многие китайские морские гавани в первом квартале 2021 г. стали активно соперничать за возможность привлечения пустых морских контейнеров, предлагая такие преференции, как отказ от сборов за возврат порожних контейнеров и за их обработку в терминалах порта отправления, сокращение или освобождение от платы за обслуживание судов и от иных обязательных платежей и других связанных с портовой логистикой расходов. Многие порты уже внедрили цифровые технологии для лучшего сбора информации о движении контейнеров, повышения общей скорости загрузки грузовых автомобилей и повышения эффективности работы терминалов.

Чтобы оперативно решить проблему нехватки контейнеров, некоторые китайские судоходные компании, в первую очередь *China COSCO Shipping Corporation Ltd*, занимающая 3-е место в мире по размеру контейнерного флота и обладающая 300 контейнеровозами с общей грузоподъемностью 1,68 млн TEU, быстро отреагировали, приступив к доставке максимально возможного числа пустых контейнеров из портов США и Европы. Также в целях стимулирования возврата порожних контейнеров китайские власти стали предлагать отечественным и иностранным грузоперевозчикам субсидирование ставок фрахта. Все эти меры привели к тому, что к апрелю 2021 г. количество порожних контейнеров, возвращенных на терминалы китайских портов, выросло на 26,3 % по сравнению с началом года [Wang Ying].

По сообщению Главного таможенного управления (ГТУ) КНР, на фоне восстановления экономики и повышения зарубежного спроса за первые 2 месяца 2021 г. темпы роста экспорта Китая в годовом исчислении составили 60,6 %. За период с января по февраль экспорт достиг 468,87 млрд долл., а импорт вырос на 22,2 % до 365,62 млрд долл. Положительное сальдо торгового баланса за два

месяца достигло 103,25 млрд долл. по сравнению с дефицитом в 7,21 млрд долл. за тот же период 2019 г. По мнению экспертов ГТУ, высокие темпы роста объемов экспорта хотя и свидетельствовали об относительно быстром восстановлении страны после паралича, вызванного пандемией, однако они частично были обусловлены низкой базой отсчета в первые два месяца 2020 г., когда внешняя торговля Китая была подорвана пандемией. По данным ГТУ КНР, по сравнению с сопоставимыми периодами 2018 и 2019 гг. темпы роста внешней торговли в январе и феврале 2021 г. превышали 20 %. Эксперты ГТУ КНР заявляют, что большинство китайских экспортёров оптимистично оценивают перспективы двух следующих месяцев, однако, учитывая различные сценарии развития пандемии, сохраняется неопределенность в отношении темпов роста внешнеторгового оборота.

Объем внешней торговли между Китаем и США за первые два месяца 2021 г. вырос на 81,3 % до уровня 109,8 млрд долл., что стало самым высоким показателем среди всех коммерческих партнеров КНР, включая ЕС и АСЕАН, а тенденция к росту в основном была результатом резкого увеличения внутреннего спроса в США в условиях, когда американская экономика стала восстанавливаться в силу принятия стимулирующих мер. Высокие темпы роста свидетельствовали о растущем спросе на китайские товары со стороны США, и по мнению экспертов ГТУ КНР, если администрация Дж. Байдена не предпримет меры, направленные на срыв этой тенденции, то в 2021 г. объем экспорта Китая в США может вырасти примерно на 20 % (для сравнения, в 2020 г. объем товарооборота Китая с США вырос на 8,3 % и достиг 587 млрд долл.) [Chu Daye, Xie Jun]. Эксперты Китайской ассоциации контейнерной промышленности (КАКП) полагают, что во втором-третьем кварталах 2021 г. масштабная вакцинация против коронавируса и минимизация последствий пандемии COVID-19 будут стимулировать рост мировой экономики и в среднесрочной перспективе (возможно в конце 2021 г. — начале 2022 г.) произойдет возврат к нормальному функционированию глобальных цепочек поставок и увеличению спроса как на международный транзит в общем, так и в первую очередь — на китайский экспорт в контейнерах. Как следствие, понизятся и придут в нормаль-

ное состояние ставки фрахта¹ на рынке международных морских перевозок [Yin Yeping, Chu Daye]². Восстановление мировой экономики и переход к активному устойчивому росту ведущих стран, в первую очередь США и стран Евросоюза, будет способствовать быстрейшему оздоровлению международного контейнерного оборота, возобновлению большей части рейсов и росту привлекательности морских транзитных маршрутов для азиатских грузоотправителей (китайских в первую очередь), восстановлению индекса точности выполнения расписания судоходными компаниями, оптимизации и возврату к нормальному ритму глобальных цепочек поставок и, как следствие — бурному «всплеску» мировой внешней торговли.

Библиографический список

China's ports could not be blamed for the stockpile of cold-chain containers. Global factors, not China's anti-epidemic efforts, cause port congestions: industry insiders. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202101/1214499.shtml> (accessed: 15.01.2021).

Chu Daye, Xie Jun. China's exports to the US may jump about 20 % in 2021: expert. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217612.shtml> (accessed: 26.03.2021).

Chu Daye. Shipping agents keep close eye on Suez Canal jam. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219485.shtml> (accessed: 24.03.2021).

Containers in short supply as Chinese exports surge. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-12/15/content_77013132.htm (accessed: 15.12.2020).

Feng Yu. Virus challenge helps Belt and Road evolution. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1218402.shtml> (accessed: 17.03.2021).

¹ С марта 2021 г. средние спотовые ставки на перевозку 40-футовых контейнеров из КНР в США стали постепенно снижаться и ныне составляют менее 4,7 тыс. долл. [Busy port...].

² В январе 2021 г. МВФ прогнозировал, что в 2021 г. объем мировой экономики вырастет на 5,5 %, что на 0,3 % п. п. выше октябрьского прогноза Фонда. В конце марта 2021 г. директор-распорядитель МВФ К. Георгиева заявила, что «Фактически, мы наблюдаем быстрое глобальное восстановление, которое все более в значительной мере обеспечивается двумя двигателями — США и Китаем, которые к концу 2021 г. значительно опередят свои докризисные валовые показатели, в частности показатель объема ВВП» (приводится по [Zhao Huanxin]).

Increasing container throughput signals China's strong foreign trade vitality. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0219/c90000-9819999.html> (accessed: 19.02.2021).

Mainland firms seek ways around Suez. As Suez Canal jam persists, Chinese firms seek ways out of predicament. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219660.shtml> (accessed: 28.03.2021).

Qi Xijia, Li Xuanmin. Sea shipping rates to US soar as China's foreign trade revives // Global Times. 2020/10/2. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1204675.shtml> (accessed: 02.10.2020).

Qi Xijia. Skyrocketing ocean-bound container rates set to ease in February: insiders // Global Times. 2021/02/12. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1214517.shtml> (accessed: 10.02.2021).

Shipping containers stranded in America and Europe frustrate Chinese exporters. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202102/07/WS601f80c0a31024ad0baa7cc4_2.html (accessed: 07.02.2021).

Shipping sector sailing toward crisis // Global Times. 2021/02/18. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1208363.shtml> (accessed: 18.02.2021).

Suez Canal blocking could hike freight fees between China and Europe if not cleared soon: analyst. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219372.shtml> (accessed: 23.03.2021).

Suez Canal traffic jam exacerbates COVID-19 crisis in maritime trade. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-03/30/content_77359332.html (accessed: 30.03.2021).

Su-Lin Tan. Suez Canal blockage: China to see minor raw material disruptions, but accident further exposes 'risks' of global supply chains // South China Morning Post. 2021/03/29. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3127506> (accessed: 29.03.2021).

Wang Ying. Container shortage weighs on China shippers. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202104/01/WS60652310a31024ad0bab2f2b.html> (accessed: 01.04.2020).

Yin Yiping, Chu Daye. Shipping lines call for containers. Freight rates double amid China's export surge // Global Times. 2020/11/19. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1207423.shtml> (accessed: 19.11.2020).

Yin Yiping. Chinese container makers work at full capacity amid global supply shortage // Global Times. 2020/12/23. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1210828.shtml> (accessed: 23.12.2020).

Yin Yiping. Top Chinese shipping line helps ease backlog of containers at US ports. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1216600.shtml> (accessed: 15.02.2021).

Zhang Dan. Congestion reveals foreign consumers' appetite for Chinese goods. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215328.shtml> (accessed: 09.02.2021).

Zhong Nan, Liu Zhihua. Shippers, container makers in overdrive. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/12/WS604ac60fa31024ad0baaeb88_2.html (accessed: 12.03.2021).

Zhong Nan. Growing overseas orders of domestic firms keep stevedores busy at ports. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202104/01/WS60652622a31024ad0bab2f4d_2.html (accessed: 01.04.2021).

References

China's ports could not be blamed for the stockpile of cold-chain containers. Global factors, not China's anti-epidemic efforts, cause port congestions: industry insiders. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202101/1214499.shtml> (accessed: 15 January, 2021).

Chu Daye (2021). Shipping agents keep close eye on Suez Canal jam. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219485.shtml> (accessed: 24 March, 2021).

Chu Daye, Xie Jun. China's exports to the US may jump about 20 % in 2021: expert. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217612.shtml> (accessed: 26.03.2021).

Containers in short supply as Chinese exports surge. URL: http://www.china.org.cn/business/2020-12/15/content_77013132.htm (accessed: 15 December, 2020).

Feng Yu (2021). Virus challenge helps Belt and Road evolution. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1218402.shtml> (accessed: 17 March, 2021).

Increasing container throughput signals China's strong foreign trade vitality. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0219/c90000-9819999.html> (accessed: 19 February, 2021).

Mainland firms seek ways around Suez. As Suez Canal jam persists, Chinese firms seek ways out of predicament. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219660.shtml> (accessed: 28 March, 2021).

Qi Xijia (2021). Skyrocketing ocean-bound container rates set to ease in February: insiders. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1214517.shtml> (accessed: 10 February, 2021).

Qi Xijia, Li Xuanmin (2020). Sea shipping rates to US soar as China's foreign trade revives, *Global Times*, 2020/10/2. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1204675.shtml> (accessed: 2 October, 2020).

Shipping containers stranded in America and Europe frustrate Chinese exporters. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202102/07/WS601f80c0a31024ad0baa7cc4_2.html (accessed: 7 February, 2021).

Shipping sector sailing toward crisis, *Global Times*, 2021/02/18. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1208363.shtml> (accessed: 18 February, 2021).

Suez Canal blocking could hike freight fees between China and Europe if not cleared soon: analyst. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1219372.shtml> (accessed: 23 March, 2021).

Suez Canal traffic jam exacerbates COVID-19 crisis in maritime trade. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-03/30/content_77359332.html (accessed: 30 March, 2021).

Su-Lin Tan (2021). Suez Canal blockage: China to see minor raw material disruptions, but accident further exposes ‘risks’ of global supply chains, South China Morning Post, 2021/03/29. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3127506> (accessed: 29 March, 2021).

Wang Ying. Container shortage weighs on China shippers. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202104/01/WS60652310a31024ad0bab2f2b.html> (accessed: 1 April, 2020).

Yin Yiping (2020). Chinese container makers work at full capacity amid global supply shortage, *Global Times*, 2020/12/23. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1210828.shtml> (accessed: 23 December, 2020).

Yin Yiping (2021). Top Chinese shipping line helps ease backlog of containers at US ports. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1216600.shtml> (accessed: 15 February, 2021).

Yin Yiping, Chu Daye (2020). Shipping lines call for containers. Freight rates double amid China’s export surge, *Global Times*, 2020/11/19. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1207423.shtml> (accessed: 19 November, 2020).

Zhang Dan (2021). Congestion reveals foreign consumers’ appetite for Chinese goods. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202102/1215328.shtml> (accessed: 09 February, 2021).

Zhong Nan (2021). Growing overseas orders of domestic firms keep stevedores busy at ports. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202104/01/WS60652622a31024ad0bab2f4d_2.html (accessed: 1 April, 2021).

Zhong Nan, Liu Zhihua (2021). Shippers, container makers in overdrive. URL: http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/12/WS604ac60fa31024ad0baeb88_2.html (accessed: 12 March, 2021).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-387-395

Ван Цзинвэй, С.Л. Сазонов

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА КИТАЯ НА ЕВРОАЗИАТСКОМ ТРАНЗИТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ В УСЛОВИЯХ COVID-19

Аннотация. В начале 2020 г. пандемия коронавируса оказала самое негативное влияние на мировую экономику. В западных странах вследствие снижения деловой активности резко сократился спрос на китайские товары, что привело к сокращению количества рейсов грузоперевозчиков. Однако в третьем квартале 2020 г. вслед за Китаем многие страны стали ослаблять карантинные меры и по мере оживления отложенного спроса, резкого наращивания объемов китайского экспорта произошел резкий рост спотовых ставок транспортных тарифов и морского фрахта и возникновение острого дефицита контейнеров. К началу 2021 г. на фоне увеличения объемов транзита из КНР в страны Европы, возникла проблема доставки порожних контейнеров обратно в Китай, а стоимость транспортировки из КНР достигла по ряду направлений 12-летнего максимума. По мнению китайских экспертов в области логистики, введенные правительством КНР меры льготной тарифной политики, поощрение национальных производителей к значительному наращиванию объемов контейнерных перевозок, а китайских грузоперевозчиков — к возврату пустых контейнеров из зарубежных терминалов, вкупе с намечающимся оживлением мировой торговли позволят восстано-

вить глобальные цепочки поставок и увеличить объемы спроса на международный транзит в среднесрочной перспективе.

В силу экономических процессов, вызванных пандемией, мировой транспортный рынок столкнулся с необычным явлением. Эпидемия COVID-19, как это ни парадоксально, стимулировала рост объемов континентального евразийского железнодорожного транзитного контейнерооборота, который был обусловлен объективными потребностями европейского рынка в объемах и скорости доставки грузов в условиях снижения объемов мировой торговли, обеспечивающейся морскими перевозками. Дефицит контейнеров, породивший драматичный рост стоимости фрахта, нивелировал главное преимущество международной морской перевозки грузов, а именно — низкую стоимость транзита. В связи с этим возникает вопрос: стоит ли ожидать нового взлета железнодорожной отрасли в Китае и в странах-транзитерах сухопутных грузов?

Ключевые слова: Китай, пандемия, контейнеры, транзит, глобальные цепочки поставок, мировая экономика, евразийские континентальные железнодорожные перевозки.

Авторы: Ван Цзинвэй (КНР), аспирант Института Дальнего Востока РАН. E-mail: wjw07@yandex.ru

Сазонов Сергей Леонидович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru.

Wang Jingwei, Sazonov S. L.

Features of China's railway transport in the Eurasian transit space in the context of COVID-19

Abstract. At the beginning of 2020, the outbreak of the coronavirus pandemic had the most negative impact on the global economy. In Western countries, due to the decline in business activity, the demand for Chinese goods has sharply decreased, what has led to a reduction in the volumes of container transportation what affected vast majority of global transit deliveries as well as timeliness of transport schedules. However, in the third quarter of 2020 many countries (following China) began to ease quarantine measures. Due to the deferred demand's restoration as well as to a sharp increase in Chinese exports' terms, world transit routes were not ready for a large-scale increase in traffic volumes, what provoked a sharp increase in spot rates of transportation tariffs and sea freight and an

acute shortage of containers. By early 2021, on the background of increasing transit volumes from China to the countries of Europe and the United States, appeared the problem of delivering empty containers back to China, and the cost of transportation from China reached in some directions a 12-year high. According to Chinese logistics experts, the preferential tariff policy measures, introduced by the Chinese government, will encourage national producers to significant increase of container volumes and sea cargo carriers to return empty containers from foreign terminals. Together with the emerging revival of world trade, it will help to restore global supply chains and increase the volume of demand for international land and sea transit in the medium term.

Due to the economic processes caused by the pandemic, the global transport market has faced with an unusual phenomenon. The 2020 COVID-19 epidemic, paradoxically, has stimulated the growth of the continental Eurasian railway transit container's turnover in accordance with objective needs of the European market concerning volumes and speed of cargo delivery. The shortage of containers, which gave rise to a dramatic increase in the cost of freight, has leveled the main advantage of international sea cargo transportation, namely, the low cost of transit. In this regard, the question arises: is it worth expecting a new take-off of the railway industry in China and in the transit countries of land cargo?

Keywords: China, pandemic, containers, transit, global supply chains, world economy, Eurasian continental rail transport.

Authors: WANG Jingwei (PRC), postgraduate student, the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences,
E-mail: wjw07@yandex.ru

Sergey L. SAZONOV, Ph.D. (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.
ORCID: 0000-0002-8889-7072; E-mail: sazonovch@mail.ru

Разразившаяся в 2020 г. эпидемия COVID-19, как это ни парадоксально, стимулировала рост объемов континентального евразийского железнодорожного транзитного контейнерооборота, который был обусловлен объективными потребностями европейского рынка в объемах и скорости доставки грузов в условиях снижения объемов мировой торговли, обеспечивающейся морскими перевозками. Дефицит контейнеров, породивший драматичный рост стоимости фрахта, нивелировал главное преимущество международной морской перевозки грузов, а именно — низкую стоимость транзита.

Вследствие того, что из-за эпидемии коронавируса большое количество товаров, ранее перевозившихся в страны Евросоюза морским и воздушным транспортом, было перемещено на грузовой евразийский транзитный маршрут «Китай—Европа», в 2020 г. между КНР и странами Европы курсировало 12,4 тыс. грузовых поездов (ежемесячно отправлялось более 1 тыс. составов), которые перевезли 1,14 млн стандартных контейнеров¹ (на 50 % и 56 % больше по сравнению с 2019 г. соответственно). И в начале 2021 г. 22 евразийских железнодорожных маршрута соединяли 31 город КНР с 29 городами 13 стран EC [China—Europe freight...]. Трансазиатский железнодорожный маршрут Юйсиньоу (Чунцин—СУАР—страны Европы), который является первым из маршрутов грузоперевозок по маршруту «Китай—Европа» в рамках реализации инициативы «Пояс и путь» (веденный в эксплуатацию в марте 2011 г. и обеспечивавший в период 2015—2020 гг. более 70 % объема железнодорожных транзитных грузоперевозок в направлении «КНР—Европа»), по итогам 2020 г. продемонстрировал резкое увеличение количества проследовавших грузовых поездов — 2603 (на 73 % больше по сравнению с 2019 г.). Согласно данным оператора железнодорожных транзитных перевозок логистической компании *Yuxinou Logistics* (местного оператора грузоперевозок), в период 2020 г. китайские поезда обеспечили транспортировку товаров на общую сумму более 90 млрд юаней (более 14 млрд долл.), что превысило на 65 % объем перевозки грузов по евразийскому маршруту в 2019 г. За период с момента ввода в эксплуатацию маршрута Юйсиньоу по нему прошло более 7 тыс. грузовых поездов, что обеспечило ему первое место в Китае по этому показателю [Charting...]. Согласно данным Китайской железнодорожной корпорации, в феврале 2021 г. индекс контейнерных грузовых перевозок КНР достиг показателя 1863,84 пункта, что примерно на 1000 пунктов выше по сравнению со средним показателем, обнародованным в мае 2020 г. [China-Europe freight...].

¹ В начале февраля 2021 г. председатель правления ОАО «РЖД» О. Белозеров заявил, что в 2020 г. транзитом через Белоруссию в сообщении «Китай — Европа — Китай» было перевезено более 550 тыс. контейнеров, что на 60 % превысило показатель 2019 г.

В 2020 г. через КПП Забайкальск—Маньчжули прошло в общей сложности 3548 трансграничных грузовых поездов (35,1 % больше по сравнению с 2019 г.), которые перевезли 324 310 двадцатифутовых контейнеров с товарами. На КПП было обработано 1758 входящих поездов (59 % больше, чем в 2019 г.), а количество отправляемых поездов выросло на 17,7 % до 1790. В 2020 г. количество составов, прошедших через КПП Суйфэнхэ—Гродеково, составило 217 ед., что на 77,9 % больше по сравнению с 2019 г. [Manzhouli...]. Таким образом, количество поездов, которые пересекли китайско-российскую границу, составило 30 % от общего количества поездов, курсирующих по основному евразийскому маршруту, а зоны сбора груза главным образом были сосредоточены в прибрежных районах на юго-востоке Китая и охватывали 60 городов, в том числе Тяньцзинь, Чаншу, Гуанчжоу, Сучжоу, Чжэнчжоу, Чунцин и т. д., откуда поезда по 60 маршрутам направлялись в западном направлении в 28 городов 13 европейских стран [NE China...].

В 2020 г. через два КПП в СУАР КНР (Алашанькоу и Хоргос) в направлении «Китай—Европа» в обе стороны проследовало 9679 грузовых поездов: количество поездов, прошедших через КПП Алашанькоу—Достык¹ достигло 5027, а через КПП Хоргос—Алтын-коль — 4652 (на 41,8 % и 37 % больше, чем в 2019 г., соответственно). В 2020 г. Китайская железнодорожная корпорация увеличила пропускную способность пунктов Алашанькоу и Хоргос и благодаря оптимизации перегрузочной работы, лучшей координации между железнодорожными, таможенными², пограничными органами, а

¹ В 2020 г. на КПП Алашанькоу были созданы специальные окна обслуживания грузовых поездов, которые за счет внедрения платформ цифровых счетов и системы управления перевозками обеспечивали таможенное оформление круглосуточно и без выходных [Inland...].

² Согласно данным Главного таможенного управления КНР, в 2020 г. общее время таможенного оформления экспортных товаров в Китае составило 1,78 часа, а время таможенной очистки импортных товаров составило 34,91 часа, что почти на 2 часа меньше показателя 2019 г. В 2020 г. Китай продолжил оптимизацию своих таможенных процедур, сократив количество сертификатов, необходимых для таможенного оформления, до 41 с 86 в 2019 г., большинство из которых можно было подать онлайн. В 2020 г. китайские таможенные службы также сократили общий объем взимаемых сборов на приграничных КПП на 16 млрд юаней [China's...].

также казахстанскими властями время, необходимое поездам для прохождения границы, было сокращено с 10 часов до менее чем одного часа. В среднем каждое КПП обслуживало от 18 до 20 грузовых поездов ежедневно. В начале 2021 г. через КПП Алашанькоу—Достык проходило 22 маршрута в 13 европейских стран, а 16 маршрутов пролегали через КПП Хоргос—Алтынколь в 10 азиатских стран [China-Europe freight...]. Согласно данным Китайской железнодорожной корпорации (КЖК), индекс транзитных контейнерных грузовых перевозок Китая в середине января 2021 г. достиг 1863,84 пункта, что было примерно на 1 тыс. пунктов выше по сравнению с показателем, обнародованным в мае 2020 г. [Increasing...].

В начале 2021 г. руководство КЖК объявило, что в 2020 г. была завершена модернизация площадки въездных и выездных операций КПП Эрэн-Хото, а количество линий пограничного досмотра со стандартной железнодорожной колеей увеличилось с одной до трех. Это позволило значительно увеличить пропускную способность сухопутного порта при пограничной проверке, приемке, смене колесных пар и отправлении грузов. Железнодорожный КПП Эрэн-Хото соединяет самый короткий маршрут через РФ между Восточным Китаем и Европой и отвечает за пограничный контроль, организацию и погрузку по маршруту «Китай—страны Европы». Ранее на КПП, когда существовала лишь одна линия стандартной колеи и некоторые монгольские поезда, завершившие выгрузку, должны были стоять в очереди под загрузку, продолжительность ожидания только увеличивалась. Это негативно сказывалось на эффективности грузооборота по железнодорожному маршруту «Китай—Европа» в связи с постоянным ростом спроса на железнодорожные перевозки по этому направлению. После модернизации КПП и преобразования площадки въездных и выездных операций, количество линий пограничного досмотра со стандартной железнодорожной колеей было увеличено до трех, что позволило ускорить обработку поездов, следующих в двух направлениях. Интенсивность обработки прибывающих и отправляющихся составов возросла с 12 до 18 поездов в день. В 2020 г. через КПП Эрэн-Хото прошло в общей сложности 2379 транзитных грузовых поездов в направлении «Китай—Европа», а количество обработанных контейнеров достигло 355 193 (рост на 53,3 % и на 32 %

по сравнению с 2019 г. соответственно). Объем внешнеторговых грузов, проходящих через КПП Эрэн-Хото увеличился на 9,8 % по сравнению с 2019 г. и достиг 16,1572 млн т (в 2019 г. этот объем составил 14,71 млн т) [Erenhot...].

За первые два месяца 2021 г. из г. Иу¹ в европейские города было отправлено более 200 грузовых поездов по маршруту «Китай—Европа», что демонстрирует беспрецедентное увеличение объема транспортировок на 336 % по сравнению с аналогичным показателем 2020 г. По сообщениям руководства компании *T. H. I. Group (Shanghai) Ltd*, «из-за быстрорастущего спроса на логистику в марте 2021 г. объем заказов на континентальные перевозки Китай—Европа выросли на 80—100 %». Кроме того, грузовые поезда были забронированы до такой степени, что многие железнодорожные операторы в КНР даже ввели систему лотереи для распределения поездов и контейнеров между грузоотправителями [Wang Ying, Zhong Nan, Shi Baoyin].

Библиографический список

Busy port in Ningbo. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1218733.shtml> (accessed: 04.03.2021).

Charting the success of China-Europe freight trains in 2020. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/28/WS6011ebc3a31024ad0baa587f.html> (accessed: 28.01.2021).

China-Europe freight train number via Xinjiang port hits new high. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202012/31/WS5fed708ba31024ad0ba9fd94.html> (accessed: 31.12.2020).

China-Europe freight train steady pillar for cross-border transport in hard times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217717.shtml> (accessed: 28.03.2021).

China-Europe freight trains serve as lifeline for int'l trade amid pandemic. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0320/c90000-9830885.html> (accessed: 20.03.2021).

¹ В 2014 г. было открыт маршрут транзитных перевозок по маршруту из г. Иу (расположенного в провинции Чжэцзян крупнейшего в КНР центра оптовой торговли товарами) в страны Европы через Мадрид. К началу 2021 г. по этому маршруту, который составы преодолевают за 10 дней, проследовало более 2,9 тыс. грузовых поездов, обеспечив доставку более 240 тыс. контейнеров [China-Europe freight trains serve as lifeline for int'l trade amid pandemic]. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0320/c90000-9830885.html>.

China-Europe freight trains via Xinjiang hit record high in 2020. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/04/WS5ff2d304a31024ad0baa059b.html> (accessed: 04.01. 2021).

China's customs clearance efficiency rises in 2020. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-01/31/content_77173976.htm (accessed: 31.01.2021).

Erenhot handles over 6,000 China-Europe freight trains. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-02/22/content_77235355.htm (accessed: 22.02.2021).

Increasing container throughput signals China's strong foreign trade vitality. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0219/c90000-9819999.html> (accessed: 19.02.2021).

Inland Alashankou port sees nearly 1,000 China-Europe freight trains by March, 2021. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0315/c90000-9828894.html> (accessed: 15.03.2021).

Manzhouli sees rising number of China-Europe freight trains. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-01/07/content_77088159.htm (accessed: 07.01.2021).

NE China ports bustling with China-Europe freight trains. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202102/27/WS603a44ffa31024ad0baab8f0.html> (accessed: 27.02.2021).

Wang Ying, Zhong Nan, Shi Baoyin. Suez jam may spur freight train option. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/30/WS60627875a31024ad0bab265a.html> (accessed: 30.03.2021).

Zhao Huanxin. IMF: 'Firmer' global economy could use China-US teamwork. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/31/WS6063e853a31024ad0bab2c66.html> (accessed: 31.03.2021).

Zhao Ping. China's growth gives impetus to global economy. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/08/WS60458071a31024ad0baad860.html> (accessed: 08.03.2021).

References

Busy port in Ningbo. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1218733.shtml> (accessed: 04 March, 2021).

Charting the success of China-Europe freight trains in 2020. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/28/WS6011ebc3a31024ad0baa587f.html> (accessed: 28 January, 2021).

China-Europe freight train number via Xinjiang port hits new high. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202012/31/WS5fed708ba31024ad0ba9fd94.html> (accessed: 31 December, 2020).

China-Europe freight train steady pillar for cross-border transport in hard times. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217717.shtml> (accessed: 28 March, 2021).

China-Europe freight trains serve as lifeline for int'l trade amid pandemic. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0320/c90000-9830885.html> (accessed: 20 March, 2021).

China-Europe freight trains via Xinjiang hit record high in 2020. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202101/04/WS5ff2d304a31024ad0baa059b.html> (accessed: 4 January, 2021).

China's customs clearance efficiency rises in 2020. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-01/31/content_77173976.htm (accessed: 31 January, 2021).

Chu Daye, Xie Jun (2021). China's exports to the US may jump about 20 % in 2021: expert. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202103/1217612.shtml> (accessed: 26 March, 2021).

Erenhot handles over 6,000 China-Europe freight trains. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-02/22/content_77235355.htm (accessed: 22 February, 2021).

Increasing container throughput signals China's strong foreign trade vitality. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0219/c90000-9819999.html> (accessed: 19 February, 2021).

Inland Alashankou port sees nearly 1,000 China-Europe freight trains by March, 2021. URL: <http://en.people.cn/n3/2021/0315/c90000-9828894.html> (accessed: 15 March, 2021).

Manzhouli sees rising number of China-Europe freight trains. URL: http://www.china.org.cn/business/2021-01/07/content_77088159.htm (accessed: 7 January, 2021).

NE China ports bustling with China-Europe freight trains. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202102/27/WS603a44ffa31024ad0baab8f0.html> (accessed: 27 February, 2021).

Wang Ying (2021). Container shortage weighs on China shippers. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202104/01/WS60652310a31024ad0bab2f2b.html> (accessed: 1 April, 2021).

Wang Ying, Zhong Nan, Shi Baoyin (2021). Suez jam may spur freight train option. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/30/WS60627875a31024ad0bab265a.html> (accessed: 30 March, 2021).

Zhao Huanxin (2021). IMF: 'Firmer' global economy could use China-US teamwork. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/31/WS6063e853a31024ad0bab2c66.html> (accessed: 31 March, 2021).

Zhao Ping (2021). China's growth gives impetus to global economy. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/202103/08/WS60458071a31024ad0baad860.html> (accessed: 8 March, 2021).

ИСТОРИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ И ДВУСТОРОННИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-396-419

*К XX годовщине подписания Договора
о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве
между Российской Федерацией
и Китайской Народной Республикой*

Г.В. Куликова

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ (1949—1989 гг.)

Аннотация. В 2021 г. — знаменательном году для российско-китайских отношений — исполняется 20-я годовщина подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.

Договор, который по праву называют Договором века, заложил юридический фундамент, стал надежной опорой и прочной договорной базой российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, явился примером деидеологизированного, взаимовыгодного и добрососедского со-

трудничества России и Китая; взаимодействия двух стран в целях успешного продвижения интересов развития и укрепления позиций на международной арене, что имеет особо важное значение в современной международной обстановке.

Российско-китайские отношения имеют давнюю историю, мощный экономический и военный потенциал, богатую культурную базу, широкую общественную поддержку и большую эмоциональную составляющую.

В становлении, восстановлении, развитии российско-китайских отношений важную роль всегда играла и продолжает играть народная дипломатия и один из ее активных каналов — Общество советско-китайской (ныне российско-китайской) дружбы — первое общество дружбы с народами зарубежных стран, созданное в нашей стране 29 октября 1957 г.

Автор статьи была участником создания в нашей стране Общества советско-китайской дружбы, а затем не только стала свидетелем, но организатором и личным участником всех приведенных в статье мероприятий.

Особое значение для российско-китайских отношений имела деятельность Общества советско-китайской дружбы в самый драматический период в истории наших двусторонних отношений — 60—70-е годы прошлого столетия. Эти годы были омрачены напряженностью и даже враждой, балансирующей на грани военных действий.

Несмотря на сложные межгосударственные отношения и приставленные, не по нашей вине, двусторонние общественные связи Общество советско-китайской дружбы, стремясь к сохранению у народов нашей страны добрых чувств к китайскому народу, его многовековой истории и культуре, приняло решение в одностороннем порядке продолжать свою деятельность.

Автор статьи рассказывает о том, как в годы «культурной революции» в Китае, т. е. с середины 70-х до середины 80-х годов прошлого столетия, в нашей стране было проведено более 300 мероприятий, посвященных знаменательным событиям китайской истории и истории наших двусторонних отношений, юбилейным датам китайских государственных и общественных деятелей, деятелей науки и культуры. Деятельность Общества советско-китайской дружбы в этот, а также в последующий период свидетельствовала о том, что народы нашей страны верили в будущее советско-китайских отношений в интересах наших стран и народов. И россий-

ско-китайские отношения, переживающие сегодня самый лучший период в истории, служат тому наглядным подтверждением.

Ключевые слова: Россия, Китай, народная дипломатия, «культурная революция», делегационные обмены, становление, восстановление, развитие.

Автор: Куликова Галина Вениаминовна, старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, Почетный доктор Института Дальнего Востока РАН, Первый заместитель Председателя Общества российско-китайской дружбы, Заслуженный работник культуры РФ. E-mail: orkd@ifes-ras.ru

G.V. Kulikova

Pages of History: Russian-Chinese Relations and People's Diplomacy (1949—1989)

Abstract. In 2021, a significant year for Russian-Chinese relations, the 20th anniversary of the signing of the Treaty on Neighborhood, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China is being celebrated. It is rightly referred to as the Treaty of the Century. It has become a reliable pillar and a solid foundation for Russian-Chinese relations of comprehensive partnership and strategic cooperation. The Treaty laid the legal basis for an exemplary de-ideologized, mutually beneficial and good-neighborly cooperation between Russia and China, for the interaction between the two countries in order to successfully advance their mutual interests and to strengthen their positions on the international arena.

Russian-Chinese relations have a long history, strong economic and military potentials, a rich cultural base, broad public support and a large emotional component.

People's diplomacy and one of its active channels — the Society of Soviet-Chinese (now Russian-Chinese) Friendship — was the first friendship society with the peoples of foreign countries, established in our country on October 29, 1957. That Society has always played an important role in the formation, restoration and development of Russian-Chinese relations.

The author of this article personally participated in the establishment of the Society of Soviet-Chinese Friendship; she witnessed as well as organized all the events presented in the article.

Of particular importance for Russian-Chinese relations was the activities of the Society of Soviet-Chinese Friendship during the most dra-

matic period of our bilateral relations — the 60—70s of the last century. These years had been marred by tension and even by animosity, teetering on the brink of war.

Despite the complex interstate relations and stalled bilateral public relations, the Society of Soviet-Chinese Friendship, seeking to preserve good feelings towards the Chinese people, unilaterally decided to continue its activities.

The article describes how during the “cultural revolution” in China (from the mid-70s to the mid-80s of the last century) our country held more than 300 events dedicated to the significant events of Chinese history and the history of our bilateral relations, the anniversary dates of Chinese state and public figures, scientists and cultural figures.

The activities of the Society of Soviet-Chinese Friendship in this, as well as in the subsequent period, showed that the peoples of our country believed in the future of Soviet-Chinese relations in the interests of our peoples. And the Russian-Chinese relations, which are going through the best period in history today, are a clear confirmation of that.

Keywords: Russia, China, people's diplomacy, “cultural revolution”, conference, delegation exchanges, establishment, reconstruction, development.

Author: Galina V. KULIKOVA, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS), Honorary Doctor of the IFES RAS, Vice-Chairman of the Russian-Chinese Friendship Society, Distinguished Cultural Worker of the Russian Federation. E-mail: orkd@ifes-ras.ru

16 июля 2021 г. исполняется 20-я годовщина подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, ставшего исторической вехой в истории российско-китайских отношений.

Договор заложил юридический фундамент, стал надежной опорой и прочной договорной базой российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия; явился примером деидеологизированного, прагматического, равноправного, взаимовыгодного и добрососедского сотрудничества России и Китая; взаимодействия двух стран-соседей в целях успешного продвижения интересов развития и укрепления позиций на между-

народной арене, что имеет особое значение в современной международной обстановке.

В развитии российско-китайских отношений значимую роль всегда играла народная дипломатия и один из ее активных каналов — Общество советско-китайской дружбы (ныне — Общество российско-китайской дружбы) — первое общество дружбы с народами зарубежных стран, созданное в нашей стране 29 октября 1957 г.

Российско-китайские отношения возникли задолго до образования КНР и установления дипломатических отношений. Тысячи китайских революционеров в 20—30-е годы прошлого столетия учились и работали в Москве. В 1928 г. в Москве состоялся VI съезд КПК — единственный съезд, проведенный за пределами Китая и имеющий судьбоносное значение для китайской революции. В годы борьбы за победу народной революции и антияпонской войны Советский Союз был единственной страной, пришедшей на помощь Китаю. Тысячи китайцев помогали нам на фронтах и в тылу в годы Великой Отечественной войны. В августе 1945 г. участие Советской Армии в разгроме Квантунской армии на Северо-Востоке Китая победоносно завершило Вторую мировую войну.

1 октября 1949 г. с трибуны площади Тяньаньмэнь Мао Цзэдун провозгласил образование Китайской Народной Республики. Советский Союз, который все годы борьбы всегда был на стороне китайского народа, стал первой страной, которая 2 октября заявила о признании молодой республики и установила с ней дипломатические отношения. Присутствовавший 1 октября 1949 г. на площади Тяньаньмэнь и принимавший непосредственное участие в установлении дипломатических отношений между нашими странами Генеральный консул СССР С.Л. Тихвинский, к сожалению, три года тому назад ушедший от нас академик РАН, почетный председатель Общества российско-китайской дружбы, на всю жизнь сохранил незабываемые впечатления о том, что тогда увидел и пережил. В своих выступлениях и публикациях он часто возвращался к памятным событиям 1 октября 1949 г. на площади Тяньаньмэнь. Гостем тех исторических событий также была приглашенная на торжества делегация деятелей советской культуры во главе с А.А. Фадеевым и К.М. Симоновым.

С.Л. Тихвинский, ставший после провозглашении КНР временным поверенным в делах СССР в КНР, и члены делегации деятелей советской культуры 5 октября 1949 г. были приглашены на Учредительную конференцию по созданию Общества китайско-советской дружбы (ОКСД) — первой в Китае массовой организации дружбы с народами зарубежных стран. Выступая на открытии конференции, член Политбюро, секретарь ЦК КПК Лю Шаоци сказал: «Наша китайская революция смогла одержать свои теперешние победы только потому, что мы учились у Советского Союза. Советский Союз является бескорыстным и искренним другом китайского народа... поэтому вслед за созданием Центрального народного правительства нашей страны нашей первой обязанностью является еще большее укрепление дружбы между Китаем и Советским Союзом...» (приводится по [Куликова Г.В., 2012, с.31]).

Делегация деятелей советской культуры после участия в Учредительной конференции по созданию ОКСД была приглашена в поездку по стране и, помимо Пекина, посетила Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин, Цзинань и Харбин. Грандиозные народные гуляния по поводу провозглашения КНР, свидетелями которых они стали; выступления членов делегации на многотысячных собраниях и митингах представителей китайской общественности произвели на членов делегации неизгладимое впечатление и сделали их на всю жизнь активными сторонниками дружбы с Китаем.

14 февраля 1950 г. в Москве был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР, открывший безграничные возможности для расширения и укрепления советско-китайской дружбы (подробнее см. [Куликова Г.В., 2019]).

Союз с КНР был важен для нашей страны. В лице КНР мы получили важного политического союзника. Договор стал не только мощным фактором стабилизации международной обстановки, но и сыграл важную роль в развитии дружбы и взаимопонимания между народами наших стран.

Активную роль в популяризации идей дружбы, взаимопонимания и сотрудничества между нашими странами и народами в первое десятилетие после образования КНР играло созданное 5 октября 1949 г. Общество китайско-советской дружбы (ОКСД). Первым

председателем Общества был Лю Шаоци, а с 1954 г. — Сун Цинлин — супруга доктора Сунь Ятсена, которая до последних лет своей жизни помнила его завет «идти рука об руку с Советским Союзом» (подробнее см. [Куликова Г.В., 2019]).

В состав правления ОКСД вошли видные представители различных партий, общественных организаций, а также НОАК. Генеральным секретарем ОКСД в течение многих лет был Цянь Цзюньжуй — кандидат в члены ЦК КПК, заместитель министра культуры КНР.

ОКСД проводило месячники и другие массовые мероприятия, выливавшиеся во всенародное движение за укрепление дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Общество стало центром по популяризации в Китае русского языка.

В течение первых восьми лет главным партнером Общества советско-китайской дружбы (ОСКД) в нашей стране было Всесоюзное общество культурных связей с заграницей (ВОКС). Связи и контакты между общественностью СССР и Китая значительно расширились после создания 29 октября 1957 г. в нашей стране ОСКД — также первого в нашей стране общества дружбы с народами зарубежных стран, председателем ОСКД стал член Президиума Верховного Совета СССР. Его заместителями были избраны: народный артист СССР, кинорежиссер С.А. Герасимов; президент Дальневосточного филиала АН СССР В.Г. Быков; заместитель министра просвещения СССР Л.В. Дубровина; директор Института китаеведения АН СССР А.С. Перевертайло; главный редактор газеты «Правда» П.А. Сатюков; секретарь правления Союза писателей СССР, председатель Советского комитета защиты мира Н.С. Тихонов; маршал Советского Союза В.И. Чуйков; президент Академии наук Казахской ССР К.И. Сатпаев; секретарь Хабаровского крайкома КПСС А.П. Шитиков; секретарь Приморского крайкома КПСС Ф.Ф. Штыков.

В состав правления Общества вошли также видные государственные и общественные деятели: Н.И. Бобровников — депутат Верховного Совета СССР, председатель исполкома Моссовета; В.П. Елютин — министр высшего и среднего специального образования СССР; общественные деятели Е.Д. Стасова, А.С. Панюшкин; дважды Герой Советского Союза А.Ф. Федоров; советские гражданские и военные специалисты, в разные годы работавшие в Китае —

И.В. Архипов, К.С. Силин, А.И. Черепанов, Н.М. Хлебников, А.Я. Калягин; член Союза писателей СССР, иркутский писатель Г.Ф. Кунгурев; народный художник СССР О.Г. Верейский; народные артисты СССР Г.С. Уланова и Б.П. Царев; общественная деятельница Л.Т. Космодемьянская; ученые-китаеведы С.Л. Тихвинский, Г.В. Ефимов, Н.Т. Федоренко, И.М. Ошанин.

31 октября 1957 г. газета «Жэнъминь жибао» написала: «Китайский народ искренне приветствует создание Общества, приветствует его благородные цели и желает ему успехов в работе... создание Общества советско-китайской дружбы есть убедительное доказательство того, что отношения дружественного сотрудничества между Советским Союзом и Китаем крепнут и развиваются с каждым днем, будут содействовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран» (приводится по [Куликова Г.В., 1982, с.103]).

Вскоре после создания ОСКД в целях расширения масштабов своей деятельности приняло решение об учреждении при Обществе профессиональных секций и выпуске на китайском языке еженедельного журнала «Советско-китайская дружба». Было создано семь профессиональных секций: секция внешних связей и делегационных обменов, секция по научному сотрудничеству, секция по лекционной работе, секция литературы и печати, секция искусств, молодежная секция, секция по связям с республиками, краями, областями и городами и т. д. В состав секций вошло 250 видных государственных и общественных деятелей. Большинство из них в разное время участвовали в оказании помощи Китаю в борьбе за победу народной революции и становлении новой жизни [Дубровина А.В., с. 47].

Отделения ОСКД были созданы во всех союзных республиках, краях, областях и крупных городах нашей страны.

12 ноября 1959 г. в Москве было подписано Соглашение о сотрудничестве ОСКД и ОКСД (подробнее см. [Куликова Г.В., 2019]).

Большое значение для деятельности ОСКД и его контактов с китайскими партнерами имело создание 17 февраля 1958 г. в нашей стране Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД) — преемника ВОКС.

Председателем президиума ССОД стала Н.В. Попова — депутат Верховного совета СССР, член комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР, Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Выступая на Учредительной конференции ССОД, Н.В. Попова отметила большое значение ОСКД — первенца советской народной дипломатии, деятельность которого получила большое признание не только в нашей стране, но и в Китае.

В состав президиума ССОД от ОСКД были избраны: С.А. Герасимов, В.П. Елютин, А.С. Панюшкин, П.А. Сатюков, А.В. Софронов, Н.С. Тихонов, С.Л. Тихвинский и М.И. Царев [Материалы ССОД, 1978, с.35—36].

Работа ОСКД в составе ССОД обеспечила Общество штатным аппаратом, создала надежную материальную базу для развития его деятельности и контактов с китайскими партнерами. На страницах журнала «Культура и жизнь» и газеты «Московские новости» публиковались материалы об участии советской и китайской общественности в развитии советско-китайских отношений, помещались статьи членов делегаций обществ дружбы с впечатлениями о поездках в страну партнера.

Пятидесятые годы прошлого столетия можно назвать «медовым месяцем» в советско-китайских отношениях (подробнее см. [Куликова Г.В., 2019]).

К сожалению, последующие два десятилетия стали драматическим отрезком в истории наших двусторонних отношений. 60—70-е годы прошлого столетия были омрачены напряженностью и даже враждой, балансирующей на грани военных действий. Серьезные осложнения в советско-китайских межгосударственных отношениях крайне негативно сказались на общественных связях. С 1967 г. наши китайские партнеры практически свернули свою деятельность в стране. В 1968 г. они прекратили все контакты с ССОД и ОСКД.

В сложные для советско-китайских отношений 1960—1970-е годы деятельность ОСКД приобрела особое значение. Стремясь к сохранению у народов нашей страны добрых чувств к китайскому народу, его многовековой истории и культуре, ОСКД приняло решение продолжать свою деятельность [Куликова Г.В., 2018].

В самый разгар «культурной революции» в Китае в январе 1969 г. в Москве была проведена II Всесоюзная конференция ОСКД, в работе которой приняли участие члены правления, избранные на учредительной конференции 29 октября 1957 г., и представители всех региональных отделений в союзных республиках, краях, областях и городах нашей страны. Конференция приняла постановление: «Считать главной задачей Общества советско-китайской дружбы содействие сохранению и развитию братской дружбы и сотрудничества между советским и китайскими народами; широкое ознакомление советской общественности с жизнью, историей и культурой страны-соседа; содействие воспитанию у советской общественности уважения к китайскому народу, внесшему весомый вклад в развитие мировой цивилизации» [Стенограмма II Всесоюзной...].

После конференции Общество стало активно расширять свои ряды. В этот период к работе Общества активно подключились ветераны партии и вооруженных сил, кто в далекие послеоктябрьские годы своими практическими делами закладывал на китайской земле фундамент нашей дружбы; и те, кто в годы антияпонской войны на земле и в воздухе громил антияпонских агрессоров. В деятельности Общества стали активно участвовать советские специалисты и учёные, которые помогали Китаю в создании основ промышленности, развития науки, образования и культуры. К работе Общества активно подключились учёные-китаеведы. Благодаря их труду за 10 лет после провозглашения КНР в нашей стране было издано 250 книг по различным вопросам истории Китая, советско-китайских отношений, философии, литературы, культуры и искусства Китая. И, наконец, к деятельности Общества стала активно подключаться молодёжь — студенты и школьники, интересующиеся Китаем и изучающие китайский язык. ОСКД значительно расширило контакты с органами печати, радио и телевидения. В спецвыпусках ТАСС на Советский Союз и зарубежные страны регулярно помещалась информация о деятельности ОСКД. В издающихся на китайском языке журналах «Советский Союз» и «Советская женщина» были введены рубрики «В Обществе советско-китайской дружбы».

Итоги деятельности ОСКД после II Всесоюзной конференции были подведены на III Всесоюзной конференции, состоявшейся в

Москве в Доме дружбы в феврале 1978 г. с участием представителей всех региональных отделений. На конференции с отчетным докладом выступил первый заместитель председателя ОСКД, член-корреспондент АН СССР С.Л. Тихвинский.

Конференция от имени советской общественности заявила о том, что ОСКД готово к восстановлению и развитию контактов и обменам делегациями с ОКСД на основании Соглашения от 12 ноября 1959 г. (подробнее см. [Куликова Г.В., 2019]). «Советские люди — оптимисты, — говорилось в постановлении. — Мы верим в будущее советско-китайских отношений, верим в то, что будущее советско-китайских отношений восторжествует...» [Стенограмма III Всесоюзной...].

Вскоре после конференции в ССОД и ОСКД поступило приглашение ответственному секретарю Центрального правления ОСКД — автору этих строк — принять участие в дружеском ужине в Посольстве КНР в Москве. Приглашение было принято. На ужине я встретилась с советниками Посольства: Ли Фэнлинем, Чжан Даэ, Ма Сюйшэном и другими дипломатами, с которым мы были знакомы по прежним контактам в Обществе и совместной учебе в МГИМО. Встреча носила неофициальный характер и прошла в дружественной обстановке, являясь как бы ответным шагом на участие сотрудников Посольства в работе III Всесоюзной конференции Общества.

Не прошло и полугода, как во время одного из протокольных мероприятий в Посольстве СРВ советник Посольства КНР Чжан Даэ сообщил заместителю председателя ССОД В.Ф. Хорохордину о том, что Китайское народное общество дружбы с заграницей и Общество китайско-советской дружбы хотели бы принять в Пекине ответственного секретаря Центрального правления Общества советско-китайской дружбы и организовать для нее ознакомительную поездку по стране при условии, что ее приезд в Пекин будет осуществлен по приглашению Посольства СССР. 17 февраля 1979 г. мы с членом ЦП ОСКД, профессором А.В. Меликsetовым вылетели в Пекин. Однако, по прибытии в Пекин, к нашему большому сожалению, мы узнали, что наше дальнейшее пребывание в стране невозможно из-за начавшихся событий на китайско-вьетнамской границе.

Несмотря на то, что наша поездка, на которую возлагали определенные надежды и советская, и китайская стороны, не состоялась, попытка ее организации стала первым проявлением определенной заинтересованности китайской стороны к восстановлению контактов с ОСКД.

Общество, несмотря на несостоявшуюся поездку, продолжало работать, проводить мероприятия, посвященные годовщинам КНР и другим памятным датам китайской истории и истории наших отношений, с приглашением на них сотрудников Посольства КНР.

Так, в вечере-концерте, организованном Обществом по случаю 30-летия КНР, приняли участие не только сотрудники Посольства КНР, но и находившиеся в Москве на советско-китайских пограничных переговорах члены китайской делегации во главе с Ван Юпином — заместителем министра иностранных дел КНР.

В канун 1 октября 1979 г. впервые за многие годы по Центральному телевидению был показан фильм «Во имя благородной цели», созданный Центральной студией документальных фильмов по сценарию автора этих строк — ответственного секретаря ЦП ОСКД. Фильм рассказывал об истории создания и деятельности ОСКД.

5 мая 1981 г. председатель Президиума ССОД Н.В. Попова и ответственный секретарь ОСКД, автор этих строк посетили Посольство КНР в Москве и выразили соболезнования в связи с кончиной Сун Цинлин — председателя ОКСД, почетного председателя КНР. В этот же день от имени Председателя Президиума ССОД Н.В. Поповой и Председателя ОСКД С.Л. Тихвинского в Пекин в адрес Китайского Народного общества дружбы с зарубежными странами (КНОДЗ) и ОКСД была направлена телеграмма соболезнования, в которой отмечался выдающийся вклад Сун Цинлин в укрепление дружбы между нашими странами и народами.

В январе 1982 г. Пекин в качестве гостя посла СССР в КНР И.С. Щербакова посетил первый заместитель председателя ОСКД, ректор Дипломатической академии МИД СССР С.Л. Тихвинский. В Пекине он встретился с председателем КНОДЗ Ван Биннанем, бывшим заместителем министра иностранных дел КНР, знакомым ему еще по Чунцину. Во время беседы С.Л. Тихвинский рассказал Ван Биннанию о непрекращавшейся деятельности ОСКД и внес

предложение о возобновлении контактов между организациями дружбы. С.Л. Тихвинского принял также заведующий Отделом СССР и стран Восточной Европы Юй Хунлян, ставший вскоре послом КНР в Москве. Поездка С.Л. Тихвинского в Пекин в январе 1982 г., а также пребывание в Пекине в качестве гостя посла И.С. Щербакова известного китаеведа, позже — академика РАН Б.Я. Рифтина, их встречи с Ван Биннанем стали еще одним шагом на пути восстановления советско-китайских общественных связей.

Так, шаг за шагом предпринимались меры к восстановлению двусторонних отношений.

27 октября 1982 г. ОСКД исполнилось 25 лет. Президиум ССОД во главе с новым председателем Президиума З.М. Кругловой и Центральное правление ОСКД во главе с первым заместителем председателя С.Л. Тихвинским приняло решение торжественно отметить эту дату. В Пекин было направлено приглашение в адрес КНОДЗ и ОКСД с предложением прибыть в Москву и принять участие в этом мероприятии.

В Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся торжественный вечер общественности. В выступлении С.Л. Тихвинского было рассказано о 25-летней деятельности Общества, свидетельствующей о стремлении советского народа к сохранению, укреплению и развитию дружбы с китайским народом. С трибуны торжественного собрания было вновь заявлено о готовности ОСКД к восстановлению связей и контактов с ОКСД. Это заявление было горячо поддержано также в выступлениях заместителей председателей ОСКД: кинорежиссера, Героя Социалистического труда С.А. Герасимова и известного советского мостостроителя, Героя Социалистического труда К.С. Силина. Делегация ОКСД на конференцию не приехала. Китайскую сторону на конференции представлял Чрезвычайный и Полномочный Посол Ян Шоучжэн в сопровождении большой группы дипломатов. Посол Ян Шоучжэн огласил приветственное послание, впервые за многие годы поступившее от ОКСД, в котором отмечалась «благородная деятельность Общества советско-китайской дружбы, направленная на расширение взаимопонимания, укрепление дружбы и сотрудничества между китайским и советским народами» (приводится по [Куликова Г.В., 1982, с.103]). На вечере экспо-

нировалась фотовыставка «Обществу советско-китайской дружбы — 25 лет», которая затем была направлена в советское посольство в Пекине, где ее часто показывали на мероприятиях, организуемых с участием китайской стороны.

В январе 1983 г. по инициативе ОСКД была организована торжественная церемония передачи заместителем министра иностранных дел СССР М.С. Капицей Посольству КНР праха выдающегося китайского композитора Си Синхая, скончавшегося в Москве в 1945 г. В феврале того же года, по просьбе Союза писателей КНР, направленной в адрес ОСКД, была организована поездка в Пекин Алана Стародуба — сына скончавшегося в Пекине Сяо Саня — известного китайского общественного деятеля, писателя и поэта. Эти две акции получили в Китае большое общественно-политическое звучание.

В 1983 г. ОСКД стало активно устанавливать контакты и проводить совместные мероприятия с другими общественными организациями нашей страны.

Совместно с Союзом кинематографистов ОСКД отметило 50-летие Китайского кинематографического общества. В дни XIII Московского международного кинофестиваля в Доме дружбы была организована встреча с делегацией китайских кинематографистов во главе с известным китайским режиссером Гань Сюэвэем. Участникам этой встречи, на которой председательствовал заместитель председателя ОСКД, секретарь Союза кинематографистов СССР С.А. Герасимов, был показан китайский конкурсный фильм «Улица заходящего солнца». Выступая на этом мероприятии, советник Посольства КНР Чжан Дакэ сказал, что деятельность Общества советско-китайской дружбы служит благородному делу нормализации отношений между нашими двумя великими странами.

Обществом был проведен также вечер, посвященный творчеству одного из корифеев китайской живописи — Сюй Бэйхуна. В адрес ОКСД и Дома-музея Сюй Бэйхуна в Пекине была направлена телеграмма, в которой говорилось о том, что советские люди помнят Сюй Бэйхуна как патриота, большого друга нашей страны, поддерживавшего тесные связи с советскими художниками.

В Рахманиновском зале Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского по предложению Общества состоя-

лась презентация оратории профессора консерватории Н.Н. Синельникова на стихи классика китайской поэзии Ду Фу «Сычуаньские элегии, или мысли о самом себе».

Начиная с 1983 г., Посольство КНР начало приглашать руководителей и активистов ОСКД на свои протокольные мероприятия и стало активно принимать участие в мероприятиях, проводимых ОСКД.

Работа ОСКД оказала определенное влияние и на деятельность наших китайских партнеров. В Пекине КНОДЗ и ОКСД также стали проводить отдельные мероприятия, посвященные культурным событиям из жизни нашей страны с приглашением сотрудников советского посольства.

В октябре 1983 г. по приглашению КНОДЗ и ОСКД впервые после 18-летнего перерыва в Китай была приглашена представительная группа руководителей и активистов ОСКД в составе 20 человек во главе с первым заместителем председателя Общества академиком С.Л. Тихвинским. В состав группы вошли известные китаеведы — В.М. Солнцев, В.С. Мясников, А.В. Меликsetов, В.Д. Сорокин, молодой научный сотрудник ИДВ АН СССР Д.А. Смирнов; профессора И.В. Стражева и К.С. Силин, работавшие в Китае в составе 10-тысячного отряда советских специалистов; К.Ф. Крючкова — главный редактор китайского издания журнала «Советская женщина» и автор этих строк — ответственный секретарь ОСКД. Члены группы совершили незабываемую поездку по маршруту Пекин—Шанхай—Сиань—Гуанчжоу.

В октябре 1983 г. с ответным визитом по приглашению ССОД—ОСКД нашу страну посетила группа руководителей и активистов ОКСД во главе с Лян Шуфэнь — заместителем председателя народного правительства провинции Хубэй, заместителем председателя ОКСД провинции Хубэй.

По возвращении из поездки в Китай С.Л. Тихвинский опубликовал в газете «Известия» статью, в которой рассказал о незабываемых впечатлениях от поездки и встреч с представителями китайской общественности. В свою очередь руководитель делегации ОКСД Лян Шуфэнь в газете «Гуанмин жибао» в статье «16 дней в Совет-

ском Союзе» поделилась с читателями впечатлениями о теплом приеме делегации на советской земле.

25 ноября 1986 г. в Москве была проведена IV Всесоюзная конференция ОСКД. К этой конференции ОСКД пришло массовой и представительной общественной организацией, отделения которой активно работали во всех союзных республиках, краях, областях, городах нашей страны. В отчетном докладе председателя ОСКД академика С.Л. Тихвинского было сообщено о том, что с середины 1970-х до середины 1980-х годов в нашей стране ОСКД было проведено более 300 мероприятий, посвященных знаменательным событиям китайской истории и двусторонних отношений, юбилейным датам китайских государственных и общественных деятелей, деятелей литературы и искусства. Академик С.Л. Тихвинский также сказал, что ОСКД, продолжавшее активно работать даже в годы «культурной революции», не только помогло сохранить теплые чувства народа СССР к Китаю, но и превратилось в центр, сплотивший всех представителей советской общественности, кому было дорого дело дружбы с нашим великим соседом — китайским народом [Стено-грамма IV Всесоюзной...].

Когда 29 октября 1987 г. в СССР широко и торжественно отмечался 30-летний юбилей ОСКД, У Сююань — известный в Китае государственный и общественный деятель, ставший в сентябре 1987 г. председателем ОКСД, в своем приветственном послании в адрес ОСКД написал: «За прошедшие 30 лет ОСКД проделало большую работу по укреплению взаимопонимания, развитию традиционной дружбы между китайским и советскими народами. Мы высоко ценим это» (приводится по [Куликова Г.В., 1988, с. 53—55]).

После первых в 1983 г. обменов группами активистов обществ дружбы, стали осуществляться поездки в Москву и в Пекин делегаций во главе с руководителями организаций дружбы.

В мае 1984 г. по приглашению ССОД-ОСКД Москву, Ленинград и Сочи посетила делегация во главе с председателем КНОДЗ Ван Биннанем. Делегация имела встречи с председателем Президиума ССОД З.М. Кругловой и председателем ОСКД академиком С.Л. Тихвинским; была принята в Кремле заместителем председате-

ля Верховного Совета СССР, кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС В.В. Кузнецовым.

В свою очередь по приглашению Ван Биннаня председатель Президиума ССОД З.М. Круглова в сопровождении автора этих строк в апреле 1985 г. посетила Пекин, Тяньцзинь и Шанхай. Была принята членом Политбюро ЦК КПК, заместителем Премьера Госсовета КНР Ли Пэном. Во время встречи Ли Пэн отметил большой вклад общества дружбы в восстановление советско-китайских общественных связей. В Пекине впервые после более чем 20-летнего перерыва был подписан План сотрудничества ССОД-ОСКД и КНОДЗ-ОКРД на 1985 г. План предусматривал возобновление прямых контактов отделений ОСКД в Хабаровском и Приморском краях, Читинской области, Благовещенске, Забайкальске с отделениями провинции Хэйлунцзян [Материалы ССОД, 1985].

Во исполнение подписанного Плана, в 1985 г. КНР посетили делегации Белорусского и Азербайджанского отделений ОСКД; начали развиваться контакты между Казахским, Узбекским, Киргизским отделениями ОСКД и отделением ОКСД в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

В ноябре 1987 г. по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР для участия в праздновании 70-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в Москву прибыла делегация КНОДЗ-ОКСД во главе с председателем КНОДЗ Чжан Вэньцзинем. Делегации было оказано большое внимание и гостеприимство со стороны ССОД-ОКСД, отвечавшим за организацию приема делегации. Делегация присутствовала на параде и демонстрации трудящихся на Красной площади, имела встречу с В.В. Терешковой, возглавившей в 1987 г. Президиум ССОД, председателем ОСКД академиком С.Л. Тихвинским. В ходе встреч обсуждались вопросы дальнейшего расширения и развития советско-китайских общественных связей не только на центральном уровне, но и на уровне регионов. Чжан Вэньцзинь пригласил В.В. Терешкову и С.Л. Тихвинского посетить Китай. Приглашение было с благодарностью принято. Чжан Вэньцзинь в Москве был принят членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко; секретарем ЦК КПСС

А.М. Добрыниным; заместителем министра иностранных дел И.А. Рогачевым. Чжан Вэньцзинь высказал просьбу посетить Институт Дальнего Востока АН СССР, где и встретился с директором ИДВ М.Л. Титаренко. На всех встречах представители советской стороны подчеркивали, что в СССР придают большое значение прибытию в нашу страну китайской делегации для участия в торжествах, посвященных 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, и высоко ценят заявления китайских гостей о том, что 70-летие Великого Октября является праздником не только для Советского Союза, но и широко отмечается в КНР.

В 1988 г. обмены между организациями дружбы на уровне их руководителей продолжались. В июле нашу страну по приглашению ССОД и ОСКД посетила делегация во главе с председателем ОКСД У Сюцюанем. Известному государственному и общественному деятелю КНР, жизнь которого с молодых лет была тесно связана с нашей страной, было оказано большое внимание и гостеприимство. В поездке по Москве, в Ленинград, Ялту и Ригу его сопровождал председатель ОСКД академик С.Л. Тихвинский и автор этих строк. Были организованы встречи У Сюцюаня с заместителями министра иностранных дел И.Ф. Ильичевым и В.В. Кузнецовым. Он также был принят в Кремле членом Политбюро ЦК КПСС, председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко. После возвращения на Родину У Сюцюань в газете «Жэньминь жибао» опубликовал статью «Впечатления от поездки в СССР», в которой говорил о большом гостеприимстве, оказанном делегации и подчеркивал заинтересованность в дальнейшем развитии контактов с советской общественностью в целях содействия взаимопониманию между странами и народами.

Важным этапом в дальнейшем развитии советско-китайских общественных связей стал успешно прошедший в октябре 1988 г. первый визит в КНР председателя Президиума ССОД В.В. Терешковой и председателя ОСКД академика С.Л. Тихвинского. Делегация была тепло встречена в Китае, провела переговоры с председателем КНОДЗ Чжан Вэньцзинем и председателем ОКСД У Сюцюанем. В ходе встречи обсуждались вопросы расширения общественных связей с участием регионов и молодежи. Делегация была принята за-

местителем председателя КНР Ван Чжэнем; членом ЦК КПК, заместителем председателя ПК ВСНП, председателем Китайской Федерации женщин Чэнь Мухуа; заместителем министра аэрокосмической промышленности Сунь Цзядуном. Президент Академии космической техники КНР Минь Гуйхун во время приема делегации сказал, что визит советской делегации войдет в историю академии как начало сотрудничества с советскими учеными и специалистами в области космоса, перспективы которого велики.

Во время приема делегации заместителем председателя КНР Ван Чжэнем китайская сторона выразила удовлетворение по поводу предстоящей советско-китайской встречи на высшем уровне, которая должна стать важнейшим событием в отношениях между двумя странами и послужить углублению и развитию традиционной дружбы между народами КНР и СССР, что отвечает не только интересам двух стран, но и делу мира во всем мире (приводится по [Куликова Г.В., 2007, с. 64]).

1989 год был отмечен эпохальным событием в советско-китайских отношениях: 15—18 мая состоялся официальный визит в КНР Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. В составе его делегации были известные представители советской общественности, в том числе и директор ИДВ АН СССР М.Л. Титаренко.

В Пекине было подписано «Китайско-советское коммюнике». Коммюнике явилось свидетельством нормализации советско-китайских отношений, создавало благоприятные условия для их дальнейшего развития. М.С. Горбачев в дни визита встретился с представителями китайской научной общественности; Председатель КНОДЗ Чжан Вэньцзинь и Председатель ОКСД У Сюцюань принимали Р.М. Горбачеву и членов делегации Ч. Айтматова, В. Распутина, Е. Климанова, В. Коптюка, М. Титаренко, Б. Рифтина, К. Лаврова, С. Чиаурели. На встрече Чжан Вэньцзинь высоко отозвался о значении деятельности ССОД и ОСКД для восстановления китайско-советских общественных связей.

Май-июнь 1989 г. стал продолжением советско-китайских «космических контактов» по линии обществ дружбы, начавшихся в дни

октябрьской 1988 г. поездки в Китай председателя Президиума ССОД В.В. Терешковой.

По приглашению ССОД и ОСКД Советский Союз посетила делегация специалистов в области космонавтики во главе с профессором Ван Юнчжи — членом ПК Китайского общества космонавтики, одним из создателей китайских ракет «Великий поход», членом-корреспондентом Международной федерации астронавтики, членом правления КНОДЗ.

Перед отъездом на Родину руководитель делегации Ван Юнчжи направил председателю Президиума ССОД В.В. Терешковой письмо, в котором выразил большую благодарность за теплый прием и гостеприимство.

«В ходе визита мы почувствовали, — писал Ван Юнчжи, — что обмены профессиональными делегациями, организуемые обществами дружбы наших стран, способствуют развитию роли обществ дружбы как связующих мостов, содействуют развитию взаимопонимания и дружбы между специалистами в различных областях, создают хорошие условия для последующего сотрудничества. Мы верим, что дружба и сотрудничество между нашими странами получат дальнейшее развитие» (приводится по [Куликова Г.В., 2007, с. 64]).

В апреле 1990 г. Советский Союз с официальным визитом посетил Премьер Госсовета КНР Ли Пэн. Во время пребывания в Москве в Доме дружбы его приветствовали председатель Президиума ССОД В.В. Терешкова и председатель ОСКД академик С.Л. Тихвинский. На этой встрече, прошедшей в исключительно теплой и дружественной обстановке, Ли Пэн по его просьбе также встретился со многими советскими специалистами, участвовавшими в строительстве Нового Китая; с советскими ветеранами вооруженных сил, помогавшими Китаю в годы антияпонской войны и участвовавшими в боях за освобождение Северо-Восточного Китая; с его бывшими преподавателями и однокурсниками по МЭИ, который окончил Ли Пэн, а также учеными-китаеведами. Он горячо приветствовал И.В. Архипова — руководителя группы советских специалистов; К.С. Силина — автора проекта и руководителя строительства Большого Уханьского моста; А.М. Бабочкина, в 1956—1959 гг. работавшего в КНР советником министра metallurgической промышлен-

ности КНР; И.И. Родионова, возглавлявшего в 1945—1949 гг. Китайскую Чанчуньскую железную дорогу в г. Дальний, а в 1950 г. ставшего начальником управления по делам этой железной дороги; профессора И.В. Стражеву, работавшую в 1950-х гг. в Пекинском авиационном институте; генерал-лейтенанта авиации в отставке А.С. Благовещенского, сбившего в 1937—1938 гг. 7 японских самолетов в небе Китая; профессора В.В. Блюхера — сына маршала В.К. Блюхера, а также других советских друзей. Все эти люди были не только инициаторами создания в нашей стране Общества советско-китайской дружбы, но и стали активными участниками его деятельности. Выступая на этой, по его словам, незабываемой встрече, Ли Пэн выразил большую благодарность ее участникам — активным творцам великой дружбы между нашими странами и народами — и пожелал ОСКД дальнейшей успешной деятельности.

16 мая 1991 г. в дни официального визита в Москву Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя в Посольстве КНР состоялась его встреча с большой группой руководителей и активистов ОСКД. 17 мая в Свердловском зале Кремля Цзян Цзэминь выступил перед советской общественностью на тему «Китай шагает навстречу XXI веку», на которую также были приглашены руководители и активисты ОСКД.

Встречи китайских лидеров с руководителями и активистами Общества советско-китайской дружбы подтвердили признание в Китае вклада Общества в установление и развитие советско-китайских общественных связей, в нормализацию двусторонних межгосударственных отношений.

1 октября 1989 г. исполнилось 40 лет со дня провозглашения КНР и 40 лет со дня установления дипломатических отношений между нашими странами. Эти юбилейные даты широко отмечались и в Китае, и в Советском Союзе. В Москве, Ленинграде, Хабаровске, Владивостоке, в столицах союзных республик и других городах нашей страны по инициативе и при активном участии ОСКД были проведены торжественные собрания и вечера. В Москве торжественное собрание, посвященное 40-летию КНР и 40-летию установления советско-китайских дипломатических отношений, было организовано в Колонном зале Дома Союзов. В этих мероприятиях

принимали участие сотрудники Посольства КНР, генеральных консульств КНР, а также китайские стажеры и студенты советских НИИ и вузов.

В приветственном послании в адрес Общества российско-китайской дружбы по случаю его 50-летнего юбилея Президент РФ В.В. Путин написал: «...Народная дипломатия во многом помогла сберечь традиционные добрые чувства жителей России и Китая друг к другу, способствовала нормализации международных связей, а затем и подъему их до уровня доверительного партнерства и стратегического взаимодействия» [Приветственное послание...с. 239].

Список литературы

- Дубровина А.В.* Священна и нерушима наша дружба // Культура и жизнь. 1958. № 1.
- Куликова Г.В.* 50 лет во имя добрососедства // Россия—Китай: XXI век. 2007. № 8.
- Куликова Г.В.* 70 лет российско-китайских дипломатических отношений и народная дипломатия // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2019. Вып. XXIV. С. 39—68.
- Куликова Г.В.* Знаменательный юбилей (25 лет ОСКД) // Проблемы Дальнего Востока. 1982. № 3.
- Куликова Г.В.* К 60-летию Общества российско-китайской дружбы // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 1. С. 6—17.
- Куликова Г.В.* Россия—Китай. Народная дипломатия. М.: ИД «Форум», 2012, 512 с.
- Куликова Г.В.* Во имя взаимопонимания, дружбы и сотрудничества (к 30-летию ОСКД) // Проблемы Дальнего Востока. 1988. № 2.
- Материалы Союза советских обществ дружбы (ССОД), Общества советско-китайской дружбы (ОСКД). 1985. Личный архив автора.
- Материалы Учредительной конференции ССОД // Материалы ССОД, ОСКД. 17 февраля 1978 г. Личный архив автора.
- Приветственное послание Президента РФ В.В. Путина по поводу 50-летия Общества российско-китайской дружбы // Г.В. Куликова. Россия—Китай. Народная дипломатия. М.: ИД «ФОРУМ», 2012.

Стенограмма II Всесоюзной конференции ОСКД // Материалы ССОД, ОСКД. 1969 г. Личный архив автора.

Стенограмма III Всесоюзной конференции ОСКД // Материалы ССОД, ОСКД. 1978. Личный архив автора.

Стенограмма IV Всесоюзной конференции ОСКД // Материалы ССОД, ОСКД. 1986. Личный архив автора.

References

Dubrovina, A.V. (1958). Svyashchenna i nerushima nasha druzhba [Our friendship is sacred and inviolable], *Kul'tura i zhizn' [Culture and life]*, no. 1. (In Russian).

Kulikova, G.V. (1982). Znamenatel'nyj yubilej (25 let OSKD) [A significant anniversary (25 years of SCFS — Soviet-Chinese Friendship Society)], *Far Eastern Affairs*, no.3. (In Russian).

Kulikova, G.V. (1988). Vo imya vzaimoponimaniya, druzhby i sotrudnichestva (k 30-letiyu OSKD) [In the name of mutual understanding, friendship and cooperation (to the 30th anniversary of the SCFS — Soviet-Chinese Friendship Society)], *Far Eastern Affairs*, no. 2. (In Russian).

Kulikova, G.V. (2007). 50 let vo imya dobrososedstva [50 years in the name of good neighborliness], *Rossiya-Kitaj: XXI vek [Russia-China: XXI century]*, no.8. (In Russian).

Kulikova, G.V. (2012). Rossiya-Kitaj. Narodnaya diplomatiya [Russia-China. People's diplomacy], M.: «Forum» PH, 512 p. (In Russian).

Kulikova, G.V. (2018). K 60-letiyu Obshchestva rossijsko-kitajskoj druzhby [To the 60th anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society], *Far Eastern Affairs*, no. 1: 6—17. (In Russian).

Kulikova, G.V. (2019). 70 let rossijsko-kitajskih diplomaticeskikh otnoshenij i narodnaya diplomatiya [70 years of Russian-Chinese diplomatic relations and people's diplomacy], *Kitaj v mirovoj i regional'noj politike. Istorya i sovremennost' [China in World and Regional Politics. History and Modernity]*, XXIV: 39—68. (In Russian).

Materialy SSOD, OSKD (1985) [Materials of the USFS (Union of Soviet Friendship Societies), SCFS (Soviet-Chinese Friendship Society)], *Lichnyj arhiv avtora [Personal archive of the author]*. (In Russian).

Materialy Uchreditel'noj konferencii SSOD (1978, 17 February) [Materials of the Constituent Conference of the USFS (Union of Soviet Friendship Societies)], *Materialy SSOD, OSKD [Materials of the USFS (Union of Soviet Friendship Societies), SCFS (Soviet-Chinese Friendship Society)]*, *Lichnyj arhiv avtora [Personal archive of the author, 17 fevralya 1978 g.]* (In Russian).

Privetstvennoe poslanie Prezidenta RF V.V. Putina po поводу 50-letiya Obshestva rossijsko-kitajskoj druzhby (2012). [Greetings from the President of the Russian Federation V.V. Putin on the occasion of the 50th anniversary of the Russian-Chinese Friendship Society] in: *[Kulikova G.V. Rossiya-Kitaj. Narodnaya diplomatiya [Russia-China. People's diplomacy],* M.: "Forum" PH, 512 p. (In Russian).

Stenogramma II Vsesoyuznoj konferencii OSKD (1969) [Transcript of the II All-Union Conference of USFS], *Materialy SSOD, OSKD* [Materials of the USFS (Union of Soviet Friendship Societies), SCFS (Soviet-Chinese Friendship Society)], *Lichnyj arhiv avtora* [Personal archive of the author]. (In Russian).

Stenogramma III Vsesoyuznoj konferencii OSKD (1978) [Transcript of the III All-Union Conference of USFS], *Materialy SSOD, OSKD* [Materials of the USFS (Union of Soviet Friendship Societies), SCFS (Soviet-Chinese Friendship Society)], *Lichnyj arhiv avtora* [Personal archive of the author]. (In Russian).

Stenogramma IV Vsesoyuznoj konferencii OSKD (1986) [[Transcript of the IV All-Union Conference of USFS], *Materialy SSOD, OSKD* [Materials of the USFS (Union of Soviet Friendship Societies), SCFS (Soviet-Chinese Friendship Society)], *Lichnyj arhiv avtora* [Personal archive of the author]. (In Russian).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-420-432

А.Л. Верченко

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО

Аннотация. Советское документальное кино всегда играло важную роль в освещении событий, происходивших в Китае в его общественно-политической, экономической, культурной, научной жизни. Советское политизированное общество неизменно проявляло повышенный интерес к китайской действительности. Документальные фильмы визуальным рядом дополняли сведения, почерпнутые из газет, журналов и сообщений информационных агентств, и на долго оставались в памяти. В периоды, когда сотрудничество было невозможным, советские режиссеры снимали самостоятельно. Так, первый отечественный рисованный фильм «Китай в огне» был снят в 1925 г. Он давал представление о подъеме революционной и антиимпериалистической борьбы на китайской земле. Фильм «Великий перелет» (1925 г.) снят в экспедиционно-этнографическом жанре и так же, как и вышедший в 1927 г. фильм «Шанхайский документ», освещал тему национальной-революционной борьбы. Режиссер В.А. Шнейдеров в 1925 г. даже провел переговоры с китайскими киностудиями о возможности «совместной постановки 3—4 художественно-революционных картин» и предварительно договорился о «демонстрации картин в СССР и на иностранном рынке». Однако

ухудшение двусторонних отношений не позволило осуществить проект. События антияпонской войны (1937—1945 гг.) снимал режиссер Р. Кармен. Он побывал в революционной базе Яньань, обменивался опытом с китайскими документалистами. Были планы смонтировать в Москве фильм о 8-й армии, но сотрудничеству помешала Великая отечественная война. Только после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики стало возможным по-настоящему профессиональное творческое взаимодействие, которое началось с общей работы над фильмами «Победа китайского народа» и «Освобожденный Китай» (1950 г.). Благодаря сотрудничеству лучших профессионалов двух стран и общей заинтересованности руководства СССР и КНР, эти фильмы были сняты в кратчайшие сроки и вышли на экраны СССР на русском языке и КНР на китайском языке. Они имели значение не только в плане взаимного обмена опытом и совершенствования профессионального мастерства, но и углубления взаимопонимания между народами двух стран. Выполняя задачи ознакомления, просвещения, пропаганды, они заложили основу для дальнейшего сотрудничества между документалистами СССР и КНР.

Ключевые слова: документальное кино, советско-китайское гуманитарное сотрудничество, СССР, Китайская Республика, КНР.

Автор: Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: veailan@yahoo.com

A.L. Verchenko

From the history of Soviet-Chinese cooperation in documentary cinema

Abstract. Soviet documentary cinema has always played an important role in covering the events that took place in China in its socio-political, economic, cultural and scientific life. The Soviet politicized society has permanently shown intense interest in the events happening in China. Documentaries supplemented the information gathered from newspapers, magazines, and news agencies with video sequence and remained remembered for a long time. During periods when the cooperation was impossible, Soviet film directors shot their movies independently. The first Russian hand-drawn film “China on Fire” was shot in 1925 and gave an idea of the rise of the revolutionary and anti-imperialist struggle on Chinese soil. The film “The Great Flight” (1925) was shot in the ex-

pedition-ethnographic genre, but also like the film “Shanghai Document” released in 1927, it covered the theme of the national-revolutionary struggle. Director V. Shneiderov in 1925 even held talks with Chinese film company “Great Wall” about the possibility of “joint production of 3—4 art-revolutionary films” and previously agreed on “demonstration of those films in the USSR and in the international market”. However, the deterioration of bilateral relations did not allow the project to be implemented. The events of the anti-Japanese war (1937—1945) were filmed by director R. Carmen. He visited revolutionary base Yanan and shared his experience with Chinese documentary filmmakers. There were plans to mount in Moscow a film about the 8th army, but the cooperation got disrupted by the Great Patriotic War. It was only after the foundation of the People's Republic of China (in 1949) when truly professional creative cooperation has become possible; it has started with the joint work on films “Victory of the Chinese People” and “Liberated China” (1950). Thanks to the joint work of the best professionals of the two countries and the common interest of the leadership of the USSR and the PRC, the films were shot within the shortest possible timeframes and in 1950 were released in the USSR in Russian and the PRC in Chinese. They were important not only for mutual education and improvement of the professional skills, but also for further deepening of the mutual understanding between the peoples of the two countries, performing tasks of familiarization, education, propaganda. They have laid the foundation for further cooperation between documentary filmmakers of the USSR and China.

Keywords: documentary cinema, Soviet-Chinese humanitarian cooperation, USSR, Chinese Republic, People's Republic of China.

Author: Alla L. VERCHENKO, Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: veailan@yahoo.com

Советское документальное кино всегда играло важную роль в освещении происходивших в Китае событий. В нем, как в капле воды, отражалось не только состояние двустороннего гуманитарного сотрудничества, частью которого оно является, но и положение в межгосударственных отношениях, чем неизменно интересовалось советское политизированное общество. В чем преимущества документального кино? Для него нет необходимости придумывать события и героев, не нужно подбирать исполнителей ролей, готовить декора-

ции. Оно в публицистическом жанре отражает действительность, фиксирует события, схватывая их камерой, оставляя бесценную документальную хронику, служит важным историческим источником, в разные периоды выполняет задачи ознакомления, просвещения, пропаганды.

Отсутствие официальных дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой (КР) в начале 1920-х годов не позволяло советским документалистам ни сотрудничать с китайскими коллегами, ни снимать самим в Китае.

С подписанием 31 мая 1924 г. «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» между СССР и КР были установлены дипломатические отношения, что способствовало развитию связей в разных сферах деятельности. В 1925 г. в Китай была направлена киноэкспедиция, сопровождавшая авиаперелет Москва—Улан-Батор—Пекин—Шанхай—Токио. Как писал журнал «Советский экран» в 1925 г.: «Авиация, радио, кино... в советском хозяйстве — дружные соратники. Летчик сделает, радио расскажет, кино покажет». Режиссер В.А. Шнейдеров (1900—1973), будущий ведущий легендарной передачи «Клуб кинопутешественников», в 1925 г. снял в экспедиционно-этнографическом жанре документальный фильм о китайской части воздушной экспедиции — «Великий перелет» (в иностранной прессе — «Свет с Востока»). Это был период краткосрочного сотрудничества КПК и правящей партии Гоминьдан, отмеченный сдержанно-терпимым отношением к СССР, что дало возможность кинодеятелям относительно свободно производить съемки в Чжанцзякоу — бывшем Калгане, Пекине, Шанхае, Гуанчжоу. Шнейдеров даже провел переговоры с китайской компанией «Великая стена» о возможности «совместной постановки 3—4 художественно-революционных картин» и предварительно договорился о «демонстрации картин в СССР и на иностранном рынке» [Письмо...]. Однако после чанкайшистского переворота 12 апреля 1927 г. политический маятник качнулся в сторону реакции и сорвал еще не начавшееся сотрудничество.

Несмотря на ухудшение двусторонних отношений, молодой режиссер Я.М. Блиох (1895—1957) вместе с кинооператором В.А. Степановым в июле 1927 г. направляется в Китай и под предлогом изу-

чения экономического опыта гоминьдановского правительства снимает почти часовой документально-публицистический фильм «Шанхайский документ». И Шнейдеров, и Блиох общались с участниками национально-революционного движения, получали от них рекомендации по поводу освещения тех или иных моментов, но это не была совместная работа профессионалов двух стран ни в создании общего сюжета, ни в проведении съемок. Режиссеры и операторы были высококвалифицированными специалистами в своей области, но не обладали всесторонними знаниями китайской ситуации, в освещении которой, в выборе самых важных объектов и событий могли бы помочь китайские коллеги. Советские кинодеятели также могли бы избежать многих сложностей во взаимоотношениях с властями в организационной работе и в проведении съемок.

В период антияпонской войны (1937—1945 гг.) Р.Л. Кармен (1906—1978), советский кинорежиссер, кинооператор, документалист, в сложных и опасных условиях боевых действий провел в Китае целый год, снимал сюжеты о военных событиях в районах, контролируемых и КПК, и Гоминьданом, побывал во многих недоступных другим иностранным хроникерам местах, снял уникальные кадры Мао Цзэдуна и Чан Кайши. Кармен делился своим богатым опытом с членами созданного в 1938 г. в революционной базе Яньань киноотряда из трех человек во главе с режиссером и сценаристом Юань Мучжи. Китайские документалисты снимали фильмы о жизни Яньани и демонстрировали их вместе с советскими художественными и документальными лентами на присланных из СССР стационарном и переносном проекторах [Торопцев, с. 49]. Кроме собственных пленок Кармен привез в Москву материалы китайских документалистов, которые планировали смонтировать в СССР свой фильм о 8-й армии. С этой целью в Москву для совместной работы в 1940 г. приехали Юань Мучжи и композитор Сянь Синьхай. Но вскоре начавшаяся Великая отечественная война помешала осуществлению совместного проекта — фильм не увидел свет. Вполне вероятно, что кадры китайских операторов могли быть использованы в фильмах Кармена.

Ценность снятых советскими документалистами фильмов заключалась в их правдивости и достоверности. Они несли самую акту-

альную информацию о Китае, отвечая на запрос советского общества. Кинохроники всегда находились с камерой в центре событий, невзирая на сложные политические, порой враждебные условия работы, рисковали жизнью, даже подвергались арестам.

После окончания Второй мировой войны в трех северо-восточных провинциях Китая, раньше других перешедших под контроль коммунистов, демонстрировались советские документальные и художественные кинофильмы, поступавшие по линии ВОКС¹ и В/О «Совэкспортфильм», но, как и раньше, это не было полноценное двустороннее профессиональное сотрудничество, которое стало реальностью только после образования КНР в 1949 г.

Документальное кино сыграло важнейшую роль на стадии формирования отношений СССР с новой властью в Китае. К концу 1948 г. Народно-освободительная армия Китая одержала важнейшие победы в Ляоси-Шэньянской и Хуайхайской военных операциях. Готовилось наступление на Тяньцзинь и Пекин. У НОАК сложилось полное военное преимущество, гарантировавшее окончательный разгром гоминьдановской армии. Руководство СССР сочло момент своевременным для съемок фильма о предстоящей победе КПК, чтобы вовремя ознакомить советский народ с историческим событием — образованием еще одного государства народной демократии, означавшим укрепление лагеря социализма.

Министерство кинематографии СССР на основании Постановления Совета министров СССР от 28 декабря 1948 г. принимает 8 января 1949 г. решение о постановке двух полнометражных и одного документального фильма о жизни Китая и ставит об этом в известность ЦК КПСС [РГАСПИ, Ф. 17, оп. 132, д. 250, л. 1]. Уместно напомнить, что в советское время ни одно решение по международным контактам не принималось без одобрения ЦК КПСС или Политбюро.

Предполагалось, что режиссер С.А. Герасимов будет работать над фильмом «Освобожденный Китай» об истории борьбы народ-

¹ ВОКС, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) — советская общественная организация, основана в 1925 г. В 1958 г. преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

но-освободительной армии под руководством Мао Цзэдуна и Чжу Дэ, начиная с освобождения Северо-Востока Китая, и о достижениях народно-демократической власти. Планировалось, что сценарий фильма Герасимов напишет совместно с К. Симоновым. Второй фильм должен был охватить более длительный исторический период — от последних дней жизни Сунь Ятсена до разгрома Японии в 1945 г. К подготовке сценария собирались привлечь одного из китайских писателей. Возможной кандидатурой называли революционера, поэта, писателя-публициста Эми Сяо (Сяо Сань, 1896—1983). Окончательное решение должно было быть принято по согласованию с руководством КПК. Министерство кинематографии планировало направить в Китай режиссеров на 5—6 месяцев для подготовки сценариев так, чтобы во второй половине 1949 г. приступить к совместным с китайскими кинодеятелями съемкам. Таким образом, советская сторона намечала первую большую совместную работу с участием кинематографистов двух стран.

Одновременно режиссеру-документалисту И.П. Копалину¹, профессиональному высокой квалификации, было поручено снять фильм под условным названием «Китай». Перед его группой, командированной в Китай в феврале 1949 г., стояла задача показать «героическую борьбу китайского народа за свою свободу и независимость, боевые действия народно-освободительной армии и важнейшие события политической и хозяйственной жизни в освобожденных районах Китая» [Верченко, с. 181]. В силу целого комплекса причин, в том числе отсутствия четкой договоренности с китайской стороной о совместной работе, снять фильм ему не удалось, но Копалин оставил документальные свидетельства в виде дневника о месячном пребывании в только что освобожденном Пекине, о встречах с высшим армейским руководством, гостеприимстве китайцев, их добром отношении к советским людям и намерении установить с СССР сотрудничество [РГАЛИ, л. 128—131].

¹ Копалин И.П. (1900—1976) — к 1949 г. автор 14 работ, лауреат четырех Сталинских премий. За фильм «Разгром немцев под Москвой» (Moscow Strikes Back) получил в 1943 г. премию Американской киноакадемии «Оскар» в номинации «Лучший документальный фильм».

Принятое ПБ ЦК ВКП(б) в июле 1949 г. Постановление о производстве и выпуске Министерством кинематографии СССР в 1949—50 гг. цветных документальных полнометражных фильмов о Китае снова оказалось преждевременным. Китайская сторона в условиях еще не завершившейся на большей части территории страны гражданской войны не была готова к сотрудничеству, твердое намерение об установлении которого прозвучало позже — 12 сентября 1949 г. Мао Цзэдун обратился к И.В. Сталину с просьбой о командировании в Китай советской съемочной группы для оказания помощи в работе над совместным фильмом о новом Китае.

Кому бы ни приписывали фразу «из всех искусств для нас важнейшим является кино», это высказывание, как нигде было применимо к Китаю, где после освобождения более 80 % населения были неграмотны, и кино, особенно документальное, приобретало первостепенное значение в наглядной пропаганде достижений КПК и агитации за новую власть. Просьба о помощи в области кинематографии была вызвана тем, что работавшая в то время в Чанчуне Дунбэйская киностудия не отвечала современным стандартам кинопроизводства, хотя и выпускала документальные ленты и киножурнал «Освобожденный Северо-Восток», но не удовлетворяла потребности страны в количестве копий фильмов. Советская кинематография обладала более передовым оборудованием, к тому же имела цветную кинопленку и технологию производства полнометражных фильмов, чего еще не было в Китае. Политбюро ЦК ВКП(б) 16 сентября, через четыре дня после получения телеграммы Мао Цзэдуна, принимает постановление об оказании помощи китайской кинематографии в производстве двух документальных полнометражных фильмов о Народно-освободительной армии и о жизни народно-демократического Китая. Учитывая большое значение фильмов для обеих стран, советское руководство приняло решение поручить работу над ними лучшим мастерам искусства и сделать фильмы максимально красочными — снимать *оба* фильма на цветной пленке, хотя ее количество в СССР в то время было лимитировано. Документ четко регламентировал границы сотрудничества в идеологическом отношении: «проводить работу по съемкам фильмов в строгом соответствии с директивами ЦК КПК и по его указаниям» [РГАСПИ. Ф. 17,

оп. 162, д. 41, л. 7–8]. Это распоряжение относилось также к съемкам видовых фильмов¹. Оперативно был утвержден состав двух киногрупп в количестве 25 человек во главе с режиссерами Л.В. Варламовым и С.А. Герасимовым, которые приехали в Пекин 29 сентября 1949 г. — буквально накануне провозглашения КНР и имели возможность запечатлеть на пленке торжественный момент появления нового государства на китайской земле. Как и в других областях сотрудничества, в киноиндустрии советская сторона направляла в Китай лучших режиссеров, сценаристов, техников и других специалистов. Сделанный оператором В.В. Микошей цветной портрет Мао Цзэдуна, опубликованный на обложке журнала «Огонек», стал в СССР каноническим изображением китайского лидера.

Объединение сил кинематографистов двух стран позволило в кратчайшие сроки завершить производство двух полнометражных лент: «Победа китайского народа» и «Освобожденный Китай». Залогом успеха стала совместная работа советских работников кино с китайскими коллегами — деятелями литературы, музыки и кинематографии (режиссерами, операторами, ассистентами). Советские и китайские документалисты, разделенные на группы, снимали почти во всех провинциях Китая, что позволило дать целостную картину событий, происходивших в стране. Китайские операторы предоставили материал, съемки которого были недоступны советским специалистам. Например, в фильм «Победа китайского народа» вошли снятые У Бэньли кадры боевых действий партизан и освобождения Ланьчжоу. Командированные в Китай документалисты имели немалый опыт работы, в том числе на фронтах Великой отечественной войны, где снимали в боевых условиях. Тем не менее, как вспоминал Л.В. Варламов, им нелегко было переносить стремительные темпы тысячекилометровых переходов, привычные для наступавшей китайской армии [Варламов, с. 37]. На севере съемочная группа работала в 35–40-градусные морозы, операторы на юге столкнулись с непривычной тропической жарой, от которой страдала аппаратура.

¹ Операторы из группы С.А. Герасимова сняли пять короткометражных фильмов: «В новом Шанхае», «На юге Китая», «Новый Пекин», «По реке Янцзы», «Ханчжоу — жемчужина Китая».

Фильм «Победа китайского народа» последовательно излагал историю гражданской войны, последние эпизоды которой на юге довелось увидеть и заснять советским документалистам. Первый цветной документальный фильм в истории китайского кинематографа сделан в художественно-документальном жанре, новом не только для китайской, но и для советской кинематографии. Он появился в Отечественную войну и отличался тем, что с помощью художественных форм точно передавал исторические события. Фильм был выпущен совместно Пекинской киностудией и Центральной студией документальных фильмов (Москва) и вышел на экраны СССР летом 1950 г. Китайская премьера состоялась почти в 20 городах 29 сентября того же года, накануне первой годовщины образования КНР. Фильм имел большое политico-воспитательное и художественное значение. «Жэнъминь жибао» 25 октября опубликовала статью «Изучать «Победу китайского народа»», в ответ на которую по всей стране развернулось массовое обсуждение содержания и уроков фильма [Ли Дунпэн]. Кинорежиссер Варламов за ленту «Победа китайского народа» получил благодарственную грамоту с личной подписью председателя Народно-революционного военного совета КНР Мао Цзэдуна и вымпел от Пекинской киностудии с надписью «Сотрудничество навеки в защиту мира во всем мире с помощью кинематографического оружия». Китайские и советские участники съемочной группы фильма стали лауреатами Сталинской премии в 1951 г. Прокат фильма в Китае побил все рекорды, поэтому было решено выпустить памятные медали. Но первоначально запланированных 100 тыс. медалей не хватило, поэтому дополнительно отчеканили еще 100 тыс. экземпляров. За первые пять дней показа только в Шанхае фильм посмотрели 150 тыс. человек, 200 тыс. оформили заказ на билеты [Ли Дунпэн].

Фильм «Освобожденный Китай» создан совместно киностудией им. М. Горького и Пекинской киностудией. Сценарий готовили писатели К. Симонов и Лю Байюй, консультантами выступили известный литературный деятель Чжоу Либо и М.С. Капица, впоследствии — заместитель министра иностранных дел, член-корреспондент Академии наук СССР. Фильм освещает историю, культуру Китая, показывает жизнь народа, коротко рассказывает о многом, позволя-

ет через детали увидеть общее. Это заслуга совместной работы деятелей кино двух стран, которые учились работать вместе, чтобы сделать фильм доходчивым и проникновенным, понятным в СССР и Китае с учетом специфики обеих стран. Советский Союз представил фильм «Освобожденный Китай» на Каннском фестивале (1951 г.), чтобы познакомить международную общественность с событиями в Китае.

Фильмы имели огромное значение. Прежде всего, это была первая по-настоящему совместная работа, в ходе которой сложились профессиональное сотрудничество, взаимопонимание в идеально-политической линии, возникли дружеские личные отношения между кинематографистами. Фильмы знакомили китайцев с историческими победами НОАК, которая под руководством КПК завершила 18-летнюю череду войн и принесла на китайскую землю мир, воодушевляли простых граждан на поддержку партии, мобилизовывали на укрепление нового строя и восстановление народного хозяйства, что было главной задачей КПК. Для советских людей фильмы имели ознакомительный характер, рассказывали о событиях мирового уровня — победе народной власти в Китае, имевшем значение для укрепления сил мира и социализма, что входило в задачи советской пропаганды.

Оба фильма получили высокую оценку со стороны руководства советской и китайской киноотрасли, были отмечены положительными рецензиями, хорошими отзывами зрителей. Министр культуры Центрального народного правительства КНР Шэн Яньбинь и руководитель Управления кинематографии Юань Мучжи после выхода фильмов на экран отмечали большое значение фильмов для «патриотического воспитания китайского народа и ознакомления народов всего мира с действительностью в освобожденном Китае» [Советское искусство, с. 1]. Так началось сотрудничество советских и китайских документалистов, знаковое не только для взаимной учебы и совершенствования профессионального мастерства, для плодотворной творческой дружбы, но и для углубления взаимопонимания между народами двух стран, которое в конечном итоге не могло не сказываться на межгосударственных отношениях.

Список литературы

Варламов Л. Победа китайского народа. На съемках исторических событий // Искусство кино. 1950. № 6. С. 37—38.

Верченко А.Л. Режиссер-документалист И.П. Копалин и первая попытка снять фильм о победе китайского народа // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 4. С. 180—188. DOI: 10.31857/S013128120011401-2.

Письмо В.А. Шнейдерова в Правление АО «Пролеткино» с описанием сделанной работы по съемке документального фильма в Китае и об условиях оплаты за проделанную работу. URL: <http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/257-290.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3181. Оп. 1. Д.164.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 250; Ф.17. Оп. 162. Д. 41.

Торопцев С.А. Очерк истории китайского кино 1896—1966. Москва: Наука, 1979. 230 с.

Советское искусство. 24.03.1951.

Ли Дуннэн, Мао Вэйцинь. «Чжунго жэньминь дэ шэнли» — синь чжунго ди и цайсэ цзилупянь: [Победа китайского народа — первый цветной документальный фильм в Китае]. URL: <http://wenhui.whb.cn/zhuhan/xueren/20190927/292015.html> (дата обращения: 21.04.2021).

Чэн Цзихуа. Чжунго дяньин фачжань ши: [История развития китайского кино]. В 2-х т. Пекин: Чжунго дяньин чубаньшэ, 1963. Т.2. 535 с.

References

Cheng Jihua (1980). Zhongguo dianying fazhan shi [History of the development of the Chinese cinema], 2 Vol, Beijing, Zhongguo dianying chubanshe [Chinese cinema PH], 1963, Vol. 2, 535 p. (In Chinese).

Li Dongpeng, Mao Weiqin. «Zhongguo renmin de shengli» — xin zhongguo di yi caise jilupian [Victory of Chinese people — the first color documentary film in China]. URL: <http://wenhui.whb.cn/zhuhan/xueren/20190927/292015.html> (accessed: 21 April, 2021). (In Chinese).

Pis'mo V.A.Shneyderova v Pravleniye AO «Proletkino» opisaniyem sdelannoy raboty po s"yemke dokumental'nogo fil'ma v Kitaye i ob usloviyakh oplaty za prodelannuyu rabotu (1925) [V.A.Shneiderov's letter to the Management Board of the

“Proletkino” company with a description of the work done to shoot a documentary film in China and the terms of payment for the work done]. URL: <http://www.kinozapiski.ru/data/home/articles/attache/257-290.pdf> (accessed: 12 March, 2020). (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv literature i iskusstva (RGALI) [*Russian State Archive of Literature and Art (RGALI)*], Fond [Fund] 3181, Op. (Inventory) 1, D (File) 164. (In Russian).

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [*Russian State Archive of Social-political History*], Fond [Fund] 17, Op. (Inventory) 132, D. (File) 250; Fond [Fund] 17; Op. (Inventory) 162, D. [File] 41. (In Russian).

Sovetskoye iskusstvo [Soviet art]. 24.03.1951. (In Russian).

Toroptsev, S.A. (1979). Ocherk istorii kitayskogo kino 1896—1966 [Essay on the History of Chinese Cinema 1896—1966], Moscow, Nauka PH, 230 p. (in Russian).

Varlamov L. (1950). Pobeda kitayskogo naroda. Na s"yemkakh istoricheskikh sobytiy [Chinese people's victory. On the fieldwork of historical events], *Iskusstvo kino* [*The art of cinema*], no 6: 37—38. (In Russian).

Verchenko, A.L. (2020). Rezhisser-dokumentalist I.P. Kopalin i pervaya popytka snyat' fil'm o pobede kitayskogo naroda [Documentary film director I.P. Kopalin and the first attempt to make a film about the victory of the Chinese people], *Problemy Dal'nego Vostoka* [*Far Eastern Affairs*], no 4:180—188. DOI: 10.31857/S013128120011401-2 (In Russian).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-433-448

Г.И. Саркисова

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ В РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ XVIII в. И ПЛАНАХ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПО ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЮ

Аннотация. Статья посвящена деятельности Собрания, учрежденного 12 августа 1764 г. по указу императрицы Екатерины II «для слушания дел, касающихся до нынешних с китайскою стороныю обращений». Поскольку возникшую в конце 50-х—начале 60-х годов XVIII в. напряженность в отношениях России с Китаем не удалось преодолеть дипломатическим путем (миссии курьеров В.Ф. Братищева (1757) и И.И. Кропотова (1763) в Пекин), возникла необходимость обеспечения безопасности сибирской пограничной зоны.

Сохранившийся в Архиве внешней политики Российской империи протокол заседания Собрания, призванного представить императрице план по организации обороноспособности российских границ, дает четкие представления о работе его членов, принявших во внимание русско-китайские договорно-правовые акты и опыт государственных деятелей.

Намеченные Собранием меры по укреплению Сибирского края касались как вопросов административного (о необходимости деле-

ния Сибири на две губернии) и социально-экономического характера (о необходимости переселения жителей из отдаленных северных областей в южные), так и военно-организационного (увеличение воинского контингента, усиление его командного состава, направление полевой артиллерии) и оборонительного (построение укреплений вокруг ряда городов и слобод).

Кроме того, участники совещания обсудили ряд мер по улучшению кяхтинского торга для русской стороны. Они состояли в учреждении для российских купцов особой вольной компании для защиты интересов ее членов, уменьшении зависимости русских купцов от китайских, исключении несогласия и вражды в отношениях российских купцов и исключении поводов для жалоб со стороны китайских купцов на отягощение их торга тарифом 1761 г.

Формулировки протокола в отношении китайской стороны имеют миролюбивый характер и выражают надежду на мирное разрешение проблем.

Представленный на апробацию императрицы план по упрочению российских сибирских пограничных территорий и налаживанию кяхтинской торговли был признан ею «на первый случай во всем достаточным» и конфирмован 19 октября 1764 г.

Ключевые слова: Собрание 1764 г., Екатерина II, Сибирь, укрепление Сибирского края, кяхтинская торговля.

Автор: Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

G.I. Sarkisova

On the problems in Russian-Chinese relations in the early 60s of the XVIII century and plans of the Russian government to resolve them

Abstract. The article is devoted to the activities of the Assembly, established on August 12, 1764, by the order of Empress Catherine II “to hear cases relating to the current appeals from the Chinese side”. Since tensions in relations between Russia and China, emerged in the late 50s and early 60s of the 18th century could not be overcome diplomatically (the missions of couriers V.F. Bratishchev (1757) and I.I. Kropotov (1763) to Beijing), it became necessary to ensure the security of the Siberian border zone.

The meeting of the Assembly was called upon to present to the Empress a plan for organizing the defense capability of the Russian borders.

The minutes of this meeting, preserved in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, gives a clear idea of the work of its members, who took into account the Russian-Chinese legal acts and the experience of statesmen.

The measures outlined by the Assembly to strengthen the Siberian Territory concerned both administrative issues (on the need to divide Siberia into two provinces) and socio-economic (on the need to relocate residents from remote northern regions to southern ones). The measures also concerned military organization (increasing the military contingent, strengthening its command staff, the direction of field artillery) as well as defense (the construction of fortifications around a number of cities and settlements).

In addition, the meeting participants discussed a number of measures to improve the Kyakhta trade for the Russian side. They included the establishment of a special free company for Russian merchants to protect their interest and to reduce their dependence on Chinese merchants; to get rid of disagreement and enmity in the relations of Russian merchants and to ensure that Chinese merchants did not complain about the burdening effect of the tariff of 1761 on the trade.

The wording of the minutes of the meeting with respect to the Chinese side is friendly and expresses the hope for a peaceful resolution of the problems.

The plan for strengthening the Russian Siberian border territories and the establishment of the Kyakhta trade, presented for the empress's approval, was recognized by her as a "sufficient starting point" and was endorsed on October 19, 1764.

Keywords: Assembly, minutes of the meeting, Catherine II, Siberia, strengthening, borders, Kyakhta trade.

Author: Galina I. SARKISOVA, Ph.D. (History), Leading Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: sarkisova1954@mail.ru

Конец 50-х — начало 60-х годов XVIII в. в истории русско-китайских отношений ознаменовалось событиями, на несколько лет определившими внешнеполитические позиции двух государств. Напряженность в межгосударственных контактах России с Китаем

возникла из-за предоставления российской стороной убежища ойратскому нойону¹ Амурсане (1722—1757), возглавлявшему антиманьчжурское восстание в Джунгарии² в 1755—1757 гг. Это обстоятельство в значительной степени повлияло на ход переговоров курьера В.Ф. Братищева с китайской стороной в сентябре 1757 г., поскольку полученный Лифаньюанем³ еще до приезда русского курьера в Пекин лист из Правительствующего сената о принятии зенгорских⁴ беженцев в подданство России [Международные отношения..., с. 58—65] привел китайского императора в негодование. В результате России не удалось дипломатическим путем получить согласие китайской стороны на свободное плавание российских судов по реке Амур.

Еще один повод для разногласий двух государств заключался в установке российской стороной деревянных надолбов на участке границы в районе Кяхты⁵ с целью пресечения контрабандной торговли. Цинские власти требовали уничтожения надолбов, расположенных на китайской территории, а также с целью снижения для китайских купцов цен на российские товары — отмены на них пошлин. В результате в 1762 г. китайцы в одностороннем порядке на 6 лет приостановили торг на Кяхте.

Императрица Екатерина II, вступившая на российский престол в 1762 г., намеревалась урегулировать конфликты с Цинской империей путем взаимного обмена посольствами. Она планировала направить в Пекин «знатное посольство» во главе с графом И.Г. Чернышевым (1717 (1726) — 1797). С целью оповещения об этом замысле, а также о вступлении Екатерины II на престол [РКО в XVIII в.,

¹ Старинный монгольский титул.

² Джунгарское ханство (Зенгорское владение) — ойрат-монгольское государство на территории Центральной Азии в XVII—XVIII вв.

³ Лифаньюань (кит.) — центральное учреждение Цинской империи, ведавшее управлением Монголией, Тибетом, а также отношениями с Россией [Русско-китайские отношения (РКО) в XVIII в. Т. 6. С. 401].

⁴ Зенгорцы (зюнгарцы, джунгары) — в русских источниках этноним, заимствованный из монгольских языков и применяемый в отношении населения (ойратов) Джунгарского ханства. Лист из Правительствующего сената был получен 20 мая 1757 г.

⁵ Торговая слобода на реке Кяхте.

с. 260] в китайскую столицу был послан курьером капитан-поручик И.И. Кропотов. Однако к его приезду в Пекин мало что изменилось в отношении Цинской империи к России. Китайская сторона, благосклонно воспринявшая сообщение о предполагаемом русском посольстве, о своем ответила довольно уклончиво: «что до взаимного их посольства в Россию принадлежит, то полагается на счастье будущего здешняго посла. Ежели он столь же щастлив будет получить бодыханову милость, какую получил и он, Кропотов, то можно и о взаимном посольстве надеяться» [РКО в XVIII в., с. 327].

Поскольку дипломатические шаги не дали ожидаемых результатов в решении проблем русско-китайских отношений в начале 60-х годов XVIII в., российскому правительству пришлось изыскивать другие способы преодоления конфликтов.

Для первых лет правления Екатерины II было характерным учреждение специальных Комиссий о коммерции, о церковных имуществах, о воинских уставах и др. Их члены назначались лично императрицей и непосредственно ей подавали свои доклады и проекты [Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г., с. 95]. Со столь же четко определенной направленностью деятельности: «для слушания дел, касающихся до нынешних с китайскою стороныю обращений», императрица Екатерина II указом от 12 августа 1764 г. повелела своим уполномоченным, «собрав все о том потребныя сведения», организовать конференции и представить ей свои соображения по обеспечению безопасности российских границ. Уже 16 августа 1764 г. состоялось первое, а 19 августа — «вторичное» Собрание [АВПРИ. Ф. Сношения России с Китаем, л. 35, 75].

Протокол этого Собрания заверен подписями присутствовавших на нем членов, за исключением отсутствовавшего из-за болезни действительного тайного советника Неплюева¹. Это Н.И. Панин (1718—1783) — граф, русский государственный деятель, наставник великого князя Павла Петровича; граф З.Г. Чернышев (1722—

¹ Неплюев И.И. (1693—1773) — государственный деятель, в 1744—1758 гг. — первый губернатор Оренбургского края, много сделавший для его хозяйственного освоения, укрепления внешних границ. В середине 1764 г. по состоянию здоровья вышел в отставку.

1784) — президент Военной коллегии; А.Н. Вильбоа (1716—1781) — генерал-фельдцейхмейстер русской армии, то есть глава артиллерийского ведомства, член Военной коллегии; граф Э. Миних — действительный тайный советник, член Таможенной комиссии; князь А.М. Голицын (1723—1807) — вице-канцлер и вице-президент Коллегии иностранных дел в 1762—1775 гг.; Г. Веймарн (1718/22—1792) — генерал-поручик, по распоряжению императрицы Екатерины II обследовавший Колывано-Воскресенские заводы и оценивший их состояние; граф А.В. Олсуфьев (1721—1784) — статс-секретарь императрицы.

Работа столь представительного по своему составу Собрания началась с ознакомления с русско-китайскими договорно-правовыми актами, такими, как Буринский трактат об определении государственной границы между Россией и Китаем в районе Халха-Монголии (20 августа 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 2, с. 30—32]; Разменное письмо о демаркации согласно Буринскому договору русско-китайской границы на восток от Кяхты до верховьев реки Аргунь (12 октября 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 3, с. 32—36]; Кяхтинский договор о политических и экономических взаимоотношениях между Россией и Китаем (21 октября 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 5, с. 41—47]; Разменное письмо о демаркации согласно Буринскому договору русско-китайской границы на запад от Кяхты до урочища Шабин Дабага в Западных Саянах (27 октября 1727 г.) [Русско-китайские..., Док. № 6, с. 48—49]; Разменное письмо об избрании на реке Аргунь мест для строительства русской и китайской торговых слобод (17 мая 1728 г.) [Русско-китайские..., Док. № 8, с. 52].

Собрание также ознакомилось с инструкцией, данной императрицей Екатериной II 19 сентября 1763 г. отправленному на Сибирские линии¹ генерал-поручику И.И. Шпрингеру (?—1771), согласно которой надлежало «при устье реки Бахтурмы, в реку Иртыш ниже Усть-Каменогорской крепости в 86 верстах впадающей, завесть крепость и тем воспретить ход из Зайсанга озера по реке Иртышу судам

¹ Российские укрепленные линии на юге Западной Сибири, построенные в разные годы для защиты южных границ от набегов кочевников.

неприятельским» [Международные отношения..., с. 169]. Данное наставление было признано Собранием на тот момент «весъма дос-таточным» «для предосторожности тамошняго края от каких-либо с китайской стороны предприемлемых иногда неприятельских наме-рений» [АВПРИ, л. 76]. Кроме того, сопоставив рапорты гене-рал-поручика И.И. Шпрингера, основанные по большей части на разных слухах, о многочисленном китайском войске на границе с рапортами из других мест, участники заседания пришли к заключе-нию, что «ничего такова разсудительно определить невозможно, чтоб могло представить настоящую важную опасность» [АВПРИ, л. 76 об.]. Тем не менее, Собрание сочло необходимым провести тщательное исследование ситуации в Сибирском крае и наметить меры «для приведения в лучшее состояние той отдаленной области» [АВПРИ, л. 76 об.].

Особо отметив такую характерную черту Сибирской губернии¹, как ее протяженность, члены заседания сделали вывод о необходи-мости ее разделения на две губернии и учреждения губернаторов в двух местах: в Тобольске и Иркутске². В результате такого преобра-зования предполагалось устраниить задержки в своевременной от-правке сибирским губернатором резолюций на получаемые им из отдаленных городов рапорты, что положительно отразилось бы на управлении краем. Улучшению же качества жизни местного насе-ления, повышению эффективности использования им природных ре-сурсов и укреплению пограничной зоны могла способствовать, с точки зрения участников совещания, локализация жителей из даль-них северных областей в селениях, «к полуденной стороне³ на зем-лях для поселенского житья удобнейших» [АВПРИ, л. 77 об.]. С этой целью губернаторам и градоначальникам предписывалось «всякими выгодными и ласковыми способами» привлекать в эти места людей, «сводя их ближе между собою», поскольку «в сем об-

¹ Сибирская губерния (территории Сибири и Приуралья) образована 18 (29) де-кабря 1708 г. Петром I. Губернский город — Тобольск.

² Иркутская губерния была образована по указу императрицы Екатерины II 19 (30) октября 1764 г. При основании делилась на уезды: Иркутский, Нерчинский, Се-ленингский, Илимский.

³ Выражение соответствует южному направлению.

ширном и весьма малолюдном царстве знатная часть народа без всякаго попечения остается разсыпанною в отдаленных северных пределах, провождая жизнь почти скотскую и, наконец, погибая со всем» [АВПРИ, л. 77 об.]. Кроме того, Собрание указало на необходимость замены существовавших правил звериной ловли в том крае, основанных на указе о ежегодном запрещении охоты в стране с 1 марта по 29 июня [ПСЗ, № 11876]. Изданный 10 июля 1763 г. указ «не соответствовал естественным особенностям отдельных регионов и не учитывал экономических и бытовых особенностей населявших Россию народов» [Старцев, с. 152]. По приведенным А.В. Старцевым сведениям из сообщений сибирских губернаторов, «местные народы «не имеют другого пропитания, как только весенним временем налетевших в бесчисленном множестве всяких птиц и по заливным островам зверей бить и тем на год питание себе заготовлять»» [Старцев, с. 152].

Далее для приведения Сибирского края «в безопасное и оборонительное состояние» Собрание наметило ряд мер, связанных с размещением на его территории воинских частей. К уже находившимся в Сибири девяти полкам, согласно протоколу, должны были присоединиться еще два драгунских полка, нахождение которых изначально предполагалось в Казани. Азовскому драгунскому полку предписывалась дислокация в крепости Святого Петра и Павла¹, Ревельскому — в Томске [АВПРИ, л. 81]. Кроме того, одновременно с формированием Селенгинского пехотного полка планировалось ускорить комплектование Томского пехотного полка.

Отправкой в Сибирь полевой артиллерии Собрание рассчитывало решить вопрос с ее нехваткой в крае. Исходя из протокола, одной части полевой артиллерии «с ея лошадьми, припасы и служительми» полагалось расквартироваться в Омске, а другой — в Селенгинске. На отправление обеих частей артиллерии выделялось 10 000 рублей. Из остатка этой суммы предписывалось в каждом назначенному для дислокации месте для содержания артиллерии «под прикрытием» сделать сарай и обнести рвом [АВПРИ, л. 81 об.].

¹ Сторожевое укрепление Тоболо-Ишимской линии.

Помимо укрепления Сибири воинскими частями, Собрание постановило усилить и их командный состав, прикомандировав к имевшемуся генералитetu еще одного генерал-майора. Подходящей кандидатурой для этого был признан генерал-майор В.В. Якоби, который с 1740 г. был комендантом Селенгинска. В соответствии с протоколом, генералитetu предписывалось размещение в пяти населенных пунктах Сибири: «генерал-поручику в Омске или где обстоятельства потребуют, одному генерал-маиору в Петропавловской, другому в Усть-Каменогорске, третьему в Биской¹ крепости, четвертому в Селенгинске» [АВПРИ, л. 81 об.].

Военной коллегии Собрание рекомендовало дать наставление командующему генералитetu о необходимости содержать полки «готовыми к учинению надлежащего отпору». А для этого генералитetu приказывалось неукоснительно выполнять требование о размещении как полков, так и полевой артиллерии скученно, «а не в развальчке по форпостам» [АВПРИ, л. 82].

Собрание определило и конкретные организационные меры по налаживанию на местах воинской службы. Селенгинск предлагалось обнести земляным рвом и сделать небольшое земляное укрепление в месте расположения полевой артиллерии, гарнизон дополнить еще двумя батальонами: один сформировать вновь, а другой перевести из Иркутска. Также Собрание постановило из Селенгинского гарнизона для содержания караулов «посыпать на Кяхту или Кударинскую слободу, в Канской и Удинский острог по одной роте. И в сих трех местах назначенным комендантом быть у селенгинского в команде, а сему у иркутского, которому и всех прочих, назначенных в Иркутской губернии, в своем департаменте иметь и уже не быть в команде у тобольского. И иркутскому коменданту быть обер-коменданту² полковничьяго содержания из воинской суммы и в штате» [АВПРИ, л. 82—82 об.].

Из протокола видно, что члены Собрания при принятии решений учитывали опыт исследователя Сибири и ее бывшего губернато-

¹ Бийская крепость

² Обер-коменданант — обер (*нем.*) — приставка к названиям должностных лиц, по значению своему соответствующая русскому слову «главный».

ра (1757—1763), гидрографа и картографа, сенатора (1763—1766) Ф.И. Соймонова (1682 (по другим сведениям, 1692)—1780). Так, разделяя его мнение относительно преимуществ географического положения Кударинской слободы близ Кяхтинского форпоста на реке Чикой, участники заседания пришли к заключению о необходимости «ту слободу до времяни обнести рвом и полисадами, а по углам зделать редуты земляныя ж со рвом и поставить на них пушки, что тамошними жителями и салдатами зделано быть может в одно лето» [АВПРИ, л. 82 об.—83]. Назначенному в Кяхту коменданту рекомендовалось переехать в эту вновь учрежденную крепость, на постройку в которой комендантовского дома, будок, гауптвахты, рогаток выделялось 3000 рублей. Члены Собрания также предложили ряд мер по привлечению жителей слободы к защите крепости в случае нападения на нее. Командирам вменялось в обязанность переписать тех, кто мог «употребленными быть под ружьем», и назначить каждому место, которое он должен был защищать. В связи с этим в крепость намечалось переслать до 1000 ружей из местных арсеналов и оповестить жителей о необходимости иметь собственное ружье и сумку для патронов, «а дабы они к сему приучены были, поежегодно по однова сводить их на те места, где кому назначено, и чтоб каждой стрелять умел приучать» [АВПРИ, л. 83].

Идея Ф.И. Соймонова о создании еще одного укрепления «близ Онана-реки и деревни Акшинской» из-за наличия здесь удобных мест для прохода неприятеля внутрь границы была также поддержана Собранием, поскольку случаи вторжения противника с той стороны на российскую территорию уже были прежде: в 1756 г. «воровская партия, въехав вовнутрь границы, немалое раззорение причинила» [АВПРИ, л. 83—83 об.]. В связи с этими обстоятельствами в указанном Ф.И. Соймоновым месте (627 верст от Кяхты), вместо постройки крепости, было предложено обнести рвом и палисадником жилище, сделать земляные редуты и поставить на них пушки, назначить туда коменданта и отправить две роты из Селенгинского гарнизона. На строительство в этом месте комендантовского дома, палисада, гауптвахты, рогаток выделялось 3000 рублей [АВПРИ, л. 83 об.].

Члены Собрания вслед за Ф.И. Соймоновым не сочли необходимым создавать укрепления вокруг Нерчинска, имевшего естественную защиту в виде гор. На случай вражеского нападения предлагалось в горах «зделать редуты и в них поставить по две пушки, что всегда к непропущению неприятеля между гор довольною обороною быть может» [АВПРИ. л. 83 об.-84.].

На основании пограничных карт участники заседания пришли к заключению о том, что от реки Аргунь до Кяхты «все границы по большей части окружены горами, которые уже такое укрепление делают, что большим числом войск с тягостью никакой способности войти нет» [АВПРИ, л. 84]. Вследствие этого командирам предписывалось укрепить проходы форпостами и для их безопасности построить небольшие остроги по примеру уже имевшихся на Иртышской и Сибирской линиях. Количество же полков в резерве должно было соответствовать требованию об их скученности и маневренности. Кроме того, рекомендовалось сформировать из «легких войск» партии как для патрулирования и обеспечения безопасности от «воровских набегов», так и быстрого оповещения о вторжении неприятеля и защиты острогов [АВПРИ, л. 84].

Предметом обсуждения членами Собрания стала и финансовая сторона намеченных мероприятий по укреплению обороноспособности Сибирского края. Было заявлено, что для содержания жалованьем, провиантом и прочим одного карабинерного, двух пехотных полков и одного пограничного батальона, а также одного обер-команданта и двух комендантов ежегодно потребуется 167 909 рублей 51 копейка. В связи с этим предлагалось с будущего года подушный оклад вновь прибывших причислять к военной сумме, «из которой сии, как и прочия войска,держаны будут» [АВПРИ, л. 84 об.]. А вот с денежным обеспечением на учреждение трех полков возникли проблемы, связанные с тем, что определенная именным указом Кольвано-Воскресенским заводам для этого сумма в 250 000 рублей не могла быть ими выплачена полностью из-за затруднений, обусловленных чеканкой из кольванской меди с 5 декабря 1763 г. медной монеты исключительно для обращения в Сибири. Завод был в состоянии отпустить только 80 000 рублей. За советом для изыскания каких-либо других государственных источников финансирования

ния, способных увеличить выделенную заводом сумму хотя бы еще на 100 000 рублей, Собрание решило обратиться к генерал-квартирмейстеру¹ князю А.А. Вяземскому как исполнявшему должность генерал-прокурора². Полученные деньги предполагалось потратить следующим образом: «на отправление артиллерии 10 000 рублей, да на построение вышеобъявленных комендантских домов и прочего 6000 рублей, а достальныя в учреждение того баталиону и полков и для их отправления» [АВПРИ, л. 84 об.-85].

Завершая обсуждение планов по укреплению обороноспособности Сибирского края, Собрание «напоследок» пришло к следующему заключению: «хотя по произшедшему с некотораго времяни с китайцами несогласию и оказываемой ими доныне грубости и чрезмерной гордости и были деланы от них некоторыя покушения, клонящаяся к огорчению здешней стороны в той иногда надежде, что сибирские границы обнажены и без всякой почти защиты находятся, но чтоб они действительно отважились с Россиею войну начать, того по многим для них неудобностям нечаятельно» [АВПРИ, л. 85]. Однако было признано, что предусмотренные на заседании действия для защиты границ от «всяких нечаянных случаев» были не только необходимы, но и должны осуществляться «без огласки», чтобы не привлекать внимание китайцев. Кроме того, желая «меры употребить к прилascанию их до времяни», Собрание сочло возможным удовлетворить неоднократное требование китайской стороны о назначении на место генерал-майора и селенгинского коменданта В.В. Якоби другого человека, остановив свой выбор на кандидатуре генерал-поручика И.И. Шпрингера. По решению Собрания, генерал-поручику следовало направить императорский указ с предписанием, «чтоб он письменно отзывался к китайским пограничным управителям о своем к пограничной команде определении, и что ему

¹ Генерал-квартирмейстер — одна из высших штабных должностей. В его обязанности входило обеспечение тыловой инфраструктуры, мобилизационной готовности войск и их боевой подготовки.

² Вяземский Александр Алексеевич (1727—1793) — генерал-прокурор Сената с февраля 1764 г., следил за расходованием казенных средств, пользовался полным доверием императрицы Екатерины II и в течение почти 29 лет удерживал высший прокурорский пост.

от ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА имяни поручено имеющейся между Российской империей и Китайским государством вечного мира трактат и пограничное спокойствие наблюдать» [АВПРИ, л. 85 об.]. Помимо этого, И.И. Шпрингер должен был уведомить китайскую сторону и о стремлении императорского двора к решению накопившихся проблем путем переговоров и немедленном направлении для этого российских комиссаров в случае обоюдного назначения таковых цинскими властями.

С точки зрения участников совещания, определение И.И. Шпрингера командиром на границу могло создать позитивное настроение у китайцев и способствовать решению некоторых пограничных проблем («может быть, и торг по-прежнему на Кяхте возстановят, да и спокойными на некоторое время останутся») [АВПРИ, л. 86 об.].

Вопрос о возобновлении кяхтинской торговли обсуждался Собранием прежде проблем, связанных с Сибирью. Китайцы приостановили торг на Кяхте, поскольку считали, что Россия более заинтересована в нем, чем они. К моменту обдумывания Собранием способов восстановления кяхтинской торговли, по доношениям селенгинского коменданта генерал-майора В.В. Якоби, китайцы «уже забавили своей спеси» и начали приезжать в Кяхту с товарами [АВПРИ, л. 78]. Тем не менее, участники совещания обсудили ряд мер по улучшению кяхтинского торга для русской стороны. Они состояли в учреждении для российских купцов особой вольной компании, в которую мог вступить любой желающий и которая была бы призвана защищать интересы своих членов. Для объединения купечества, по заключению Собрания, требовалось немало времени и преодоление определенных трудностей, поэтому, помимо основания компании, представлялось еще необходимым уменьшить зависимость русских купцов от китайских; исключить несогласия и вражду в отношениях российских купцов; исключить поводы для жалоб со стороны китайских купцов на отягочение их торга тарифом 1761 г.: «якобы к предосуждению их торгу сим тарифом товары как российские, так и китайские отягощены чрезвычайными пошлинами» [АВПРИ, л. 80].

Реализация этих планов, по мнению членов Собрания, была возможна при соблюдении следующих условий.

Позволить всякому российскому купцу участвовать в торге, приезжая не сразу в Кяхту, а останавливаясь в Селенгинске.

Из числа собравшихся в Селенгинске купцов выбирать 3—4 директоров или маклеров, которых «обязывать присягами о верном управлении поручаемаго им общаго интереса в продаже, покупке и мене товаров с китайцами так, как и о неутайке пошлин за отвозныя и привозныя товары» [АВПРИ, л. 79 об.]. Также им вменялось в обязанность получать от купцов точные сведения о привезенном товаре и предполагаемых на него ценах.

Запретить купцам в Кяхте вступать в прямые торговые отношения с китайцами с предупреждением о штрафовании их 50 процентами в пользу других участников торга и полном исключении из него. Право на «разменивание» товара по учрежденной цене имел только выбранный директор.

Ввозить в Кяхту только часть (например, половину) товаров, оставив остальные в Селенгинске до продажи первой части, с целью предупреждения конкуренции для бедных купцов со стороны богатых, привозивших обычно большое количество товаров [АВПРИ, л. 79 об.-80].

Вопрос о тарифе 1761 г., по мнению членов Собрания, предстояло решить Комиссии о коммерции¹. Тем не менее, свое отношение к этой задаче они выразили следующим образом: уменьшить тариф сибирский и «освободить, ежели не вовсе, то по малой мере некоторою частию от налогу 13-ти процентов, называемаго внутренней пошлиною, всякое российское продаваемое китайцам произрашение. Тем наипаче, что для разных сортов мягкой рухляди нет лутче вывозу, как с той стороны» [АВПРИ, л. 80 об.].

Устранение вызывавшей недовольство китайцев проблемы, связанной с взиманием Кяхтинской таможней пошлин с российских товаров, Собрание предложило осуществить перемещением таможни из Кяхты в Селенгинск для сокрытия от китайцев сведений о ко-

¹ Из трех Комиссий о коммерции (1-я — 1727—1729; 2-я — 1760—1762; 3-я — 1763—1796) последняя была учреждена по распоряжению императрицы Екатерины II и находилась в ее ведении.

личестве российских товаров и сохранения пошлинного сбору [АВПРИ, л. 80 об.].

В завершении обсуждения вопросов коммерции члены Собрания указали на необходимость создания благоприятных условий для ее успешного развития: учреждения достаточного числа почт («для скорейшаго отправления») и заведения судов, «кои бы по Байкалу-озеру безопасно и надежно употребляемы быть могли для перевозу товаров и людей» [АВПРИ, л. 80 об.].

Таким образом, намеченные Собранием меры по укреплению Сибирского края касались как вопросов административного и социально-экономического характера, так и военно-организационного и оборонительного. Формулировки протокола в отношении китайской стороны имеют миролюбивый характер и выражают надежду на мирное разрешение проблем.

Представленный на аprobацию императрицы план по упрочению российских сибирских пограничных территорий и налаживанию кяхтинской торговли был признан ею «на первой случай во всем достаточным» и конфирмован 19 октября 1764 г. [АВПРИ, л. 118 об.].

Библиографический список

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Китаем». Оп. 62/2. 1763—1768. Д. 10. Л. 35—36, 75—86 об., 117—122 об.

Голикова Н.Б., Кислягина Л.Г. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII века. М.: МГУ, 1987. Ч. 2. 408 с. С. 44—108.

Международные отношения в Центральной Азии. XVII—XVIII вв. Документы и материалы. М.: Наука, 1989. Кн. 2. Док. № 166.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). СПб., 1830. Т. 16. № 11876.

Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689—1916. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Док. № 2, 3, 5, 6, 8.

Русско-китайские отношения в XVIII в. 1752—1765. Документы и материалы (РКО в XVIII в.). М.: Памятники исторической мысли, 2011. Т. VI. Док. № 68, 118, 151.

Старцев А.В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVIII—начале XX в. С. 152 // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152—156).

References

Arhiv vneshey politici Rossiyscoy imperii (AVPRI) [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRI)]. *Fond “Snosheniya Rossii s Kitaem” [Fund “Russian Relations with China”]*, Op. (Inventory) 62/2, 1763—1768, D. (File) 10, L. (p.) 35—36, 75—86 ob. (with reverse side), 117—122 ob. (with reverse side).

Golikova, N.B; Kislyagina, L.G. (1987) Sistema gosudarstvennogo upravleniya [The system of public administration], *Ocherki russkoy kul'tury XVIII veka [Essays on Russian culture of the XVIIIth century]*, Moscow: MGU (Moscow State University), Iss. 2: 44—108. (In Russian).

Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noy Azii. XVII—XVIII vv. Dokumenty i materialy, M.: Nauka, 1989, Kn. 2, Dok. no 166. [International relations in Central Asia. XVII — XVIII centuries. Documents and materials], Moscow: Nauka PH, 1989, Book. 2, Doc. no 166. (In Russian).

Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). SPb., 1830, T. 16., no 11876: 310 [Complete collection of laws of the Russian Empire (CCL)], *St. Petersburg*: vol. 16 (11876), 310 p. (In Russian).

Russko-kitayskiye dogovorno-pravovye akty. 1689—1916. M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2004, Dok. no 2, 3, 5, 6, 8 [Russian-Chinese contractual and legal acts. 1689—1916], *Moscow: Monuments of Historical Thought*, 2004, Doc. no 2, 3, 5, 6, 8. (In Russian).

Russko-kitayskiye otnosheniya v XVIII v. 1752—1765. Dokumenty i materialy (RKO v XVIII v.), M.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011, T. VI, Dok. no 68, 118, 151. [Russian-Chinese relations in the XVIIIth century. 1752—1765. Documents and materials (RCK in the XVIIIth century)]. *Moscow: Monuments of Historical Thought PH, 2011*, Vol. V, Doc. no 68: 118, 151. (In Russian).

Startsev, A.V. (2015). Gosudarstvennoye regulirovaniye okhotnich'yego promysla v Rossii v XVIII—nachale XX v. [State regulation of hunting in Russia in the XVIII-th — early XX-th centuries], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University]*, Tomsk, no. 400: 152—156. (In Russian).

DOI: 10.24412/2618-6888-2021-26-449-463

В.Г. Шаронова

ВКЛАД ГЕНЕРАЛЬНОГО КОНСУЛА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕКИНЕ Н.Ф. КОЛЕСОВА В УКРЕПЛЕНИЕ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. В статье подробно рассказывается о деятельности царского дипломата Н.Ф. Колесова (1867—1925), внесшего большой вклад в развитие и укрепление российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. Являясь выпускником Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, в 1890 г. Н. Колесов был зачислен на службу в Министерство иностранных дел. С 1891 по 1917 г. он являлся сотрудником дипломатической миссии императорской России в Пекине, пройдя путь от студента Миссии до генерального консула. Благодаря блестящему знанию китайского языка, Николай Колесов в качестве драгомана был направлен на арендованный Российской империей у Цинского Китая Ляодунский полуостров для организации там русского присутствия и ведения переговоров с китайской стороной. Во время боксерского восстания Н.Ф. Колесов принимал участие в охране российской Миссии в Пекине и не раз подвергал свою жизнь опасности, обеспечивая безопасность своих коллег. Особую роль Николай Федорович сыграл в укреплении российско-китайских отношений после назначения на должность генерального консула, которую он занимал

в 1902—1917 гг. Н.Ф. Колесов уделял большое внимание наставничеству, воспитав плеяду выдающихся дипломатов, таких как А.Т. Бельченко, Х.П. Кристи, И.С. Бруннерт, В.В. Гагельстром и др. После революции Н.Ф. Колесов, продолжая заниматься изучением китайского языка, совместно с И.С. Бруннертом в 1923 г. издал «Китайско-русский словарь юридических и политических терминов». С 1924 г. он служил секретарем-драгоманом в мексиканской дипломатической миссии. Однако внезапная болезнь стала причиной его кончины. Имя выдающегося дипломата Н.Ф. Колесова было надолго забыто на его родине. В настоящее время благодаря оставленному им научному наследию, а также массиву архивных документов, стал известен тот вклад, который внес в развитие российско-китайских отношений в конце XIX — начале XX вв. генеральный консул Российской императорской Миссии в Пекине Николай Федорович Колесов.

Ключевые слова: Николай Федорович Колесов, Миссия в Пекине, российско-китайские отношения, императорская Россия, Министерство иностранных дел, генеральный консул, драгоман.

Автор: Шаронова Виктория Геннадьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучений новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН; ведущий научный сотрудник Центра изучения истории территорий и населения России Института Российской истории РАН. E-mail: vsharonova@mail.ru

V.G. Sharonova

The contribution of the Consul General of the Russian Empire in Peking N.F. Kolesov to the strengthening of Russian-Chinese relations in the late XIX — early XX centuries

Abstract. The article gives detailed description of the activities of the tsarist diplomat N.F. Kolesov (1867—1925), who made a great contribution to the development and strengthening of Russian-Chinese relations in the late 19th — early 20th centuries. Being the graduate of the Oriental Faculty of St. Petersburg University, N. Kolesov was enrolled in the Ministry of Foreign Affairs in 1890. From 1891 to 1917, he was a member of the Imperial Russian Diplomatic Mission to Beijing, rising from a student to the Consul General. Due to the brilliant knowledge of the Chinese language, Nikolai Kolesov, as a dragoman, was sent to the Liaodong Peninsula which was leased by the Russian Empire from the Qing China

to organize the Russian presence there and negotiate with the Chinese side. During the boxer uprising N.F. Kolesov took part in the protection of the Russian Mission to Beijing and more than once put his life in danger, ensuring the safety of his colleagues. Nikolai Fedorovich played a special role in strengthening Russian-Chinese relations after being appointed to the post of the Consul General — the post he held in 1902—1917. N.F. Kolesov paid great attention to tutorship, educating a constellation of outstanding diplomats, such as A.T. Belchenko, H.P. Christie, I.S. Brunnert, V.V. Gagelstrom and others. After the revolution, N.F. Kolesov continued to study the Chinese language, in 1923 he published together with I.S. Brunnert the “Chinese-Russian Dictionary of Legal and Political Terms.” From 1923 he served as a dragoman secretary of the Mexican diplomatic mission. However, a sudden illness led him to death. The name of the outstanding diplomat N.F. Kolesov was forgotten in his homeland for a long time. Nowadays, thanks to the scientific heritage that he left, as well as to many archival documents, the contribution that the Consul General of the Russian Imperial Mission to Peking Nikolai Fedorovich Kolesov made to the development of Russian-Chinese relations in the late XIX — early XX centuries has become known.

Keywords: Nikolai Fedorovich Kolesov, Mission in Peking, diplomat, Russian-Chinese relations, Imperial Russia, Ministry of Foreign Affairs, Consul General, dragoman.

Author: Victoria G. SHARONOVA, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: vsharonova@mail.ru

Известный российский дипломат, являющийся одним из лучших синологов дореволюционной России, Николай Федорович Колесов родился 11 июля 1867 г. в г. Санкт-Петербурге в купеческой семье. В его метрическом свидетельстве было указано: «Сим свидетельствуем, что города Санкт-Петербурга, Казанского Собора в метрической книге о родившихся за 1867 г. в первой части в статье мужского пола под № 143 значится: Царскосельского купца Федора Ивановича Колесова и жены его Марии Тимофеевой, первоначальный и православный сын Николай, родился 11 и крещен 17 июля 1867 г. Восприемниками были: Царскосельский купец 2-й гильдии Павел Григорьевич Малоземов и купчиха вдова Надежда Антоновна Гри-

горьева. СПБ, третьего дня, 1869 г. Казанского Собора протоиерей Федор Сидонский» [ЦГИА, 1885, л. 5]. Через год в семье Колесовых родилась дочь Надежда.

В августе 1872 г. Николай Колесов поступил в первый класс немецкого Реформатского училища, находящегося на Мойке, 38. Во время обучения он показал блестящие результаты в области изучения иностранных языков и гуманитарных наук и имел наивысшие оценки по этим предметам. Хуже всего ему давалась геометрия и другие математические науки. Судя по полученным в аттестате оценкам и записям, о том, что «поведение его было отлично, исправность в посещении и приготовлении уроков очень усердная, прилежание отличное, а любознательность к предметам постоянная» [ЦГИА, 1885, л.3—4.], Николай Колесов успешно окончил гимназию, удостоившись похвалы директора и преподавательского состава. К этому времени он свободно говорил на французском и немецком языках.

В начале июля 1885 г. перед выпускником встал выбор высшего учебного заведения. Федор Иванович, видевший в сыне помощника в своих купеческих дела, настоял на том, чтобы сын поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Не смея ослушаться, Николай подает написанное каллиграфическим подчерком прошение на имя ректора университета о зачислении его на первый курс данного факультета. Это прошение было удовлетворено, и он был принят в число студентов. Однако желание студента было другим, поскольку он мечтал поступить на Восточный факультет, где изучались иностранные языки. После вмешательства крестного, Павла Григорьевича Малоземова, отец пересмотрел свое решение и позволил сыну поступить по-своему. Новое прошение было написано второпях, как будто бы его податель боялся, что мнение родителя изменится. Просьба купеческого сына Колесова также было удовлетворена, и он стал студентом факультета по китайско-монголо-маньчжурскому разряду.

Университетская жизнь увлекла молодого студента, который с головой погрузился в изучение наук. Его сразу отметил преподаватель китайского и маньчжурского языков профессор В.П. Васильев, ставший в 1873 г. деканом факультета. Одаренность и усердие Нико-

лая Колесова было не раз отмечено и другими преподавателями: приват-доцентом С.М. Георгиевским и А.О. Ивановским. Из восточных языков он также изучал монгольский язык и калмыцкое наречие на занятиях профессора К.Ф. Голстунского, который не только преподавал, но и служил переводчиком в Азиатском департаменте императорского МИДа. Дополнительно студент Колесов учил японский язык. Большой интерес Николай проявлял к истории Китая и его духовной культуре.

В 1889 г. выпускник Николай Колесов успешно прошел «испытательную комиссию по китайскому языку, истории китайской литературы, монгольскому языку, истории монгольской литературы, калмыцкому языку, маньчжурскому языку, истории маньчжурской литературы, истории Востока, международного права — весьма удовлетворительно; по спецкурсу истории Северо-Восточной части Средней Азии, русскому государственному праву, политической экономии — удовлетворительно; написал работу на тему «Новое конфуцианство» — весьма удовлетворительно и письменную работу «О христианстве в Средней Азии», получив серебряную медаль. Удостоен Диплома первой степени. Председатель испытательной комиссии: В. Васильев, секретарь: Д. Позднеев» [АВПРИ, 1890, л. 151].

Получив диплом, Николай Федорович успешно выдержал дипломатический экзамен и 18 декабря 1889 г. поступил на работу в Министерство иностранных дел. Полтора года он состоял сверхштатным чиновником Азиатского департамента, после чего, 1 июня 1891 г., был направлен сверхштатным студентом в дипломатическую Миссию в Пекине. В своем письме, на имя посланника К.В. Клейменова, директор Азиатского департамента граф Д.А. Капнист дал самые благожелательные характеристики молодому дипломату: «Г-н Колесов отличается замечательным усердием по службе. Рекомендую г-на Колесова благосклонному вниманию Вашему. Надеюсь, что Вы найдете в нем усердного и полезного чиновника» [АВПРИ, 1891—1905, л. 2—3].

В ответном письме Константин Васильевич Клейменов сообщил, что коллежский секретарь Николай Колесов благополучно прибыл в Пекин в середине августа 1891 г. и приступил к своим служебным обязанностям.

Дипломатическое представительство императорской России располагалось в посольском квартале на улице Дунцзяомынся. Сотрудники Миссии жили в небольших квартирах, находящихся в расположенных на ее территории китайских фанзах. Николай Колесов занял одну из них, в которой было всего две комнаты. В одной из комнат он устроил кабинет с библиотекой. Любовь к книгам передалась ему от отца, который долгое время служил управляющим в книжном магазине «Новое время» А.С. Суворина на Невском проспекте, 40 и постоянно дарил сыну различные издания.

Одновременно молодой дипломат увлеченно изучает буддизм, который его очень интересовал. Полученные им знания были настолько глубоки, что в Азиатском обществе в Пекине он блестяще прочел лекцию, посвященную буддизму, на французском языке.

Посланника К.В. Клейменова на высоком посту сменил граф Артур Павлович Кассини, обладавший авторитарным жестким характером и требовавший от сотрудников немедленного исполнения всех его поручений. Николай Колесов старался проявить себя с самой лучшей стороны, никогда не перечил начальству и соглашался со всеми замечаниями в свой адрес.

В 1894 г. служебные обстоятельства сложились таким образом, что с отъездом первого и второго драгоманов Миссии ему пришлось выполнять их обязанности в статусе студента, не имея за это никакой оплаты. В связи с этим посланник граф Кассини направил директору Первого департамента МИД графу Д.А. Капнисту докладную с ходатайством следующего содержания: «1 декабря 1894 года...<...>... С отъездом из Пекина второго драгомана Шуйского, отправившегося в разрешенный ему отпуск по болезни, во вверенной мне Миссии не остается ни первого, ни второго драгомана. Как того, так и другого заменяет сейчас в Миссии Студент Миссии, титулярный советник Колесов, сделавший, благодаря своим неутомимым занятиям, особенно за последний год, настолько больше успехов в китайском языке, что может весьма удовлетворительно исполнять драгоманские обязанности в нынешнее исключительное время, когда вследствие не замещения, почти всех штатных должностей вверенной мне Миссии и общего значительного увеличения переписки, Студентов Миссии поневоле приходится отрывать от занятий китайским языком

для канцелярской работы. Ввиду этого, я считаю своим долгом, убедительно просить Ваше Сиятельство, не найдете ли возможным устроить, чтобы Студенту Миссии Колесову за исполнение им обязанностей Драгомана, в продолжении отсутствия последнего, назначено было прибавочное содержание в размере *одной трети жалования второго драгомана*. Такое поощрение трудов этого усердного молодого чиновника представляется крайне желательным и вполне справедливым, тем более, что Г. Колесов фактически исполнял должность Драгомана уже в течение последних месяцев до отъезда Г. Шуйского, когда последний лишен был возможности нести служебные обязанности. Граф Кассини» [АВПРИ, 1891—1905, л. 3—4].

В своих воспоминаниях известный дипломат А. Т. Бельченко писал о Н. Ф. Колесове: «При всем своем достоинстве, при всех своих обширных знаниях Николай Федорович не имел твердости характера, не смел отстаивать своего мнения, хотя он и был прав, а потому не мог пользоваться своим положением, которое он занимал, и авторитетом, который он должен был иметь... <...>... Он был слишком скромен перед глазами начальства, которое было для его солнцем, которое его грело и, в котором он видел опору на что он неоднократно указывал мне» [Бельченко, с. 8].

Наконец, спустя два года, в мае 1896 г. вновь возник вопрос об исполнении студентом Миссии дополнительных обязанностей и в адрес МИДа была направлена секретная телеграмма: «Ввиду невозможности рассчитывать на возвращение в Пекин, считающегося номинально вторым драгоманом Миссии Шуйского, и, так как возвращение его едва ли желательно, ввиду признаваемого им самим недостаточного знания китайского языка, препятствующему ему исполнять обязанности драгомана, убедительно ходатайству о скончавшем утверждении вторым драгоманом студента Миссии Колесова, который в течение почти двухлетнего отсутствия Шуйского исполнял обязанности драгомана, и, который при основательном знании китайского языка, своим трудолюбием, оказанным Миссии, действительными заслугами безусловно, заслужил это справедливое поощрение» [АВПРИ, 1891—1905, л. 5]. В 1897 г. долгожданное назначение состоялось и Николай Колесов получил заслуженное повышение.

В эти годы наблюдалось расширение российско-китайских отношений. Одним из инициаторов этого процесса был Ли Хунчжан, известный китайский политик, считавший Россию надежным союзником в противостоянии Японии. В мае 1896 г. он прибыл в Москву для участия в церемонии коронации императора Николая II. Российская сторона, заинтересованная в развитии своей политики на Дальнем Востоке, приняла высокого гостя с большими почестями. После завершения праздничных торжеств 3 июня 1896 г. между двумя странами был подписан договор о строительстве Китайской Восточной железной дороги. Одним из результатов этого сотрудничества стало строительство города Харбин.

Следующим пунктом, касающимся военного сотрудничества, было подписание 15/27 марта 1898 г. конвенции об аренде портов Люйшунькоу (Порт-Артур) и Дальний, находящихся в Маньчжурии на южной оконечности Ляодунского полуострова. Оба этих порта имели важное стратегическое значение для России. Арендованная территория получила название Гуаньдунской или Квантунской области.

Договор, согласно которому Россия получала Квантун в безвозмездное, полное и исключительное арендное пользование на 25 лет с правом строительства на нем военно-морской базы, торгового порта и железной дороги от основной трассы КВЖД, был оценен в Петербурге как крупный и долгожданный успех. «Соглашению этому мы придаём великое историческое значение, ибо оно несомненно послужит к вящему скреплению дружественных уз, искони веков существовавших между нашими обширными империями, и так явно соответствует интересам обоих государств», — приветствовал своей телеграммой китайского боярхана русский царь Николай II [Лукянов И.В., Павлов Д.Б., с. 13—14].

Произошедшие во внешней политике перемены отразились и на дипломатической карьере Н.Ф. Колесова. Вернувшись из отпуска, он был командирован исполняющим должность поверенного в делах А.И. Павловым в эскадру контр-адмирала Ф.В. Дубасована Ляодунском полуострове. Прибыв на место службы, дипломат Колесов с присущей ему ответственностью приступил к выполнению возложенных на него многочисленных обязанностей как дипломатиче-

ского чиновника, так и переводчика. Практически все сношения с китайскими властями проходили через его руки. По сути, Николай Федорович являлся первым организатором государственной гражданской жизни России на данной территории. Одним из важных направлений его деятельности стало участие вместе с военным агентом в Китае К.И. Богаком в разграничительной комиссии по определению границ вновь арендованной территории.

Докладывая о служебных обязанностях Н.Ф. Колесова, «Командующий войсками Приамурского Военного Округа отзывом от 27 ноября уведомляет, что второй драгоман нашей миссии в Пекине коллежский асессор Колесов, командированный в распоряжение наших властей на Квантуне, до прибытия подполковника Ку-коль-Яннопольского, заведовал Окружным гражданским управлением, ныне же продолжает нести обязанности чиновника при Начальнике полуострова для сношения с Китайскими властями, состоя вместе с тем экспертом по всем сношениям с местным китайским населением. Работы, сопряженные с сим, имеет весьма серьезный характер, в особенности, же, обширные занятия по предстоящему сбору податей, основанному на грудах документов, писанных по-китайски» [АВПРИ, 1891—1905, л. 6].

На Пасху 1898 г. за «беспримерно ревностное отношение к возложенным на него обязанностям» по ходатайству Дубасова Н.Ф. Колесов был награжден орденом Св. Станислава II ст. [Лукоянов И.В., Павлов Д.Б., с. 80].

В начале 1899 г. Николай Федорович вернулся в Миссию в Пекине на должность 2-го драгомана. Ему прочили место консула в Тяньцзине, однако Министерство иностранных дел не одобрило этого назначения. Ставясь скрыть свое разочарование в данном отказе, он стал злоупотреблять крепкими напитками и страдать запоями. Спасением от этого порока стало наставничество для вновь прибывших в Миссию новых студентов. Николаю Федоровичу было поручено вести занятия по китайскому языку и следить за прохождением учебы будущих дипломатов. Одним из них был Андрей Терентьевич Бельченко, ставший не только учеником, но и близким другом своего учителя.

В то время в составе Миссии находились 1-й секретарь российской миссии в Пекине Крупенский Василий Николаевич, вернув-

шийся в 1913 г. на должность посланника (до 1916 г.), и Павел Степанович Попов, занимавший должность первого драгомана. Летом 1899 г. почти все сотрудники Миссии, в том числе посланник Михаил Николаевич Гирс с семьей, выехали за переделы жаркого Пекина.

Николай Федорович и два его подопечных — студенты А.Т. Бельченко и Х.П. Кристи остались в загранпредставительстве «за главных». В то время им приходилось брать на себя не только деловую переписку и различные дела Миссии, но и участвовать во всех протокольных мероприятиях. Одним из самых запоминающихся стали для них обеды с драгоманом китайского МИДа маньчжуром Сань Иньту, который впоследствии был назначен посланником в Санкт-Петербурге. На этих дружеских встречах Н.Ф. Колесов выступал в роли арбитра для практикующихся в китайском языке Бельченко и Кристи и изучавшего русский язык китайского дипломата. Его советы были для всех троих весьма полезными.

В январе русская колония в Пекине встретила 1900 год. Еще ничего не предвещало надвигавшейся катастрофы, связанной с начавшимися выступлениями боксеров (ихэтуаней), несогласных с иностранным вмешательством в политику Китая. Особо драматические события произошли в Пекине в период с мая по июль 1900 г., когда восстание достигло пика и город пыхал в пожарах.

Дипломатический квартал подвергался постоянным нападениям со стороны восставших, угрожавших иностранцам, и многие из которых погибли. Н.Ф. Колесов оставался на территории Миссии и наравне с другими ее членами переживал осаду Пекина, участвуя в обороне и защищая от разгрома российское диппредставительство. Достаточно подробно о несении им обязанностей, связанных с огромным риском, рассказал на страницах своей книги врач Миссии В.В. Корсаков: «...Чтобы окончательно рассеять тревожное настроение общества, барон Раден, Н.Ф. Колесов и я обошли по улицам вокруг всего посольства и встретили повсюду необычайную тишину»¹; «...Решено было на ночь удвоить посты, а самим нам обойти все остальные дома и Монгольскую площадь. Во время обхода в одном пустом доме, стена которого была смежною со стеною нашей ко-

¹ 29 мая 1900 г.

нююши, Н.Ф. Колесов и А.В. Бородавкин нашли докрасна раскаленную китайскую переносную печку, приставленную к самой стенке. Была очевидна цель вызвать пожар¹; «....самым опасным и ответственным пунктом был сад Фу, открытый для нападений и со стены императорского города, и с прилежащих улиц. Все усилия китайцев были постоянно направлены, чтобы овладеть этой позицией...<...>.....Когда я и Н.Ф. Колесов были в саду Фу и осматривали позиции японцев, то мы были поражены той массой энергии и труда, которая была здесь приложена. Земляные валы, траншеи, баррикады, канавы, все это говорило, что борьба здесь велась каждое мгновение за жизнь²» [Корсаков В.В., с. 185, 209, 254].

Только к августу удалось подавить восстание в столице путем ввода в нее иностранных войск, в том числе русских. За мужество и отвагу, проявленную в эти тревожные дни, наши дипломаты были удостоены русских и иностранных наград. Н.Ф. Колесов был награжден французским орденом Почетного легиона (офицерского креста), итальянским орденом Св. Маврикия и Лазаря (кавалерского креста), прусским орденом Красного орла, японского ордена Восходящего солнца 5-й степени и др.

В апреле 1902 г. Николай Федорович после отъезда П.С. Попова получает место 1-го драгомана Миссии, а его ученик Андрей Бельченко — должность 2-го драгомана. Одним из основных вопросов, которыми занимался 1-й драгоман, была работа, связанная с расширением русской торговли в китайских портах.

В следующем году, ввиду заслуг Н.Ф. Колесова на Ляодунском полуострове, а также имевшегося у него значительного опыта по ведению русско-китайских дел и переговоров, он был назначен генеральным консулом Миссии.

В течение русско-японской войны Николай Федорович был связан служебными делами с великим князем Александром Михайловичем Романовым, состоящим в Особом комитете по усилению военного флота на добровольные пожертвования и отвечающим за подготовку и действия вспомогательных крейсеров из пароходов Добровольного

¹ 3 июня 1900 г.

² 19 июня 1900 г.

флота на вражеских коммуникациях. Находясь в отпуске в России, Колесов обратился к августейшей особе с просьбой походатайствовать о назначении его в одну из европейских стран на самостоятельную должность.

В 1905 г. в адрес министра иностранных дел графа Ламздорфа пришло письмо от великого князя Александра Михайловича с просьбой о переводе Н.Ф. Колесова: «Зная лично с лучшей стороны Н.Ф. Колесова, первого драгомана и Генерального консула в Пекине и, входя в тяжелое положение этого прекрасного работника, несущего уже 15 лет службу в Китае, причем ныне здоровье его, вследствие огнестрельного поранения головы, совершенно расстроено, обращаюсь к Вашему Сиятельству с просьбой назначить Колесова, при представляющейся к тому возможности, Консулом в один из городов юга Европы, как-то: Италия, Испания, Юга Франции или Швейцарии. Прошу о вашем решении мне сообщить Глубоко Вас уважающий, Александр Михайлович.4 июля 1905 [АВПРИ, 1891—1905, л.13].

В ответ на письмо великого князя граф Ламздорф ответил, что служебные дела не позволяют перевести Н.Ф. Колесова из Китая в другую страну: «...Я могу лишь с полной похвалой отозваться о нем, как о прекрасном работнике и знатоке местных дел» [АВПРИ, 1891—1905, л. 16—17]. Далее граф заверил великого князя в том, что и в Китае заслуги Н.Ф. Колесова всем хорошо известны и здесь он также успешно будет продвигаться по службе.

Узнав об этой переписке, Николай Федорович решил оставить дальнейшие надежды на отъезд из Китая и продолжил службу здесь, являясь одним из главных советников по российско-китайским отношениям. В это же время он вернулся к педагогической деятельности, взял шефство над новыми студентами Миссии В.В. Гагельстромом и И.С. Бруннертом. Этим молодым дипломатам, глубоко увлеченным изучением особенностей китайского языка, Николай Федорович с радостью передавал свои знания и записи, помогая им в подготовке к изданию блестящего труда «Современная политическая организация Китая». В предисловии к этому труду авторы писали «драгоценное содействие в составлении книги оказал нам первый драгоман императорской миссии Николай Федорович Колесов, не только любезно предоставивший в наше распоряжение свои много-

численные рукописные заметки, но даже взявшись на себя тяжелый труд просмотреть до последней строчки все нами написанное и исправить все погрешности, за что мы свидетельствуем ему свою горячую искреннюю признательность» [Бельченко, л. 8].

Произошедшая в России революция 1917 г. очень тяжело сказалась на всем дипломатическом корпусе императорской России в Китае. Для Н.Ф. Колесова это стало большой трагедией, приведшей его к нервному заболеванию. В 1920 г. в Пекин в эмиграцию приехала его младшая сестра Надежда, поселившаяся с ним на территории Миссии. Полученное юридическое образование и огромный опыт практической работы позволили Н.Ф. Колесову заниматься юридической практикой и оказывать переводческие услуги.

В конце 1922 г. Николай Федорович по приглашению И.С. Бруннера приехал в Харбин и короткое время преподавал на Юридическом факультете¹, занимаясь и научной работой. В середине 1923 г. Н.Ф. Колесовым и И.С. Бруннетом был издан «Китайско-русский словарь юридических и политических терминов». Этот труд, основанный главным образом на подлинных законодательных актах, представлял собой попытку дать полный перечень китайских юридических терминов. После выхода книги, имевшей большой успех, Николай Федорович вместе с сестрой вернулись в Пекин, где он получил скромную должность секретаря-драгомана мексиканской дипломатической миссии. Вместе с сестрой он поселился в китайском доме в одном из переулков, примыкающих к Хадамынь. Н.Ф. Колесов прожил в Пекине на территории императорской Миссии с 1891 по 1921 г. Ему было трудно смыкнуться с новым положением и местом жительства. Тем не менее, он был рад вернуться к любимой работе.

В ноябре 1925 г. Николай Федорович заболел воспалением легких и скончался во французском госпитале в дипломатическом квартале.

В некрологе, посвященном памяти своего друга и учителя, бывший российский генеральный консул А.Т. Бельченко писал: «В лице

¹ 1 марта 1920 г. в г. Харбин были открыты «Высшие экономико-юридические курсы», переименованные в 1922 г. в «Юридический факультет».

Николая Федоровича Колесова сошел в могилу один из даровитых чиновников царской Руси — все эти люди были не только бесспорных знаний, но и большой и подлинной культуры, люди, владевшие помимо восточных европейскими языками, люди, владевшие также пером и литературным стилем, отлично оборудованные в вопросах канцелярской рутины, люди долга и редкостного трудолюбия. Таков был Николай Федорович Колесов, и имя его, несомненно, будет вписано на скрижали истории новой воскресшей России» [Бельченко, с. 8].

Библиографический список

Архив внешней политики императорской России (АВПРИ). Ф. «Департамент по личному составу и хозяйственных дел». Оп. 749/1. 1890. Д. 873. Л. 151.

Архив внешней политики императорской России (АВПРИ). Ф. «Китайский стол». Оп. 491. 1891—1905. Д. 1874. Л. 2—4, 13, 16—17.

Бельченко А. Т. Николай Федорович Колесов. Некролог // Слово (Шанхай) 5 ноября 1941 г. С. 8.

Корсаков В. В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. Май—август 1900 г. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1901. С. 185, 209, 254.

Лукоянов И. В., Павлов Д. Б. Порт-Артур и Дальний. 1894—1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сборник документов. М; СПб.: ЦГИ-Принт, 2018.

Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА). Ф. Императорский Петроградский университет. Оп. 3. 1885. Д. № 24950. Л. 3—5.

References

Arhiv vneshej politiki imperatorskoj Rossii (AVPRI) [Archive of the Foreign Policy of Imperial Russia (AFPRI)], *Fond “Departament po lichnomu sostavu i hozyajstvennyh del”* [Fund “Department of Personnel and Economic Affairs”], *Op. (Inventory)*, 749/1, 1890. D. (File). 873, L. (p.) 151. (In Russian).

Arhiv vneshej politiki imperatorskoj Rossii (AVPRI) [Archive of the Foreign Policy of Imperial Russia (AFPRI)], *Fond “Kitajskij stol”* [Fund “Chinese Table”], *Op. (Inventory)* 491, 1891—1905, D. (File). 1874, L. (p.) 2—4, 13, 16—17. (In Russian).

Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv g. Sankt-Peterburga (CGIA) [Central State Historical Archive of St. Petersburg (TsGIA)], *Fond "Imperatorskij Petrogradskij universitet"* [Fund "Imperial Petrograd University"], *Op. (Inventory). 3, 1885, D. (File). 24950, L. (p.) 3—5.* (In Russian).

Belchenko, A.T. (1941). Nikolaj Fedorovich Kolesov. Nekrolog [Nikolai Fedorovich Kolesov. Obituary], *Slovo (Shanghai) [The Word (Shanghai)]*, 5 noyabrya, s. 8 [November 5, p.8]. (In Russian).

Korsakov, V.V. (1901). Pekinskie sobytiya. Lichnye vospominaniya uchastnika ob osade v Pekine. Maj-avgust 1900 goda [Beijing events. Personal memories of the participant about the siege in Beijing. May-August 1900], *Saint Petersburg: Suvorin Publishing House*: 185, 209, 254.

Lukoyanov, I.V.; Pavlov, D.B. (2018). Port-Artur i Dal'nij. 1894—1904 gg.: poslednjij kolonial'nyj proekt Rossijskoj imperii. Sbornik dokumentov [Port Arthur and Dalny. 1894—1904: the last colonial project of the Russian Empire], *Collection of documents, Moscow; Saint Petersburg: CGI-Print*.

Научное издание

**Китай в мировой и региональной политике
История и современность**

Выпуск XXVI

Ежегодное периодическое издание

ISSN 2618-6888

Редактор *Г.П. Манчха*

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*

Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*

Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 18.08.2021.

Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Печ. л. 29,0. Бумага офсетная. Тираж 500 экз. (1-й завод — 150 экз.)

Заказ № 4

Электронная библиотека ИДВ РАН

www.ifes-ras.ru

Почтовый адрес ИДВ РАН

Москва, 117997, Нахимовский пр-т, 32